

ISSN 2219-2085

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТРУДЫ ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный сборник

Основан в 2010 году

Выпуск V

МИНСК
БГУ
2014

Представлены научные статьи ведущих ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета, в которых рассматриваются международные отношения и внешняя политика, международное право, мировые экономические процессы, межкультурная коммуникация.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *В. Г. Шадурский* (главный редактор);

доктор исторических наук, доцент *Л. М. Гайдукевич*;

доктор исторических наук, профессор *А. А. Розанов*;

доктор исторических наук, профессор *В. Е. Снапковский*;

доктор исторических наук, профессор *А. А. Челядинский*;

доктор исторических наук, профессор *А. В. Шарапов*;

кандидат исторических наук, доцент *Г. Н. Михалькевич*;

кандидат исторических наук, доцент *В. А. Острога*;

кандидат исторических наук, доцент *А. В. Русакович*;

кандидат исторических наук *А. В. Селиванов*;

доктор юридических наук, профессор *С. А. Балашенко*;

доктор юридических наук, профессор *Ю. П. Бровка*;

доктор юридических наук, профессор *М. Ф. Чудаков*;

кандидат юридических наук, доцент *Е. В. Бабкина*;

кандидат юридических наук, доцент *А. Е. Вашкевич*;

кандидат юридических наук, доцент *Е. Б. Леанович*;

кандидат юридических наук, доцент *Ю. А. Лепешков*;

доктор экономических наук, доцент *Е. Л. Давыденко*;

доктор экономических наук, профессор *А. В. Данильченко*;

доктор экономических наук, профессор *С. Ю. Солодовников*;

доктор экономических наук, профессор *А. Е. Дайнеко*;

кандидат экономических наук, доцент *Е. А. Семак*;

кандидат экономических наук, доцент *Н. В. Юрова*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Шадурский В. Г.</i> Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого	9
<i>Лазоркина О. И.</i> Некоторые аспекты подготовки дипломатических кадров: история и современность	25
<i>Навоиц Е. В.</i> Белорусско-шведские отношения в политической сфере (1992–2013 гг.).....	29
<i>Острога В. А.</i> Кафедра всеобщей истории Коммунистического университета Белоруссии имени В. И. Ленина. Создание и деятельность в 1920–1930-х гг.	39
<i>Пінькевіч Д. П.</i> Польшка-літоўскія адносіны ў 2004–2013 гг.: асноўныя этапы	42
<i>Русакович А. В.</i> Проблема разработки периодизации отношений Беларуси с Германией в 1990–2000-х гг. в отечественных и зарубежных исследованиях	49
<i>Свилас С. Ф.</i> Советская и современная историография о ЮНЕСКО и деятельности Белорусской ССР в организации (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.)	55
<i>Снапковский В. Е.</i> Историческая политика в Беларуси в период перестройки и парламентской республики (1985–1994 гг.)	62
<i>Тихомиров А. В.</i> Формирование исторического нарратива Великого княжества Литовского в белорусской исторической науке	70
<i>Шарапо А. В.</i> Некоторые аспекты эволюции австрийского ультрарадикализма: истоки, история и современность	76
<i>Шевелева М. В., Кравцова Е. В.</i> Политика Японии на Ближнем Востоке в начале XXI в.	85

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

<i>Бабкина Е. В.</i> Правовое регулирование договоров агентирования и дистрибуции в европейском праве	93
<i>Довгань Е. Ф.</i> Роль международных организаций в урегулировании конфликта в Украине	97
<i>Лепешков Ю. А.</i> Правовые аспекты межгосударственного сотрудничества в сфере охраны и рационального использования водных ресурсов на пространстве СНГ	105
<i>Лукина Л. С.</i> Правовое регулирование национального режима в соглашениях, принятых в рамках ВТО, его толкование при рассмотрении торговых споров.....	115

МИРОВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

<i>Гайдукевич Л. М.</i> Место и роль хостелов в системе организации гостиничного бизнеса.....	122
<i>Гайдукевич Л. М., Дедок В. М.</i> Развитие современного рынка гостиничных услуг: международный опыт и современные тенденции	127
<i>Малашенкова О. Ф., Семиградская Э. А.</i> Анализ эффективности инновационной инфраструктуры стран Единого экономического пространства в контексте международных оценок	135
<i>Мозговая О. С.</i> Формирование поддержки местным населением развития экологического туризма: методика и инструментарий оценки	148

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

<i>Кожарина Т. В., Старовойтова А. В.</i> Общественно-политический дискурс: возможно ли избежать коммуникативных неудач?	155
--	-----

CONTENTS

INTRODUCTION	5
--------------------	---

INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

<i>Shadurski V.</i> Historical Policy in the Republic of Belarus: the Stages of Development and Versions of the Interpretation of the Past	9
<i>Lazorkina V.</i> Some Aspects of the Diplomatic Personnel Training: History and the Present.....	25
<i>Navoschik E.</i> The Belarusian-Swedish Relations in Political Sphere (1992–2013).....	29
<i>Ostroga V.</i> The Department of General History of the Communist University of Byelorussia named after Lenin. establishment and Activities in the 1920–1930s	39
<i>Pinkevich D.</i> Polish-Lithuanian Relations in 2004–2013: the Main Stages	42
<i>Rusakovich A.</i> The Problem of Periodization's Elaboration of Relations between Belarus and Germany in the 1990–2000s in domestic and foreign research	49
<i>Svilas S.</i> Soviet and Modern Historiography on UNESCO and Activities of the Byelorussian SSR within the Organization (the second half of the 1950s – the first half of the 1960s)	55
<i>Snapkovski V.</i> Historical Policy in Belarus during the Period of Perestroika and Parliamentary Republic (1985–1994)	62
<i>Tikhomirov A.</i> Formation of historical narrative of the Grand Duchy of Lithuania in the Belarusian Historical Science	70
<i>Sharapo A.</i> Several Aspects of the Austrian Ultraradicalism Evolution: Origins, History and Contemporaneity	76
<i>Shevelyova M., Kravtsova E.</i> Japan's Policy in the Middle East at the Beginning of the XXI Century	85

INTERNATIONAL PUBLIC, INTERNATIONAL PRIVATE AND EUROPEAN LAW

<i>Babkina E.</i> Legal Regulation of the Contract of Agency Service and Distribution Agreement in the European Law	93
<i>Douhan A.</i> The Role of International Organizations in the Settlement of the Conflict in Ukraine	97
<i>Lepeshkov Y.</i> Legal Aspects of the Interstate Cooperation in the Sphere of Protection and Rational Use of Water Resources on the Commonwealth of Independent States Space	105
<i>Lukina L.</i> Legal Regulation of the National Treatment Regime in WTO Agreements, Its Interpretation in WTO Dispute Settlement	115

WORLD ECONOMIC PROCESS

<i>Gaidukevich L.</i> The Role of Hostels in Hospitality Business	122
<i>Gaidukevich L., Dedok V.</i> Development of Modern Hotel Services Market: International Experience and Modern Tendencies	127
<i>Malashenkova O., Semigradskaya E.</i> Effectiveness Analysis of the Innovation Infrastructure of the Single Economic Space Countries in the Context of International Assessments	135
<i>Mozgovaya O.</i> The Formation of Local Community Support for Ecotourism Development: Methodology and Assessment Techniques.....	148

CROSSCULTURAL COMMUNICATION AND PROFESSION ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TEACHING

<i>Kozharina T., Starovoitova A.</i> Social and Political Discourse: is it Possible to Avoid the Communication Failures?.....	155
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели, вашему вниманию предлагается пятый выпуск сборника научных статей «Труды факультета международных отношений Белорусского государственного университета». В сборнике за эти годы сформировались фундаментальные рубрики: «Международные отношения и внешняя политика», «Международное публичное, международное частное и европейское право», «Мировые экономические процессы». Существенным является и то, что Труды включены в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, юридическим и экономическим наукам.

Но, пожалуй, не менее важен и тот факт, что специалисты в сфере международного права и международных отношений факультета международных отношений БГУ представили свои научные исследования, где рассматриваются различные аспекты международного сотрудничества нашего государства, историческая ретроспектива международных отношений Беларуси, актуальные вопросы международно-правовых отношений и международных экономических отношений, влияние современных тенденций международного туризма на белорусский туристический рынок.

Радует, что рядом с заслуженными профессорами факультета публикуются и молодые ученые — наши аспиранты. Работая бок о бок с авторитетными специалистами, они смогут обратить пристальное внимание на методологию научной работы, начнут понимать и применять современные общенаучные и специальные методы, чтобы в публикациях чаще выявлялись причинно-следственные связи, нежели просто описывались события и процессы. Кроме того, молодым исследователям не следует бояться критики, пытаться избежать ее. Грамотные советы и замечания обогащают творчество, позволяют увидеть в разработке научной проблемы новые грани. Таким образом, мы надеемся на появление новой плеяды белорусских ученых-международников.

Редколлегия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Шадурский В. Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого

Лазоркина О. И. Некоторые аспекты подготовки дипломатических кадров: история и современность

Навощик Е. В. Белорусско-шведские отношения в политической сфере (1992–2013 гг.)

Острога В. А. Кафедра всеобщей истории Коммунистического университета Белоруссии имени В. И. Ленина. Создание и деятельность в 1920–1930-х гг.

Пінькевіч Д. П. Польшка-літоўскія адносіны ў 2004–2013 гг.: асноўныя этапы

Русакович А. В. Проблема разработки периодизации отношений Беларуси с Германией в 1990–2000-х гг. в отечественных и зарубежных исследованиях

Свилас С. Ф. Советская и современная историография о ЮНЕСКО и деятельности Белорусской ССР в организации (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.)

Снапковский В. Е. Историческая политика в Беларуси в период перестройки и парламентской республики (1985–1994 гг.)

Тихомиров А. В. Формирование исторического нарратива Великого княжества Литовского в белорусской исторической науке

Шарапо А. В. Некоторые аспекты эволюции австрийского ультрарадикализма: истоки, история и современность

Шевелева М. В., Кравцова Е. В. Политика Японии на Ближнем Востоке в начале XXI в.

АВТОРЫ

Лазоркина Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Навощик Елизавета Владимировна – аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Острога Виктор Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Пинькевич Даниил Павлович – аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Русакович Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Свилас Светлана Францевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Снапковский Владимир Евдокимович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Тихомиров Александр Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Шадурский Виктор Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Шарапо Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Шевелева Марина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Кравцова Екатерина Владимировна – студент специальности «Международные отношения» факультета международных отношений Белорусского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ВЕРСИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОШЛОГО

В. Г. Шадурский

В статье анализируется эволюция исторической политики в Беларуси после приобретения государственной независимости. Выделяются и обосновываются три этапа. Автор рассматривает причины и последствия масштабных изменений в государственных подходах к интерпретации истории Беларуси после проведения общенациональных референдумов (май 1995 г., ноябрь 1996 г.).

Выделены четыре версии (модели) исторической интерпретации прошлого, которые занимают наиболее существенное место в коллективной памяти белорусского общества. Подчеркивается связь между историческими представлениями граждан, выбором языка повседневного общения с политическими и экономическими предпочтениями жителей Беларуси.

The article is devoted to the analysis of the historical policy evolution in Belarus after gaining the state independence. 3 stages are distinguished and explained. The author analyses the reasons and consequences of big-scale changes in state approaches towards the history of Belarus' interpretation after conducting the common national referendums (May 1995, November 1996).

4 versions (models) of the historical interpretation of the past were distinguished on the base of the conducted research. They occupy the most significant place in collective memory of the Belarusian society. The link between historical perceptions of the citizens, the choice of the vernacular language and political and economic preferences of the Belarusian citizens is stressed.

Ключевые слова: историческая политика, национально-государственное строительство, коллективная историческая память, национальная идентичность.

Keywords: historical policy, national statehood building, collective historical memory, national identity.

После распада СССР в возникших на его территории постсоветских государствах не прекращается дискуссия о наиболее приемлемой версии национальной истории, влиянии российского фактора на формирование подходов к событиям прошлого, правомерности тех или иных исторических концепций, школ и направлений, методов и источников.

Одним из доминирующих тезисов в коллективной исторической памяти является вывод о том, что увеличение исторических исследований, активное и адекватное постижение отечественной истории широкими слоями населения создает более высокий уровень национальной идентичности и консолидации граждан страны, снижает угрозу полной или частичной утраты государственного суверенитета.

Анализируя проводимую в Беларуси историческую политику, следует отметить ее специфику. Эту специфику можно определить следующим образом.

1. Через территорию белорусских земель проходила и по-прежнему проходит линия раздела между крупнейшими цивилизациями (восточно-христианской и западно-христианской), мировыми религиями (православием и католицизмом/протестантизмом), геополитическими группировками и центрами силы (евразийской и европейской, Россией и коллективным Западом) и т. д. В одни периоды эта линия выглядела более отчетливо, в другие выражена менее заметно.

2. Перечисленные выше противоречия привели к тому, что в белорусском обществе на протяжении столетий, в том числе и сегодня, сосуществуют диаметрально противоположные подходы не только к оценке основных этапов и событий белорусской истории, но и к вопросам национально-государственного строительства, выбору государственного

языка, определению интеграционных перспектив. Сторонники различных версий используют отличающиеся аргументы для подтверждения своих позиций, не желая при этом обращать внимание на доводы оппонентов. Для поддержки своих выводов они апеллируют к широкой общественности и внешним силам.

В условиях определенной фрагментарности духовно-культурного пространства Беларуси коллективная память и историческая наука превратились в арену борьбы не только представителей исторических школ и направлений, но и политических сил, власти и оппозиции. Вопрос о том, какие события нужно отмечать, каких героев чествовать, часто из научно-исторической плоскости переходит в политическую плоскость.

3. В результате миграции населения в рамках БССР, а позднее и Республики Беларусь линия духовно-культурного раздела перестала иметь лишь географическое измерение (Восточная и Западная Беларусь). Сегодня она, скорее всего, определяется религиозным, возрастным и образовательным факторами, местом проживания (крупный город — сельская местность) и др.

4. На протяжении двадцатилетней с лишним истории независимой Беларуси продолжается поиск путей консолидации общества на основе консенсуса, создания общей идейной платформы, объединяющей наиболее обоснованные оценки и подходы соперничающих интеллектуальных групп. Для этой платформы характерно прежде всего то, что ее сторонники рассматривают Беларусь не как зону конфликта, а как территорию сотрудничества, «мост» между Востоком и Западом. От того, насколько успешно будет расширяться и укрепляться эта платформа, во многом зависит будущее Республики Беларусь.

ТРИ ЭТАПА ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НЕЗАВИСИМОЙ БЕЛАРУСИ

Следует заметить, что споры вокруг интерпретации исторических событий наряду с проблемами языковой политики сыграли роль ускорителя общественно-политических процессов как в Беларуси, так и в других союзных республиках еще до обретения ими государственного суверенитета: в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Таким образом, первый период в эволюции исторической политики Беларуси начался в конце 1980-х гг., т. е. еще до распада СССР. Он продолжался до проведения общенационального референдума в мае 1995 г. Сутью этого периода была попытка строить белорусскую идентичность на этнической основе (расширение использования белорусского языка, создание национальноориентированной концепции изучения прошлого Беларуси и пр.). Второй период начал свой отсчет после утверждения решений общенационального референдума и продолжался до начала 2000-х гг. Он характеризуется политическим курсом Беларуси на создание Союзного государства Беларуси и России, в результате наметился отход от политики национально-государственного строительства на этнической основе (расширение использования русского языка, сокращение государственной поддержки национальной версии белорусской истории и т. д.). Начало третьего периода в исторической политике Беларуси связано с серьезными разногласиями по поводу интеграционных перспектив, возникшими между белорусским и российским руководством в начале 2000-х гг. Этот этап, продолжающийся до настоящего времени, отмечен стремлением белорусского правительства укрепить суверенитет страны путем реализации многовекторной политики, формирования независимой политической идентичности белорусских граждан.

Сторонники национально-демократической концепции исторического прошлого, государственного строительства на этнолингвистической основе сформировали в Беларуси (и не только в Беларуси) первые политические организации (Белорусский народный фронт (БНФ)), выступившие в качестве оппозиции к правящей Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). В своих программных документах БНФ декларировал наличие у Беларуси многовековой истории государственности, подчеркивал огромное значение Полоцкого и Турово-Пинского княжеств, Великого княжества Литовского, Белорусской Народной Республики в формировании белорусской нации.

Важнейшей вехой в истории современной Беларуси стало принятие 27 июля 1990 г. Верховным Советом БССР «Декларации о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики» [25] (до проведения референдума в ноябре 1996 г. это событие отмечалось в стране как главный государственный праздник).

Декларация провозгласила «полный государственный суверенитет Республики Беларусь как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах ее тер-

ритории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях». В ст. 10 декларации была сформулирована задача превращения Беларуси в безъядерную зону и нейтральное государство [25].

После неудавшейся попытки государственно-го переворота в Москве Верховный Совет БССР 25 августа 1991 г. принял решение о придании Декларации о государственном суверенитете статуса конституционного закона, в действующую Конституцию были внесены поправки о верховенстве местных законов.

В условиях стремительной ломки партийно-советской системы национально ориентированным силам Беларуси, находившимся в явном меньшинстве в Верховном Совете БССР, удалось придать белорусскому языку приоритетность в государственном строительстве. Так, в январе 1990 г. был одобрен Закон «О языках в Белорусской ССР». В соответствии со ст. 2 («Государственный язык, другие языки в Белорусской ССР») единственным государственным объявлялся белорусский язык [2].

Важнейшим результатом деятельности упомянутой группы в Верховном Совете БССР стало принятие 19 сентября 1991 г. Законов об учреждении вместо советских новых государственных символов («О Государственном флаге» [26], «О Государственном гербе» [24]).

В годы перестройки и первые годы независимости наиболее серьезные преобразования коснулись исторической сферы (основополагающие ценности, исторические и культурные символы, мифы белорусского народа). Историческая политика молодого государства стала более либеральной. Правительство, занятое неотложными политическими и социально-экономическими проблемами, гораздо в меньшей степени было намерено контролировать содержание новых школьных учебников, тематику диссертационных исследований и т. д. На первом этапе представители государственного аппарата пытались вести активный диалог по широкому спектру исторических проблем с учеными-обществоведами, публицистами, а также представителями общественных объединений.

Особенно быстрыми темпами шел процесс внедрения белорусского языка и национальной истории в систему образования. В 1991 г. Министерство образования Республики Беларусь учредило комиссию по разработке новой концепции исторического образования под руководством профессора М. Бича, которая к 1993 г. представила основные направления концепции исторического образования [7]. С 1993 г. согласно этой концепции в Беларуси ученики 4-го класса впервые начали изучение отдельного курса по истории Беларуси, где с новых позиций анализировались наиболее яркие события истории белорусских земель. Объем учебного времени, выделяемого на преподавание белорусской истории, увеличился в несколько раз.

Еще одним проявлением новой исторической политики можно назвать переименование улиц

столицы и других крупных городов, в том числе за счет возвращения прежних исторических названий. Символом изменений стало новое название главного проспекта столицы: в 1991 г. Ленинский проспект стал проспектом имени Ф. Скорины.

Забегая вперед, следует отметить, что 7 мая 2005 г. главная артерия Минска была переименована в проспект Независимости, а имя Ф. Скорины было присвоено другой, менее значимой улице. Официально изменение названия объяснялось тем, что «топонимические изменения произошли в ознаменование 60-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне» [27]. Факт переименования стал, скорее всего, результатом столкновения различных версий интерпретации национальной истории, в том числе оценки деятельности выдающегося белорусского просветителя и первопечатника.

Дискуссия о жизни и деятельности Ф. Скорины, присутствующая в обществе до и после переименования столичного проспекта, не являлась явлением исключительно независимой Беларуси. В своей книге, изданной в 1921 г. в Вильнюсе (переизданной в 1993 г.), белорусский исследователь Игнат Абдиралович замечал, что о Скорине «до сих пор неизвестно, кто он был такой, либо католик, либо православный, и, по-видимому, что и тот и другой одновременно». По мнению ученого, жизнь и деятельность Скорины — яркий пример того, что колебание между Западом и Востоком и искренняя непредрасположенность ни к одному, ни к другому является отличительной особенностью истории белорусского народа [1].

В дискуссию об идентичности белорусов, раз вернувшись в СМИ, заметный вклад внес философ В. Конон, который попытался дать ответ, что такое Беларусь, в чем ее миссия, что составляет национальную идею страны. Профессор вслед за уже упоминавшимся И. Абдираловичем утверждал, что историческое предназначение Беларуси — это строительство духовно-культурного и геополитического «моста» между Востоком и Западом, российской Евро-Азией с одной стороны, Западной и Центральной Европой — с другой. Самобытность белорусского народа состоит в том, что он не пристал ни к одному из этих полюсов, отрицает их крайности, не принял их мессианства, стремился синтезировать позитивные достижения «восточной» и «западной» культуры [18]. По нашему мнению, сформулированный В. Кононом тезис можно считать краеугольным камнем в формирующемся фундаменте исторической политики независимой Беларуси.

Как было отмечено, наибольшую активность в формировании исторической политики в период парламентской республики в Беларуси проявляли сторонники проевропейской ориентации страны, представители национально-демократической исторической версии прошлого. Им все более активно оппонировали представители просоветской, пророссийской школы.

Факт серьезного раскола в историческом сознании белорусов с самого начала белорусской независимости отмечали как белорусские, так и зарубежные исследователи. Немецкая исследовательница

Астрид Зам в 1995 г. подчеркивала, что после того как в условиях перестройки стала возможной мобилизация белорусского сознания, различные политические силы, исключая краткий промежуток в 1991–1992 гг., повели, по выражению Светланы Алексеевич, непрерывную «духовную гражданскую войну», в которой обращение к событиям истории представляло собой важный инструмент политической поляризации [11, с. 146].

Еще один ученый из ФРГ — Райнер Линднер — в своей монографии, изданной на немецком и белорусском языках, отметил, что разделение в Беларуси истории на национальную и ненациональную привело к разделу культуры воспоминаний, а также к возникновению различных юбилейных календарей. Р. Линднер привел пример о том, как сторонники национального (антироссийского) понимания истории сделали одним из основных событий средневековой Беларуси битву под Оршей (1514 г.), где белорусско-литовское войско под командованием Константина Острожского разгромило превосходящего по численности московского противника. Следует дополнить, что 8 сентября 1992 г. в честь упомянутой даты на площади Независимости Минска прошла неофициальная церемония воинской присяги, организованная «Беларускім згуртаваннем вайскаўцаў». Власти неодобрительно отнеслись к проведенному мероприятию [20, с. 445].

В первой половине 1990-х гг. предпринимались инициативы по созданию общественных объединений профессиональных историков. Так, на базе Института истории НАН Беларуси в 1993 г. прошла I Всебелорусская конференция историков. По решению конференции была создана Белорусская ассоциация историков, которую возглавил тогдашний директор института академик М. Костюк. Ассоциация объединяла в своих рядах не только ученых, но и музейных работников, архивистов, преподавателей и учителей [14]. Однако, несмотря на амбициозные планы, это общественное объединение, существующее и сегодня, не стало площадкой для откровенных дискуссий, выработки общих оценок и подходов. В дальнейшем наблюдались попытки создания других профессиональных исторических объединений, но и они не получили должного развития (Ассоциация свободных белорусских историков (2007 г.) и др.).

Начало второго этапа в исторической политике было связано с подготовкой и проведением в мае 1995 г. общенационального референдума. Большинство участников референдума выступили за обновление государственных символов и придание русскому языку статуса государственного.

Отрицательное отношение значительной части белорусского общества к популяризации новых подходов к оценке исторических событий, принятию новых государственных символов (бело-красно-белый флаг и герб «Погоня»), активному внедрению белорусского в качестве единственного государственного языка присутствовало на протяжении всей первой половины 1990-х гг.

К противникам новой волны активной «белорусизации» относилась прежде всего значительная часть проживающих в Беларуси уроженцев других

территорий СССР, переселившихся в белорусские города по различным причинам. С их точки зрения Беларусь представляла собой неотъемлемую часть СССР, России, «русского мира». Отличная от российской интерпретация событий прошлого вызвала у них резкое неприятие, обвинения в «полонофильстве», забвении общих корней и т. д. Белорусский язык оценивался его противниками как «диалект русского языка», искусственно оформленный в литературную форму [44].

Еще одну группу сторонников «смены курса» составляли белорусы, которые, устав от конфронтации, считали, что в сложившихся условиях нужно примирить старые и новые подходы к истории, сделать русский язык государственным наравне с белорусским. Этих людей нельзя было отнести к противникам национальной идентичности, они лишь считали необходимым в условиях конфронтации найти необходимый компромисс.

Перечисленные выше группы, несмотря на свою неоднородность, различия в мотивации, составили большинство населения, выступавшее за придание русскому статусу государственного языка, а также поддержавшее смену государственной символики.

Вопрос о статусе русского языка, о государственной символике, внешнеполитических ориентирах молодого государства был включен в политическую повестку молодого государства. Он стал предметом активной дискуссии, развернувшейся в Беларуси накануне принятия первой Конституции независимой Беларуси и первых президентских выборов (1994 г.).

Определенный отход от национально-этнической основы в государственном строительстве обозначился еще на этапе парламентской республики, т. е. до первых президентских выборов. Профессор БГУ В. Снапковский обратил внимание на различное использование основополагающих понятий (терминов) в Декларации о государственном суверенитете (июль 1990 г.) и Конституции Республики Беларусь (март 1994 г.). Так, термин «белорусский народ», который в Декларации понимался как совокупность граждан Беларуси всех национальностей, объединенных вокруг коренного белорусского этноса, в Конституции был заменен сухим и невыразительным, по мнению профессора, правовым понятием «народ Республики Беларусь (Беларуси)». Это понятие, по выражению В. Снапковского, в значительной степени лишено этнического содержания и национального колорита, без которого не может обойтись Конституция любого унитарного государства. Понятие «народ Республики Беларусь (Беларуси)», писал В. Снапковский, звучит обидно для белорусов как этнического сообщества, которое сейчас составляет более 80 % населения страны. Это этимологическое изобретение прячет, затемняет, затушевывает этническое, национальное, белорусское ядро населения Белорусского государства [34].

Избранный в июле 1994 г. президентом страны Александр Лукашенко, учитывая настроения электората молодого государства, предложил провести референдум, посвященный актуальным проблемам развития страны. На общенациональный референ-

дум (май 1995 г.) были вынесены 4 вопроса, в том числе следующие: «Согласны ли вы с приданием русскому языку равного статуса с белорусским?», «Поддерживаете ли Вы предложение об установлении новых Государственного флага и Государственного герба Республики Беларусь?». 83,3 % участников референдума поддержали инициативу главы государства в языковой политике, большинство (75,1 %) участников референдума выступили за смену национальной символики [31].

Референдум 1995 г., как уже отмечалось выше, открыл второй этап в формировании белорусской национальной идентичности в условиях независимого государства, стал тем рубежом, после которого страна вступила на путь формирования гражданской (политической), а не этнической модели нации. Этнический компонент (белорусский язык), как и в истории Беларуси советского периода, стал играть второстепенную роль. В условиях свободной конкуренции языков, как и предупреждали многие эксперты, белорусский стал заметно сдавать русскому языку отвоеванные в предшествующие годы позиции [15].

Наметился заметный поворот и в официальной исторической политике. Руководители страны стали более активно высказываться на исторические темы, стремились распространять собственные подходы к оценке событий прошлого. Автономия профессионального исторического сообщества стала заметно сокращаться. В государственных учреждениях науки и образования наблюдалось сокращение влияния позиций историков национально-демократического направления.

Наиболее чувствительной темой в исторических дискуссиях оставались события Великой Отечественной войны. Следует отметить, что радикальные попытки ряда историков и публицистов утвердить «новые» подходы к освещению этого важнейшего исторического периода не получили поддержки ни у власти, ни у широких слоев общества. Руководство Беларуси, отлично понимая, что Великая Отечественная война является одним из базовых символов коллективной памяти белорусов и источником его политической легитимности, использовало это обстоятельство для укрепления широкой поддержки своих позиций со стороны населения.

Так, на референдум (ноябрь 1996 г.) наряду с другими основополагающими политическими вопросами было вынесено предложение главы государства о переносе Дня независимости Республики Беларусь (День Республики) на 3 июля — День освобождения Беларуси от гитлеровских захватчиков в Великой Отечественной войне (3 июля 1944 г.). Инициатива А. Лукашенко получила массовую поддержку граждан Беларуси (88,18 %) [32].

Следует заметить, что изменения исторической и языковой политики в середине 1990-х гг. были тесно связаны с активными действиями белорусского государства по расширению интеграции с Российской Федерацией. В декабре 1999 г. был подписан Договор о создании Союзного государства и Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора. Планировалось создание союза двух равноправных государств с единым экономическим пространством,

единой таможенной территорией, единой валютой, общим бюджетом и согласованной политикой в международных делах, сфере обороны, безопасности [28].

Важным событием в корректировке государственной исторической политики стало создание 16 августа 1995 г. Государственной комиссии по подготовке и изданию учебников и учебных пособий по социально-гуманитарному циклу. Перед комиссией была поставлена задача удалить из системы белорусского школьного и высшего образования изданные в 1992–1995 гг. учебники и учебные пособия по обществоведческим дисциплинам. Начиная с 1997 г. стали выходить учебники и учебные пособия нового поколения, авторы которых стремились избежать «радикализации исторического прошлого Беларуси». Особенно тщательно уточнялись позиции при подготовке публикаций по истории России [17].

Дискуссия о содержании, идейной направленности школьных учебников не завершена до настоящего времени. Как свидетельствуют комментарии в интернете, содержание школьных учебников по истории в большинстве своем желает лучшего [6].

С учетом новых государственных подходов стали выходить в свет обобщающие труды по истории Беларуси, в том числе энциклопедического характера, подготовленные учеными Института истории НАН Беларуси, преподавателями ведущих вузов республики.

Краткий итог кампании по подготовке новых учебников обществоведческого характера в своем выступлении перед студентами и преподавателями БГУ (12 февраля 2008 г.) подвел президент Беларуси. Он объяснил необходимость принятых решений нареканиями «и от учителей, и от учащихся, и от студентов, и просто от равнодушных людей на то, что натворили в постперестроечное время определенные деятели в сфере отечественной и мировой истории». В частности, глава государства отметил: «Все перевернули, исказили, живого места не оставили. Прямо скажу, после того обсуждения исторической темы перед белорусскими учеными были поставлены конкретные задачи. И как результат — существенное улучшение школьных и вузовских учебников» [21].

Некоторое уточнение подходов в исторической политике, как и в сфере национального строительства Беларуси в целом, произошло в начале XXI в. Его суть состояла в том, что белорусское руководство твердо заявило о приверженности независимому пути развития, многовекторной внешней политике. Было отчетливо заявлено, что интересы Беларуси и России, хотя и совпадают по многим направлениям, не являются тождественными.

Новые нюансы политического курса официального Минска стали реакцией на заявления о возможных перспективах белорусско-российской интеграции В. Путина, избранного в 2000 г. президентом России. Российский лидер, решив взять в свои руки инициативу в строительстве Союзного государства, предложил четко определиться с его формами и темпами. Это событие запомнилось многим призывом «отделить мух от котлет» [30].

Экономические конфликты между Минском и Москвой, которые стали происходить с опреде-

ленной регулярностью, не приводили к разрыву союзных отношений, отказу от проекта «Союзного государства Беларуси и России», других проектов евразийской интеграции во главе с Россией. Тем не менее они способствовали определенной консолидации власти и белорусского общества на основе утверждения идеалов и принципов независимости страны. Во время конфликтов белорусскую власть начинали поддерживать даже многие политические оппоненты, считавшие А. Лукашенко реальным гарантом белорусского суверенитета.

Развернувшаяся вокруг конфликтов информационная компания в обеих странах убедила значительную часть белорусского общества, относящуюся к числу твердых сторонников официального курса, в наличии у белорусской нации собственного, отличного от России пути развития. Произошедшие в начале 2000-х гг. изменения общественного сознания, суть которых выражалась слоганом «Беларусь — не Россия», можно считать началом третьего этапа национального строительства, который продолжается до настоящего времени. Одним из последствий произошедшего конфликта стал курс белорусского руководства на постепенное сокращение присутствия российских телеканалов в белорусском информационном поле. Однако этот курс не достиг желаемых результатов, российские СМИ по-прежнему доминируют в Беларуси, особенно в освещении международной жизни.

Одновременно с перечисленными событиями рубежа тысячелетий эксперты отметили некоторое повышение внимания власти к белорусскому языку и национальной истории. Так, было принято решение публиковать официальные документы на двух языках. Символичным можно назвать и то, что А. Лукашенко в День независимости в июле 2002 г. выступил на белорусском языке. Многие представители вертикали понимали, что укрепление независимости и их властных позиций не может обойтись без исторического подтверждения белорусской государственности, доказательства закономерности возникновения независимого государства. Отсюда стала наблюдаться более спокойная реакция на исторические публикации, отходящие от некоторых прежних официальных канонов. Более свободному распространению публикаций на исторические темы способствовало стремительное развитие интернета, в которой стало технически возможно разместить материал любого качества и любого содержания.

В начале нового тысячелетия экспертами отмечался медленный, но заметный сдвиг власти в сторону национальной версии белорусской истории, который продиктован реальными задачами укрепления независимости страны. Белорусское руководство понимает, что успешное развитие страны невозможно без «героического прошлого».

Взгляд главы белорусского государства на важнейшие исторические события Беларуси был изложен в его лекции «Исторический выбор Беларуси» перед студентами БГУ (14 марта 2003 г.). На наш взгляд, А. Лукашенко в своем выступлении лично уточнял основные оценки, расставил с учетом своего жизненного опыта исторические акценты.

Так, президент отметил, что хотя Беларусь по историческим меркам является молодым государством, у нашего народа славная многовековая история. Уроки истории, по его мнению, и накопленный народом исторический опыт должны плодотворно и творчески использоваться для укрепления молодой государственности, для решения проблем настоящего и будущего. В качестве причины своего обращения к исторической теме А. Лукашенко назвал множество мифов, подтасовок и политизированных инсинуаций, которые появились в этой сфере в последние пятнадцать лет. Президент говорил о парадоксальной ситуации, сложившейся в учебных заведениях: «что ни преподаватель, то своя “история”. Трактуют события, как кому заблагорассудится. И в результате у школьников, студентов такая каша в голове, что нам, прошедшим основательную советскую школу и вуз, даже и вообразить невозможно» [19].

Особой критике подверглись оппозиционные деятели, которые, по оценке президента, «шчыруюць» только двумя красками — белой и черной: все, что было в советские времена, — только черной, все, что «за польскімі часамі ці пры немцах», — белой.

Если суммировать исторические подходы А. Лукашенко, озвученные в лекции, то их можно изложить следующим образом:

1) Беларусь отождествляют то с Великим княжеством Литовским, то с Польшей, то с Россией. Однако мы должны гордиться тем, что создал и чем прославился белорусский народ, а не его исторические соседи;

2) незыблемым историческим фактом является то, что ядром консолидации белорусской народности, его этнической родиной были Полоцкое и Туровское княжества, которые входили наряду с другими восточнославянскими княжествами в древнерусское государство — Киевскую Русь. Несмотря на наличие в каждой древнерусской земле особых культурных, политических традиций, общие черты решительно доминировали. Именно они обеспечивали культурную монолитность восточнославянского мира на всей территории от Карпат до Белого моря;

3) формирование Великого княжества Литовского происходило сложно, противоречиво. Военной силе литовских князей оказывали упорное и длительное сопротивление многие княжества на территории современной Беларуси. Однако в ситуации внешней опасности со стороны крестоносцев и монголо-татар для своей защиты и выживания часть восточнославянского населения вынуждена была объединиться с балтскими племенами и пойти по пути создания единого государства. Оно стало своеобразным славянским форпостом, противостоящим угрозам извне. Исторический период Княжества Литовского нельзя идеализировать, как это делают некоторые литераторы. Это было не собственно белорусское го-

сударство, а Литва в симбиозе с подвластными ей русскими землями. Они отличались друг от друга по религии, языку, этническому составу;

4) несмотря на значение униатской церкви в развитии культуры в Беларуси, ее главная роль заключалась в дальнейшей экспансии интересов польско-католических кругов на Восток;

5) включение восточнославянских земель в состав Российской империи имело для белорусского этноса спасительный характер. Прогрессивное значение заключалось в том, что была ликвидирована шляхетская анархия, кровавые разборки между шляхтой, от которых страдал в первую очередь простой народ. Вхождение белорусских земель в состав России способствовало развитию зарождавшейся промышленности, их втягиванию во всероссийский рынок, что содействовало хозяйственной специализации Беларуси, подъему сельского хозяйства и промышленности;

6) Белорусская Народная Республика (март 1918 г.) осталась не более чем в декларации о намерениях. Белорусское государство существует с 1 января 1919 года, со времени образования БССР. БНР не была поддержана массами, не признана никем в мире, не имела необходимых атрибутов государства, не стала реальным государством [19].

Перечисленные выше оценки свидетельствовали о важности исторической памяти для белорусского руководства, которое хорошо понимало, что с помощью интерпретации прошлого происходит консолидация нации, а власть укрепляет свою легитимность. Поэтому оно обращало пристальное внимание на то, что и как нужно помнить, какие события отмечать, а какие предать забвению.

Можно также сделать вывод о том, что историческая интерпретация властей не была однозначной. Это подтверждалось заявлениями и действиями официального Минска. Так, проявлениями реальных сдвигов в исторической политике стало восстановление дворцово-парковых ансамблей Несвижа и Мира, городских ратуш в г. Минске (2003) и г. Могилеве (2008), установка в центре белорусской столицы скульптуры войта (2014), посвященной получению Минском Магдебургского права (1499), памятника Ольгерду в Витебске. Перечисленные примеры наглядно свидетельствовали о признании важности многих исторических событий до включения белорусских земель в состав Российской империи.

Особое внимание к природно-архитектурным объектам средневековой Беларуси было отражено в Государственной программе «Замки Беларуси», утвержденной 6 января 2012 г. Советом Министров Республики Беларусь. Программа рассчитана на 2012–2018 гг. и предусматривает выделение государственных средств на восстановление целого ряда исторических объектов в стране [36].

ОСНОВНЫЕ ВЕРСИИ (МОДЕЛИ) ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Как уже отмечалось выше, отношение к той или иной стратегии (проекту) национального строительства, в том числе к оценке исторического прошлого белорусского народа, а также к выбо-

ру модели языковой политики, стало основой «геополитического» раскола в белорусском обществе. Причем данная ситуация возникла не в последние десятилетия, она имеет многовековую историю.

В современной Беларуси обращение практически к любому событию прошлого страны вызывает бурные дискуссии. Сторонники различных версий не готовы к компромиссу, жестко настаивают на своей правоте, обвиняют своих оппонентов в необъективности. Аналогичная ситуация в очередной раз повторилась во время мероприятий по случаю 200-летия со дня драматической переправы наполеоновских войск через реку Березину (ноябрь 2012 г.). Даже нейтральное, на наш взгляд, название научной конференции в БГУ «Война 1812 г. и Беларусь» (ноябрь 2012 г.) вызвало резкую критику со стороны российских официальных лиц и ряда белорусских историков и политиков. Так, по мнению посла Российской Федерации в Беларуси А. Сурикова, выступившего на пленарном заседании конференции, а впоследствии вернувшегося к этой теме на своей пресс-конференции (19 декабря 2012 г.), необходимо использовать устоявшееся в российской и советской литературе название: «Эту войну объявил помазанник Божий, император Александр I, а Беларусь в то время была частью России. Теперь же часть белорусской интеллигенции, исходя из позиций сегодняшнего дня, заявляет, что для Беларуси эта война не является отечественной. Я этим очень огорчен» [3].

С другой стороны, некоторые представители белорусской научной общественности активно доказывали тезис, что период наполеоновского нашествия не был для белорусов войной за отечество, скорее, два века назад на белорусских землях шла гражданская война [5].

В связи с памятной датой уместно привести и точку зрения на ушедшие в историю события, представленную польскими дипломатами. Так, выступая на открытии восстановленного памятника жертвам войны 1812 г. на шоссе Вилейка – Молодечно (ноябрь 2012 г.), начальник политического отдела посольства Польши в Беларуси Каспер Ваньчик подчеркивал, что польские войска армии Наполеона «несли свободу народу Беларуси». Высказывания польского дипломата стали широко известны днем позже, когда они были подвергнуты критике со стороны председателя Минского областного исполнительного комитета Б. Батуры: «Он (Каспер Ваньчик. – В. Ш.) отметил, что армия Наполеона несла нашему народу освобождение. Освобождение такой ценой – я думаю, такие слова не достойны дипломата. Нам хочется верить, что отныне и навеки белорусская земля станет не гибельной переправой, а надежным мостом между нациями, идущими навстречу друг другу с миром» [23].

Приведенные выше высказывания, на наш взгляд, подчеркивают влияние внешнего фактора на постижение и интерпретацию белорусами своей истории. Собственный белорусский взгляд на историю, как правило, отражающий компромиссный характер (что, по мнению автора, является более объективным), пока не стал доминирующим.

Многие отечественные и зарубежные ученые обоснованно отмечают не только «серьезный раскол» в историческом сознании белорусов, но и отчетливую взаимосвязь исторических предпочтений белорусов с выбором языковой политики, их

внешнеполитическими приоритетами, отношением к интеграционным перспективам [43]. Так, по их мнению, высокая оценка гражданами наследия ВКЛ свидетельствует в большей степени о проевропейских симпатиях, о желательности «возвращения» Беларуси в общеевропейское интеграционное пространство. Сторонники активной интеграции с Россией в свою очередь не приветствуют «увлечение» историей ВКЛ и Речи Посполитой, обращают внимание на историческое единство восточнославянских народов в рамках Киевской Руси, Российской империи, СССР.

Чтобы более структурно представить находящуюся в определенной динамике коллективную память жителей Беларуси, подчеркнуть концептуальные подходы профессиональных историков, политиков и публицистов, автор выделяет в белорусском обществе четыре основные разновидности национальной идентичности: белоруссы (западнорусисты); советские белорусы (местные, «тутэйшыя», «креолы»); белорусы (сторонники формирования национального консенсуса, в том числе в оценке исторических событий); евробелорусы (литвины, кривичи и т. д.). Для каждого типа идентичности присуща специфическая версия национальной истории.

В табл. 1 сделана попытка показать взаимосвязь идентичности с их предпочтениями. Следует признать, что таблица носит обобщающий характер, не учитывает многочисленных деталей, исключений и т. д.

В табл. 2 автор попытался изложить взгляды на прошлое представителей перечисленных групп. Следует признать, что эта схема носит обобщающий характер, не учитывает массу деталей, исключений и противоречий.

Остановимся подробнее на анализе перечисленных выше исторических версий, опирающихся на тот или иной тип идентичности. Более пристальное внимание будет уделено представителям крайних точек зрения (белороссов и евробелорусов).

Белороссы. Сторонники первой модели хотя и завуалированно, но в итоге выступают против белорусской государственности. Они, как правило, активизируются во время обострения или, напротив, улучшения белорусско-российских отношений. В условиях, когда официальный Минск неуклонно декларирует приверженность независимому развитию, сторонники интенсивной интеграции с Россией предпочитают не демонстрировать открыто своих конечных планов. В основном критика белорусов касается отдельных исторических и политических тем. Например, роль белорусских земель в ВКЛ, место Речи Посполитой в истории Беларуси, установка памятников деятелям средневековой Беларуси и др.

Сторонники этого направления концентрируются вокруг организаций и структур: Общественный научно-просветительский проект «Западная Русь», Общественные объединения «Новая экономика» (Минск), «Русский культурный центр “Русь”» (Витебск), «Регион» (Гомель), «Центр экономических стратегий» (Гродно), «Либерум» (Минск), «Союз» (Минск), Брестский областной

**Взаимосвязь национальной идентичности белорусов
с их политическими, историческими и языковыми предпочтениями**

Группы идентичности	Приоритетные исторические темы	Предпочтительная языковая модель (стратегия)	Подход к решению внутривнутриполитических задач	Внешиполитические приоритеты
Белороссы (западнорусисты)	Киевская Русь, Росийская империя, Советский Союз, Великая Отечествонная война и др.	Законодательное закрепление русского языка в качестве единственного государственного языка	Поддержка существующих политических реалий, критика европейских устремлений, «западничества» и «полонофильства»	Ускоренная интеграция с Россией, вплоть до включения Беларуси в состав России
Советские белорусы (местные, «тутэйшыя», «креолы»)	Киевская Русь, СССР, БССР, Великая Отечествонная война (День освобождения Минска (3 июля) стал Днем независимости Беларуси) и др.	Формальное двуязычие, способствующее фактическому доминированию русского языка, незначительное стимулирование роли белорусского языка	Поддержание политического статус-кво в стране, сохранение социально-ориентированной экономики с централизованным государственным управлением	Поддержка евразийской интеграции при условии сохранения политического суверенитета, расширение экономических отношений со странами—членами ЕС, другими регионами мира
Белорусы	Киевская Русь, ВКЛ, Речь Посполитая, БССР, БНР, Великая Отечествонная война, послевоенное развитие Советской Беларуси и др.	Формальное и фактическое двуязычие, материальная и моральная государственная поддержка белорусского языка	Поддержка политических и экономических реформ, конструктивное оппонирование официальной власти	Курс на укрепление независимости Беларуси, соблюдение баланса в отношениях со всеми соседними странами и союзами. Признание приоритетности отношений с Россией
Евробелорусы	Полоцкое и Туровское княжества (Киевская Русь), ВКЛ, Речь Посполитая, БНР и др.	Законодательное закрепление белорусского языка в качестве единственного государственного языка	Неприятие действующей власти, позиционирование себя в качестве альтернативы. Стремление к смене власти, в том числе с помощью внешних сил	Курс на укрепление независимости страны с перспективой вступления в ЕС

союз предпринимателей «Содействие» (Брест), Белорусское общественное объединение «Евразийский народный союз». Эти структуры имеют свою периодику и интернет-сайты.

Выступая на учредительном съезде Белорусского общественного объединения «Евразийский народный союз» (март 2012 г.), руководитель проекта «Западная Русь» Игорь Зеленковский в качестве идейной опоры новой организации провозгласил современный западнорусизм. В некоторой степени выступление И. Зеленковского можно назвать декларацией сторонников белоруссов (первой версии истории): «западнорусизм вырос из исторической традиции православия, которое на протяжении столетий формировало основы самосознания белорусов. Западнорусизм считает, что и белорусский и русский языки являются в равной степени родными для белорусов, и отвергает любой этнический национализм. В своей основе западнорусизм — это гуманистическое мировосприятие, связанное с православной русской традицией, восходящей к глубокому прошлому белорусского народа. Основываясь на традиции православия, западнорусизм всегда уважал и уважает традиционные конфессии всех народов исторической России. Опираясь на западнорусизм, утверждающий самобытность белорусов, мы по-настоящему можем участвовать в культурном сотворчестве всех народов Евразии. Сегодня западнорусизм являет собой пример православной христианско-демократической идеологии» [9].

Взгляды «западнорусистов» активно популяризирует белорусский политолог Николай Сергеев. Так, в интервью интернет-порталу «Регнум» в марте 2011 г. он в очередной раз подверг критике «ленинскую национальную политику», вдохновителями которой названы Ленин и Троцкий, а главным исполнителем Сталин. По мнению политолога, она лишила белорусов и малорусов (украинцев) их исконного права быть русскими. Белорусы и украинцы были объявлены хоть и родственными русскому, но другими восточнославянскими народами. Советский официоз стал именовать русскими только великороссов и таким образом «ленинская национальная политика» отторгла от русского народа десятки миллионов коренных русских людей. Далее Н. Сергеев утверждает, что «в нынешних постсоветских условиях наиболее верным представляется следующее определение: русские — это восточные славяне (великороссы, малорусы, белорусы, русины), относящие себя к русскому народу. А если кто-нибудь, официально числящийся белорусом, не желает относить себя к русским, то это его выбор, но никто не вправе лишать права быть частью русского народа тех белорусов, которые остались верными заветам предков и не хотят лишаться своей исконной этнической принадлежности» [41].

Несмотря на внешнюю лояльность западнорусистов (белороссов) к существующей власти, они, хотя и осторожно, но критикуют историческую политику руководства страны, деятельность ряда

Таблица 2

Интерпретация исторических этапов и событий представителями различных групп национальной идентичности

Исторические события и эпохи	Белороссы (западнорусисты)	Советские белорусы (местные, «тутэйшыя», «креолы»)	Белорусы (сторонники исторического консенсуса)	Евробелорусы (литвины, кривичи и др.)
Киевская Русь, роль Полоцкого и Туровского княжества	Фундамент формирования триединого народа (великороссов, малороссов и белоруссов)	Корни формирования триединого народа (великороссов, малороссов и белоруссов)	Полоцкое и Туровское княжества — часть Киевской Руси, но имевшая отчетливую специфику, связанную с составом населения, природными условиями	Автономное развитие Полоцкого и Туровского княжеств на основе славяно-балтского населения. Теория «балтского субстрата»
Белорусские земли в составе Великого княжества Литовского (XIII в. — 1569 г.)	Результат захватнической деятельности литовских князей, попытка оторвать белорусов от своих корней, религии, начало полонизации белорусской элиты и населения	Отсутствие определенной оценки, признание положительной роли многих политических деятелей периода (Витовт, Л. Сапега и др.)	Белорусско-литовское государство, сыгравшее большую роль в формировании белорусской государственности, белорусского языка и культуры	Важнейший этап формирования белорусской нации и государственности, доминирование белорусского этноса в государственном строительстве
Битва при Орше (сентябрь 1514 г.)	Братоубийственная война, значение которой раздуто в определенных целях антироссийскими силами	Историческое событие, положительная оценка которого способна обострить белорусско-российские отношения	Важное историческое событие, которое никоим образом не должно влиять на современное состояние белорусско-российских отношений	Битва европейского значения, демонстрирующая воинскую славу белорусов. Событие достойно стать государственным праздником Беларуси — Днем белорусской славы
Белорусские земли в составе Речи Посполитой (1569 — 1772 гг.)	Насильственная полонизация белорусов. Силовое обращение православного населения в униатство	В основном негативная оценка эпохи. Признание отдельных позитивных достижений в культуре	Необходимый этап в белорусской истории, имеющий как отрицательные, так и положительные последствия	Негативное влияние России на события на белорусских землях. Война Речи Посполитой и России (1654—1667) как наиболее кровавое событие в истории Беларуси. Униатство — национальная церковь белорусов
Разделы Речи Посполитой и включение белорусских земель в состав Российской империи	Исключительно позитивное мероприятие. Возвращение белорусских земель в семью восточнославянских, православных народов	Позитивная оценка	Исторический этап, в результате хитросплетений событий которого сформировалась белорусская нация	Негативная оценка. Русификация населения. Уничтожение национальной религии — униатства
Война с Наполеоном (1812)	Отечественная война России, демонстрировавшая единство монархии и народа	Отечественная война России против наполеоновской экспансии	Кровавые события на территории Беларуси, часто носившие характер гражданской войны	Освободительная война со стороны Наполеона: «За нашу и вашу свободу»
Создание БНР (март 1918)	Малозначительное событие в условиях германской оккупации	Скорее отрицательная оценка	Важное историческое событие, усилившее внимание к вопросу белорусской государственности, способствовавшее созданию БССР	Зарождение новой белорусской государственности, возникновение белорусских национально-государственных символов
Создание БССР (январь 1919)	Необоснованное решение Москвы. Создание белорусской государственности даже в таком виде — «ошибка Советской власти»	Зарождение новой белорусской государственности	Зарождение новой белорусской государственности	Событие, характеризующееся как отрицательными, так и положительными результатами

Международные отношения и внешняя политика

Исторические события и эпохи	Белороссы (западнорусисты)	Советские белорусы (местные, «тутэйшыя», «креолы»)	Белорусы (сторонники исторического консенсуса)	Евробелорусы (литвины, кривичи и др.)
Великая Отечественная война	Исключительно положительная оценка	Исключительно положительная оценка подвига народа	Исключительно положительная оценка, необходимость глубокого изучения трагических событий	Попытка пересмотреть традиционные оценки деятельности белорусских коллаборационистов
Послевоенное развитие БССР	Положительная оценка	Положительная оценка	Скорее положительная оценка	Противоречивые оценки формального суверенитета БССР, критика русификаторской политики в БССР
Распад СССР и обретение независимости	Негативная оценка. Распад великой державы	Противоречивые оценки. Некоторая ностальгия по советскому прошлому	Положительная оценка. Рождение независимого белорусского государства	Положительная оценка. Рождение независимого белорусского государства

министерств, связанных с вопросами культуры и образования. Так, на вопрос корреспондента «Каково место в Беларуси в «Русском мире?» Н. Сергеев ответил, что «в национально-культурном отношении Белоруссия, она же историческая Западная Русь, безусловно, является частью Русского мира, но в Республике Беларусь сильно довлеет наследие “ленинской национальной политики”, и она как государство практически никак не использует те немалые возможности, которые открывает принадлежность Белой Руси к Русской цивилизации». Более того: на официальном уровне, по мнению Н. Сергеева, это обстоятельство осознанно замалчивается, а многие из современных белорусов об этом просто не знают. По мнению политолога, белорусские власти проводят практически антирусскую, националистическую политику. Для укрепления белорусско-российского единства Сергеев предлагал избрать парламент Союзного государства, который, даже не имея на первом этапе серьезных полномочий, мог бы стать площадкой для гласного обсуждения союзных вопросов.

В качестве примера «неправильных действий» власти некоторые белорусы неоднократно называли увольнение в 2010 г. руководителя отдела молодежи Октябрьского района Витебска Андрея Герашенко, который одновременно был председателем витебской общественной организации «Русский дом», членом Союза писателей Беларуси и членом Союза писателей России. По мнению западнорусистов, поводом увольнения А. Герашенко стало его интервью интернет-порталу «Материк» (январь 2010 г.), в котором сотрудник государственной вертикали заявил о том, что Республика Беларусь в этнокультурном отношении является русской страной, а русский язык — неотъемлемой составляющей культуры Беларуси [8].

Ранее упомянутый И. Зеленковский в своей статье на «Материке» в отношении белорусской власти выразился следующим образом: «В последние годы молодое поколение белорусских функционеров пошло по ложному пути, привнося в официальную идеологию элементы, позаимствованные у прозападной националистической интеллигенции.

Это стало проявляться в очередной кампании “белорусизации” и в “многовекторном” курсе внешней политики. Но это не принесло ожидаемых результатов, а только породило новые проблемы внутри страны, а также в отношениях как с Россией, так и с Западом» [12].

Некоторые сторонники восточнославянского единства в критике властей даже выходят за рамки приличия, называя их представителей «литвинствующими колхозными неошляхтичами» [33].

Белороссы категорически не согласны с представлением о Беларуси как «мосте между Востоком и Западом». Для подтверждения своей позиции они использовали выступление в Минске Патриарха Кирилла (осень 2009 г.), где Беларусь была определена не как некий «мост между Востоком и Западом», а как западный рубеж Святой Руси.

Одна из характерных примет белоруссов (западнорусистов) — отрицание роли ВКЛ в истории белорусской государственности, формировании культурных традиций и т. д. Последовательным критиком ВКЛ является профессор Лев Криштапович. Так, 15 марта 2012 г. в Минске на заседании круглого стола «Религиозный фактор национальной безопасности Беларуси» он предложил отказаться от идеи о том, что белорусская идентичность вышла из Великого княжества Литовского: «Представляется, что попытки вывести белорусскую идентичность из так называемого Великого княжества Литовского — это попытки, которые лежат в стороне от реального процесса нашего духовного укрепления и развития» [42]. «Ментальность белорусского народа сформировалась в условиях гонений на православие и денационализации привилегированного сословия со времен Великого княжества Литовского», — сделал вывод профессор [38]. Более объемно свои взгляды Л. Криштапович изложил в книге «Беларусь как русская святыня» (2014).

Вывод о том, чтобы не включать польско-литовскую шляхту в историю белорусского народа, поддержал профессор истории из Гродно Валерий Черепица. По мнению историка, представление о белорусской истории как об истории, связанной с именами лишь польско-литовской знати, — проявление либо

невежества, либо сознательного искажения исторической правды. «Радзивиллы, Сапеги, Вишневецкие, Чарторыйские и многие другие представители местной шляхты проявили себя в большинстве случаев в белорусской истории как “зраднікі”» — т. е. изменники [13].

Серьезным поводом для критики белорусских властей белорусы (западнорусисты) считают активную деятельность по установлению в стране памятников литовским князьям, восстановлению имений польско-литовской знати. По их мнению, в этом вопросе «чиновники идут на поводу у пробивных деятелей то ли по безграмотности, то ли не желая прослыть противниками якобы либеральных демократических идей».

Неоднократно подвергалась негативным оценкам Госпрограмма «Замки Беларуси». Как пишет в статье на «Материке» Александр Штефанович, представителями общественности неоднократно высказывались опасения, что замки-новоделы станут не столько туристическими объектами, сколько рассадниками «польщизны» и центрами распространения исторических измышлений, когда события прошлого будут преподноситься с точки зрения польских магнатов и мракобесов из католического ордена иезуитов, а не западнорусского (белорусского) народа. По мнению А. Штефановича, именно в этом направлении развивается программа «Замки Беларуси», за историко-культурное наполнение и идейное содержание которой отвечают Министерство культуры и Министерство спорта и туризма Республики Беларусь. Автор обвиняет ряд курирующих проект заместителей руководителей министерств культуры и спорта и туризма, имеющих «польско-католические корни» [4].

Белороссам оппонируют сторонники всех других групп идентичности и прежде всего евробелорусы. В отличие от белорусов национальноориентированная часть белорусского общества (евробелорусы, сторонники четвертой версии истории) обращалась за вдохновением в более ранние исторические эпохи и прежде всего к периоду Великого княжества Литовского (идея «золотого века»), когда средневековые белорусские земли пережили расцвет культуры и политической мощи. Из этого вытекает серьезная критика чужеродного влияния (польский и российский факторы), которое привело к трагедии народа, кризису языка, культуры и национальной идентичности. Поэтому основной перспективой является национальное возрождение, строительство государства на основе белорусского языка, белорусской истории и т. д. Евробелорусы публикуют результаты своих исследований не только на различных сайтах в сети интернет, но и в периодических изданиях (журналы «Агсче», «Беларускі гістарычны агляд» и др.). Часто эти издания публикуют статьи своих оппонентов, вокруг которых разворачивается жесткая полемика.

Идейной основой евробелорусов можно считать белорусский национализм, который в свою очередь не является монолитным явлением. Любопытную характеристику белорусскому национализму дал белорусский исследователь Александр Шпаковский, отметивший, что «белорусский национализм слишком

ориентирован вовне и сосредоточен не на внутренних причинах, а на поисках внешних врагов или друзей — идея имеет ярко выраженный антирусский и одновременно прозападный характер. Это вызвано тем, что формирование белорусского национализма как системы взглядов и ценностей происходило в очень враждебных условиях: в противостоянии с шовинистическими великорусскими и великопольскими идеями, где белорусский национализм, который только набирал силу и был малопопулярен в широких кругах общества. Желание подорвать устои Российской империи заставило западные страны поддерживать сепаратистские националистические движения, а неудачная, ориентированная исключительно на подавление национальная политика российских властей надолго определила антирусскую направленность большинства национальных проектов на просторах бывшей империи. А. Шпаковский подчеркивает роль языкового фактора в мировоззрении белорусских националистов: «В современных белорусских условиях фактическим признаком принадлежности к когорте белорусских националистов выступает не политико-этическая позиция личности, а языковой фактор, который далеко не всегда означает идеологическую идентификацию носителя с правой идеей» [39].

По мнению автора, к исторической версии евробелорусов можно отнести научное творчество профессора БГУ В. Снапковского. Он является автором многочисленных публикаций, в том числе монографий, учебных пособий и сборников статей в Беларуси и за рубежом. Краеугольный камень исследований белорусского ученого — стремление доказать безальтернативность европейского выбора Беларуси, убедить в первичности белорусского языка для успешного государственного строительства [35].

Между перечисленными выше версиями белорусской истории белорусов и евробелорусов можно выделить две промежуточные, компромиссные версии: советские белорусы и белорусы (вторая и третья исторические версии). У сторонников второй версии присутствует неоднозначное отношение ко многим историческим событиям, использованию белорусского языка. Можно предположить, что эта версия (модель) истории Беларуси совпадает с официальной точкой зрения на исторические эпохи и события.

Историческая политика является важнейшим элементом белорусской государственной идеологии, формированию которой белорусское руководство уделяет огромное внимание. Площадкой для изложения взглядов на исторические процессы, близких к официальной позиции, служат журналы «Беларускі гістарычны часопіс» и «Беларуская думка», которые открыты для остросюжетных публикаций и выражения оригинальных точек зрения.

Курс государственной идеологии внедрен в учебный процесс вузов. По решению руководства страны создана «идеологическая вертикаль»: от заместителей руководителей предприятий и организаций до Администрации Президента Республики Беларусь. Вместе с тем, по мнению А. Шпаковского, в результате масштабных усилий по внедрению белорусской государственной идеологии «белорусское государство имеет

на выходе почти идентичное западному общество потребления, а контуры национальной государственной созидательной идеи до сих пор в значительной степени не очерчены» [39].

Проблемы с формированием государственной идеологии, обеспечением ее широкой поддержки признает и руководство страны. Политика властей по отношению к белорусскому языку подвергалась критике со стороны ряда оппозиционно настроенных представителей белорусской элиты. Так, в статье на наиболее популярном в Беларуси интернет-портале TUT. by (июнь 2014 г.) в качестве одного из 10 наиболее серьезных «провалов» за два последних десятилетия было названо то, что «национальная культура и язык в Беларуси оказались на обочине общественной жизни». В материале, которые перепечатали многие СМИ, делался вывод, что за последние 20 лет белорусский язык практически перестал использоваться на официальном уровне, делопроизводство на белорусском языке почти отсутствует. С конца 1990-х гг. отмечается сокращение тиража белорусских изданий. В школах и вузах обучение, как правило, проводится на русском языке и т. д. [10].

Более позитивное отношение к белорусскому языку стимулировали кризисные явления в белорусско-российском интеграционном процессе. Власти страны понимают роль белорусского языка как фактора укрепления белорусской идентичности и белорусской государственности. Белорусское руководство также отдает себе отчет, что усиление внимания правительства к белорусскому языку является определенным раздражителем для российских партнеров. Официальный Минск, понимая роль языковой политики как инструмента геополитической игры, пытается время от времени его аккуратно использовать. В этом плане представляется логичным тот факт, что А. Лукашенко первую часть своего выступления на торжественном заседании, посвященном Дню Республики (1 июля 2014 г.) произнес на белорусском языке. Важное значение родного языка А. Лукашенко отмечал в своем Послании к Национальному собранию (22 апреля 2014 г.): «Если мы потеряем русский язык, то лишимся ума, а если мы разучимся говорить на белорусском, то перестанем быть нацией» [29].

Приведенное высказывание высшего руководства страны получило позитивную оценку в стране [22]. Сторонники белорусского языка ожидают конкретных действий по усилению его государственной поддержки.

Наибольшую динамику по росту числа сторонников, толерантность, стремление к сотрудничеству проявляют сторонники третьей версии национальной истории (белорусы). Ее представители более чутко реагируют на изменения политической и экономической ситуации, в большей степени, нежели другие группы соотечественников, проявляют склонность к компромиссу, предпочитают избегать излишних конфликтов. По мнению автора, базовые идеи этой версии обобщил уже упомянутый выше А. Шпаковский. Он утверждает, что настоящая белорусская идеология должна базироваться на понимании ценности и уникальности каждого периода

нашей истории для процесса формирования нашей нации и становления белорусского государства. Это был долгий противоречивый путь, где каждый новый этап органично вытекал из предыдущего. Белорусы имеют сильную многовековую имперскую традицию: ВКЛ, Речь Посполитая, Российская империя, Советский Союз. Во всех этих государственных образованиях наш народ имел свою, разную по значимости, однако уникальную миссию. Для нас не являются новыми и чуждыми задачи цивилизационного порядка, так как на протяжении всей нашей истории белорусам приходилось их решать.

Наибольшее количество сторонников отмеченной исторической версии работают в БГУ на историческом факультете и факультете международных отношений. В качестве лишь одного примера можно привести публикации доцента ФМО А. Тихомирова. В своей монографии «Внешняя политика Республики Беларусь в 1991–2011 гг.», вышедшей в минском издательстве «Право и экономика» в 2014 г., он пишет о том, что на территории Беларуси соприкасались и переплетались различные социокультурные типы, цивилизации Запада и Востока. Существенный отпечаток на характер белорусской идентичности накладывало стремление более мощных в военном и политическом отношениях государств навязать жителям белорусских земель свои социокультурные ценности и политические институты. А. Тихомиров приходит к выводу о тесной связи формирования белорусской государственности с событиями международной жизни, которые предопределяли направления и формы государственного строительства белорусов [37].

А. Шпаковский отрицает правомерность тезиса о Беларуси как форпосте того или иного центра силы. Он считает, что в сознание белорусов нельзя заложить тезис противостояния между Западом и Востоком. Ценность и уникальность белорусов в том, что они имеют сильную историческую связь с обоими полюсами, при этом являясь не мостом, а порталом взаимопроникновения, точкой объединения возможностей региона. В этом особая цивилизационная миссия Беларуси. Белорусский политолог подчеркивает, что Беларусь ни в коем случае нельзя изучать вне контекста русской цивилизации, это касается как истории, так и современности. Нужно помнить, что история Руси — это не только история Москвы или Киева, это тоже история Полоцка и Вильнюса, а теперь и Минска. Так же ценна и не чужда Беларусь и для Запада. Образовательная, просветительская роль Беларуси в России как проводника передовых идей западной цивилизации — одна из основных причин значимости нашей земли и в восточном, и в западном цивилизационном контексте. Фактически, на белорусских землях постоянно занимались адаптацией западных проектов к реалиям русского мира, сближая позиции Запада и Руси. Образование, военное дело, искусство, книгопечатание были унаследованы нашими предками на Западе, адаптированы к местной традиции и именно с наших земель двигались дальше на восток, в центр России [40].

В качестве одной из наиболее острых проблем, обсуждаемых представителями всех исторических версий, отмечается слабый интерес белорусских

граждан к своей национальной истории, истории своего края, семьи. Журналист, автор высокохудожественных изданий о природе, культуре, истории Беларуси С. Плыткевич в качестве главной задачи исторической политики определил следующее: добиться того, чтобы белорусы знали историю своей страны, чтобы они путешествовали не только за рубежом, но и по Беларуси. Если они будут видеть нашу красоту, знать и понимать нашу историю, они будут по-другому относиться и к своей работе, и к своей родине [16].

Существует надежда, что поддержка версии национальной истории белорусов будет расширяться за счет поддержки молодежи. Оптимизма добав-

ляют результаты опроса студентов гуманитарных специальностей Беларуси и Литвы, которые были проведены в сентябре 2011 г. в рамках белорусско-литовского научного проекта «Особенности национальной идентичности Литвы и Беларуси в контексте европейской интеграции». В опросе участвовали 400 студентов факультета международных отношений БГУ и Каунасского университета. Были получены результаты, свидетельствующие об ориентированности белорусской студенческой молодежи на национальные ценности, их гордости за историю своей страны. В процессе опроса молодые люди двух стран ответили на вопросы, изложенные в следующих таблицах [45].

Таблица 3

Гордитесь ли вы историей Беларуси/Литвы?

	Количество ответов (в %) ко всем опрашиваемым белорусам	Количество ответов (в %) ко всем опрашиваемым литовцам
Очень горжусь	94 / 47	Опрос не проводился
В основном горжусь	74 / 37	
Не очень горжусь	23 / 12	
Совсем не горжусь	7 / 4	

Таблица 4

Гордитесь ли вы достижениями ВКЛ?

	Количество ответов (в %) ко всем опрашиваемым белорусам	Количество ответов (в %) ко всем опрашиваемым литовцам
Очень горжусь	123 / 62	102 / 52
В основном горжусь	62 / 31	75 / 38
Не очень горжусь	11 / 6	13 / 7
Совсем не горжусь	2 / 1	2 / 1

Таблица 5

Гордитесь ли вы созданием Республики Беларусь / Литовской Республики?

	Количество ответов (в %) ко всем опрашиваемым белорусам	Количество ответов (в %) ко всем опрашиваемым литовцам
Очень горжусь	72 / 36	39 / 20
В основном горжусь	90 / 45	78 / 40
Не очень горжусь	29 / 15	53 / 27
Совсем не горжусь	7 / 4	12 / 3

Таблица 6

Гордитесь ли вы достижениями БССР / ЛССР?

	Количество ответов (в %) ко всем опрашиваемым белорусам	Количество ответов (в %) ко всем опрашиваемым литовцам
Очень горжусь	30 / 15	7 / 4
В основном горжусь	84 / 42	28 / 14
Не очень горжусь	67 / 34	66 / 34
Совсем не горжусь	17 / 9	92 / 47

Гордитесь ли вы достижениями постсоветской Беларуси / Литвы?

	Количество ответов (в %) ко всем опрашиваемым белорусам	Количество ответов (в %) ко всем опрашиваемым литовцам
Очень горжусь	234 / 12	14 / 7
В основном горжусь	78 / 39	57 / 29
Не очень горжусь	75 / 38	79 / 40
Совсем не горжусь	21 / 11	44 / 22

ВЫВОДЫ

Таким образом, в своем развитии историческая политика Республики Беларусь прошла три этапа (первый: конец 1980-х гг. — май 1995 г.; второй: май 1995 г. — начало 2000-х гг.; третий: начало 2000-х гг. — до настоящего времени). Хронологические рамки и содержание этапов были подробно описаны и обоснованы в представленной работе.

Анализ позволил сделать вывод о том, что по прошествии двадцати лет независимого развития в Беларуси не сложился консенсус в коллективной исторической памяти, не найдена оптимальная модель сосуществования двух государственных языков. Белорусская нация остается еще слабо консолидированной, разделенной на несколько крупных групп идентичности с неустойчивыми границами.

Перечисленные выше особенности являются причиной еще одной характеристики современного белорусского общества — слабое выражение коллективной воли белорусской нации, ее медленная мобилизация на решение сложнейших национальных и государственных задач. В белорусском обществе по-прежнему доминирует индивидуально-семейная (адаптационная) стратегия преодоления кризисных явлений. Решение собственных проблем, проблем своей семьи является первичным по сравнению с общенациональными задачами. Очевидно, что такая модель поведения формировалась на протяжении многовековой истории. Ход исторических событий, в том числе кровавых войн и конфликтов, убеждал белорусов в том, что они не в силах изменить неблагоприятное развитие ситуации, а могут лишь «спрятаться», выжить лишь в одиноч-

ку. Создается ощущение, что у белорусов было недостаточно «побед» общенационального уровня, либо эти «победы» не получили закрепления в коллективном сознании.

В сложившихся условиях доминирующую роль в формировании исторической политики принадлежит руководству государства, которое направляет имеющиеся в своем распоряжении ресурсы на формирование привлекательного образа, диктуемого потребностями современной внутренней и внешней политики. В жесткой конфронтации к официальной исторической политике находится значительная часть населения и интеллектуальной элиты. Ощущается дефицит конструктивной дискуссии между представителями различных исторических версий.

Очевидно, что в современном белорусском обществе формирование коллективной памяти невозможно осуществить без поиска компромисса, широкого обсуждения с участием представителей конкурирующих точек зрения.

Эволюция национальной идентичности белорусов может развиваться как по оптимистическому (укрепление национального самосознания, достижение определенного консенсуса в оценке прошлого белорусского народа, расширение использования белорусского языка), так и пессимистическому (исчезновение национального языка, потеря культурной самобытности, возможная утрата или ограничение независимости) сценарию. Хотелось бы надеяться, что несмотря на наличие целого ряда негативных факторов и тенденций, белорусам удастся выбрать оптимистический сценарий.

Библиографические ссылки

1. Аб мовах : Закон Рэсп. Беларусь ад 26 ст. 1990 г. № 2/268 [Электронны рэсурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
2. Абдзіраловіч І. [Адвечным шляхам:] Дасьледзіны беларускага сьветапогляду. Вільня, 1921 (перавыдадзена: Мінск, 1993). С. 8–9.
3. Суриков А. Россию огорчает отношение части белорусов к войне 1812 года [Электронный ресурс] // Интернет-портал OPEN.BY. — 19.12.2012. URL: <<http://news.open.by/country/95900>> (дата обращения: 15.09.2014).
4. Штефанович А. Белая Русь в сетях «польшинизации» [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал постсоветского пространства «Материк». (04.07.2013). URL: <<http://www.materik.ru/gubric/detail.php?ID=16682>> (дата обращения: 15.09.2014).
5. Антонаў В. В. Вайна 1812 г. // Беларусь: энцыкл. даведнік / рэдкал.: Б. І. Сачанка [і інш.]. Мінск : БелЭн, 1995. С. 146.
6. Белоус С. Подвиг Прокоповича и запятанный герб «Погоня». Как в школьных учебниках описывают новейшую историю Беларуси // TUT.by: белорусский портал (22.08.2014). URL: <<http://news.tut.by/society/412163.html>> (дата обращения: 15.09.2014).

7. Бич М. В. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларус. гіст. часопіс. 1993. № 1. С. 15–24.
8. Власти Белоруссии возобновили травлю витебского писателя [Электронный ресурс] // Информ. агентство «Regnum». (24.10.2011). URL: <<http://www.regnum.ru/news/polit/1459022.html>> (дата обращения: 15.09.2014).
9. Выступление руководителя проекта «Западная Русь» Игоря Зеленковского на учредительном съезде Белорусского общественного объединения «Евразийский народный союз» [Электронный ресурс] // Западная Русь. (36.03.1012). URL: <<http://zapadrus.su/rusznz/sobrz/591-l-r-l-r.html>> (дата обращения: 15.09.2014).
10. Десять главных провалов эпохи Лукашенко [Электронный ресурс] // TUT. by: белорусский портал. (11.07.2014). URL: <<http://news.tut.by/politics/406559.html>> (дата обращения: 17.07.2014).
11. Зам А. Белорусы: опыт самоидентификации // Нёман. 1995. № 4. С. 136–147.
12. Зеленковский И. Западнорусизм как идеологическая основа белорусской государственности [Электронный ресурс] // Информ-аналит. портал постсоветского пространства «Материк». (14.06.2011). URL: <<http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=12853&print=Y>> (дата обращения: 15.09.2014).
13. Историк: Подлинные герои белорусского народа – те, кто отстаивал его общерусскую мечту [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Regnum». (13.04.2012). URL: <<http://www.regnum.ru/news/1520783.html>> (дата обращения: 15.09.2014).
14. Историческая наука и историческое образование в Республике Беларусь (Новые концепции и подходы): Всебелорус. конф. историков. Минск, 3–5 февр. 1993 г. : в 2 ч. Минск, 1994.
15. Итоговые данные переписи населения Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. URL: <<http://census.belstat.gov.by/#>> (дата обращения: 15.09.2014).
16. Кобзик Л. Золотой век для Белоруссии наступит, когда вспомним, что мы – литвины, гордые люди! («Салідарнасць», Белоруссия) [Электронный ресурс] // inoCMI.Ru. (14.08.2013). URL: <<http://inosmi.ru/sng-baltia/20130814/211863272.html>> (дата обращения: 15.09.2014).
17. Козляков В. Е. Современная историография Беларуси: некоторые тенденции в изучении отечественной истории [Электронный ресурс] // Российские и славянские исследования. 2009. Вып. 4. URL: <<http://www.rsjournal.net/sovremennaya-istoriografiya-belarusi-nekotorye-tendencii-v-izuchenii-otechestvennoj-istorii>> (дата обращения: 15.09.2014).
18. Конон В. Белорусская идея и миссия Беларуси // Беларус. думка. 1992. № 11–12. С. 10–14.
19. Лекция «Исторический выбор Республики Беларусь» в БГУ, 14 марта 2003 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <http://president.gov.by/ru/news_ru/printv/lektsiya-istoricheskij-vybor-respubliki-belarus-v-bgu-5819/> (дата обращения: 15.09.2014).
20. Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі ў XIX–XX ст. / пер. з ням. СПб. : Неўскі прасцяг, 2003.
21. Лукашенко А. Г. Беларусь в современном мире: выступление Президента Республики Беларусь на встрече со студентами и преподавателями БГУ, 12 февр. 2008 г. Минск : БГУ, 2008.
22. Меркаванне. Алег Трусаў: Чаму Лукашэнка загаварыў па-беларуску [Электронный ресурс] // TUT. by: белорусский портал. (02.07.2014). URL: <<http://news.tut.by/politics/405569.html>> (дата обращения: 05.07.2014).
23. На Брлевском поле прошел митинг-реквием в честь 200-летия войны 1812 года, и было восстановлено сражение на Березине [Электронный ресурс] // Информ. портал «Русь молодая». (26.11.2012). URL: <<http://rumol.org/2012/11/26/na-brilevskom-pole-proshel-miting-rekviem-v-chest-200-letiya-voyny-1812-goda-i-bylo-voss-tanovleno-srazhenie-na-berezine/>> (дата обращения: 15.09.2014).
24. О Государственном гербе Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 19 сент. 1991 г. № 1086-XII [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
25. О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики: декларация Верховного Совета БССР от 27 июля 1990 г. № 193-XII [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
26. О Государственном флаге Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 19 сент. 1991 г. № 1090-XII [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
27. О переименовании некоторых проспектов и улиц в г. Минске: Указ Президента Респ. Беларусь от 7 мая 2005 г. № 216 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
28. О ратификации договора о создании Союзного государства : Закон Респ. Беларусь от 24 дек. 1999 г. № 343-3 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
29. Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию, 22 апр. 2014 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Респ. Беларусь. URL: <http://president.gov.by/ru/news_ru/view/aleksandr-lukashenko-obraschaetsja-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-8549/> (дата обращения: 15.09.2014).
30. Путин и Лукашенко вновь обсудят, каким должен быть Союз [Электронный ресурс] // ВЕСТИ. RU. (14.08.2012). URL: <<http://www.vesti.ru/doc.html?id=9039&tid=5308>> (дата обращения: 12.02.2014).
31. Республиканский референдум 14 мая 1995 года [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Респ. Беларусь по проведению выборов и национальных референдумов. URL: <<http://www.rec.gov.by/Archive-Referenda1995>> (дата обращения: 15.02.2012).
32. Республиканский референдум 24 ноября 1996 года [Электронный ресурс] // Центральная комиссия Респ. Беларусь по проведению выборов и национальных референдумов. URL: <<http://www.rec.gov.by/Archive-Referenda1996>> (дата обращения: 12.05.2014).

33. *Шиптенко С.* Почему Лукашенко проигнорировал празднование 1025-летия Крещения Руси? [Электронный ресурс] // Информ. агентство «Regnum». (28.07.2013). URL: <<http://www.regnum.ru/news/1688791.html>> (дата обращения: 15.09.2014).
34. *Снапкоўскі У. Е.* «Беларускі народ», ці «Народ Беларусі»: аб тэрміналогіі двух важнейшых дзяржаўных дакументаў Беларусі пачатку 1990-х гг. // Рэспубліка Беларусь: 20 год незалежнасці : зб. матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 24–25 ліст. 2011 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск : Беларус. навука, 2012. С. 100–104.
35. *Снапкоўскі У. Е.* Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі : у 2 ч. Мінск : БДУ, 2004. Ч. 2.: Ад канца XVIII да пачатку XXI ст.
36. Совет Министров Республики Беларусь утвердил Государственную программу «Замки Беларуси» на 2012–2018 гг. [Электронный ресурс] // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. (11.01.2012). URL: <<http://www.pravo.by/main.aspx?guid=44393>> (дата обращения: 15.09.2014).
37. *Тихомиров А. В.* Внешняя политика Республики Беларусь в 1991–2011 гг. Минск : Право и экономика, 2014.
38. Философ: Попытки вывести идентичность белорусов из так называемого Великого княжества Литовского уничижительны [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Regnum». (16.03.2012). URL: <<http://www.regnum.ru/news/1510598.html>, 16.03.2012> (дата обращения: 15.09.2014).
39. *Шнакоўскі А.* Беларускі нацыяналізм. Новы вобраз беларускай ідэі [Электронный ресурс] // NAVINY. by: белорусские новости. (30.03.2012). URL: <http://naviny.by/gubrics/opinion/2012/03/30/ic_articles_410_177351/> (дата обращения: 15.09.2014).
40. *Шнакоўскі А.* Нацыянальная ідэя. Час Вандэі мінуў [Электронный ресурс] // NAVINY. by: белорусские новости. (15.12.2012). URL: <http://naviny.by/gubrics/opinion/2012/12/15/ic_articles_410_180220/> (дата обращения: 15.09.2014).
41. Эксперт: белорусам необходимо вернуть русскую составляющую национального самосознания [Электронный ресурс] // Информ. агентство «Regnum». (28.03.2011). URL: <<http://www.regnum.ru/news/1388507.html>, 28.03.2011> (дата обращения: 15.09.2014).
42. *Янушевская А.* Представитель ИАЦ предлагает вычеркнуть период ВКЛ из истории Беларуси [Электронный ресурс] // TUT. by: белорусский портал. (15.03.2012). URL: <<http://news.tut.by/society/279159.html>> (дата обращения: 11.02.2014).
43. *Buhr R., Hoffman S.* Belarus: an emerging civic nation? // Nationalities Papers. 2011. Vol. 39, № 3. S. 425–440.
44. *D'encausse C.* La Bielorussie: invention du pouvoir sovietique // Le Figaro. 1991. 28 août.
45. Lithuanian and Belarusian national identity in the context of European integration / ed. by S. Hoffman, R. Buhr. Kaunas : Vytautas Magnus University, 2013.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2014 г.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КАДРОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

О. И. Лазоркина

В статье описываются особенности подготовки и требования к специалистам дипломатической службы в разные исторические периоды. Автор отмечает, что в современных условиях характер работы дипломатов кардинально изменился. Информационная революция и внедрение новых технологий поставили вопрос об изменении системы подготовки дипломатических кадров, отвечающих современным требованиям. Формы подготовки дипломатов становятся все разнообразнее. Ключевым в решении этой проблемы является реформирование системы университетского образования.

Автор делает вывод о том, что формирование корпуса высококвалифицированных дипломатических кадров возможно лишь при тесном взаимодействии образовательных и специальных учреждений, комбинировании в учебном процессе теории и практики, активном обмене опытом с зарубежными специалистами.

The article is focused on the peculiarities of professional training and requirements imposed to specialists of the diplomatic service in different historical periods. The author notes that in contemporary conditions the nature of the diplomat work has changed dramatically. The information revolution and introduction of new technologies have raised the question of changing the system of diplomatic personnel training to meet contemporary requirements. Forms of the professional training are getting more diverse. Reforming the system of university education.

The author makes a conclusion that the formation of a highly qualified diplomatic corps is only possible through close collaboration of educational and specialized institutions, combining theory and practice in the educational process and the active exchange of experience with foreign specialists.

Ключевые слова: дипломатическая служба, профессия дипломата, личные качества, новые вызовы дипломатии, подготовка дипломатических кадров, повышение квалификации дипломатических работников.

Keywords: diplomatic service, the diplomat profession, personal qualities, new challenges of diplomacy, diplomatic personnel training, advanced training of diplomatic staff.

Кардинальные изменения в системе международных отношений в конце XX – начале XXI в. ставят государства перед необходимостью искать пути модернизации дипломатических служб, совершенствования подготовки и воспитания дипломатических кадров. Эта задача особенно актуальна для Беларуси, которая стремится занять достойное место на мировой арене. На современном этапе человеческий фактор приобретает все большее значение в дипломатии. Вопрос о будущем дипломатии – практически постоянный предмет дискуссий специалистов из разных сфер.

Цель статьи – анализ особенностей подготовки дипломатических кадров и требований, предъявляемых к ним в разные исторические периоды.

Вопросы подготовки кадров дипломатической службы получили освещение в ряде исследований зарубежных ученых и дипломатов. Среди них необходимо упомянуть работу известного французского писателя и дипломата Франсуа де Кальера [6]. Его труд является своего рода пособием для ведения переговоров. В XIX в. французский дипломат Ж. Камбон опубликовал свою работу, которая освещает многие вопросы из дипломатической практики той эпохи и содержит практические рекомендации для дипломатов [7].

Среди современных исследователей данная проблематика нашла свое освещение в работах таких исследователей, как Р. Заллет [1], Т. В. Зонова [2; 3], В. М. Матвеев [10], Э. Сатоу [14]. В отечественной историографии вопросы подготовки дипломатических кадров рассматриваются в рамках общих работ по основам дипломатии и дипломатическому протоколу таких авторов, как Л. В. Лойко [9], Г. Н. Михалькевич [11], А. В. Шарапо [15].

Процесс подготовки дипломатов в современных условиях требует постоянного совершенствования и корректировки с учетом меняющихся геополитических реалий. Среди вопросов, которые активно обсуждаются в настоящее время, можно выделить следующие:

- что изменилось, что будет продолжать меняться в дипломатии как в профессии, так и в среде в которой она функционирует?
- каковы требования к дипломатии в «глобализирующемся» мире?
- каково влияние современных информационных технологий на организацию деятельности дипломатических представительств?
- какими инструментами должен владеть дипломат в XXI в., какую квалификацию он должен иметь, чтобы преуспеть в этой профессии, чему его должны учить и что он должен воспитывать в себе?

Несомненно, что в будущем в дипломатической службе сохранится традиционная составляющая. О значимости этой древнейшей профессии сказано немало в различные периоды истории и разными людьми. «Дипломатия – старинное средство общения народов, а дипломат – мастер политического диалога с противником. Его оружием является слово, а иногда даже... молчание. Обычные слова, как и молчание, порой обретают такую силу, что способны остановить могучую поступь армий. История человечества зачастую зависит от слов – ими начинаются войны, словами их и завершают» [13, с. 245].

Так, в Древней Греции послами избирались лица, пользовавшиеся наибольшим авторитетом и известные своими способностями и связями. Как правило, это были люди почтенного возраста. Особенно ценным качеством послов считалось их красноречие –

умение излагать свои мысли и производить на слушателей впечатление. Поэтому для выполнения роли послов часто выбирали талантливых актеров.

В Средние века дипломат должен был быть ученым-теологом, философом, хорошо знакомым с Аристотелем и Платоном. Кроме того, быть знатоком математики, архитектуры, физики, гражданского и канонического права, музыки, владеть греческим, французским, испанским и турецким языками, иметь глубокие знания по военным наукам [12].

В XVIII в. французский дипломат Франсуа де Кальер в своей книге «О способах вести переговоры с монархами» (1716 г.) определил качества, которые ценились и ценятся во все времена. К ним он отнес: внимательный и прилежный ум, не позволяющий себе отвлекаться удовольствиями и забавами; здравый смысл, отчетливо воспринимающий вещи такими, как они есть; проницательность, позволяющую угадывать, что происходит в сердцах людей. Особенно необходимо, чтобы дипломат достаточно хорошо владел собой и умел противостоять неудержимой потребности заговорить раньше, чем он основательно продумал то, что собирается сказать [6, с. 94].

Вместе с тем появился достаточно широкий перечень современных требований. Среди них можно выделить:

- мультидисциплинарное образование;
- знание межкультурной коммуникации;
- наличие высокого уровня толерантности;
- готовность к обучению на протяжении всей жизни;
- стрессоустойчивость в кризисных ситуациях;
- управленческие навыки;
- умение работать в команде;
- подлинный интерес к глобальным проблемам.

В связи с этим встает закономерный вопрос: должен ли быть дипломат универсалом или узким специалистом? Однозначный ответ на этот вопрос дать достаточно сложно. Однако дипломаты при выполнении ежедневной работы сталкиваются с рядом проблем, решить которые узкий специалист не в состоянии. Посол как глава диппредставительства вынужден принимать решение, и правильность зависит от его компетенции. Ошибки посла могут быть чреваты серьезными последствиями для представляемого государства. Выход дипломаты видят в самосовершенствовании путем приобретения дополнительных знаний, соответствующих современным требованиям.

Государства, которые не обладают финансовыми возможностями для комплектования посольств специалистами разных квалификаций, делают ставку на мультидисциплинарный подход в образовательном процессе. Современные дипломаты должны обладать знаниями в таких областях, как экономика, международное право, кризисное управление, права человека, публичная дипломатия, экология и устойчивое развитие и др. Как отмечает профессор Т. В. Зонова, в условиях информационной революции структуры, профессионально занимающиеся обучением дипломатических кадров, взяли на вооружение впервые появившуюся в

недрах бизнеса концепцию «менеджмента знаний». Она подразумевает овладение комплексом знаний в области информации и тренинга в сочетании с опытом и интуицией [2, с. 487].

Решение озвученных выше проблем в разных странах зависит от многих факторов. Формы подготовки дипломатических кадров становятся все более разнообразными.

Один из старейших вузов России МГИМО, являющийся кузницей кадров для дипломатической службы, основной задачей в подготовке дипломатов видит усиление практической составляющей в учебном процессе. Преподавание инструментальных, прикладных дисциплин формирует навыки для будущей практической деятельности и позволяет учитывать современные требования в дипломатической сфере. Кроме того, кафедры активно привлекают к преподаванию руководящий состав МИД и других государственных учреждений. Студенты также имеют возможность проходить преддипломную практику непосредственно в МИД.

Перечень дисциплин, изучаемых будущими дипломатами, постоянно обновляется. Он включает как традиционные курсы, так и отражающие современные тенденции в подготовке дипломатических кадров — «История дипломатических школ и теория дипломатии», «Дипломатическая и консульская служба и протокол», «Особенности энергетической дипломатии», «Международные переговорные системы XXI века: теория и практика», «Макро- и микроэкономическая дипломатия». Важным направлением в подготовке дипломатов является региональная дипломатия с углубленным изучением проблем формирования внешней политики разных стран, истории взаимоотношений с ближайшими соседями, роли и задач на международной арене [8].

После провозглашения независимости Республики Беларусь одной из самых острых проблем было отсутствие специалистов в сфере международных отношений. Учебные заведения страны не осуществляли подготовку такого рода специалистов, так как это было прерогативой МГИМО во времена Советского Союза. Как неоднократно отмечал в своих выступлениях основатель факультета международных отношений профессор А. В. Шарапо, в Республике Беларусь была проделана колоссальная работа, начинавшаяся, по сути, с нуля. Базой для подготовки специалистов-международников стал исторический факультет Белорусского государственного университета. При разработке первых учебных программ использовался опыт МГИМО, были установлены контакты с зарубежными вузами. В результате в 1995 г. был образован факультет международных отношений. В настоящее время он осуществляет подготовку специалистов для разных сфер международного сотрудничества. Весь учебный процесс связан с практическими потребностями МИД Республики Беларусь и других государственных учреждений, нуждающихся в специалистах-международниках. В последние годы факультет международных отношений заметно активизировал контакты со специалистами и учеными из стран ближнего и дальнего зарубежья. Для чтения лекций приглашаются ведущие ученые Наци-

ональной академии наук, специалисты Министерства иностранных дел, работники Исполнительного секретариата СНГ и др. Ежегодно совершенствуются учебные программы и расширяется перечень специальных курсов для изучения современных проблем международной политики и дипломатии. Важным направлением в работе факультета стала научно-исследовательская деятельность. Профессорско-преподавательским составом подготовлены монографии и учебные пособия, освещающие вопросы внешней политики и дипломатии Республики Беларусь. Одна из перспективных задач факультета международных отношений — создание Центра повышения квалификации и переподготовки кадров для сферы международного сотрудничества [15].

Однако самые заметные сдвиги в подготовке дипломатических кадров как в университетском образовании, так и повышении квалификации уже непосредственно дипломатов связаны с усилением экономического фактора во внешней политике многих стран. В последнее десятилетие широкое распространение получил термин «экономическая дипломатия».

В настоящее время продвижение экспорта — постоянная и существенная задача любого посольства. Экономические департаменты появились в посольствах еще в начале XX в. Сейчас вопрос заключается в том, как объединить эти две профессии — специалиста в области экономики и дипломата. Вот только небольшой перечень задач, которые ставятся перед посольствами в экономической сфере:

- сбор информации об экономической ситуации в стране пребывания для обеспечения крупных проектов и заключения различных торговых контрактов;
- анализ экспортной конкурентоспособности аккредитирующей страны;
- создание и пополнение банка данных о текущем состоянии мировой экономики и торговли;
- выявление потенциального политического и социального риска, чреватого негативными последствиями для деловых отношений со страной пребывания;
- разработка необходимых стандартов для экспортных компаний [2, с. 469; 4, с. 273].

Очевидно, что современные дипломаты должны обладать достаточно серьезными знаниями в сфере экономики, для того чтобы посольство могло выполнить поставленные задачи.

В соответствии с необходимостью усиления экономической подготовки дипломатических кадров учебные заведения и центры повышения квалификации разных стран предлагают для изучения специальные курсы. Так, учебный отдел Форин-офиса начал предлагать начинающим дипломатам небольшие спецкурсы по «Мировой экономике и финансам». В отдельных случаях их направляют на стажировку в крупные фирмы и банковские учреждения. Относительно недавно британским дипломатам вменено в обязанность закончить курсы менеджмента и маркетинга.

Молодые германские дипломаты в течение четырех недель проходят подготовку по проблемам

международной торговли и финансов. За этим следует двухнедельный семинар, в ходе которого проигрываются модели лоббирования национального бизнеса за рубежом. Кроме того, начинающие дипломаты проходят также 2–3-недельные стажировки в наиболее солидных немецких фирмах.

Во французской системе кадрового обеспечения экономической дипломатии широкое развитие получил принцип взаимозаменяемости кадров (interministerialite) — кадровая политика, основанная на положении об универсальной компетентности любого администратора, достигшего определенного уровня. При знакомстве с деятельностью смежных ведомств, в том числе экономического профиля, чиновники расширяют, таким образом, свой кругозор и повышают профессиональный уровень. В последнее время получает также распространение практика откомандирования кадров экономической дипломатии на крупные предприятия с большой долей государственного участия в акционерном капитале, например заводы «Рено», «Эйр Франс» и др. [5].

Не остались в стороне от этих процессов и вузы постсоветского пространства. Подготовкой подобных специалистов для МИД России осуществляется преимущественно на базе факультета международных экономических отношений МГИМО (У), в рамках которого существует пятилетняя программа подготовки экономистов-международников, имеющих специализацию «Экономическая дипломатия». В учебные планы МГИМО внедрены такие курсы, как «Экономическая дипломатия», «Энергетическая дипломатия», «Международные финансовые рынки», «Международные экологические стандарты» [4, с. 273].

В 1979 г. декан Школы права и дипломатии им. Флетчера Э. Гуллион на вопрос, будут ли еще дипломаты в 2000 г., ответил: «Традиционные дипломаты эпохи Венского конгресса находятся на пути к вымиранию. Но все же и в новую эпоху необходима будет служба, которая является хранилищем истории цивилизации, она будет по-прежнему нуждаться в мудрых и умелых посредниках. Дипломаты всегда будут востребованы, в мирных или военных условиях, всегда будут необходимы люди, которые могут предвидеть проблемы и решить их. В идеале дипломат — это человек, который “управляет случаем”, как описывал Демосфен афинского дипломата, человек, на чью мудрость, уравновешенность, добрую волю, честность и верность государство может рассчитывать» [16].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в любую эпоху к дипломатам предъявлялись самые высокие требования. В современных условиях характер работы дипломатов кардинально изменился. Вместе с тем в профессии сохраняется и традиционная составляющая. Она касается прежде всего личных качеств дипломата и необходимости постоянного самосовершенствования. Человеческий фактор не только сохраняет, но и приобретает все большее значение в дипломатии. Выбор оптимального подхода в решении современных проблем дипломатии неразрывно связан с кадровым вопросом.

Проблема подготовки высококвалифицированных специалистов, отвечающих всем современным требованиям, — одна из важных задач практически для всех государств. Ключевым в решении этой проблемы является реформирование системы университетского образования, т. е. первой ступени подготовки дипломатических кадров. Повышению квалификации дипломатических работников отводится вспомогательная, однако не менее важная роль. Своевременное реагирование на новые вызовы, стоящие перед дипломатией, и внесение корректив в практическую деятельность дипломатов является задачей структур по повышению квалификации.

Важной составляющей в работе дипломатов является продвижение экономических интересов государства. В ряде зарубежных стран (Германии,

Франции, Великобритании) проблема подготовки дипломатов для сферы экономической дипломатии успешно решается. Как показывает опыт, наиболее эффективные формы обучения — стажировки в крупных фирмах и банках. Вместе с тем в учебный процесс университетов активно внедряются специальные экономические дисциплины при подготовке дипломатов на базе первой ступени высшего образования. Мультидисциплинарный подход рассматривается как оптимальный для обучения такого рода специалистов.

На современном этапе формирование корпуса высококвалифицированных дипломатических кадров возможно лишь при тесном взаимодействии образовательных и специальных учреждений, комбинировании в учебном процессе теории и практики, активном обмене опытом с зарубежными специалистами.

Библиографические ссылки

1. Заллет Р. Дипломатическая служба. М. : Изд-во ин. лит., 1956.
2. Зонина Т. В. Новые проблемы дипломатии // Современ. междунар. отношения и мировая политика / под ред. А. В. Торкунова. М. : Просвещение, 2004. С. 467—494.
3. Зонина Т. В. Роль экономического фактора в истории дипломатии // Внешнеэконом. связи. 2005. № 6. С. 54—62.
4. Дипломатическая служба : учеб. пособие / под ред. А. В. Торкунова. М. : РОССПЭН, 2002.
5. Дегтерев Д. А., Мусаев Д. У. Дипломат, а также «экономист, коммивояжер, рекламный агент» // Междунар. жизнь. 2009. № 2—3. С. 84—95.
6. Кальер Ф. де. О способах ведения переговоров с государствами. М., 2000.
7. Камбон Ж. Дипломат. М. : Науч. книга, 2006.
8. Кафедра дипломатии МГИМО [Электронный ресурс]. URL: <<http://www.mgimo.ru/study/faculty/mo/kdip/?text=full>> (дата обращения: 01.06.2014).
9. Лойко Л. В. Основы дипломатии. Дипломатическая служба : учеб. пособие. Минск : БГУ, 2008.
10. Матвеев В. М. Британская дипломатическая служба. М. : Междунар. отношения, 1984.
11. Михалькевич Г. Н. Протокол и этикет международного общения. Минск : РИВШ, 2012.
12. Никифоров Д. С., Борунков А. Ф. Дипломатический протокол в СССР: принципы, нормы, практика // Adhdportal [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adhdportal.com/book_2089_chapter_4__2._DIPLOMATY.html> (дата обращения: 17.05.2014).
13. Пикуль В. С. Пером и шпагой. Битва железных канцлеров : романы. М., 2008.
14. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М. : Ин-т междунар. отношений, 1961.
15. Шарапо А. В. Подготовка дипломатических кадров на факультете международных отношений Белгосуниверситета // Беларусь в современном мире : материалы II Респ. науч. конф., 17—18 дек. 2003 г. / редкол. : А. В. Шарапо [и др.]. Минск : РИВШ, 2004. С. 3—5.
16. Sucharipa E. 21st Century Diplomacy [Electronic resource] // Diplo. URL: <<http://campus.diplomacy.edu/lms/pool/BD%20materials/Sucharipa.htm>> (date of access: 20.05.2014).

Статья поступила в редакцию 6 июня 2014 г

БЕЛОРУССКО-ШВЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ (1992–2013 гг.)

Е. В. Навошник

Статья посвящена развитию политических отношений между Республикой Беларусь и Королевством Швеция в 1992–2013 гг. Основная задача — изучить процесс становления и развития политических отношений двух стран. Проанализированы подходы внешней политики Беларуси и Швеции в развитии политических отношений, выделены этапы двустороннего сотрудничества, определен характер визитов политического уровня.

The article deals with the topical problem which is the development of political relations between Belarus and Sweden in 1992–2013. The author aims to investigate the process of establishment and development of bilateral political relations. The article provides the analysis of the main foreign policy approaches of Belarus and Sweden that have influenced the development of political relations; marks out the periods of bilateral cooperation; and identifies the nature of the political visits.

Ключевые слова: Беларусь, Швеция, белорусско-шведские отношения, политические контакты, двусторонние отношения, периоды сотрудничества, визиты.

Keywords: Belarus, Sweden, Belarusian-Swedish relations, political contacts, bilateral relations, periods of cooperation, visits.

История белорусско-шведских дипломатических отношений насчитывает более двух десятилетий. На протяжении всего этого времени отношения двух государств развивались неравномерно. После произошедшего в августе 2012 г. дипломатического конфликта отношения между Беларусью и Швецией вступили в период очередного кризиса. Со второй половины 2013 г. стороны предприняли определенные шаги для урегулирования ситуации и возобновления диалога.

Анализируя события, автор изучает процесс становления и развития политических отношений двух стран. Задачами данной статьи являются: 1) изучение политико-правовых аспектов белорусско-шведских отношений; 2) выделение этапов двустороннего взаимодействия; 3) определение интенсивности и характера политических контактов (как показателя динамики сотрудничества).

Необходимо отметить, что белорусско-шведские отношения в политической сфере до настоящего времени изучены недостаточно. Крупных научных публикаций по данной проблеме автором не обнаружено. Источниковую базу работы в основном составили статьи печатных и электронных белорусских и шведских СМИ [1; 2; 35; 39], а также материалы интернет-сайтов ряда официальных государственных органов Беларуси и Швеции, прежде

всего Министерства иностранных дел Республики Беларусь [11; 13; 14], шведского правительства и правительственных органов [47; 53].

При анализе политического взаимодействия Беларуси и Швеции следует учитывать, что отношения осуществлялись между разнотипными государствами: между возникшим в начале 1990-х гг. на политической карте мира малоизвестным постсоветским государством и страной с многовековой политической историей, между государством с переходной экономикой и государством с устоявшейся социально-экономической моделью (известной под названием «шведский социализм»). В то же время нельзя не отметить, что Беларусь и Швеция — это два государства, сопоставимые по количеству населения (Швеция — 9633,5 тыс. чел. на 31 октября 2013 г. [41]; Беларусь — 9467,2 тыс. чел. на 1 ноября 2013 г. [27]).

В ходе исследования был проведен анализ политических документов, принципов (установок), регулировавших отношения между Беларусью и Швецией, а также изучен процесс политического взаимодействия (включая развитие договорно-правовой базы и политические контакты) в хронологическом порядке с выделением этапов сотрудничества. Полученные результаты резюмируются в заключительной части статьи.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

С белорусской стороны взаимодействие со Швецией основывалось на общих принципах внешней политики, которые были изложены в Основном законе, ряде законодательных актов (например, в Законе «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [21], «Концепции национальной безопасности» (2010 г.) [38]). Беларусь не выходила за рамки общей политической линии европейского вектора, не выделяла сотрудничество со Швецией в некий приоритет. Официального документа, регламентирующего отношения с конкретной страной Евросоюза — Швецией, — автором не обнаружено. Вместе с тем в качестве концептуальных документов, опре-

делявших отношения со Швецией, можно рассматривать заявления и выступления Президента Республики Беларусь и официальные комментарии МИД Республики Беларусь. Они отражали колебания в двусторонних отношениях.

Говоря о выступлениях А. Г. Лукашенко, следует отметить заявление, сделанное в ноябре 2005 г. на церемонии вручения послом Швеции в Российской Федерации и Беларуси по совместительству Юханом Меландером верительных грамот. В частности, президент отметил, что свою цель в политике он обозначил как построение социально ориентированной экономики и назвал страны, которые в этом плане явились бы примером, — технологичная Германия и

Швеция. А. Г. Лукашенко также дал оценку состояния двусторонних отношений: «Я благодарен за взвешенную политику Швеции и ту позицию, которую вы занимаете в Европе по отношению к Беларуси. Главное, чтобы мы вели диалог между государствами, обсуждали проблемы и делали соответствующие выводы» [14].

Президент Республики Беларусь неоднократно подчеркивал привлекательность сотрудничества со Швецией, прежде всего в использовании опыта построения социально-экономической модели развития. Об этом было заявлено и на встрече с председателем Совета шведской промышленности Эриком Белфраге в ноябре 2009 г.

А. Г. Лукашенко отметил, что Беларусь многому училась у Швеции и многое переняла. Однако в этом заявлении оценка двустороннего взаимодействия была уже с намеком на существующие препятствия: «Хоть вы нас и критикуете за отдельные вопросы, но учились мы у вас», — сказал А. Г. Лукашенко во время переговоров [11; 33].

Еще одно заявление президента касательно Швеции прозвучало как реакция на дипломатический конфликт августа 2012 г. (Это касается закрытия посольства Беларуси в Швеции). А. Г. Лукашенко отметил, что в случае необходимости Беларусь может разместить его в других, соседних со Швецией, странах, таких как Финляндия, Норвегия, Дания, и уже через него работать со Швецией. «Захотите вы с нами сотрудничать, милости просим, мы в любой момент вернемся на вашу землю и пригласим вас в Беларусь», — подчеркнул белорусский лидер [15].

С другой стороны, сотрудничество Швеции с Беларусью строилось преимущественно на основе разработанных государственными органами специальных программ. Определенное повышение интереса к Беларуси и мониторинг ее внутривнутриполитических процессов прослеживается в парламентских и правительственных документах начиная с 1999 г. В основном это предложения в риксдаг, касающиеся Беларуси, парламентские дебаты и официальные ответы на эти документы; письменные запросы в парламент от граждан и официальные ответы на них; заявления и отчеты по ситуации в Беларуси [42; 43; 51; 52; 58]. Следует отметить, что в большинстве своем эти документы были направлены на рассмотрение процессов демократизации и состояния прав человека в Республике Беларусь.

Начиная с 2002 г. отношения с Беларусью стали регулироваться специально разработанными внешнеполитическим ведомством и организацией СИДА (Шведское агентство международного развития) концепциями сотрудничества с Беларусью («Стратегия развития отношений с Беларусью на 2002–2004 гг.», «Стратегия развития отношений с Беларусью на 2007–2010 гг.», «Стратегия развития отношений с Беларусью на 2011–2014 гг.» [46; 48; 56]).

Цель сотрудничества Швеции с Беларусью, изложенная в страновой стратегии сотрудничества на 2002–2004 гг., — поддержка демократизации и модернизации белорусского общества. Сотрудничество было направлено на создание общих инициатив по преодолению изоляции республики и

подготовки почвы для будущих реформ. Очень важной являлась также задача установления более тесных отношений Беларуси со Швецией и ЕС [46]. Однако, как резюмировали авторы документа, что касается реальных изменений, то в большинстве случаев эффект этих мер был ограниченным [48]. По решению правительства действие концепции распространялось на 2005–2006 гг.

Шведская помощь Беларуси в период 2002–2005 гг. составила 138 млн шведских крон (21 млн долл. США). В 2006 г. на проекты двустороннего взаимодействия было выделено порядка 40 млн шведских крон (6 млн долл. США) [48].

В «Стратегии развития отношений с Беларусью на 2007–2010 гг.» было выделено несколько направлений, главным из которых стало «демократия, гражданское общество, права человека, СМИ и информация». Основная задача в этой сфере декларировалась в создании жизнеспособного, плюралистического гражданского общества, где граждане могут принимать все большее участие в политической жизни и иметь доступ к независимым средствам массовой информации. Другими важными областями сотрудничества были названы «культура, образование и наука», «сектор частного бизнеса», «окружающая среда», «социальные службы и охрана здоровья». В стратегии особо отмечалось, что «Швеция должна быть готова быстро инициировать программу полного сотрудничества с белорусским политическим руководством в случае демократических изменений в стране». Бюджет программы увеличился ежегодно на 70 млн шведских крон (10,6 млн долл. США) [48].

Очередная официальная концепция Стокгольма охватывала период 2011–2014 гг. В «Стратегии сотрудничества с Беларусью на 2011–2014 гг.», как и в предыдущих документах, повторялось, что долгосрочной целью Швеции и всей остальной Европы является превращение Беларуси в современное, политически плюралистическое и демократическое государство, основанное на верховенстве закона и уважении прав человека. В Беларуси, по мнению шведских экспертов, до сих пор наблюдается реальная необходимость реформ в сферах демократии, прав человека и гендерного равенства. Однако в концепции был озвучен и новый тезис — заинтересованность Швеции в экологически устойчивом обществе в Беларуси. Экологически устойчивое общество в Беларуси было названо в стратегии непосредственным интересом Швеции, поскольку Беларусь — это близкий сосед по Балтийскому региону. Было отмечено, что реформы такого плана часто требуют сотрудничества между акторами гражданских общественных и правительственных организаций, а это та сфера работы, в которой Швеция считается высококвалифицированной [56].

Объем шведского финансирования по этой программе составил 120 млн шведских крон ежегодно (18,5 млн долл. США). Эти средства было запланировано потратить на демократическое развитие, характеризующееся уважением прав человека, на защиту окружающей среды, на улучшение условий для рыночной экономики и развитие более тесных связей с ЕС [56]. Для сравнения: аналогичная

стратегия по сотрудничеству с Республикой Молдова на 2011–2014 гг. предусматривала ежегодный объем финансирования в 110 млн шведских крон (16,7 млн долл. США) [54], а объем финансирования программы сотрудничества с Украиной на

2009–2013 гг. составил 180–220 млн шведских крон в год (27–33,5 млн долл. США) [55]. Таким образом, в денежном выражении интерес к Беларуси практически совпадал с интересом к гораздо меньшей по территории и населению Молдове.

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКО-ШВЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

В своем развитии отношения между Республикой Беларусь и Королевством Швеция прошли несколько этапов. На ход их эволюции решающее влияние оказывали отношения между Беларусью и ЕС. Тем не менее предложенная периодизация в большей степени обусловлена событиями двустороннего масштаба.

Первый период (декабрь 1991–1996 гг.) включает в себя время установления и постепенного налаживания отношений.

В качестве точки отсчета берется дата официального признания Швецией Республики Беларусь. Независимость Республики Беларусь была признана Королевством Швеция 19 декабря 1991 г. [57]. По мнению белорусских исследователей, с политической точки зрения большинство наиболее важных признаний произошло в 1991 г. Так, в декабре 1991 г. в числе первых Беларусь признали Россия и Украина (по результатам Беловежских соглашений 8 декабря 1991 г.), Турция (16 декабря 1991 г.), Швеция (19 декабря 1991 г.), Монголия (20 декабря 1991 г.), США (27 декабря 1991 г.) [10].

Тем не менее во многих ведущих шведских СМИ особо подчеркивалось, что Швеция стала первой страной в мире, признавшей Беларусь как свободное и независимое государство. Таким образом, признание со стороны Российской Федерации и Украины не бралось Швецией в расчет, а факт государственного признания Беларуси Турцией рассматривался как автоматический, поскольку Турция одновременно признала независимость всех бывших советских республик [53].

В шведской прессе также делался акцент на особую значимость для Беларуси факта признания Швецией ее суверенитета. Так, в авторитетном шведском издании «Дагенс Нюхетер» описывалось, как министр иностранных дел Беларуси Петр Кравченко был настолько воодушевлен известием, что лично позвонил послу Швеции в Москве Орьяну Бернеру, чтобы удостовериться, что новость о признании была правдой [37]. Следует отметить, что одновременно с Беларусью Швеция признала независимость России и Украины.

Спустя месяц после процедуры признания были установлены дипломатические отношения. Соответствующее соглашение было подписано 14 января 1992 г. министрами иностранных дел Беларуси и Швеции Петром Кравченко и Маргаретой аф Угглас в Минске [36]. Соглашение было подписано в ходе официального визита шведской делегации. Следует отметить, что это первый и единственный визит представителя такого высокого уровня, как министр иностранных дел, в Республику Беларусь. По итогам поездки МИД Швеции принял решение не

открывать посольство в Беларуси, а послом в Минске по совместительству назначить посла Швеции в Москве (Орьяна Бернера) [49].

На практике это решение было реализовано лишь спустя почти три года. Тогда уже не Орьян Бернер, а сменивший его Свен Хирдман – чрезвычайный и полномочный посол Швеции в Российской Федерации и Республике Беларусь по совместительству – в декабре 1994 г. вручил верительные грамоты Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко (в ноябре 2005 г. верительные грамоты вручал посол Швеции в Российской Федерации и Беларуси по совместительству Юхан Меландер) [5]. Длительная пауза в развитии дипломатических отношений могла быть связана с ограниченностью двустороннего взаимодействия и разработкой шведской стороной общей линии сотрудничества со странами СНГ.

Белорусская сторона на начальном этапе сотрудничества (1992–1996 гг.) также не отличалась активностью в укреплении двусторонних отношений со Швецией. Это вполне можно объяснить сфокусированностью молодого государства на своих внутривнутриполитических процессах, выборе пути дальнейшего развития. Вместе с тем европейский вектор всегда виделся одним из приоритетов для белорусской внешней политики [1]. Однако Беларусь так и не смогла сформулировать конкретную программу сотрудничества с Центральной и Западной Европой и со Швецией в частности.

Основные усилия на первом этапе страны направляли на формирование правовой базы отношений и расширение экономического сотрудничества. Так, Соглашение о торговых отношениях между правительствами Республики Беларусь и Королевства Швеция было подписано 10 марта 1994 г. в г. Минске (вступило в силу 1 июля 1994 г.) [31]. Наряду с торговым 20 декабря 1994 г. было подписано Соглашение об инвестициях, которое вступило в силу в ноябре 1996 г. [35]. Стороны договорились о содействии и взаимной защите инвесторов на территории своих государств.

Во втором периоде (1996–1999 гг.) политические отношения между Беларусью и Швецией заметно ухудшились. Это было связано с негативной оценкой странами ЕС результатов проведенного в Беларуси в ноябре 1996 г. референдума [39]. Европейские государства выражали обеспокоенность «угрозой нарушения Конституции Беларуси и усиления президентской власти в стране» [50]. Разногласия сторон по поводу легитимности результатов референдума привели к тому, что в мировой политике был поставлен так называемый «белорусский вопрос».

Свою обеспокоенность ситуацией в Беларуси выразили на Лиссабонском саммите ОБСЕ (декабрь 1996 г.) шведские премьер-министр Йоран Перссон и министр иностранных дел Лена Хьелм-Валлен. Они назвали возможное усиление президентской власти в стране неконституционным путем одним из самых противоречивых вопросов саммита [44]. Глава МИД Швеции в ходе саммита выразила критику в адрес Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в связи с его «злоупотреблениями в отношении конституции и демократии в стране» [50]. «Однако ни он сам, ни представители его режима не принимают критики извне. Они считают, что все так и должно быть. Но они должны ощущать влияние негативной реакции других государств», — отметила Л. Хьелм-Валлен [50].

Ситуация в Республике Беларусь была рассмотрена на специальном заседании Совета министров иностранных дел ЕС 15 сентября 1997 г. Результатом стало приостановление политических контактов на высшем уровне и свертывание некоторых программ сотрудничества [39].

Таким образом, политический диалог Беларуси и Швеции был практически остановлен, однако двустороннее сотрудничество все же осуществлялось посредством развития экономических контактов. Так, в марте 1997 г. в шведском городе Кристианстад было открыто первое торговое представительство Беларуси в Швеции, деятельность которого распространялась на всю Скандинавию [60].

Новым витком напряженности в шведско-белорусских двусторонних отношениях стал конфликт, связанный с проблемой высылки послов ряда европейских государств из комплекса «Дрозды» (июнь 1998 г.). МИД Швеции осудил действия белорусской стороны, заявив, что «Швеция действительно старалась поддерживать рабочие отношения с Беларусью. Но теперь белорусское правительство сделало эти отношения еще более трудными» [59]. В заявлении было также отмечено, что высылка послов станет «очень большой ошибкой» [59]. Государства ЕС отзывали из Беларуси своих послов в июне 1998 г. Конфликт был урегулирован в декабре 1998 г.

Третий этап (1999–2010 гг.) характеризовался в основном *положительной динамикой в развитии двусторонних отношений*. За это время стороны реализовали заявленное в Соглашении об установлении дипотношений намерение учредить дипломатические представительства, осуществляли политический диалог, проявляли заинтересованность друг другом.

К основным событиям данного периода можно отнести открытие посольства Беларуси в Стокгольме, которое стало первым диппредставительством в истории двусторонних отношений. Белорусское посольство в Швеции заработало в ноябре 1999 г. Первым белорусским послом в Швеции стал Олег Ермолович, который вручил верительные грамоты королю Швеции Карлу XVI Густаву [5]. В январе 2005 г. посольство Беларуси в Швеции возглавил Андрей Гринкевич [5]. Следует отметить, что посольство открыло свои двери лишь спустя семь лет после установления дипотношений. Такая пауза, вероятно, была связана с проблемами финансирования.

Вместе с увеличением объема сотрудничества росло число желающих получить шведскую визу, расширялось присутствие шведских компаний на белорусском рынке. Для решения этих задач в мае 2000 г. начал свою работу офис почетного консула Королевства Швеция в Минске. Офис стал первым дипломатическим представительством Швеции в Беларуси. Почетным консулом был назначен шведский бизнесмен, управляющий директор первого белорусско-шведского совместного предприятия «Сандвик Бисов» Ларс Карман [5].

Успешной работе на территории Беларуси этого шведского предприятия («Сандвик Бисов»), а также предприятия «Мэрс Медикэл» (сложное медицинское оборудование) уделил во время своего выступления в Шведском доме промышленности глава белорусской делегации первый заместитель премьер-министра Республики Беларусь Сергей Сидорский. Это был самый высокий уровень представительства в визитах белорусских делегаций в Швецию. Визит проходил 24–25 апреля 2003 г. В состав делегации также входили министр энергетики В. Семашко, заместитель министра связи И. Рак, заместитель директора департамента Европы Министрства иностранных дел В. Довгань. В ходе визита представители крупнейших шведских промышленных и финансовых компаний были ознакомлены с экономической ситуацией в Республике Беларусь, ее промышленным и научно-техническим потенциалом, условиями ведения бизнеса в стране. Во время презентации состоялось обсуждение возможностей и направлений двусторонних торгово-экономических отношений, а также был достигнут ряд договоренностей об организации визитов в Беларусь представителей шведских компаний. По итогам переговоров подписан протокол о намерениях, в котором стороны договорились создать экспертную группу из заинтересованных представителей обеих сторон под патронажем наблюдательного совета. В последний вошли с белорусской стороны первый заместитель премьер-министра Республики Беларусь С. Сидорский и министр связи В. Гончаренко, со шведской — президент по рынкам Восточной Европы и Центральной Азии Бьёрн Хемстад [22].

Оживлению политического диалога, расширению сотрудничества во всех сферах содействовало повышение уровня дипломатического представительства Швеции в Минске. В сентябре 2003 г. МИД Беларуси была получена нота из посольства Королевства Швеция в Российской Федерации о решении учредить отделение посольства Швеции в Беларуси. В связи с открытием отделения в Минске с 11 по 13 ноября 2003 г. состоялся визит Чрезвычайного и Полномочного посла Швеции в Республике Беларусь по совместительству Свена Хирдмана. В рамках визита посол встретился с министром иностранных дел Беларуси С. Мартыновым и министром обороны Л. Мальцевым [23]. С ноября 2003 г. отделение посольства Швеции в Минске возглавлял Ян Шадек [23]. В сентябре 2005 г. главой шведского диппредставительства стал Стефан Эрикссон [32].

Особое внимание в двустороннем диалоге уделялось вопросам, связанным с укреплением границ, нелегальной миграцией, миграционной политикой и реадмиссией. Так, 19–20 ноября 2003 г. Минск

посетила шведская делегация в составе посла Министерства иностранных дел Королевства Швеция Нильса Розенберга, ведущего специалиста департамента по миграционной политике МИД Швеции Кристен Линдблад, представителя Государственного миграционного управления Швеции Милана Вовича. В ходе визита состоялись встречи шведской делегации с заместителем министра иностранных дел Александром Герасименко и заместителем министра внутренних дел А. Шурко, с представителями Государственного комитета пограничных войск и департамента по миграции Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [30].

В октябре 2004 г. во время визита М. Мясникова в Стокгольм в должности председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси состоялось подписание Соглашения о научно-техническом сотрудничестве между Национальной академией наук Беларуси и Королевской шведской академией инженерных наук. Соглашение было направлено на разработку и реализацию совместных проектов, обмен научной информацией, проведение совместных семинаров и конференций. В качестве приоритетов сотрудничества были определены информационные технологии, новые материалы и нанотехнологии, биотехнологии, энергетика и биоэнергетика [29].

В конце 2004 г. истек срок действия «Стратегии сотрудничества с Беларусью на 2002–2004 гг.». Шведской стороной было принято решение о продлении данного документа на 2005 г. Об этом в январе 2005 г. был проинформирован Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Беларусь в Королевстве Швеция.

А. Гринкевич на встрече с начальником отдела департамента Восточной Европы и Центральной Азии шведской правительственной организации СИДА Андерсом Хедлундом подчеркнул важность для развития двусторонних отношений реализуемых проектов в социальных сферах, таких как борьба с нелегальной миграцией, торговлей людьми, контрабандой наркотиков, в области здравоохранения, а также проектов, призванных стимулировать развитие контактов между парламентами, государственными структурами, общественными организациями и деловыми кругами двух стран [24].

В целях активизации двусторонних связей, воплощения в жизнь шведских инициатив по сотрудничеству с Беларусью в декабре 2007 г. правительство Швеции приняло решение об открытии полноценного посольства в Минске. В июне 2008 г. Стефан Эрикссон был назначен Чрезвычайным и Полномочным послом Королевства Швеция в Республике Беларусь. В сентябре 2008 г. он вручил верительные грамоты Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко [7]. Следует подчеркнуть, что на церемонии вручения посол Швеции присутствовал в национальном костюме.

В мае 2008 г. впервые была представлена польско-шведская инициатива «Восточное партнерство», направленная на политическое и экономическое сближение шести стран – соседей ЕС (в том числе Беларуси) с Евросоюзом. Официальный старт программа получила на саммите в Праге в 2009 г. Не

смотря каких-либо иллюзий по поводу «Восточного партнерства», посол Стефан Эрикссон отмечал, что вместе со всеми странами Евросоюза Швеция будет стремиться, чтобы хорошее начало программы «Восточное партнерство», которое было положено на саммите в Праге, получило какое-то реальное развитие на пользу Беларуси и ЕС [12].

2 декабря 2008 г. в Стокгольме прошли белорусско-шведские межмидовские консультации на уровне заместителя министра иностранных дел Республики Беларусь Валерия Воронцового и Государственного секретаря МИД Швеции Франка Белфраге. В ходе консультаций состоялось обсуждение всего спектра вопросов двустороннего сотрудничества, включая активизацию политического диалога, расширение торгово-экономического, инвестиционного, гуманитарного сотрудничества, развитие договорно-правовой базы. В рамках многосторонней повестки дня была обсуждена тематика взаимодействия между Республикой Беларусь и Европейским союзом, в первую очередь участие Беларуси в реализации шведско-польской инициативы «Восточное партнерство», вопросы упрощения процедуры и снижения стоимости виз, а также перспективы сотрудничества в Совете государств Балтийского моря и Северном совете. В рамках мероприятия заместитель министра иностранных дел Валерий Воронцовый провел встречу с председателем Комитета по международным делам парламента Швеции, экс-председателем ПА ОБСЕ Йораном Леннмаркером, в ходе которой были обсуждены вопросы дальнейшего развития диалога между Республикой Беларусь и Швецией, в первую очередь межпарламентского сотрудничества, а также развития отношений Беларуси с ключевыми европейскими организациями [19].

Немаловажным пунктом в развитии двусторонних отношений стало подписание в Минске 30 декабря 2008 г. Соглашения о международных автомобильных перевозках пассажиров и грузов. Заключение данного Соглашения способствовало расширению транспортных услуг между двумя странами и увеличению перевозок пассажиров и грузов в третьи страны за счет получения бесплатных транспортных разрешений [8].

Одним из основных направлений гуманитарного сотрудничества стало участие Швеции в оздоровлении белорусских детей, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС. Правовое оформление это направление сотрудничества получило в июле 2009 г., когда между Министерством иностранных дел Республики Беларусь и Министерством иностранных дел Швеции был совершен обмен нотами о заключении Соглашения между правительством Республики Беларусь и правительством Королевства Швеция об условиях оздоровления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь в Королевстве Швеция [28].

Вопросы развития двусторонних белорусско-шведских отношений, реализации проектов шведской технической помощи Республике Беларусь обсуждались 25 февраля 2010 г. в Минске на встрече заместителя министра иностранных дел Республики Беларусь В. Воронцового с Государственным

секретарем министра по вопросам сотрудничества в области развития Швеции Йоахимом Стымне [25]. Активизацию белорусско-шведского торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия обсудили 23 ноября 2010 г. в Министерстве иностранных дел Беларуси руководители политических департаментов А. Скрипко и Малена Морд. Стороны также обсудили сотрудничество по линии Беларусь — ЕС, включая достигнутый прогресс по реализации предложенной Швецией и Польшей инициативы «Восточное партнерство» [20].

Четвертый (современный) период (2010—2013 гг.) начался в конце 2010 г., когда отношения между Беларусью и Швецией вошли в *период затяжного политического кризиса*. Причиной эскалации напряженности послужили прошедшие в Беларуси 19 декабря 2010 г. президентские выборы, признанные недемократическими многими международными наблюдателями. Глава МИД Швеции Карл Бильдт являлся одним из самых убежденных сторонников введения жестких санкций против официального Минска, а также соавтором статьи в газете «Нью-Йорк Таймс» под названием «Лукашенко — проигравший» о выборах в Беларуси. В статье отмечалось, что «голосование проходило спокойно, но подсчет голосов превратился в фарс. Отчет независимых наблюдателей оценивает подсчет голосов как “плохой” или “очень плохой” на примерно половине избирательных участков, которые они охватили. Есть все основания полагать, что на остальных участках все было еще хуже» [47].

Вместе с тем существовала и другая позиция. Так, присутствовавший на выборах независимый наблюдатель из Швеции профессор Сеппо Исотало описывал в своем блоге иную картину происходящего. По словам Сеппо Исотало, «министр иностранных дел Карл Бильдт опирался на данные БДИПЧ (один из институтов ОБСЕ), согласно которым нарушения были на 75 избирательных участках. Он не придавал значения 925 наблюдателям, признавшим результаты выборов» [9].

Белорусская сторона выдвинула обвинения в адрес Германии и Польши в попытке организации государственного переворота. Под жесткую критику попал также шведский посол С. Эрикссон. МИД Швеции охарактеризовал эти обвинения как самую настоящую клевету. «Все обвинения мы полностью отрицаем», — заявил представитель МИД Андреас Першке [45].

Новый дипломатический кризис между Беларусью и ЕС в первые месяцы 2012 г., связанный с рекомендацией белорусских властей главе представительства ЕС в Республике Беларусь М. Море и послу Польши Л. Шарепке «выехать в свои столицы для консультаций», отразился на двусторонних отношениях со Швецией. Посол Швеции Стефан Эрикссон, как и все остальные послы стран — членов ЕС, был отозван из Минска. Ситуация немного нормализовалась в апреле 2012 г., когда послы ЕС вернулись в Минск [34].

Летом того же года между Беларусью и Швецией разразился новый дипломатический конфликт. Начало ему положила акция шведского пиар-агентства Studio Total. 4 июля 2012 г. мягкие игрушки с

лозунгами в защиту демократии были сброшены над городским поселком Ивенец Минской области и на окраине Минска с борта легкомоторного самолета, нарушившего воздушное пространство Беларуси [37]. Министерство иностранных дел Швеции опровергло какое-либо участие в данной акции [17].

1 августа МИД Беларуси объявил о непродлении аккредитации Стефана Эрикссона. Глава МИД Швеции Карл Бильдт в своем микроблоге сообщил, что посла Швеции якобы выслали из страны. В ответ на это в белорусском МИД заявили, что шведского посла не выдворяли, а было лишь принято решение о непродлении его аккредитации [13]. А. Лукашенко лично дал обширный комментарий по этому поводу. По словам президента, существовала договоренность между сторонами о том, что посол Швеции С. Эрикссон прекратит работу в Беларуси по истечении своей предыдущей аккредитации. Однако, как подчеркнул белорусский президент, шведская сторона вначале пошла на нарушение этой договоренности, а потом и вовсе взяла курс на эскалацию конфликта [3; 6].

В министерстве добавили, что МИД Швеции «предпочел пойти на обострение и дополнительно принял решение о выдворении из страны двух старших дипломатов посольства Беларуси, включая временного поверенного в делах, и отказе во въезде в Швецию нового посла Беларуси, имеющего аккредитацию правительства Швеции» [2]. В этих условиях обеспечение нормальных функций загранучреждения стало невозможным, и белорусская сторона была вынуждена принять решение об отзыве своего посольства в Швеции и возвращении всех сотрудников в Республику Беларусь [2]. Посольства обоих государств полностью прекратили работу в конце августа [18]. Интересы Швеции в Минске стало представлять посольство Эстонии, а Беларуси в Стокгольме — посольство Латвии [18].

Первые шаги к нормализации отношений были сделаны в начале 2013 г. Так, 22 января 2013 г. заместитель министра иностранных дел Республики Беларусь Елена Купчина приняла делегацию Министерства иностранных дел Королевства Швеция во главе с заместителем генерального директора, директором департамента Восточной Европы и Центральной Азии МИД Швеции Маленой Морд [26]. В апреле шведский министр иностранных дел Карл Бильдт написал в соцсети, что скоро в Минск прибудет временный поверенный в делах Швеции. Эту информацию подтвердили в МИД Беларуси. «По итогам проведенных по инициативе шведской стороны двух раундов межмидовских консультаций белорусской стороной принято положительное решение относительно просьбы шведской стороны об аккредитации в Минске временного поверенного в делах Швеции в Республике Беларусь», — сообщила замначальника управления информации МИД Мария Ваньшина [40].

В начале июля 2013 г. в Минск прибыл временный поверенный в делах Швеции в Беларуси Мартин Оберг [4]. На данный момент посольство Швеции работает в ограниченном режиме, выдача виз для поездок в Швецию по-прежнему осуществляется посольством Эстонии в Минске.

ВЫВОДЫ

Таким образом, политико-правовыми ориентирами в области отношений со Швецией для Беларуси стали нормативные правовые акты общего характера, заявления Президента Республики Беларусь, официальные заявления белорусского Министерства иностранных дел. Сотрудничество с Беларусью шведская сторона начиная с 2002 г. строила, основываясь на официальных концепциях шведского правительства. В общей сложности были приняты три такие стратегии (на 2002–2004 гг., 2007–2010 гг., 2011–2014 гг.). Необходимо также отметить, что, строя свои отношения с Беларусью, Швеция как государство — член ЕС опиралась на общеевропейскую линию взаимодействия с Республикой Беларусь. Так, к примеру, в 1996 г. Швеция ратифицировала Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с ЕС, однако ввиду решения специального заседания Совета министров иностранных дел ЕС 15 сентября 1997 г. о приостановлении политического диалога это соглашение не вступило в силу [39].

Во-вторых, белорусско-шведские отношения прошли четыре этапа развития. Первый этап (конец 1991–1996 гг.) был связан с установлением и постепенным налаживанием отношений. После 1996 г. отношения ухудшились в связи с реакцией европейских государств, включая Швецию, на проведение в Беларуси референдума в ноябре 1996 г. Третий период (1999–2010 гг.) характеризовался в основном положительной динамикой двустороннего взаимодействия. Важнейшими элементами сотрудничества в этот период стало открытие посольств в Стокгольме и Минске, а также включение Республики Беларусь в программу «Восточное партнерство», одним из инициаторов которой являлась Швеция. Положительная динамика сотрудничества была потеряна после проведения в Беларуси президентских выборов 2010 г. Это событие стало началом четвертого (современного) периода (2010–2013 гг.), который проходил в условиях затяжного политического кризиса.

В-третьих, контакты на политическом уровне носили фрагментарный характер. Автором установлено, что в 1992–2013 гг. состоялось всего лишь 15 относительно важных визитов политического характера. За более чем двадцатилетнюю историю состоялся всего один визит высшего уровня (министр иностранных дел Швеции посетила Минск с официальным визитом в 1992 г.), все остальные визиты носили рабочий характер. Политический диалог поддерживался на уровне министерств иностран-

ных дел. На регулярной основе проводились межмидовские консультации на уровне директоров политических департаментов.

Белорусско-шведским контактам в политической сфере в целом была присуща некоторая инертность. Начавшие на оптимистической ноте раннего признания (Швеция — в числе первых стран официально признавших Беларусь), отношения не получили динамичного развития: первое дипломатическое представительство было открыто спустя семь лет после установления дипотношений (посольство Беларуси в Стокгольме открылось в 1999 г.). Швеции же потребовалось 16 лет, чтобы решение об учреждении диппредставительства высшего уровня было реализовано на практике (посольство Швеции в Минске открылось в 2008 г.).

Следует также отметить, что особое отношение Швеции к Беларуси по ряду причин (миссионерская роль Швеции по продвижению демократии и прав человека, соседство в Балтийском регионе и проч.) на фоне соблюдения общей европейской политики делало сотрудничество еще более уязвимым и подверженным многочисленным политическим кризисам. Соответственно, характер двусторонних отношений являлся крайне нестабильным и неустойчивым.

Вместе с тем, развиваясь в рамках общеевропейского подхода, дипломатические отношения Швеции и Беларуси на протяжении более чем двадцати лет являлись важным звеном в связке Беларусь — Европейский союз. Следует подчеркнуть, что Швеция является центром информирования и привлечения внимания европейских государств к ситуации в Беларуси (включение в «Восточное партнерство», вопросы введения санкций и т. п.). Поскольку «белорусский вопрос» не привлекает пристального внимания многих государств, а страна не является перспективной для масштабного иностранного бизнеса и инвестиций, то внимание и активность Швеции по белорусскому направлению имеет положительное значение.

Поэтому, невзирая на все трудности объективного и субъективного характера, сотрудничество имело положительные результаты на всех этапах взаимодействия. Учитывая геополитические и экономические интересы Беларуси и Швеции и накопленный определенный опыт, можно предположить, что двустороннее сотрудничество и в сегодняшних реалиях не лишено перспектив дальнейшего развития.

Библиографические ссылки

1. Беларусь и страны Европы [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <<http://mfa.gov.by/bilateral/europe/>> (дата обращения: 01.03.2014).
2. Беларусь приняла положительное решение об аккредитации в Минске временного поверенного в делах Швеции — МИД [Электронный ресурс] // Белорус. телеграф. агентство. URL: <http://www.belta.by/ru/all_news/politics/Belarus-prinjala-polozhitelnoe-reshenie-ob-akkreditatsii-v-Minske-vremennogo-poverennogo-v-dela-Shvetsii---MID_i_630471.html> (дата обращения: 17.07.2013).
3. Белорусский внешнеполитический индекс [Электронный ресурс] // Белорус. ин-т стратегических исслед.: БИСС. Июль — август 2012 г. URL: <<http://belinstitute.eu/ru/node/458>> (дата обращения: 01.03.2014).

4. В Минск прибыл новый временный поверенный в делах Швеции [Электронный ресурс] // Белорус. новости. URL: <http://naviny.by/rubrics/politic/2013/07/02/ic_news_112_420223/> (дата обращения: 17.09.2013).
5. Двум сотрудникам посольства Беларуси в Швеции дано несколько недель на сборы [Электронный ресурс] // Белорус. новости. URL: <http://belapan.com/archive/2012/08/06/eu_566200/> (дата обращения: 17.09.2013).
6. Дипломатический конфликт со Швецией и инцидент с полетом над Беларусью не связаны – Лукашенко [Электронный ресурс] // Белорус. телераф. агентство. URL: <http://www.belta.by/ru/all_news/president/Diplomaticeskij-konflikt-so-Shvetsiej-i-intsident-s-poletom-nad-Belarusju-ne-svjazany---Lukashenko-VIDEO_i_605206.html> (дата обращения: 17.07.2013).
7. До конца года в Минске откроется посольство Швеции [Электронный ресурс] // Белорус. новости. URL: <http://naviny.by/rubrics/politic/2008/06/04/ic_news_112_291624/> (дата обращения: 17.09.2013).
8. Информация по проекту Закона Республики Беларусь «О ратификации соглашения между правительством Республики Беларусь и правительством Королевства Швеция о международных автомобильных перевозках пассажиров и грузов» [Электронный ресурс] // Палата представителей Нац. собр. Респ. Беларусь. URL: <<http://house.gov.by/index.php/5679,20894,,,0,0,0.html>> (дата обращения: 17.12.2013).
9. *Исотало С.* Белоруссия и страны ЕС [Электронный ресурс] // Радиостанция Эхо Москвы. 2011. 23 янв. URL: <<http://www.echo.msk.ru/blog/isotalo/743997-echo/>> (дата обращения: 23.11.2011).
10. *Камышев К. В.* Международное признание Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2005. № 1. С. 51–56.
11. *Кольченко И.* К столу, господа шведы [Электронный ресурс] // Совет. Белоруссия. 2009. 21 нояб. URL: <<http://www.sb.by/post/93848/>> (дата обращения: 23.11.2011).
12. *Кольченко И.* Шведская модель. [Электронный ресурс] // Совет. Белоруссия. 2009. 2 июня. URL: <<http://www.sb.by/post/86048/>> (дата обращения: 23.11.2011).
13. Комментарий начальника управления информации – пресс-секретаря МИД Андрея Савиных в связи с непродлением аккредитации шведскому послу Стефану Эрикссону [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/a3e9e84ce47546d4.html> (дата обращения: 17.09.2013).
14. *Крят Д.* Центр равновесия / [Электронный ресурс] // Совет. Белоруссия. 2005. 4 нояб. URL: <<http://www.sb.by/post/47992/>> (дата обращения: 20.11.2013).
15. Лукашенко: Беларусь и Швеция заранее договаривались обменяться новыми послами [Электронный ресурс] // Белорус. телераф. агентство. URL: <http://www.belta.by/ru/all_news/president/Lukashenko-Belarus-i-Shvetsija-zarane-dogovarivalis-obmenjatsja-novymi-poslami_i_605205.html> (дата обращения: 09.08.2012).
16. Материалы брифинга начальника управления информации – пресс-секретаря МИД А. В. Савиных, проведенного для представителей СМИ 25 сент. 2003 г. [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://www.mfa.gov.by/print/press/news_mfa/d4d2c4138a049b8c.html> (дата обращения: 17.09.2013).
17. МИД Швеции отрицает участие посольства в Минске в подготовке «плюшевого десанта» [Электронный ресурс] // Naviny.by. Белорус. новости. URL: <http://naviny.by/rubrics/eu/2012/08/09/ic_news_627_399407/> (дата обращения: 17.09.2013).
18. Минск и Стокгольм готовы зарыть топор дипломатической войны? [Электронный ресурс] // Белорус. новости. URL: <http://naviny.by/rubrics/eu/2013/05/06/ic_articles_627_181691/> (дата обращения: 17.09.2013).
19. О белорусско-шведских межмидовских консультациях [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/b39c4e003d982390.html> (дата обращения: 17.09.2013).
20. О белорусско-шведских межмидовских консультациях [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/fef1b83ba9a75361.html> (дата обращения: 17.09.2013).
21. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 14 нояб. 2005 г., № 60-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2005. № 188, 2/1157.
22. О визите белорусской делегации в Швецию [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/e3005a0833ed2e47.html> (дата обращения: 21.11.2013).
23. О визите Чрезвычайного и Полномочного посла Королевства Швеция С. Хирдмана в Республику Беларусь [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/e5b92e-0d762ef519.html> (дата обращения: 17.09.2013).
24. О встрече в Шведском агентстве международного развития (СИДА) [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/a886783eca76e309.html> (дата обращения: 17.09.2013).
25. О встрече заместителя министра иностранных дел В. Воронцового с государственным секретарем министра по вопросам сотрудничества в области развития Королевства Швеция Й. Стымне [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/e6c64a7eab52770e.html> (дата обращения: 17.09.2013).
26. О встрече заместителя министра иностранных дел Е. Купчиной с делегацией МИД Швеции [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/f135b150b3a49870.html> (дата обращения: 17.09.2013).
27. О демографической ситуации в январе – октябре 2013 г. [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. URL: <<http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/demographics.php>> (дата обращения: 22.12.2013).
28. О заключении Соглашения между правительством Республики Беларусь и правительством Королевства Швеция об условиях оздоровления несовершеннолетних граждан Республики Беларусь в Королевстве Швеция [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/ef-4e869c3308d0aa.html> (дата обращения: 17.09.2013).

29. О подписании соглашения о научно-техническом сотрудничестве [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/d7376ea2b62ee63a.html> (дата обращения: 17.09.2013).
30. О пребывании в Минске шведской делегации [Электронный ресурс] // М-во ин. дел Респ. Беларусь. URL: <http://mfa.gov.by/press/news_mfa/d1deeabb976b7f60.html> (дата обращения: 17.09.2013).
31. Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Каралеўства Швецыя аб гандлёвых адносінах [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Королевстве Швеция. URL: <http://sweden.mfa.gov.by/_modules/_cfiles/files/swetraderelations_123.pdf> (дата обращения: 22.09.2012).
32. Послом Швеции в Беларуси назначен Стефан Эрикссон [Электронный ресурс] // Беларус. новости. URL: <http://naviny.by/rubrics/politic/2008/06/12/ic_news_112_292069/> (дата обращения: 17.09.2013).
33. Прэзідэнт запрашае шведскіх бізнесменаў да актыўнага супрацоўніцтва. Прэс-служба Прэзідэнта Рэсп. Беларусь // Звязда. 2009. 21 лістап.
34. *Снаткоўскі У. Е.* Адносіны паміж Беларуссю і Еўрапейскім саюзам у 2011–2012 гг. // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце : материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 91-летию образования Беларус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2012 г. / редкол. : В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2012.
35. Соглашение между Республикой Беларусь и Королевством Швеция о содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Королевстве Швеция. URL: <http://sweden.mfa.gov.by/_modules/_cfiles/files/sweinvestments_121.pdf> (дата обращения: 22.09.2012).
36. Соглашение между Республикой Беларусь и Королевством Швеция об установлении дипломатических отношений [Электронный ресурс]: Соглашение от 14 января 1992 г. // Беларус. правовой портал. URL: <<http://arc.pravoby.info/megd/doc/part4/megd4700.htm>> (дата обращения: 22.09.2013).
37. *Тихомиров А.* Беларусь – Швеция: похолодание надолго // Беларус. информ. компания «БелаПАН». URL: <http://belapan.com/archive/2012/08/20/eu_568914/> (дата обращения: 14.11.2012).
38. «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 // М-во обороны Респ. Беларусь. URL: <<http://www.mod.mil.by/konsep.html>> (дата обращения: 15.08.2011).
39. *Шадурский В. Г.* Отношения Республики Беларусь и Европейского союза: внутренний и внешний контекст // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2003. № 1. С. 45–48.
40. Швеция готовится прислать в Беларусь временного поверенного [Электронный ресурс] // Беларус. новости. URL: <http://naviny.by/rubrics/politic/2013/04/10/ic_news_112_414451/> (дата обращения: 17.09.2013).
41. Befolkningsstatistik. Nyckeltal för Sverige [Electronic resource] // Sveriges Statistiska centralbyrå. URL: <http://www.scb.se/sv/_Hitta-statistik/Statistik-efter-amne/Befolkning/Befolkningens-sammansattning/Befolkningsstatistik/> (data of access: 22.12.2013).
42. Belarus. Motion till riksdagen 2012/13:U270 [Electronic resource] // Sveriges Riksdag. URL: <http://www.riksdagen.se/sv/Dokument-Lagar/Forslag/Motioner/Belarus_H002U270/?text=true> (data of access: 22.01.2014).
43. EU:s stöd till oppositionen i Vitryssland. Svar på skriftlig fråga 2004/05:2110. [Electronic resource] // Sveriges Riksdag. URL: <http://www.riksdagen.se/sv/Dokument-Lagar/Fragor-och-anmalningar/Svar-pa-skriftliga-fragor/EUs-stod-till-oppositionen-i-_GS122110/> (data of access: 25.01.2014).
44. Göran Persson talar på OSSE-toppmöte [Electronic resource] // Tidningarnas Telegrambyrå. Publicerat i print 1996-11-28 (archive). URL: <<http://info.tt.se/>> (data of access: 21.01.2014).
45. Hård tysk kritik mot Vitryssland [Electronic resource] // Aftonbladet 2011. – 17 Jan. URL: <<http://www.aftonbladet.se/senastenytt/ttnyheter/utrikes/article8424458.ab>> (data of access: 21.01.2011).
46. Landstrategi Vitryssland 1 januari 2002 – 31 december 2004 [Electronic resource] // Regeringdkansliet. Utrikesdepartementet. URL: <<http://www.government.se/sb/d/2059>> (data of access: 21.01.2014).
47. Lukashenko the Loser / C. Bildt [et al.] [Electronic resource] // The New York Times. 2010. 23 Dec. URL: <http://www.nytimes.com/2010/12/24/opinion/24iht-edbildt24.html?_r=0> (data of access: 22.12.2013).
48. New cooperation strategy for Belarus 2007–2010 [Electronic resource] // The website of the Swedish Government and the Government Offices. URL: <<http://www.sweden.gov.se/sb/d/574/a/39761>> (data of access: 11.08.2011).
49. Ny version af Ugglas fick försäkran om ukrainas kärnvapen [Electronic resource] // Tidningarnas Telegrambyrå. – 1992-01-13. – 11:59. URL: <<http://info.tt.se/>> (data of access: 05.01.2014).
50. OSSE-enighet om revision av CFE-avtal, Persson tror att NATO utvidgas före...EU toppmöte [Electronic resource] // Tidningarnas Telegrambyrå. Publicerat i print 1996-12-02 (archive). URL: <<http://info.tt.se/>> (data of access: 05.01.2014).
51. Riksdagens protokoll 2008/09:100 [Electronic resource] // Sveriges Riksdag. URL: <http://www.riksdagen.se/sv/Dokument-Lagar/Kammaren/Protokoll/Riksdagens-protokoll-2008091_GW09100/> (data of access: 25.01.2014).
52. Situationen i Vitryssland. Motion 1999/2000:U626 [Electronic resource] // Sveriges Riksdag. URL: <http://www.riksdagen.se/sv/Dokument-Lagar/Ovriga-dokument/Ovrigt-dokument/Situationen-i-Vitryssland_GN02U626/?text=true> (data of access: 25.01.2014).
53. *Steinvall A.* Rysk glädje efter svenskt besked // Dagens Nyheter. 1991. 20 Dec. P. 6.
54. Strategy for development cooperation with the Republic of Moldova January 2011 – December 2014 [Electronic resource] // The website of the Swedish Government and the Government Offices. URL: <<http://www.regeringen.se/sb/d/108/a/32910>> (data of access: 23.04.2014).
55. Strategy for development cooperation with Ukraine: 2009–2013 [Electronic resource] // The website of the Swedish Government and the Government Offices. URL: <<http://www.regeringen.se/sb/d/4510/a/63728>> (data of access: 23.04.2014).
56. Strategy for Swedish aid initiatives in Belarus 2011– 2014 [Electronic resource] // The website of the Swedish Government and the Government Offices. URL: <<http://www.sweden.gov.se/sb/d/9775/a/93977>> (data of access: 13.02.2012).

57. Sverige erkänner Ryssland, Ukraina och Vitryssland toppmöte [Electronic resource] // Tidningarnas Telegrambyrå. Publicerat i print 1991-12-19 (archive). URL: <<http://info.tt.se/>> (data of access: 05.01.2014).
58. Verksamheten i Europeiska unionen 2004. Utrikesutskottets betänkande 2004/05:UU10 [Electronic resource] // Sveriges Riksdag. URL: <http://www.riksdagen.se/sv/Dokument-Lagar/Utskottens-dokument/Betankanden/Verksamheten-i-Europeiska-unio_GS01UU10/> (data of access: 25.01.2014).
59. Vitryss-diplomater: «Önödig, dårlig och olaglig provokation» [Electronic resource] // Tidningarnas Telegrambyrå. Publicerat i print 1998-06-10 (archive). URL: <<http://info.tt.se/>> (data of access: 15.01.2014).
60. Vitryssland öppnar handelskontor i Kristianstad [Electronic resource] // Tidningarnas Telegrambyrå. Publicerat i print 1997-03-06 (archive). URL: <<http://info.tt.se/>> (data of access: 15.01.2014).

Статья поступила в редакцию 7 мая 2014 г.

КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА БЕЛОРУССИИ имени В. И. ЛЕНИНА. СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В 1920–1930-х гг.

В. А. Острога

В статье анализируется создание и развитие кафедры всеобщей истории (истории Запада) Коммунистического университета Белоруссии имени Ленина (Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы Белоруссии имени Ленина) в 1920-х – 1930-х гг. В довоенный период это была одна из самых активных в научном плане кафедр всеобщей истории в БССР. Рассматриваются профессиональный и жизненный путь, особенности преподавательской и научной деятельности преподавателей кафедры: Е. И. Ривлина, Я. С. Фейгельсона, З. М. Ханутина, В. И. Денисюк, М. С. Кармина, Р. С. Радецкого и других.

The article examines the creation and development of the Department of General History (the history of the West) of the Communist University of Byelorussia (the Highest Communist Agricultural School of Byelorussia named after Lenin) in the 1920–1930s. In the pre-war period it was one of the most active departments of general history in the BSSR in terms of research. Professional and life paths, peculiarities in educational and research activities of the Department's professors (E. I. Rivlin, J. S. Feigelson, S. M. Anatina, V. I. Denisyuk, M. S. Carmine, R. S. Radetzky and others) are considered in the article.

Ключевые слова: 706 Коммунистический университет Белоруссии, кафедра всеобщей истории, научная работа, история Запада.

Keywords: the Communist University of Byelorussia, Department of General History, scientific work, the history of the West.

Для успешного развития науки, верного определения приоритетных тем исследований очень важно знание истории генезиса научных исследований в прошлом, знание проблем и достижений наших предшественников. Именно анализ деятельности в межвоенный период преподавателей кафедры всеобщей истории одного из элитных на то время вузов БССР – Коммунистического университета Белоруссии имени В. И. Ленина, позднее Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы Белоруссии имени Ленина позволит еще более точно представить картину развития белорусской историографии.

В столичном Минске было сконцентрировано наибольшее количество высших учебных заведений Белорусской ССР. Кроме БГУ там находились учебные заведения, в которых проводилось обучение и осуществлялась научная работа в области Новой и Новейшей истории либо в определенной степени затрагивалась эта отрасль знаний. Среди них Коммунистический университет Белоруссии имени В. И. Ленина (КУБ), Белорусский высший государственный педагогический институт, Минский учительский институт национальных меньшинств, Белорусский государственный институт народного хозяйства и 7-я Объединенная военная школа имени ЦИК БССР.

Специализированные кафедры указанных вузов, конечно, уступали по своему потенциалу соответствующим кафедрам университета. Однако возможности приглашать сотрудников БГУ и Академии наук БССР на работу по совместительству, наличие в городе республиканской Государственной библиотеки давало им большие возможности в области изучения и развития всеобщей истории. В межвоенный период одним из достаточно серьезных образовательных и научных центров в области так называемой «истории Запада» стала кафедра всеобщей истории Коммунистического университета Белоруссии имени В. И. Ленина.

КУБ имени В. И. Ленина был создан в 1925 г. на базе существовавшей с 1920 г. Центральной Совпартшколы и имел 5 отделений: партийное, советское, пропаганды, газетное и народного образования. Университет осуществлял трехгодичную подготовку руководящих партийных и советских кадров для республики.

В октябре 1927 г. на заседании правления университета были утверждены 6 предметных комиссий, в том числе историческая под руководством Баранова [3, ф. 1398, оп. 2, д. 32, л. 5]. Через несколько месяцев, в декабре того же года, в соответствии с уставом комвузов была утверждена структура исторической комиссии в составе комиссий: истории России, истории Запада и истории Беларуси [3, ф. 1398, оп. 2, д. 32, л. 29]. Курс истории Запада был самым крупным из исторических и читался на 1-м курсе в объеме 200 часов [3, ф. 1398, оп. 2, д. 32, л. 78].

В КУБе имела кафедра истории Запада, на которой работали выпускники секции истории Запада Института красной профессуры (ИКП) 1927 г. Е. И. Ривлин (заведующий, читал историю Запада) и Я. С. Фейгельсон (читал историю Запада) [3, ф. 4, оп. 10, д. 14, л. 155]. С конца 1920-х гг. в Коммунистическом университете также преподавали Я. А. Витковский и профессор С. Будинский. С 1928 г. там трудился В. А. Сербента (читал историю революционного движения). В 1929 г. во время прохождения партчистки на него была дана в целом положительная характеристика: «Как преподаватель пользуется авторитетом среди студенчества и среди партийной организации» [3, ф. 1398, оп. 2, д. 57, л. 219]. В 1929 г. курс истории революционного движения также читал и В. М. Хруцкий. Нужно отметить, что научной темой кафедры продолжительное время была продекларирована именно история международного рабочего и революционного движения.

Постоянно существовавшие проблемы с кадрами историков-всеобщников, грозившие нанести

Международные отношения и внешняя политика

значительный вред учебному процессу КУБа, вынудил в середине июня 1930 г. ректора комвуза П. В. Саевича написать докладную записку в ЦК КП(б)Б: «Одним из крупнейших вместе с иными недостатком постановки работы в комвузе является совсем недостаточная партийная заостренность преподавания по современным проблемам международного революционного движения».

Для исправления этого положения необходимо Комвузу иметь постоянного руководителя кафедры всеобщей истории. До этого времени руководителем временно был т. Ривлин, но из-за работы в ЦК фактически оставил работу, и курс целиком остался без квалифицированного руководства. В результате этого оказался заброшен «Революционное движение на Востоке». Срывается совсем курс Коминтерна, Польши.

Просьба: перевести на работу в Комвуз т. Ривлина в качестве руководителя кафедры и преподавателя истории эпохи империализма и Коминтерна» [3, ф. 1398, оп. 2, д. 76, л. 61]. В конце июля ректор повторил свою просьбу, заметив, что «никакой другой кандидатуры нет. Наличные работники погубят курс и кафедру» [3, ф. 1398, оп. 2, д. 76]. Е. И. Ривлин вернулся в вуз лишь в качестве совместителя.

В 1930 г. на работу в КУБ был приглашен молодой специалист по Новой истории З. М. Ханутин. Помимо него в начале 1930-х гг. на заочном секторе университета на отделениях партийном и пропаганды курс «История революционного движения» вел В. А. Васютинский, выпускник ИКП 1930 г.

В 1931 г. сильный кадровый дефицит вынудил теперь уже республиканское партийное руководство сделать запрос в ЦК ВКП(б) о преподавательских кадрах для КУБа. В нем, в частности, отмечалось: «Если исходить из двойной нормы нагрузки каждого преподавателя по основным общественно-политическим дисциплинам, так и то получается недостаток 24 человек преподавательского состава, который никоим образом не может быть восполнен имеющимися в Белоруссии преподавательскими кадрами». В числе вакантных мест преподавателей различных исторических дисциплин наибольшее число занимали специалисты-всеобщники (7 ставок): по всеобщей истории (Запада и Востока) — 6 (один профессор, три доцента и два ассистента), а также по истории Коминтерна — 1 доцент [3, ф. 1398, оп. 2, д. 76, л. 28]. ЦК партии выделило специалиста. Это был Н. Е. Застенкер, специалист по истории Франции, окончивший в 1931 г. ИКП по секции истории Запада и еще во время обучения работавший над написанием учебника по истории Запада. В 1931–1932 гг. Н. Е. Застенкер, работавший в тот момент завсектором ЦК КП(б)Б, по совместительству был завкафедрой КУБа [4, с. 226].

В сентябре 1932 г. университет был реорганизован в Коммунистический институт журналистики им. С. М. Кирова (КИЖ) и Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу Белоруссии им. Ленина (ВКСХШБ) [2, с. 359].

КИЖ, созданный на основе газетного отделения КУБа с трехлетним сроком обучения, занимался подготовкой кадров для районных, областных

и республиканских газет. В 1940 г. он реорганизован в Белорусский институт журналистики. Известно, что в середине 1930-х гг. исторической кафедрой в этом институте заведовал выпускник ИКП истории М. Ф. Лебович, преподававший историю Коминтерна [1, ф. Р-5143, оп. 1, д. 435, л. 23]. Политэмигрант, бежавший в 1923 г. в СССР из румынской тюрьмы, позднее выпускник Института красной профессуры истории, а на то время кандидат исторических наук, старший научный сотрудник и ученый секретарь Института истории БАН. Он изучал историю Венгерской Советской республики. С 1932 г. по совместительству там также вел курс Новой истории и З. М. Ханутин.

Основная задача второй высшей школы — ВКСХШБ — состояла в подготовке руководящих работников для МТС, совхозов и колхозов республики, а также партийных и советских работников районного звена. Задача была более серьезная, чем у КИЖа. Поэтому кафедра истории Запада КУБа перешла в состав ВКСХШБ. На кафедре изначально работали Е. И. Ривлин (заведующий), В. И. Денисюк, Петрова, Р. С. Плостак, Кучинский, З. М. Ханутин, Фрид и Регинская (последние две совместители из БАН). Я. С. Фейгельсон в это время уже выехал в Москву, где преподавал в Международной ленинской школе.

Однако в январе 1933 г. Е. И. Ривлин был обвинен в троцкизме, снят со всех своих должностей, а в марте арестован. Уже 27 февраля 1933 г., когда распространились сведения об его обвинении, бюро парткома школы приняло специальное постановление по положению на кафедре истории Запада, опубликованное в школьной газете под заголовком «Больше революционной бдительности к контрреволюционной троцкистской контрабанде». В частности, в нем отмечено, что «...члены партии, входящие в кафедру, не боролись против контрреволюционной троцкистской вылазки Ривлина... кафедра допустила политическую ошибку, ограничивая свои задачи вскрытием троцкистской контрабанды Ривлина, не поставив своей задачей дать развернутую критику работы кафедры в целом и работы всех членов кафедры по отдельности... учитывая, что современное положение кафедры истории Запада не обеспечивает партийную выдержанность в преподавании истории Запады... в ближайшее время принять все необходимые усилия для... обеспечения ее большевистски выдержанными кадрами» [3, ф. 1398, оп. 2, д. 220, л. 32].

В марте 1933 г. в докладной записке руководства школы в ЦК КП(б)Б отмечалось: «История Запада — руководитель кафедры Ривлин снят с работы за троцкизм, 2 преподавателя исключены парторганизациями ВКСХШБ (Радецкий) и АН Бел (Регинская) из партии и не сняты еще с работы из-за отсутствия замены. Кафедра работает без руководителя, и вообще, в составе кафедры нет ни одного квалифицированного сотрудника... Курс истории Коминтерна сорван в связи с тем, что т. Лещнер от этой работы на время подготовки и проведения сева освобожден» [3, ф. 1398, оп. 1, д. 5, л. 62]. После ареста Е. И. Ривлина во втором полугодии 1932/33 учебного года заведовать кафедрой всеобщей истории была назначе-

на молодая преподаватель В. И. Денисюк. На апрель 1933 г. вместе с ней работали Р. С. Радецкий, С. Гайдук, З. М. Ханутин. В 1932 г. В. И. Денисюк опубликовала в Госиздате БССР учебное пособие «Германия эпохи империализма», а через год, в августе 1933 г., в школьной газете «Ленинец» появилась рецензия на это издание под названием «Вскрывая наследство троцкиста Ривлина», где некто Кравчук критиковал эту книгу как «троцкистскую контрабанду» [3, ф. 1398, оп. 2, д. 220, л. 7]. Руководством школы сразу было организовано «обследование» кафедры. В «Выводах обследования кафедры всеобщей истории ВКСГШБ» отмечалось, что «как руководитель кафедры тов. Денисюк, несмотря на то что она работает добросовестно, прислушивается ко всем указаниям и стремится исправлять свои ошибки, с работой не справляется по причине своей недостаточной квалификации и малого педагогического опыта» [3, ф. 1398, оп. 2, д. 220, л. 29]. В итоге В. И. Денисюк получила выговор от ЦК КП(б)Б.

Летом 1933 г. дирекция школы подготовила докладную записку в ЦК КП(б)Б, где сообщалось, что по всеобщей истории «работает 4 слабоквалифицированных преподавателя. Необходим один лектор и два квалифицированных преподавателя», а по истории Коминтерна «нет ни одного преподавателя. Необходимо 1 лектор и один преподаватель» [3, ф. 1398, оп. 1, д. 5, л. 16].

В следующем, 1933/34 учебном году, как свидетельствуют архивные источники, «руководство кафедрой временно возложено на тов. Радецкого ... Из 6 человек в основном работает один, а остальные по совместительству. Отсутствует преподаватель по истории Коминтерна» [3, ф. 1398, оп. 1, д. 5, л. 238]. Вместе с тем продолжили работу В. И. Денисюк, Кучинский, Р. С. Плостак и З. М. Ханутин. По кафедре читались все дисциплины всеобщей истории – Древний мир, Средние века и Новая история.

С осени 1934 г. кафедру возглавил совместитель из БАН М. С. Кармин. Он был выпускником ИКП по секции Новой русской истории, изучавший историю крестьянского движения в Рязанской губернии в XIX в. [1, ф. Р-5284, оп. 1, д. 466, л. 12]. Его

стаж научной работы составлял один год. В Минске он начал работу над темой «Германская социал-демократия во времена исключительных законов». На кафедре всеобщей истории остались работать В. И. Денисюк, Р. С. Радецкий и Р. С. Плостак. В 1934 г. З. М. Ханутина увольняют из-за отсутствия учебной нагрузки, и он переходит на работу на исторический факультет Белорусского пединститута. Но появились новые претензии к В. И. Денисюк. В отчете школы за 1934 г. отмечено, что она «... в день ареста контрреволюционеров Зиновьева и Каменева рекомендовала студентам книгу Зиновьева как учебный материал. Денисюк отстранена от работы в школе» [3, ф. 1398, оп. 1, д. 7, л. 57].

В итоге в 1935 г. она переходит в пединститут. В отношении заведующего М. С. Кармина было подчеркнуто, что он «в прошлом состоял в Сионистской организации... За ... искривления Кармин привлекался к партийной ответственности – объявлен выговор» [3, ф. 1398, оп. 1, д. 7, л. 57–58]. Дела его и в Институте истории обстояли не очень успешно. В отчете по академической проверке института за 1934 г. отмечалось, что «Кармин руководство не обеспечил. На работу в БелАН обращает мало внимания, работает в основном в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе и других местах. Секция фактически не существует». По итогам проверки было признано «считать нецелесообразным оставлять его на работе в Институте истории» [5, ф. 3, оп. 1, л. 7].

В результате к 1936 г. кафедра всеобщей истории практически прекращает свою деятельность, а с 1939 г. сама ВКСХШБ была преобразована в сельскохозяйственный техникум.

Таким образом, кафедра всеобщей истории Коммунистического университета Белоруссии имени В. И. Ленина, впоследствии Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы Белоруссии имени В. И. Ленина, в 1920–1930-х гг. была одной из самых активных в научном плане кафедр всеобщей истории в БССР, но социально-политические события не позволили ей укрепить свое положение.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Камуністычны ўніверсітэт Беларусі імя У. І. Леніна // Беларус. Савец. Энцыкл. Мінск, 1972. Т. 5.
3. Национальный архив Республики Беларусь.
4. Уральский государственный университет в биографиях / под общ. ред. М. Е. Главацкого и Е. А. Памятных. Екатеринбург : УрГУ, 1995.
5. Центральный научный архив НАН Беларуси.

Статья поступила в редакцию 27 июня 2014 г.

ПОЛЬСКА-ЛІТОЎСКІЯ АДНОСІНЫ Ў 2004–2013 гг.: АСНОЎНЫЯ ЭТАПЫ

Д. П. Пінкевіч

Артыкул прысвечаны вывучэнню польска-літоўскіх адносін пасля ўступлення абедзвюх краін у ЕС і вызначэнню асноўных этапаў у іх развіцці. У ім прааналізаваны асноўныя напрамкі польска-літоўскіх узаемадзеянняў і вылучаны асноўныя рысы адносін паміж гэтымі краінамі. З улікам змяненняў у двухбаковых адносінах паміж Польшчай і Літвой прапанована іх арыгінальная перыядызацыя ў два этапы. Першы этап (2004–2007 гг.) характарызуецца інтэнсіўным супрацоўніцтвам і стратэгічным партнёрствам паміж названымі краінамі. Для другога ж этапу (пасля 2008 г.) характэрна пагаршэнне адносін і абвастрэне праблемных пытанняў, у прыватнасці актуалізацыя праблемы польскай нацыянальнай меншасці ў Літве.

The paper is devoted to the study of relations between Poland and Lithuania after both countries joined the EU. Attempt is also made to identify the main stages in the development of bilateral relations. The main directions and features of interstate interactions between the two countries are defined and analyzed. Taking into account certain changes in the bilateral relations, the author suggests dividing the development of contemporary relations between Poland and Lithuania into two periods. The first period (2004–2007) is characterized by intense cooperation and strategic partnership between the countries. The second period (after 2008), on the contrary, is marked by consecutive deterioration of relations and exacerbation of acute issues of bilateral relations including the problem of the Polish national minority in Lithuania.

Ключавыя словы: польска-літоўскія адносіны, знешняя палітыка Літвы, знешняя палітыка Польшчы, нацыянальная меншасць.

Keywords: Polish-Lithuanian relations, foreign policy of Lithuania, foreign policy of Poland, national minority.

Польска-літоўскія адносіны ў перыяд пасля ўступлення абедзвюх краін у Еўрапейскі саюз характарызаваліся станам пэўнай эйфарыі ад дасягнення гэтай мэты. Супольныя крокі на шляху да ЕС стварылі добрую глебу для гарманічнага развіцця адносін паміж Варшаваю і Вільнюсам. З абраннем В. Адамкуса на пасаду Прэзідэнта Літоўскай Рэспублікі ў ліпені 2004 г. і з узмацненнем «Права і справядлівасці» братаў Качыньскіх у Польшчы ў 2005–2006 гг. супрацоўніцтва паміж краінамі дасягнула небывалай глыбіні. Разам з тым адносіны паміж Варшавой і Вільнюсам за апошнія 10 год паказвалі пераменлівую дынаміку.

Мэта дадзенага артыкула — вылучэнне асноўных этапаў у польска-літоўскіх адносінах у перыяд пасля ўступлення краін у Еўрапейскі саюз у 2004 г. да 2013 г. Для дасягнення гэтай мэты былі пастаўлены наступныя задачы: прааналізаваць двухбаковыя адносіны; вылучыць найбольш уласцівыя рысы ўзаемадзеяння паміж краінамі; адсачыць дынаміку двухбаковых адносін; вызначыць пэўныя этапы ў двухбаковых адносінах; сфармуляваць уласцівасці, што характарызавалі стан адносін паміж Варшавой і Вільнюсам на розных храналагічных адрэзках у азначаны перыяд.

Варта звярнуць увагу на агульны недахоп даследаванняў па дадзенай тэме, што тлумачыцца сучаснасцю гэтай праблемы і неабходнасцю збору і апрацоўкі вялікага аб'ёму матэрыялаў, якія апісваюць бягучую палітыку Варшавы і Вільнюса, што прыводзіць да затрымкі з'яўлення даследаванняў. Пры гэтым зацікаўленасць навукоўцаў непасрэдна сучаснымі польска-літоўскімі адносінамі носіць абмежаваны характар. Так, у рускамоўнай і беларускамоўнай гістарыяграфіі даследаванні польска-літоўскіх

адносін фактычна адсутнічаюць. Расійскімі і беларускімі даследчыкамі пераважная ўвага надаецца двухбаковым адносінам Польшчы і Літвы з Беларуссю і Расіяй. Сярод беларускіх навукоўцаў — працы У. Е. Снапкоўскага [8], А. В. Ціхамірава [10; 11; 12], А. А. Валодзькіна [1], прысвечаныя адносінам Варшавы і Вільнюса з Мінскам. Асобныя аспекты польска-літоўскіх адносін былі аб'ектам даследаванняў навукоўцаў Літвы і Польшчы. Варта адзначыць калектыўны артыкул «Пераасэнсаванне літоўска-польскіх адносін: вымушанае двухбаковае супрацоўніцтва або пустое стратэгічнае партнёрства?» літоўскіх даследчыкаў Ж. Дамбраўскайтэ, Т. Янеліўнаса, В. Юрконіса, В. Гіра, у якім аналізуецца змяненні польскай пазіцыі адносна Літвы [21]. Таксама ўвагі заслугоўвае зборнік «Літва ў польскай палітычнай традыцыі і культуры» пад рэдакцыяй М. Космана, асобныя часткі якога прысвечаны сучасным польска-літоўскім адносінам [27].

Неабходна згадаць і такіх аўтараў, як Л. Ёнавічус [22], Г. Букавецка [30], Р. Лопата [28], В. Сірутавічус [38], працы каторых прысвечаны розным аспектам знешняй палітыкі Літвы і Польшчы.

У якасці крыніц для даследавання выкарыстоўвалася афіцыйная інфармацыя ўрадаў Польшчы і Літвы; заявы, выступленні і інтэрв'ю кіраўнікоў краін, палітыкаў і дыпламатаў; афіцыйная інфармацыя ўстаноў ЕС; статыстычныя даныя, а таксама паведамленні СМІ.

Храналагічныя межы даследавання, з аднаго боку, вызначаны ўступленнем Польшчы і Літвы ў Еўрапейскі саюз у 2004 г., што прывяло да якаснай перамены статусу краін, з другога боку — канцом 2013 г. і апошнімі падзеямі ў польска-літоўскіх адносінах.

ПЕРШЫ ЭТАП: 2004–2007 гг.

У сучасных польска-літоўскіх адносінах варта вылучыць два асноўныя этапы: першы з 2004 па 2007 г. і другі з 2008 г. па цяперашні час. Асноўная асаблівасць, што адрознівае гэтыя два этапы, — змена ідэйнай арыентацыі кіраўнікоў Польшчы і Літвы, якая, у сукупнасці з іншымі знешнімі і ўнутранымі фактарамі, абумовіла спецыфічны набор характарыстык першага і другога этапаў.

Адным з найбольш важных фактараў, уласцівых для адносін паміж Польшчай і Літвой у 2004–2007 гг., з’яўлялася іх насцярога ў адносінах да Расійскай Федэрацыі як асноўнай знешнепалітычнай пагрозы, а гэтаксама і спробы супольнага супрацьдзеяння гэтай сфармуляванай у афіцыйных дакументах пагрозе.

Адзначым, што ў пачатку 2000-х гг. знешняя палітыка Масквы стала больш упэўненай і актыўнай у параўнанні з апошнім дзесяцігоддзем XX ст. Гэтая актыўнасць датычылася ў тым ліку і заходніх суседзяў Расіі, што прывяло да пэўнага хвалявання ў Варшаве і Вільнюсе і прымусіла палітыкаў шукаць новыя палітычныя механізмы супрацьстаяння ўзмацненню расійскага ўплыву.

З’яўленне ў Польшчы і Літве новых механізмаў і інструментаў знешнепалітычнага ўздзеяння адрознівае гэты перыяд ад папярэдняга часу [17, р. 92]. Новыя магчымасці дазволілі Варшаве і Вільнюсу больш эфектыўна навязваць сваю волю ўсходнему суседу. Больш таго, актыўная супольная палітыка Варшавы і Вільнюса ў дачыненні да Расіі ў дадзены перыяд нават дала магчымасць брытанскаму даследчыку М. Леанарду назваць Польшчу і Літву «змагарамі новай халоднай вайны» [24, р. 48].

У якасці яскравага прыкладу каардынацыі іх пазіцыі і паспяховага выкарыстання новых палітычных інструментаў можна назваць сітуацыю з падпісаннем базавага пагаднення аб супрацоўніцтве паміж ЕС і Расійскай Федэрацыяй. Першапачаткова Польшча скарысталася правам вета з нагоды пачатку перамоў паміж Еўрапейскім саюзам і Расіяй. Гэта адбылося напярэдадні саміту ЕС – Расія, які меўся пачацца 24 лістапада 2006 г. у г. Хельсінкі. За два тыдні да пачатку саміту, 13 лістапада, Польшча заблакіравала зацверджанне мандата ЕК на правядзенне перамоў з Расіяй на конт новага базавага пагаднення аб супрацоўніцтве. Міністр замежных спраў Г. Фатыга заявіла, што Польшча не дасць дазволу на пачатак перамоў, пакуль Расія не ратыфікуе Энергетычную хартыю і не здыме забароны на ўвоз польскага мяса.

Пры гэтым большасць краін ЕС, у тым ліку і Літва, былі зацікаўленыя ў ратыфікацыі Расіяй Энергетычнай хартыі, чаму так настойліва супраціўлялася Масква. Гэтаксама трэба адзначыць, што агучванню дадзенай пазіцыі польскім МЗС папярэднічала сустрэча прэзідэнтаў Літоўскай Рэспублікі і Рэспублікі Польшча ў Вільнюсе 5 лістапада 2006 г. 6 лістапада адбылася чатырохбаковая сустрэча прэзідэнтаў Літвы, Латвіі, Эстоніі і Польшчы. Па яе выніках была прынята Сумесная заява, адным з пунктаў якой значылася

неабходнасць «заклікаць Расійскую Федэрацыю да хутчэйшай ратыфікацыі дамовы да Энергетычнай хартыі і да падпісання пратакола па транзіце» [19, р. 122]. Варта падкрэсліць, што пасля накладання Польшчай вета на пачатак перамоў з Расіяй Літва выказала сваю падтрымку пазіцыі польскага ўрада і таксама наклала вета [36], матывуючы гэта тым, што Масква чыніць перашкоды пастаўкам расійскай нафты на літоўскі нафтапераапрацоўчы завод «Мажэйскас нафта».

Нягледзячы на выказванні расійскага боку пра тое, што блакіраванне пачатку перамоў не з’яўляецца праблемай Расіі [3], напачатку 2008 г. Масква выканалася адну з умоў польскага боку: скасавала эмбарга на ўвоз польскага мяса [5]. Пасля гэтага Польшча зняла вета з перамоў паміж ЕС і Расіяй. Аднак абмеркаванне дакумента не пачалося з той нагоды, што Літва не скасавала сваю забарону на пачатак перамоў. Хаця паводле выказванняў тагачаснага міністра замежных спраў Літвы П. Вайтэкунаса яго краіна больш не мела намеру перашкаджаць перамоўнаму працэсу з Расіяй пасля таго, як Брюсель паабяцаў улічыць патрабаванні Вільнюса адносна ўнясення пунктаў па энергетыцы ў тэкст дамовы [4]. У выніку Літва і Польшча дамагліся выканання сваіх патрабаванняў ад Расіі і затрымалі амаль што на паўтара года пачатак перамоў. Гэтая сітуацыя паказвае пашырэнне магчымых уплыву краін пасля ўступлення ў ЕС. Варта падкрэсліць, што ветаванне звычайна выклікае негатыўную рэакцыю з боку старых членаў ЕС. Гэта, канешне, не дазваляе разглядаць выкарыстанне права вета як асноўны механізм рэалізацыі сваіх знешнепалітычных мэтаў. Разам з тым дадзеная сітуацыя адлюстравала эфектыўнасць супольных дзеянняў Польшчы і Літвы пры ўмове каардынавання крокаў.

Другім істотным фактарам, уласцівым польска-літоўскім адносінам у 2004–2007 гг., з’яўляецца значная ўвага польскага і літоўскага кіраўніцтваў да пазіцыі Вашынгтона, што прыводзіла да ўскоснай каардынацыі знешнепалітычных курсаў Варшавы і Вільнюса.

Апошнія два дзесяцігоддзі Злучаныя Штаты займалі выключнае месца ў знешняй палітыцы як Літоўскай Рэспублікі, так і Рэспублікі Польшча [22, р. 29; 38, р. 15]. У адзначаны перыяд, калі ва ўсіх трох краінах ва ўладзе знаходзіліся кансерватары, двухбаковае супрацоўніцтва з Вашынгтонам набыло новую глыбіню. Важнасць пазіцыі ЗША для абедзвюх краін пацвярджалася на некалькіх узроўнях. Як польскія, так і літоўскія палітыкі актыўна дэкларавалі выключную роль Злучаных Штатаў як міжнароднага партнёра і ўспрымалі сябе праваднікамі палітыкі атлантызму ў Еўропе [23, р. 122]. Гэта пацвярджалася і рэгулярнымі кантактамі на вышэйшым узроўні паміж польскім і літоўскім кіраўніцтвамі з амерыканскімі калегамі. Вынікам гэтых сустрэч надавалася сур’ёзная ўвага, і падобна, што большасць стратэгічных вырашэнняў Варшавы і Вільнюса прымаўся з аглядак на пазіцыю Белага дома.

Сярод сфер, якія адчулі на сабе найбольшы ўплыў Вашынгтона, варта назваць бяспеку (эканамічную, энергетычную, вайсковую); палітыку Літвы і Польшчы ў адносінах да Расійскай Федэрацыі; стасункі Варшавы і Вільнюса з краінамі былога СССР; падтрымка ініцыятыў Вашынгтона ў ААН і АБСЕ [14, р.95; 31, р. 22]. Таксама ў гэты перыяд Варшава і Вільнюс успрымалі ЗША, пры дапамозе механізмаў НАТА, як асноўнага гаранта супраць магчымай агрэсіўнай палітыкі Расійскай Федэрацыі [29, р.112]. Дзякуючы ўвазе літоўскіх і польскіх палітыкаў да пазіцыі Злучаных Штатаў па шэрагу ключавых пытанняў погляды Вільнюса і Варшавы супадалі. Можна сцвярджаць, што скіраванасць на амерыканскі вектар міжнароднай палітыкі прыводзіла да ўскоснай каардынацыі і збліжэння пазіцый паміж Літвой і Польшчай. Будучы ўлічанымі ў кантэкст знешнепалітычнага бачання ЗША, палітычныя лініі Варшавы і Вільнюса збліжались і гублялі, такім чынам, некаторыя патэнцыйна канфліктныя пытанні.

Трэцяй спецыфічнай уласцівасцю дадзенага этапу адносінаў з'яўляецца высокі ўзровень асабістага даверу паміж кіраўнікамі Польшчы і Літвы. У час знаходжання кансерватараў ва ўладзе ў Варшаве і Вільнюсе фармат узаемных адносінаў паміж кіраўнікамі дзвюх краін аказваў заўважны ўплыў на міждзяржаўныя адносіны. Падобна, што каштоўнасці і ідэйныя арыентацыі кіраўнікоў Літвы і Польшчы ў значнай ступені супадалі, што прыводзіла да падабенства інтэрпрэтацый тых або іншых падзей. Да гэтага варта дадаць таксама высокі ўзровень асабістага даверу паміж братамі Качыньскімі і В. Адамкусам.

У якасці ілюстрацыі да гэтага сцвярджэння можна прывесці сітуацыю, якая ўзнікла пры падпісанні Лісабонскай дамовы. Улетку 2007 г. на саміце ЕС у Бруселі Германіяй быў прадстаўлены новы праект Канстытуцыі. Супраць нямецкага праекта рэзка выступіла Польшча; асобныя палажэнні дакумента аспрэчвалі Вялікабрытанія і Нідэрланды, але пасля пэўных саступак Лондан і Амстэрдам пагадзіліся на падпісанне Дамовы. Аднак прадстаўнікі Польшчы не пагаджаліся на прапанаваны тэкст дакумента. Справа ў тым, што браты Качыньскія лічылі непрымальнай схему «двайной большасці» і не хацелі адмаўляцца ад прапанаванай імі арыгінальнай сістэмы «квадратнага кораня», паводле якой пры галасаванні «вага» кожнай краіны вызначалася велічынёй квадратнага кораня ад колькасці яе насельніцтва [8].

Як напярэдадні, так і падчас саміту кіраўнікі вядучых еўрапейскіх краін і еўрачыноўнікі спрабавалі паўплываць на пазіцыю Л. Качыньскага. Прычым выкарыстоўваліся для гэтага як абяцанні, так і пагрозы. У прыватнасці, кіраўнік Еўракамісіі Ж. М. Барозу казаў, што «ў інтарэсах палякаў прадэманстраваць, што іх членства ў ЕС не ўскладняе жыцця Саюза», што разам з іншымі выказваннямі еўрачыноўніка многім было расцэнена як пагроза абмежавання фінансавую падтрымку Польшчы з боку еўраструктур у выпадку нязменнасці пазіцыі Качыньскага [13; 15].

Паказальна, што ў перакананні Л. Качыньскага адыграў ролю і літоўскі прэзідэнт. Для пачатку

нямецкі канцлер А. Меркель палічыла неабходным запрасіць для перамоў у вузкім коле з Л. Качыньскім толькі кіраўнікоў Францыі і Літвы. Ужо гэты факт паказвае, што В. Адамкус успрымаўся як чалавек, здольны паўплываць на пазіцыю свайго польскага калегі. Акрамя гэтага, паводле некаторых паведамленняў менавіта пасля асабістай размовы з кіраўніком Літвы прэзідэнт Польшчы даў сваю згоду на праект Дамовы [2]. Пасля працяглых перамоў, якія цягнуліся ўсю ноч, а 5-й гадзіне раніцы на прэс-канферэнцыі было абвешчана пра дасягненне згоды наконт Дамовы аб рэформах [7]. Верагодна, што сяброўскі фармат адносінаў паміж прэзідэнтамі Літвы і Польшчы адыграў належную ролю і паўплываў не толькі на двухбаковыя адносіны, але і на вырашэнне пытанняў агульнаеўрапейскага значэння [17, р. 89; 18, р. 21].

Вызначаючы пачатак другога этапу ў сучасных польска-літоўскіх адносінах, неабходна адзначыць, што пераход паміж этапамі не быў аднаразовым. Шэраг унутрыпалітычных падзей у Літве і Польшчы, што прывялі да змяненняў, якія дазваляюць казаць пра новы этап у іх двухбаковых адносінах, былі расцягнутымі па часе. Неабходна падкрэсліць значнасць электаральных кампаній, якія прыводзілі да змяненняў у знешняй палітыцы ўвогуле і ў двухбаковых польска-літоўскіх адносінах у прыватнасці. Нягледзячы на тое што ў адпаведнасці з Канстытуцыямі Літвы і Польшчы абедзве рэспублікі носяць статус парламенцкіх, у Літве знешнюю палітыку фармуе прэзідэнт, у Польшчы — прэм'ер-міністр [25; 40]. У адпаведнасці з гэтым у Літве выбары прэзідэнта могуць прывесці да найбольш рэзкіх змен знешнепалітычных прыярытэтаў, у той час як у Польшчы на знешнюю палітыку краіны кардынальна ўплываюць вынікі парламенцкіх выбараў.

Менавіта парламенцкія выбары ў Польшчы напрыканцы 2007 г. азначылі, па меркаванні аўтара, сканчэнне першага этапу ў адносінах паміж Варшавой і Вільнюсам. Пасля парламенцкіх выбараў кіруючай партыяй у польскім сойме стала ліберальная «Грамадзянская платформа» Д. Туска. Яна з'яўлялася асноўнай саперніцай кансерватыўнай партыі «Права і справядлівасць». Акрамя адрозненняў па пытаннях эканомікі і маралі вельмі істотныя рознагалосці ў пазіцыях партый датычыліся знешнепалітычнай сферы [30, р. 195; 32, s. 233].

У Літве ж увосень 2008 г. на выбарах у сойм перамогу атрымаў кансерватыўны «Саюз Айчыны — Літоўскія хрысціянскія дэмакраты». Такім чынам, польскі парламент і ўрад змясціліся бліжэй да цэнтра, у той час як сейм Літвы, наадварот, значна зрушыўся ўправа.

Парламенцкія выбары ў Польшчы ў 2007 г. і ў Літве ў 2008 г. сталі вырашальным фактарам у змяненні характару адносінаў паміж дзвюма дзяржавамі. А прэзідэнцкія выбары 2009 г. у Літве, у выніку якіх кіраўніком краіны стала Д. Грыбаўскайтэ, азначылі канец пераходнага перыяду і пачатак новага этапу ў польска-літоўскіх адносінах.

ДРУГІ ЕТАП: 2008–2013 гг.

Такім чынам, ужо ў 2008 г. яскрава выявіліся якасныя перамены ў польска-літоўскіх адносінах, што і дазваляе адзначыць яго як пачатак другога перыяду са сваім спецыфічным наборам уласцівасцей.

Перш за ўсё гэта знікненне расійскага фактару як моцнага негатыўна-кансалідуючага чынніка ў адносінах Літвы і Польшчы. Менавіта з яго пачынаюцца прынцыпова новыя складанасці ў польска-літоўскіх адносінах. Так, калі ў кастрычніку 2007 г. пасада прэм'ер-міністра ў Польшчы перайшла да лідара «Грамадзянскай платформы» Д. Туска, стала зразумела, што польская палітыка ў дачыненні да Расійскай Федэрацыі перажыве сутнасныя змены. Пасля прыходу да ўлады новы кіраўнік урада зрабіў некалькі даволі паспяховых захадаў па вырашэнні канфліктных момантаў з расійскім бокам, пры гэтым паказаўшы сваю здольнасць на саступкі [20]. Гэта адразу прывяло да шэрагу складанасцей у адносінах з Літвой, якая — на той момант у асобе прэзідэнта В. Адамкуса — працягвала ўспрымаць Расію як найважнейшую знешнепалітычную пагрозу.

Першым выклікам, які выявіў новы характар польска-літоўскіх адносін, была расійская кампанія на тэрыторыі Грузіі. Калі на пачатку жніўня 2008 г. расійскія войскі перайшлі расійска-грузінскую мяжу і амаль дайшлі да Тбілісі, рэакцыя Еўропы была адназначна негатыўнай. З асуджэннем дзеянняў Расіі выступілі практычна ўсе лідары ЕС. Рэакцыя польскага боку на ўзброены канфлікт характарызавалася тым, што і Л. Качыньскі, і Д. Туск выказваліся супраць паводзін расійскіх палітычных колаў. Але прэм'ер-міністр проста асудзіў увод войск, пасля чаго не падтрымаў актыўных антырасійскіх крокаў. Прэзідэнт жа Польшчы Л. Качыньскі выкарыстоўваў кожную магчымасць выказаць падтрымку сваім грузінскім сябрам [34, с. 281]. У суджэннях адносна логікі паводзін расійскіх палітыкаў ён зайшоў, у звычайным для яго стылі, даволі далёка, кажучы наступнае: «Сёння гэта Грузія, заўтра — Украіна, а Польшча можа быць наступнай» [35]. Д. Туск у дадзенай сітуацыі паводзіў сябе значна асцярожней: з аднаго боку, ён выказаў падтрымку грузінскаму ўраду ў першыя дні вайсковай кампаніі, а з другога боку — пазбягаў выказванняў, якія маглі б па сваіх змесце ці форме ўспрыняцца расійскім бокам як агрэсіўныя.

Афіцыйная лінія Літвы была сугучная ацэнкам польскай партыі «Права і справядлівасць», але адрознівалася ад поглядаў «Грамадзянскай платформы», якая на той момант прадстаўляла афіцыйную пазіцыю Польшчы. Больш таго, менавіта антырасійская рыторыка ў значнай ступені паўплывала на перамогу кансерватараў на парламенцкіх выбарах у Літве ўвосень 2008 г. У той жа час было заўважана, што дзеля нармалізацыі адносін з Масквой урад Д. Туска гатовы не толькі супрацьпастаўляць сябе ўнутрыпольскім апанентам, але і акцэнтаваць адрозненні паміж сваёй пазіцыяй і пазіцыяй знешнепалітычнага партнёра.

Другі эпізод, вельмі важны як для непасрэдна польска-літоўскіх адносін, так і для адзнакі

прынцыповай перамены ролі расійскага фактару ў адносінах паміж краінамі, адбыўся ўвосень 2008 г.

У лістападзе 2008 г. надыходзіў час, калі краіны Еўрапейскага саюза павінны былі выказацца адносна пачатку перамоў аб новым пагадненні Расія — ЕС. Нагадаем, што праблемы на гэтым напрамку ўзніклі ўвосень 2006 г., калі Польшча заявіла, што будзе блакіраваць пачатак перамоў, пакуль Расія не здыме забарону на імпорт польскага мяса. Байкот палякаў быў падтрыманы стратэгічным партнёрам — Літоўскай Рэспублікай. Цягам двух гадоў, прыдумляючы новыя прычыны і перыядычна падмяняючы адна адну ў гэтай палітычнай эстафеце, Польшча і Літва паспяхова супрацьстаялі як лініі расійскіх палітыкаў, так і канструктыўнасці еўрапейскіх. Аднак жа на міністэрскай нарадзе 10 лістапада 2008 г. шляхі Вільнюса і Варшавы разышліся. Зусім нечакана літоўская дэлегацыя даведлася, што палякі вырашылі больш не блакіраваць пачатак перамоў [6], нягледзячы на тое што напярэдадні нарады абедзве краіны заяўлялі пра недапушчальнасць пачатку перамоў у сітуацыі, калі расійскія войскі знаходзяцца на тэрыторыі Грузіі [26]. Але ўжо падчас самога абмеркавання Літва засталася адна: пад ціскам Брюселя польская дэлегацыя, узначаленая прадстаўнікам «Грамадзянскай платформы», не выказалася за далейшае блакіраванне перамоў. Бясспрэчна, гэтае пытанне мела значэнне для ўсяго ЕС, але ў кантэксце польска-літоўскіх адносін галоўным усё адно заставаўся той факт, што Польшча, нягледзячы на пазіцыю, папярэдне ўзгодненую з літоўцамі, аддала перавагу сваім інтарэсам, а не надзейнасці стасункаў са стратэгічным партнёрам.

З абраннем Д. Грыбаўскайтэ на пасаду прэзідэнта Літвы палітыка Вільнюса ў адносінах да Масквы таксама істотна перамянілася. Паляпшэнне двухбаковых адносін з Расіяй было названа адным з прыярытэтаў знешняй палітыкі Літвы. Але агучаная палітыка не прывяла да кансалідацыі пазіцый Польшчы і Літвы дзеля паляпшэння адносін з Расійскай Федэрацыяй. Гэта дазваляе сцвярджаць не толькі пра знікненне антырасійскага фактару як кансалідуючага ў польска-літоўскіх адносінах, але і пра імкненне і Варшавы, і Вільнюса да паляпшэння адносін з Расійскай Федэрацыяй, прычым часам нават за кошт польска-літоўскага партнёрства.

Яшчэ адным фактарам на дадзеным этапе польска-літоўскіх адносін стала змяненне ролі Вашынгтона ў палітыцы абедзвюх краін і ва ўзаемных адносінах Варшавы і Вільнюса. Аслабленне польска-амерыканскіх і літоўска-амерыканскіх адносін мела дзве важныя прычыны. З аднаго боку, адбыліся адчувальныя перамены ў кіраўніцтве Літвы і Польшчы [42]. Д. Туск і Д. Грыбаўскайтэ, заяўляючы пра больш прагматычную знешнюю палітыку, адзначалі, што іх папярэднікі надавалі празмерную ўвагу адносінам з ЗША пад кіраўніцтвам пераважна ідэалагічных фактараў. І польскі прэм'ер, і літоўскі прэзідэнт казалі, што адной з праяў прагматычнай трансфармацыі знешнепалітычнага курсу краін

павінна стаць памяншэнне ўвагі да адносін са Злучанымі Штатамі на карысць адносін з краінамі Еўропы [32, s. 233].

З другога боку, у той жа час адбылася перамена прэзідэнцкай адміністрацыі ў ЗША. Кабінет Б. Абамы, па сутнасці, выказваў падобныя прэтэнзіі да знешняй палітыкі сваіх папярэднікаў-кансерватараў. Гаворка ішла пра празмерную ідэалагізаванасць і непарапартыйнальную ўвагу адносінам з некаторымі асобнымі краінамі. У якасці практычных вынікаў гэтай пазіцыі прэзідэнта ЗША можна назваць скіраванасць на перамены ў адносінах з Расіяй, адмову ад размяшчэння сістэмы СРА ў Польшчы і Чэхіі, а таксама аслабленне адносін з шэрагам краін.

Такім чынам, роля Злучаных Штатаў у польска-літоўскіх адносінах, істотная на папярэднім этапе, калі ўсе тры краіны кіраваліся кансерватарамі, значна паменшылася ў выніку змянення кіруючых сіл ва ўсіх трох краінах. Гэта прывяло да змянення нават інтэнсіўнасці зносін. У выніку збліжэнне знешнепалітычных вектараў Польшчы і Літвы пасродкам вывярэння сваіх пазіцый па лініі Вашынгтона перастала адыгрываць істотную ролю ў двухбаковых адносінах пасля 2008 г. У гэтым рэчышчы паказальнай з'яўляецца заўвага літоўскага даследчыка Т. Янеліўнаса, які адзначае, што абвешчаная Вашынгтонам «перазагрузка» адносін з Расійскай Федэрацыяй выявіла сур'ёзныя разыходжанні ў стратэгіях бяспекі Польшчы і Літвы. Гэтыя разыходжанні, у сваю чаргу, зрабілі відавочным недахоп рэальнага двухбаковага супрацоўніцтва паміж Варшавай і Вільнюсам [21, p. 108].

Трэцяй характарыстыкай новага этапу адносін паміж Польшчай і Літвой з'яўляецца абвастрэнне да гэтага незаўважных супярэчнасцей і канфліктаў паміж краінамі.

Першым прыкладам гэтага з'яўляецца абвастрэнне эканамічных супярэчнасцей. Спрабуючы вызначыць фактары, што ўплывалі на гэты працэс, а разам з ім узмацненне канкурэнцыі паміж Польшчай і Літвой, варта адзначыць прагматызм як асноўны палітычны прынцып і Д. Туска, і Д. Грыбаўскай. Апрача таго, і Польшча (у меншай ступені), і Літва (у большай ступені) адчулі наступствы сусветнага фінансава-эканамічнага крызісу. Рэзкае скарачэнне даступных фінансавых рэсурсаў, рэзкае падзенне ўзроўню жыцця і павышэнне беспрацоўя (у Літве) прывяло да больш вострага ўспрыняцця праблем і дысбалансаў у польска-літоўскіх эканамічных адносінах. Так, для прыкладу, станоўчае сальда польскага экспарту ў Літву павялічылася з 400 млн еўра ў 2004 г. да амаль 1200 млн еўра ў 2008 г. [16; 38]. Прычым калі ў дакрызісныя часы на гэта не звярталася значная ўвага, то пасля 2008 г. выказваць незадаволенасць пачалі нават звычайныя літоўцы. Падобна, што літоўскі бок пачаў прымаць крокі па паляпшэнні балансу ў двухбаковым гандлі. Так, у 2010 г. адмоўнае сальда зменшылася да 350 млн еўра, а ў 2013 г. хаця і склала 677 млн еўра, але ўсё адно паказала амаль двухразовае скарачэнне ў параўнанні з 2008 г. Таксама запавольваецца і дынаміка двухбаковага гандлю. Так, калі першыя 5 год азначанага перыяду прывялі да росту гандлю паміж краінамі на 300 %, то другое пяцігоддзе паказала чысты прырост толькі 30 %.

Правяліся падобныя тэндэнцыі і ў сферы ўзаемага інвеставання. На папярэднім этапе інвестыцыі былі скіраваныя ў асноўным ад Польшчы да Літвы. У другім жа этапе, пачынаючы з 2008 г., напрамак інвеставанняў калі і не змяніўся, то істотна панізілася іх інтэнсіўнасць. Узаемнае інвеставанне ў 2009 г. было значна мінімалізавана з прычыны піку сусветнага фінансава-эканамічнага крызісу. Акрамя таго, пасля 2008 г. польскі бок пачаў часцей скардзіцца на ўскладненне ўмоў працы польскіх кампаній літоўскім урадам. Так, з шэрагам складанасцей сутыкнулася асноўнае польскае ўкладанне ў Літве — кампанія «Orlen Lietuva». Польскія эканамісты адзначаюць, што літоўскі бок не толькі не спрыяе развіццю нафтаперапрацоўчага гіданта, а наадварот, прымае крокі, якія прыводзяць да зніжэння рэнтабельнасці прадпрыемства. Гэта прыводзіла да таго, што некалькі разоў польскія інвестары сур'ёзна разглядалі магчымасць продажу сваёй часткі акцый [33, p.62].

Абвастрэнне супярэчнасцей пасля 2008 г. адлюстроўвалася і ў пытанні будаўніцтва АЭС у Літве. Пазіцыя Польшчы перамянялася ад гатоўнасці стаць адным з трох парытэтных інвестараў і партнёраў у будаўніцтве праз патрабаванне павелічэння польскай долі ў АЭС да канчатковай адмовы ў падтрымцы праекта ў 2011 г.

З палітычных пытанняў найбольш важным на другім этапе з'яўляецца праблема польскай нацыянальнай меншасці. Дадзенае пытанне пастаянна прысутнічала ў полі ўзаемадзеяння Варшавы і Вільнюса, але з 2011 г. стала вызначальным у двухбаковых адносінах Польшчы і Літвы. Да гэтага складалася ўражанне, што, прынамсі, з часу ўступлення ў ЕС і Польша, і Літва не мелі намеру актывізаваць гэтае складанае і патэнцыйна канфліктнае пытанне [37, s. 317]. Аднак спроба літоўскага парламента прывесці сітуацыю з меншасцямі да агульнаеўрапейскай практыкі выклікала вельмі сур'ёзныя праблемы ў двухбаковых адносінах.

Каталізатарам гэтага працэсу стала прыняцце новага Закона «Аб адукацыі» літоўскім Сеймам у сакавіку 2011 г. Згодна з гэтым Законом павінна была адбыцца пэўная ўніфікацыя ўмоў навучання для звычайных літоўскіх школ і школ нацыянальных меншасцей. У прыватнасці, найбольшы рэзананс выклікаў артыкул новай рэдакцыі Закона, які абавязваў выпускнікоў здаваць пры сканчэнні школы агульны экзамен па літоўскай мове. Палякам Літвы гэта дазволіла вінаваціць урад і парламент краіны ў дыскрымінацыі нацменшасцей. Таксама вельмі актыўна ў канфлікт увязаліся польскія палітыкі. Міністр замежных спраў Р. Сікорскі вылучыўся шэрагам радыкальных выказванняў, а прэм'ер Д. Туск ажыццявіў 5 верасня 2012 г. незапланаваны візіт у Вільнюс дзеля выяўлення падтрымкі дыяспары, дзе прыняў удзел у польскамоўнай імшы ў касцёле Св. Тэрэзы. А пасля набажэнства польскі прэм'ер заявіў, што адносіны Польшчы і Літвы будуць настолькі добрымі, наколькі добрым будзе стаўленне Літвы да польскай меншасці [41]. Верагодна, што рэзкія выказванні Д. Туска дазволіў сабе з-за блізкасці парламенцкіх выбараў і імкнення за

падтрымкай грамадскасці. Гэта адлюстроўвае, што такое разуменне фармату польска-літоўскіх адносін папулярнае не толькі сярод польскай меншасці ў Літве, але і сярод электарату ў самой Польшчы.

Разам з тым варта адзначыць, што развіццё сітуацыі вакол польскай меншасці ў Літве не стала поўнай нечаканасцю. Так, яшчэ ў 2001 г. літоўскі гісторык В. Сірутавічус пісаў, што тагачаснае зніжэнне ўвагі да стану польскай меншасці ў Літве магло быць часовай з'явай. Паводле ягонага меркавання, замаражванне праблемы польскім бокам магло разглядацца як неабходная ахвяра за развіццё стратэгічных адносін [39, р. 17]. Яшчэ адзін літоўскі даследчык Р. Лапата адзначаў, што, нягледзячы на партнёрства, у польскім і літоўскім грамадствах па-ранейшаму заставаўся высокі ўзровень узаемнага недаверу [28, s. 140]. Такім чынам, зацікава вакол польскай нацменшасці не вырашала праблемы, не здымала напружання ў грамадстве, але толькі часова прыбірала пытанне з павесткі дня.

У гэтым сэнсе абстрактнае пытанне польскай меншасці на Віленшчыне з'яўляецца паказнікам пераасэнсавання ролі Літвы польскімі палітыкамі.

Таксама неабходна адзначыць, што пад канец разгледжанага перыяду ў польска-літоўскіх адносінах узнік прынцыпова новы фактар. Па выніках парламенцкіх выбараў 2012 г. партыі «Выбарчая акцыя палякаў Літвы», дзейнасць якой скіраваная на прадстаўніцтва інтарэсаў нацыя-

нальных меншасцей, патрапіла ў літоўскі Сейм, пераадолеўшы пяціпрацэнтны бар'ер. Такім чынам, у Варшавы з'явілася магчымасць непасрэдна ўплываць на ўнутрыпалітычную сітуацыю ў Літве. Асабліва з улікам таго, што «Выбарчая акцыя палякаў Літвы» ўвайшла ў кіруючую кааліцыю і цяпер мае рэальныя магчымасці ўплываць на фармаванне палітыкі ў Вільнюсе.

Падводзячы вынікі дзесяцігоддзя, варта адзначыць, што перамены ў кіруючых колах Польшчы і Літвы, якія адбыліся ў 2007–2008 гг., істотна паўплывалі на характар двухбаковых адносін паміж стратэгічнымі партнёрамі. У цэлым можна казаць пра іх пагаршэнне ў 2008–2013 гг. у параўнанні з 2004–2007 гг. Два названыя перыяды характарызуюцца важнымі змяненнямі ў дачыненні да некаторых ключавых фактараў польска-літоўскіх адносін: пераасэнсаваннем месцаў Вашынгтона і Масквы ў знешнепалітычных лініях Літвы і Польшчы. Таксама сусветны фінансава-эканамічны крызіс выкрыў пэўныя складанасці ў эканамічных адносінах Варшавы і Вільнюса і прывёў да запавольвання дынамікі двухбаковага гандлю і ўзаемнага інвеставання. Акрамя гэтага, змяненне агульнай атмасферы польска-літоўскіх адносін прывяло да абстрактнага пытання, якія на працягу пэўнага часу фактычна адсутнічалі ў павестцы дня двухбаковых адносін, асноўнае з якіх — пытанне правоў польскай нацыянальнай меншасці ў Літве.

Библиографические ссылки

1. Валодзькін А. А. Развіццё беларуска-літоўскіх адносін у 2000 гг. // Журн. міжнарод. права і міжнарод. адносін. 2013. № 4. С. 49–56.
2. Польша і ЕС, или Национальные интересы малых государств [Электронный ресурс] // Взгляд. URL: <<http://vz.ru/columns/2007/6/29/91009.html>> (дата обращения: 27.11.2011).
3. Дубровин Д. Польша создает проблемы для Евросоюза // Компас. 2006. № 47. С. 3–10.
4. Литва не сняла вето на начало переговоров РФ с ЕС [Электронный ресурс] // FINANCE.UA. URL: <<http://news.finance.ua/ru/~1/0/all/2008/04/25/125363>> (дата обращения: 02.02.2014).
5. Польша сняла вето на переговоры Россия — ЕС [Электронный ресурс] // Gala.Net. URL: <<http://news.gala.net/?cat=1&id=282881>> (дата обращения: 25.05.2013).
6. Поражение Вильнюса в Брюсселе: взгляд из Литвы [Электронный ресурс] // Информ. агентство «Regnum». URL: <<http://www.regnum.ru/news/1083567.html>> (дата обращения: 02.02.2014).
7. Саммит ЕС: успех — в шаге от провала [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: <<http://www.dw.de/саммит-ес-успех-в-шаге-от-провала/a-2620349>> (дата обращения: 05.03.2013).
8. Снапкоўскі У. Е. Беларуска-польскія адносіны // Беларусь і Польшча = Polska i Białorus. — Warszawa : Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2003. С. 17–26; 119–128.
9. Справка: Что мешает европейской конституции [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: <<http://www.dw.de/справка-что-мешает-европейской-конституции/a-2616739>> (дата обращения: 05.03.2013).
10. Тихомиров А. В. Состояние белорусско-польского политического диалога в 2008 г. // Проблемы внешней политики и безопасности: Беларусь — Польша: история и перспективы сотрудничества / редкол. : А. В. Русакович (отв. ред.) [и др.]. Минск : Тесей, 2009. С. 83–89.
11. Тихомиров А. В. Белорусско-литовские отношения в 2007–2008 гг. // Беларусь в современном мире : материалы VII Междунар. конф., посвящ. 87-летию образования Белорус. гос. ун-та, 30 окт. 2008 г. / редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. Минск : Тесей, 2008. С. 56–58.
12. Ціхаміраў А. В. Пашырэнне Еўрапейскага саюза і яго ўплыў на польска-беларускія адносіны // Stosunki polsko-białoruskie / red. naukowa Jacyński St., Peksa R. Siedlce: Wyd-wo Akademii Podlaskiej, 2009. Т. 2. Społeczstwo i polityka. С. 25–34.
13. Brussels warns Poland and UK on EU constitution [Electronic resource] // Euobserver. URL: <<http://euobserver.com/institutional/24174>> (date of access: 21.05.2013).
14. Derse A. The Next Steps in U.S. — Lithuania Relations // Lithuanian Foreign Policy Review. 2010. № 23. P. 90–100.
15. Do not block treaty, Barosso warns Britain [Electronic resource] // The Financial Times. URL: <<http://www.ft.com/cms/s/0/37164378-0fdc-11dc-a66f-000b5df10621.html#axzz2fBd8oDgH>> (date of access: 20.07.2013).

16. Exports, Imports Statistics of Republic of Lithuania 2004–2008 [Electronic resource] // Lietuvos statistikos departamentas. URL: <<http://www.stat.gov.lt/en/pages/view/?id=1459>> (date of access: 02.02.2014).
17. *Galbreath D.* Continuity and Change in the Baltic Sea Region: Comparing Foreign Policies / D. Galbreath, A. Lašas, J. Lamoreaux. Amsterdam; New York : Rodopi B.V., 2008.
18. *Grumadaitė R., Martusevičius A.* The Mission of Valdas Adamkus President of the Republic of Lithuania 2004–2008. Vilnius : Baltos Lankos Publishers, 2009.
19. *Hamilton D.* The Baltics: Still Punching Above Their Weight // Current History. 2008. Vol. 707, № 107. P. 119–125.
20. Interview with Donald Tusk, prime minister [Electronic resource] // The Financial Times. URL: <<http://www.ft.com/cms/s/0/1eb81238-c49f-11dd-8124-000077b07658,s01=1.html>> (date of access: 02.02.2014).
21. *Janeliunas T.* Lithuanian-Polish Relations Reconsidered: a Constrained Bilateral Agenda or an Empty Strategic Partnership? // Lithuanian Foreign Policy Review. 2011. № 26. P. 100–144.
22. *Jonavičius L.* Geopolitical projections of new Lithuanian foreign policy // Lithuanian foreign policy review. 2006. № 1. P. 16–41.
23. *Larrabee St.* Danger and Opportunity in Eastern Europe // Foreign Affairs. 2006. Vol. 85, № 6. P. 117–131.
24. *Leonard M. A., Popescu N.* Power Audit of EU–Russia relations. London : EFCR. 2007.
25. Lietuvos Respublikos Konstitucija. Kaunas : Judex, 2010.
26. Lithuania: Not Convinced to Support EU – Russia Pact [Electronic resource] // STRATFOR. URL: <http://www.stratfor.com/memberships/126664/sitrep/20081107_lithuania_not_convinced_support_eu_russia_pact> (date of access: 02.02.2014).
27. Litwa w polskiej tradycji i kulturze politycznej / M. Kosman [i inni] ; pod red. M. Kosmana. Poznań : Instytut Nauk Politycznych i Dziennikarstwa Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 2006.
28. *Lopata R.* Rozwój stosunków Polsko-Litewskich po 1990 // Pozostawione historii. Litwini o Polsce i Polakach. Kraków : Znak, 1999. P. 138–140.
29. *Lopata R.* The Lithuanian-American Association: Why Do We Need The U.S.? // Lithuanian Foreign Policy Review. 2010. № 23. P. 111–112.
30. *Lukowiecka H.* Poland's Policy Regarding Lithuania // Yearbook of Polish Foreign Policy. 2008. № 1. P. 195–213.
31. *Mitchell A., Reinert T.* U. S.- Central European Relations in the Age of Obama. Washington, DC : Center for European Policy Analysis, 2009.
32. *Onoszeko K.* Ocena polityki zagranicznej RP w kampanii wyborczej Prawa i Sprawiedliwości oraz Platformy Obywatelskiej (2007 rok) // *Jarosz A.* Polityka zagraniczna III RP: 20 lat po przełomie / pod red. A. Jarosza, K. Olszewskiego. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2011. T. 1: Koncepcje, bezpieczeństwo, kwestie prawne i polonijne. S. 231–242.
33. *Partycki S., Mozzyro A.* Strategic Foundations of The Polish-Lithuanian Economic Integration in the Context of Real Actions // The materials of the International Scientific Conference «Social Sciences for Regional Development 2012: Impact of the financial capital on the region's economic competitiveness» (8th–11th November, 2012), Daugavpils University / ed. by V. Mensikovs. Daugavpils : Akademiskais Apgads «Saule», 2013. P. 56–64.
34. *Piechowiak-Lamparska J.* Polityka zagraniczna prezydenta RP wobec Gruzji w latach 2007–2009. Gruzja a bezpieczeństwo energetyczne Polski // *Jarosz A.* Polityka zagraniczna III RP: 20 lat po przełomie / pod red. A. Jarosza, K. Olszewskiego. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2011. T. 1: Koncepcje, bezpieczeństwo, kwestie prawne i polonijne. S. 275–293.
35. Poland and others – Europe's reactions to war [Electronic resource] // Cafebabel.com. URL: <<http://www.cafebabel.co.uk/article/26072/eu-reaction-poland-russia-georgia-war-diplomacy.html>> (date of access: 02.02.2014).
36. Polish, Lithuanian veto on EU – Russia talks may stay until Russia's presidential election [Electronic resource] // Lithuania in the European Union. URL: <<http://www.euro.lt/en/news/lithuanias-membership-in-the-eu/news/2276>> (date of access: 25.05.2013).
37. *Habowski M.* Polityka Polski wobec Polaków – obywatele państw poradzieckich // Polityka wschodnia Polski: uwarunkowania, koncepcje, realizacja / red. nauk.: A. Gil, T. Kapuśniak. Lublin; Warszawa : IEŚ, 2009. S. 309–325.
38. Raport o stanie handlu zagranicznego [Electronic resource] // Ministerstwo Gospodarki. URL: <<http://www.mg.gov.pl/files/upload/8437/ROHZ20100830%20na%20strone.pdf>> (date of access: 02.02.2014).
39. *Sirutavičius V.* Lithuanian-Polish Strategic Partnership: Genesis and Prospects // Lithuanian Foreign Policy Review. 2001. № 7. P. 11–18.
40. The Constitution of the Republic of Poland [Electronic resource] // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. URL: <<http://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/angielski/kon1.htm>> (date of access: 02.02.2014).
41. Tusk na Litwie uspokaja Polaków [Electronic resource] // Gazeta Wyborcza. URL: <http://wyborcza.pl/1,76842,10230011,Tusk_na_Litwie_uspokaja_Polakow.html> (date of access: 25.10.2012).
42. Tusk's tussle: Poland's new leader has a hard task to find unity [Electronic resource] // The Financial Times. URL: <<http://www.ft.com/cms/s/0/6bf1d7f4-80cc-11dc-9f14-0000779fd2ac.html>> (date of access: 02.02.2014).

Статья поступила в редакцию 8 июня 2014 г.

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ ПЕРИОДИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ БЕЛАРУСИ С ГЕРМАНИЕЙ В 1990–2000-х гг. В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А. В. Русакович

В статье рассмотрены подходы исследователей Беларуси, Германии, России, Польши к проблеме разработки периодизации отношений Беларуси с Германией в 1990–2000-х гг. Автор отмечает, что в работах белорусских и зарубежных историков эта тема в целом сформулирована, предложены различные варианты периодизации. На основе анализа подходов отечественных и зарубежных исследователей автор предлагает свой вариант периодизации.

Approaches of the researchers from Belarus, Germany, Russia, Poland towards the problem of periodization development of relations between Belarus and Germany in the 1990–2000s are considered in the article. The author notes that this problem in general is formulated in the works by Belarusian and foreign historians. On the basis of analyzed approaches of domestic and foreign researchers, the author proposes his own variant of periodization.

Ключевые слова: Беларусь, Германия, периодизация, межгосударственные отношения.

Keywords: Belarus, Germany, periodization, interstate relations.

Важным направлением внешней политики Беларуси в 1990–2000-е гг. являются отношения с Германией, которая рассматривается в качестве важнейшего политического и экономического партнера среди зарубежных государств. Поэтому исследование истории взаимодействия Беларуси с ФРГ имеет особое значение для изучения внешней политики суверенной Беларуси, ее основных направлений, оценки достижений, анализа проблем и перспектив. Отечественные и зарубежные ученые в своих работах неоднократно обращались к проблеме отношений Беларуси с Германией в 1990–2000-х гг. Одним из основных вопросов научных исследований данного направления внешней политики Беларуси является разработка периодизации двусторонних отношений. Решение данной проблемы имеет важное значение для выявления содержания взаимодействия двух государств, изучения особенностей, закономерностей и эффективности двусторонних отношений.

Цель данной статьи — анализ подходов отечественных и зарубежных исследователей к проблеме разработки периодизации отношений Беларуси с Германией в 1990–2000-х гг. Следует отметить, что в работах белорусских и зарубежных историков эта проблема в целом сформулирована, предложены разные варианты периодизации, выделены различные периоды и их временные отрезки, предприняты попытки определить принципы и критерии периодизации. Например, некоторые ученые склонны рассматривать периодизацию с точки зрения национально-государственных интересов Беларуси, применяются «европоцентричный» и «россиицентричный» подходы, сторонники которых предполагают осуществлять разработку периодизации двустороннего взаимодействия как характеристики состояния отношений Беларуси соответственно с Европейским союзом и Россией. Необходимо иметь в виду, что проблема периодизации, которая рассматривается в данной статье, имеет относительный характер в контексте изучения отечественной истории: рассматриваемый временной отрезок охватывает немногим более двадцати лет и представляет одно из направлений внешней политики страны. Сложность решения

проблемы в том, что любая периодизация является в какой-то степени условной и приблизительной, так как по мере накопления исторических знаний будет расширяться источниковая база, степень изученности проблемы, что неизбежно влечет за собой формирование новых подходов. Существует мнение, что разработка периодизации в отношении событий современности носит преждевременный характер. Сложной задачей также является установление критериев, на основе которых будут выделены периоды. В этой сфере в белорусской науке пока не сформировался цельный и системный подход к периодизации.

Белорусская историография. Исследование отношений Беларуси с Германией как направление в белорусской исторической науке сформировалось в середине 1990-х гг. Первые попытки обобщения и разработки периодизации относятся ко второй половине 1990-х гг. В монографии белорусских историков М. Стрельца и В. Старикова «Бонн и постсоциалистическое пространство в Европе: концепции и реалии 1990-х годов» выделено два этапа в развитии межгосударственных отношений Беларуси и Германии: первый этап — до середины 1990-х гг., второй — с середины 1990-х гг. [15]. В кандидатской диссертации автора (2000) и изданной в 2003 г. монографии предложена более подробная периодизация двусторонних отношений в 1990-х гг.: конец 1991 — 1992 г. (становление); 1993 — середина 1994 г. (поступательное развитие); середина 1994 — конец 1996 г. (развитие отношений в условиях накопления проблем в политической сфере); конец 1996 — начало 2000-х гг. (минимизация политических отношений между государствами) [9]. Профессор А. Шарапо в работе «Политические системы и внешняя политика Германии, Австрии, Швейцарии» выделил два периода сотрудничества между государствами. По мнению белорусского ученого, на первом этапе в начале 1990-х гг. произошло формирование политико-правовой основы двусторонних отношений и отмечался значительный рост товарооборота. Вторым этапом в белорусско-германских отношениях начался в середине 1990-х гг. и характеризовался сокращением двусторонних политических контактов

на официальном уровне и продолжением сотрудничества в сфере экономики. Варианты периодизаций были основаны на качественных изменениях в двусторонних государственно-политических отношениях, интенсивности и результативности межгосударственных контактов, корректировке внутри- и внешнеполитического курса Республики Беларусь. Белорусский исследователь В. Фрольцов в изданной в 2013 г. монографии обосновал собственный вариант периодизации исходя из анализа изменений в политике Германии в отношении всего постсоветского пространства в 1991–2005 гг., и выделил следующие периоды в политике Германии относительно Беларуси: осень 1991 – начало весны 1992 г.; весна 1992 – конец лета 1994 г.; осень 1994 – октябрь 1998 г., октябрь 1998 – ноябрь 2005 г. [19].

Значительное число белорусских исследователей – В. Снапковский, А. Тихомиров, М. Чесновский, В. Шадурский, В. Чайчиц и др. – рассматривают проблему периодизации отношений Беларуси с Германией в комплексе отношений Беларусь – Европейский союз и в качестве важного «рубежа» определяют конституционный референдум 1996 г. и реакцию на него ЕС [11; 16; 20; 23; 24]. Так, в изданной в 2013 г. коллективной монографии «Республика Беларусь – Европейский союз» В. Снапковский отмечает, что «история отношений между Беларусью и Европейским союзом подразделяется на два периода, границей между которыми выступает 1996 г.» [11, с. 117]. Следует отметить, что белорусские авторы подробно исследовали историю отношений Беларуси и ЕС в период улучшения отношений (2008 – конец 2010 гг.) и высказывали предположения о начале «нового этапа отношений» [10; 12].

Белорусские ученые в своих работах разрабатывали варианты общей периодизации внешней политики Республики Беларусь. Например, исследователь В. Улахович обосновал следующую периодизацию внешней политики Беларуси в 1991–2000 гг.: 1991–1994 гг. – период международного признания; 1994–2000 гг. – период развития внешней политики на основе принципов суверенности и многовекторности; 2001–2005 гг. – период завершения формирования элементов, образующих основы внешней политики [18, с. 47]. Близкий подход содержится в статье профессора В. Шадурского [20]. В частности, автор выделяет такие важные критерии периодизации, как усиление противоречий в отношениях Беларуси со странами Запада после конституционного референдума 1996 г.; корректировку внешней политики Беларуси в начале 2000-х гг., в рамках которой белорусское руководство стремилось «улучшить отношения со странами ЕС, прежде всего с Германией, желание преодолеть “опору на одно крыло”» [20, с. 34]. Вместе с тем некоторые ученые используют и другие критерии. Например, профессор М. Чесновский отмечает, что «с конца 1990-х гг. отношения Беларусь – Западная Европа приобрели новое геополитическое измерение вследствие непосредственного приближения блока НАТО к белорусской границе» [24, с. 55]. Исследователь В. Карбалевич в своей работе в качестве рубежа в отношениях Беларуси с Западом определяет идеологизацию внешней поли-

тики Беларуси в период после 1994 г. и усиление белорусско-российской интеграции [3, с. 180]. В. Чайчиц в своей кандидатской диссертации в качестве важного рубежа в формировании нового формата отношений Беларуси с ЕС выделил президентские выборы 2001 г. в Беларуси как «фактор повышения роли страны в Европе» [23]. Авторы фундаментального двухтомного исследования «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.» в разделе, посвященном внешней политике Республики Беларусь в 1990–2000-е гг., обосновали следующую периодизацию истории внешней политики Беларуси: 1991–1994 гг. – период международного признания Республики Беларусь, расширения ее активности на международной арене. Внешнеполитическими приоритетами этого периода являлись развитие отношений со странами СНГ, в первую очередь с Россией, Евросоюзом и США. Второй период охватывает 1995–2000 гг., для которого характерно укрепление восточного вектора внешней политики Беларуси путем создания интеграционных объединений с Россией и другими странами СНГ при одновременном расширении сотрудничества со странами Азии, Африки и Латинской Америки. 2001–2011 гг. – период укрепления суверенного статуса и осуществления многовекторной внешней политики. Как отмечают авторы, «в этот период Республика Беларусь стала полноценным субъектом мировой политики» [2, с. 600]. При разработке вариантов периодизации внешней политики Республики Беларусь необходимо учитывать и общую периодизацию истории суверенной Беларуси. Данная тема также находится в стадии разработки. Например, авторы исследования «Республика Беларусь: общество, политика, экономика, люди» проанализировали сущность и особенности белорусской модели развития [8]. По мнению авторов исследования, в своей новейшей истории Беларусь прошла три этапа социально-экономического развития. Первый – период с 1991 по 1995 г., когда приобретение суверенитета «сопровождалось нарастанием негативных последствий в нашей стране» [8, с. 74]. Второй этап социально-экономического развития охватывает 1995–2000 гг., когда была сформулирована парадигма «белорусской модели» социально-экономического развития, был остановлен спад производства, достигнуты положительные показатели роста ВВП. С 2001 г., по мнению авторов исследования, можно говорить «о третьем этапе социально-экономического развития страны в постсоветский период», который характеризуется стабильностью экономического развития, ускоренным ростом благосостояния белорусского народа и в то же время продолжением переходного периода [8, с. 79].

Германская историография. Двусторонние отношения Беларуси и Германии германские исследователи в 1990–2000-х гг. рассматривали в основном в комплексе сотрудничества Германии со странами СНГ. В начале 1990-х гг. германские исследователи уделяли значительное внимание изучению проблемы внешнеполитической ориентации Республики Беларусь и, в частности, отношениям с Россией. В ряде работ были высказаны прогнозы относительно возможных перспектив сближения Беларуси со странами Европейского сообщества [43]. По мнению герман-

ских ученых, поворотным пунктом во внешнеполитической ориентации республики являлось присоединение к Договору о коллективной безопасности в мае 1993 г. [33; 44]. Важным этапом внешнеполитического развития Беларуси германские эксперты определяют 1996–1997 гг., когда было создано Сообщество Беларуси и России, преобразованное в 1997 г. в Союз Беларуси и России [25]. По мнению германских исследователей, новый статус Беларуси в международном сообществе определило и непризнание большинством государств ОБСЕ результатов референдума 1996 г. [26; 39]. Отдельные германские специалисты подчеркивали, что Беларусь занимала особое место в германской внешней политике с 1994 г. [28].

В начале 2000-х гг. заметной тенденцией германских исследований в отношении Беларуси являлось рассмотрение статуса республики в качестве значимого участника европейских и международных отношений, признание равнозначности российского и европейского векторов для национальных интересов страны [32; 37; 41; 42].

Накануне расширения Европейского союза в 2004 г. актуальной в ЕС стала проблема выработки новой политики в отношении Беларуси, и в ряде работ германских исследователей это определялось как начало нового этапа в отношениях [29; 34]. «Газовый конфликт» между Беларусью и Россией в начале 2007 г. привлек повышенное внимание германских экспертов, которые считали это событие «поворотным пунктом» во внешней политике Беларуси, а также в отношениях на постсоветском пространстве [35; 38; 40]. В 2008–2010 гг. отношения Германии и Беларуси активно развивались на основе общего улучшения рамочных условий сотрудничества, что давало повод официальным источникам в Германии говорить о «новой фазе сотрудничества Запада с Беларусью» [27]. События 19 декабря 2010 г. вызвали дискуссию в среде германских экспертов относительно изменений во внешней политике Беларуси, этой теме был посвящен специальный выпуск журнала *Osteuropa*. Германские эксперты Р. Линднер и А. Зам отметили, что Россия оказалась в выигрыше от произошедших событий, так как белорусское руководство поддержало проект создания Единого экономического пространства и обеспечило российские интересы относительно транзита энергоресурсов, участия в приватизации белорусских предприятий [31]. По мнению германских экспертов, белорусское правительство, которое осуществляло в 2008–2010 гг. политику балансирования между ЕС и Россией, ухудшило свои отношения с Европейским союзом. В ходе дискуссии было отмечено, что «политика диалога» ЕС с официальным Минском потерпела неудачу, но вместе с тем необходимо помнить, что «политика изоляции» также не имела успеха [31, s. 16].

Российская историография. Российские исследователи в своих работах рассмотрели различные направления внешнеполитического курса Беларуси, включая проблемы отношений Беларуси с ЕС и Германией [1; 4; 6; 7]. Некоторые ученые рассматривают периодизацию внешней политики независимой Беларуси исходя из интересов Российской Федерации на постсоветском пространстве и участия Бела-

руси в интеграционных структурах. Например, авторы издания «Системная история международных отношений» отмечают, что «период влияния националистов на политику Белоруссии был недолгим» и «к весне 1994 г. в Минске определилась линия на формирование белорусско-российского союза» [13, с. 16]. Исследователь Н. Меден в статье, посвященной реакции Германии на создание Союза Беларуси и России, отмечала, что «вопросы развития отношений с Белоруссией имеют для германской внешней политики периферийное значение» [7, с. 101]. В качестве рубежа в отношениях Беларуси с Германией в работе было определено создание российско-белорусского союза в 1996–1997 гг. и конституционный референдум в Беларуси в 1996 г. По мнению автора, Запад после 1996 г. проводит в отношении Беларуси «политику политической изоляции и экономической блокады» [7, с. 108]. Ряд российских исследователей отмечают, что «неприкрыто враждебный и агрессивный характер носила до последнего времени линия Запада, включая ФРГ, по отношению к Белоруссии» [5, с. 60].

Российские авторы подчеркивают усиление конкуренции между Европейским союзом и Россией за влияние на востоке постсоветского пространства после расширения ЕС 2004 г. Например, О. Шишкина отмечает, что «к рубежу 2004–2005 гг. Россия и ЕС осознали конкурентный характер своих отношений на пространстве «общего соседства. Ресурсный потенциал одного игрока стал все больше сталкиваться с ресурсами контрагента» [22].

В работах российских исследователей предложены варианты периодизации отношений Европейского союза и Беларуси. Рассмотрена политика ЕС на постсоветском пространстве, которая в 1991–2000-х гг. прошла ряд этапов. Первый охватывает начало 1990-х гг., когда произошло становление отношений ЕС со странами СНГ. В середине 1990-х гг. были подписаны Соглашения о партнерстве и сотрудничестве стран СНГ и ЕС, стороны приступили к их реализации. В середине 2000-х гг. произошла дифференциация политики Европейского союза на постсоветском пространстве: европейская политика соседства (реализуется с 2004 г. в отношении Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы, Украины, с 2008 г. имеет измерение «Восточное партнерство»); стратегическое партнерство с Россией; «Стратегия нового партнерства: Европейский союз и Центральная Азия» [14, с. 137–139]. Исследователь Д. Кацы в своей работе, посвященной отношениям Беларуси с ЕС в 1990-х гг., пришел к выводу, что «со времени провозглашения независимости и до 1994 г. Беларусь практически игнорировалась Европейским союзом» [4, с. 17]. Период 1995–1997 г. автор рассматривает как этап активизации отношений Беларуси и ЕС, связанный как с определенными достижениями, так и нарастанием политических проблем, когда «центральное место в отношениях ЕС и Беларуси занял не столько вопрос создания рыночной экономики, сколько права человека» [4, с. 11–12]. Российский историк Р. Медведев в своей работе, посвященной развитию Беларуси в 1994–2010 гг., подчеркнул, что «отношения Беларуси со странами Западной и Восточной

Европы как на двусторонней основе, так и в целом с Евросоюзом и с разного рода общеевропейскими организациями были в последние пятнадцать лет крайне противоречивыми, сложными и по многим направлениям плохими», и выдвинул следующий вариант периодизации отношений Беларуси с ЕС: с 1996 по 2007 гг. — режим политических санкций со стороны ЕС, интенсивное развитие экономического взаимодействия; 2008–2010 гг. — восстановление политического диалога между официальными властями Беларуси и Европейским союзом [6, с. 226–236]. Исследователь Е. Трещенков проанализировал отношения Беларуси и ЕС в 2000-х гг. и отметил, что в этот период было несколько попыток их улучшения: первая была осуществлена в 2003–2004 гг., когда официальный Минск предпринял ряд действий по налаживанию отношений с ЕС и вел дискуссии по европейской политике соседства, однако это не привело к желаемым результатам. По мнению автора, вторая, более удачная, попытка относится к периоду 2007–2008 гг., ее успех обусловлен тремя факторами: изменением позиции ЕС в отношении Беларуси, вызванной критикой политики изоляции со стороны ряда европейских политиков в 2006–2007 гг.; сложностью реализации инициативы ЕС «Восточное партнерство», направленной на расширение многостороннего сотрудничества в регионе, без участия Беларуси; влиянием российского фактора (конфликт на Кавказе в августе 2008 г. и российско-украинский газовый кризис зимы 2008–2009 гг.) [17].

Польская историография. Польские ученые в своих работах исследовали различные аспекты внешней политики Беларуси, в том числе и отношения с Европейским союзом, Германией. В Польше изданы обобщающие работы по внешней политике Беларуси в 1990–2011 гг., ряд сборников международных конференций и семинаров, коллективных работ польских и белорусских ученых. Польские историки Е. Миронович и Р. Чахор в монографиях, посвященных исследованию внешней политики Республики Беларусь, выделяют белорусско-германские отношения в качестве отдельного направления и распространяют на них общую периодизацию внешней политики Республики Беларусь [30; 36]. Например, историк Е. Миронович в монографии, изданной в 2011 г., рассматривает внешнюю политику Беларуси 1990–2000 гг. в рамках трех периодов. Период 1991–1994 гг. определяется как период «нейтральности и неприсоединения», 1994–2000 гг. — «интеграции с Россией», период 2001–2010 гг. — «многовекторная внешняя политика». В рамках каждого из периодов польский исследователь выделяет в качестве отдельного направления раздел, посвященный отношениям Беларуси и Германии. Ученый отмечает, что Германия во внешней политике Беларуси среди стран Европейского союза являлась наиболее важным партне-

ром [36, с. 50–53, 114–118, 181–187]. В монографии Р. Чахора история становления и развития внешней политики Беларуси рассматривается, исходя из приоритетности направлений внешней политики. Период 1991–1994 гг. исследователь определяет как «попытка сохранения политического равновесия», 1994–1999 гг. — «доминирование интеграционного вектора», период после 2000 г. — «вынужденный поиск взаимодействия с Россией» [30]. В разделах, посвященных отношениям Беларуси со странами Западной Европы, автор выделяет отношения Беларуси с Германией в качестве приоритетных. В целом же подходы Р. Чахора при оценке отношений Беларуси с Германией основываются на положениях, изложенных в работах белорусских исследователей.

Таким образом, в отечественной и зарубежной исторической науке проблема периодизации отношений между Республикой Беларусь и ФРГ в определенной степени разработана, сформулированы различные варианты и критерии периодизации.

Как представляется, с учетом разработок отечественных и зарубежных ученых развитие отношений Республики Беларусь с Федеративной Республикой Германией в 1990–2000-х гг. осуществлялось в рамках следующих периодов: 1) 1991–1996 гг. — становление и поступательное развитие межгосударственных отношений на основе проводимой трансформации политической и экономической системы в Республике Беларусь и общей политики стран Европейского союза в отношении государств СНГ; 2) 1997–2000 гг. — формирование внешнеполитического курса белорусского руководства в отношении Германии, основанного на активном участии республики в интеграционных процессах на постсоветском пространстве и учете ограничительных решений Европейского союза; 3) 2001–2010 гг. — реализация руководством Беларуси прагматичной линии в отношениях с Германией на основе укрепления государственности и формирования белорусской социально-экономической модели развития, развития экономического сотрудничества и поиск возможностей улучшения политических отношений с учетом необходимости взаимодействия по широкому кругу региональных и международных проблем вследствие выхода ЕС и НАТО непосредственно к границам Беларуси. В конце 2010–2011 гг. обозначился важный «поворотный пункт» в отношениях Беларуси с Германией, который связан с обострением политических отношений, наступившим после президентских выборов 2010 г. в Беларуси и активным участием республики в новых интеграционных объединениях постсоветского пространства, инициированных Россией. Обсуждение и разработка периодизации истории отношений Беларуси и Германии является составной частью формирования и практического использования современных методологических подходов изучения современной белорусской истории.

Библиографические ссылки

1. *Виноградова К. В.* Приоритеты внешней политики Республики Беларусь (1991–2009 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15. М., 2010.

2. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст.: у 2 кн. / М. У. Смяховіч [і інш.] ; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск : Беларус. навука, 2012. Кн 2.
3. Карбалевиц В. Внешняя политика Беларуси: попытки самоопределения // Нац. и региональная безопасность / Л. Заико [и др.]. Минск : Несси, 2001. С. 163—184.
4. Кацц Д. В. Отношения Европейского союза с Беларусью и Украиной (1994—1997 гг.). СПб. : Санкт-Петербург гос. ун-т, 1998.
5. Максимычев И. Ф. ФРГ в современном мире. Роль в мировой политике // Германия: вызовы XXI века / под ред. В. Б. Белова. М., 2009. С. 13—68.
6. Медведев Р. А. Александр Лукашенко. Контуры белорусской модели. М. : Изд-во ВВРГ (ЗАО «ББПГ»), 2010.
7. Меден Н. Германия и российско-белорусский союз // Российско-белорусские отношения: проблемы и перспективы: материалы круглого стола российских и белорусских ученых, г. Москва, 2—3 февр. 1998 г. / Российская акад. наук, Ин-т междунар. эконом. и полит. исслед. / под ред. Б. А. Шмелева. М. : АОЗТ «Эпикон», 1998. С. 101—112.
8. Республика Беларусь: общество, политика, экономика, люди / О. В. Пролесковский [и др.] ; Информ.-аналит. центр при Адм. Президента Респ. Беларусь. Минск : Беларус. дом печати, 2010.
9. Русакович А. В. Белорусско-германские отношения в 1990-е годы: политика, экономика, культура. Минск : Тесей, 2003.
10. Русакович А. В. Новые тенденции белорусско-германских политических отношений на современном этапе // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2009. № 2. С. 25—31.
11. Снапкоўскі У. Е. Асноўныя этапы развіцця адносін Рэспублікі Беларусь з Еўрапейскім саюзам // Республика Беларусь — Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства / А. А. Коваленя [и др.] ; под ред. Л. Ф. Евменова ; Нац. Акад. наук Беларуси ; Ин-т философии. Минск : Беларус. навука, 2013. С. 100—123.
12. Снапкоўскі У. Аб рэакцыі Еўрапейскага саюза на падзеі 19—20 снежня 2010 г. у Мінску // Беларусь в современном мире : материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 28 окт. 2011 г. / редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. Минск : БГУ, 2011. С. 54—55.
13. Системная история международных отношений / под ред. А. Д. Богатурова. Изд. 2-е. М. : Культурная революция, 2009. Т. 2 : События 1945—2003 гг.
14. Современные международные отношения / под ред. : А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М. : Аспект-Пресс, 2013.
15. Стрелец М. В. Бонн и постсоциалистическое пространство в Европе: концепции и реалии 1990-х годов. Брест : Лавров, 1999.
16. Тихомиров А. В. Республика Беларусь — Евросоюз: от сотрудничества к охлаждению отношений (1992—1997 гг.) // Европейский союз: история, политика, экономика, право : междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17—18 дек. 1997 г. : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; гл. ред. А. В. Козулин. Минск, 1998. С. 56—62.
17. Трещенков Е. Ю. Эволюция политики соседства Европейского союза в отношении Беларуси, Молдовы и Украины (2003—2010) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2011.
18. Улахович В. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь (1991—2005 гг.). Минск : Харвест, 2009.
19. Фрольцов В. В. Постсоветские государства во внешней политике ФРГ (1991—2005). Минск : БГУ, 2013.
20. Шадурский В. Г. Формирование концептуальных основ внешней политики Республики Беларусь (1991—2011 гг.) // Вестн. БГУ. Сер. 3. История. Экономика. Право. 2011. № 3. С. 31—36.
21. Шапаго А. В. Политические системы и внешняя политика Германии, Австрии и Швейцарии : учеб. пособие. Минск : БГУ, 2007.
22. Шишкина О. В. Сравнительный анализ внешнеполитических ресурсов России и Европейского союза на пространстве «общего соседства» : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. МГИМО (У). М., 2011.
23. Чайчиц В. Н. Европейская политика суверенной Беларуси: становление и развитие : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Дип. акад. МИД России. М., 2002.
24. Часноўскі М. Э. Гісторыя знешняй палітыкі Рэспублікі Беларусь : вучэб. дапам. для студэнтаў выш. навуч. устаноў / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. Брэст : БрДУ, 2008.
25. Alexandrova O. Integration und Desintegration in den Beziehungen Russland — Belarus — GUS // Osteuropa. 1997. № 10—11. S. 1022—1038.
26. Babajew A. Demokratieförderung zwischen Annäherung und Sanktionen: der US — amerikanische und deutsche Umgang mit dem Lukaschenko-Regime in Belarus. Frankfurt am Main : Hess. Stiftung Friedens- und Konfliktforschung, 2011.
27. Belarus. Beziehungen zu Deutschland [Electronic resource] // Auswärtige Amt. URL: <<http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Laenderinformationen/Belarus/Bilateral.html>> (date of access: 05.05.2009).
28. Bettzuege R. Die Beziehungen Deutschland zu Russland, der Ukraine und Belarus. Chancen und Perspektiven // Osteuropa. 2000. № 5. S. 469—477.
29. Clement H. Die neuen Nachbarn und die Europäische Union — Möglichkeiten und Grenzen der Integration am Beispiel Ukraine und Belarus. München : Osteuropa-Inst., 2005.
30. Czachor R. Polityka zagraniczna Republiki Białoruś w latach 1991—2011. Polkowice, 2011.
31. Der Fall Belarus. Analysen, Interpretationen, Konsequenzen // Osteuropa. 2010. № 12. S. 5—22.
32. Ein weißer Fleck in Europa...: die Imagination der Belarus als einer Kontaktzone zwischen Ost und West / hrsg. T. M. Bohn, V. Shadurski. Bielefeld : Transcript, 2011.
33. Hoff M., Timmermann H. Belarus in der Krise: «Die Partei der Macht» drängt auf Rückwendung nach Russland // Osteuropa. 1994. № 8. S. 723—742.
34. Kempe I. Risiken und Herausforderungen jenseits der EU — Erweiterung. Eine Strategie für Rußland, die Ukraine, Moldova und Belarus // Osteuropa. 2002. № 12. S. 1547—1561.

35. *Lindner R.* Blockaden der «Freundschaft». Der Russland – Belarus – Konflikt als Zeitenwende im postsowjetischen Raum. Berlin : SWP – Aktuell 2007/A 03, Januar 2007.
36. *Mironowicz E.* Polityka zagraniczna Białoruś (1990–2010). Białystok : Wydawnictwo Uniwersyteckie TransHumana, 2011.
37. *Piehl E., Schulze P. W., Timmermann H.* Die offene Flanke der Europäischen Union: Russische Föderation, Belarus, Ukraine und Moldau. Berlin : Berliner Wiss.-Verl., 2005. 557 S.
38. *Sahm A.* Simulierter Wandel? Belarus' 08 // Osteuropa. 2008. № 12. S. 51–58.
39. *Sahm A.* Von BSSR zur Republik Weissrussland – Belarus (1988–2001) // Handbuch der Geschichte Weissrusslands / hrsg. D. Beyrau, R. Lindner. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. S. 178–196.
40. *Spahn S.* Die Außenpolitik Rußlands gegenüber der Ukraine und Weißrußland von 1991 bis 1998. Herne : Schäfer, 2000.
41. *Timmermann H.* Der Sonderfall Belarus' im Spannungsfeld zwischen Rußland und Europäischer Union // Osteuropa. 2002. № 11. S. 1436–1455.
42. *Timmermann H.* Die widersprüchlichen Beziehungen Rußland – Belarus im europäischen Kontext. Berlin : SWP–Studien 2002/S 37, Oktober 2002.
43. *Timmermann H.* Europa – der zentrale Bezugspunkt für die Länder des Ostens. Erwartungen, Möglichkeiten, Konzeptionen // Osteuropa. 1993. № 8. S. 713–725.
44. *Umbach F.* Aussen-, sicherheits- und verteidigungspolitische Orientierungen Weissrusslands // Osteuropa. 1994. № 3. S. 242–256.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

СОВЕТСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ЮНЕСКО И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ССР В ОРГАНИЗАЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1960-х гг.)

С. Ф. Свилас

В статье обоснована важность изучения истории членства Беларуси в ЮНЕСКО, в том числе в первые десять лет, которые совпали с хрущевской «оттепелью» и вторым десятилетием существования организации, рассмотрены публикации советского периода, проанализированы работы современных исследователей, затрагивающие отдельные аспекты указанной проблемы; на основе архивных материалов (годовые отчеты республиканского МИД, протоколы референтских совещаний и партийных собраний, штатное расписание), впервые введенных в научный оборот, прослежен процесс создания первого аналитического труда по истории внешнеполитической деятельности республики – монографии «Белорусская ССР на международной арене» (1964), при этом особо отмечен вклад министра иностранных дел республики К. В. Киселева и ответственного секретаря Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО В. С. Колбасина.

The need to study the membership history of Belarus in UNESCO including the first ten years which were in line with Khrushchev thaw and the second decennial of the Organization is substantiated in the article; publications of the Soviet period are considered; works touching upon the separate aspects of the abovementioned problem are analyzed. On the basis of archive materials (Annual Reports of the Republican Ministry of Foreign Affairs, minutes of referent and party meetings, manning table) for the first time introduced into the scientific circulation, the process of creation of the first analytical work on the history of foreign policy activities of the Republic – monograph «Byelorussian SSR on the International Arena» (1964) is traced back, wherein the contribution of K. V. Kiselev, the Minister of Foreign Affairs of the Republic, and V. S. Kolbasin, Executive Secretary of the Commission of the Byelorussian SSR on UNESCO, was particularly marked.

Ключевые слова: Беларусь, ЮНЕСКО, внешняя политика, историография.

Keywords: Belarus, UNESCO, foreign policy, historiography.

Созданная в 1946 г. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) внесла неоспоримый вклад в ликвидацию неграмотности, демократизацию образования, искоренение расизма и апартеида, воспитание в духе мира и взаимопонимания, продолжает содействовать интеллектуальному, экономическому, социальному и культурному развитию человечества. Вступив в ЮНЕСКО в мае 1954 г., Беларусь накопила 60-летний опыт взаимодействия с этой организацией. Посредством членства в ЮНЕСКО осуществляется демонстрация достижений в образовании, науке, культуре, совершенствуется имидж на международной арене, изучаются мировые инновации в культуре, повышается эффективность публичной дипломатии и внешней культурной политики страны.

Работы по историографии сотрудничества республики с ЮНЕСКО в указанный период отсутствуют, а исследования советского периода о деятельности Белорусской ССР в этом специализированном учреждении системы ООН малочисленны, фрагментарны (из-за недоступности документов), написаны с позиций советской идеологии как единственно верной. Цель автора – выявить и охарактеризовать публикации, в которых освещается участие советских членов в организации, прежде всего Белорусской ССР, а также работы, содержащие фактический и аналитический материал о деятельности ЮНЕСКО во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.

Первыми исследователями проблемы стали сотрудники республиканского МИД. Дипломатами Белорусской ССР в конце 1950-х гг. предпринималась попытка участия в подготовке новых изданий

«Истории дипломатии» и «Дипломатического словаря», в которых была бы отражена внешнеполитическая деятельность республики, прежде всего в ООН и ее специализированных учреждениях. На июньском заседании 1957 г. коллегии МИД Белорусской ССР по предложению министра К. В. Киселева была создана комиссия (куда вошли также эксперт-консультант, заместитель заведующего политотделом А. Е. Гуринович и третий секретарь В. С. Колбасин) для подготовки соответствующего письма в МИД СССР с предложениями по «Истории дипломатии»; вторую комиссию в составе второго секретаря В. В. Грекова, первого секретаря А. С. Зайцева и помощника министра Г. К. Новицкого в течение месяца обязали подготовить предложения по «Дипломатическому словарю» [1, оп. 3, д. 353, л. 44], но реализация этой инициативы по архивным материалам не прослеживается.

В 1964 г., к 20-летию создания МИД Белорусской ССР, в престижном московском издательстве «Международные отношения» вышла монография сотрудников МИД Белорусской ССР во главе с К. В. Киселевым, который выступил также в качестве научного редактора. Еще в апреле 1960 г. «тов. Зайцев А. С.» (тогда первый секретарь министерства. – С. С.) на партийном собрании предложил, чтобы «кто-то взялся писать брошюру об участии БССР в ООН и семи специализированных учреждениях», а «тов. Колбасин В. С.» (уже член коллегии и ответственный секретарь Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО. – С. С.) отметил ценность этого предложения. В. С. Колбасин высказал мнение, что издание брошюр и документов «об участии Белорусской ССР в борьбе на международной арене было бы посильным делом для сотрудников

Международные отношения и внешняя политика

МИД БССР» и стало бы «полезным источником для наших агитаторов, лекторов, для историков, для студентов и т. д.», однако «в данный момент мы не в состоянии заняться этой работой, ибо нас всего 10 человек и каждый из нас достаточно загружен основной работой». Партийное собрание постановило изучить предложение об издательской деятельности МИД БССР [15, оп. 2, д. 27, л. 32–33, 35]. В январе 1962 г. на референтском совещании в МИД было решено включить в план работы министерства написание книги «БССР на международной арене» (с изданием в 1962 г.), а также составление сборника отдельных выступлений делегатов БССР на сессиях Генеральной Ассамблеи, командировать Э. И. Борщевского (тогда помощник министра. — С. С.) в Москву для согласования вопроса [15, оп. 1, д. 558, л. 1–2]. На февральском 1962 г. референтском совещании, специально созванном для обсуждения проспекта указанной книги, «тов. Борщевский» проинформировал о переговорах, которые он вел в Москве по поручению К. В. Киселева с директором издательства «Международные отношения»: договорились о позиции в тематическом плане, подготовке рукописи к 1 сентября 1962 г. и ее издании в 1963 г. Замечания по проспекту высказали 10 «оперативных сотрудников», включая министра. Подводя итоги, К. В. Киселев предложил будущим авторам представить четкое сформулированный план каждого раздела, совещание продолжалось 1,5 часа [15, оп. 1, д. 558, л. 9–10]. Через несколько дней обсуждение проспекта книги было продолжено. На референтском совещании выступили дипломаты К. В. Киселев, А. Е. Гуринович, В. С. Колбасин, В. Н. Фисенко, Э. И. Борщевский, Н. П. Шердюков, О. А. Тихонов, Э. М. Скобелев, в результате договорились о примерном объеме, тираже и по предложению К. В. Киселева поручили Э. И. Борщевскому в недельный срок подготовить проект письма А. А. Громыко [15, оп. 1, д. 558, л. 11–17]. В апреле 1962 г. министр информировал участников референтского совещания об итогах своей поездки в Москву, в том числе о заключении договора с директором издательства. «Тов. К. В. Киселев рекомендовал безотлагательно приступить к работе над книгой, уделяя этому время после рабочего дня; он обратил внимание на необходимость живости изложения материала, иллюстрацию его интересными примерами и т. д.» [15, оп. 1, д. 558, л. 58–59]. В декабре 1962 г. участники референтского совещания были поставлены в известность, что отредактированную рукопись следует выслать в Москву в мае 1963 г. [15, оп. 1, д. 558, л. 108]. К написанию монографии были привлечены также Э. А. Найденов, Г. К. Новицкий, В. И. Пешков, А. Д. Рассолько, В. С. Смирнов, А. Я. Тюрин [4].

В 1963 г. Государственное издательство БССР выпустило брошюру одного из соавторов подготавливаемой монографии В. С. Колбасина «Белорусская ССР — член ЮНЕСКО» (тираж 2 тыс. экз., продажная цена — 4 коп. при заработной плате автора 263 руб. в месяц), из которой читатель (или слушатель в системе политического просвещения) получал общее представление о ЮНЕСКО, а также об участии делегации Белорусской ССР в 8, 9, 11 и 12-й сессиях Генеральной конференции, деятельности

республиканской Комиссии по делам ЮНЕСКО, осуществлявшейся «в благоприятных условиях великой Советской страны, идущей в авангарде всего прогрессивного человечества». Автор отвечал на поставленный им же вопрос, «как БССР выполняет свою роль члена ЮНЕСКО, как борется за мир на земле». Участие в сессиях Генеральной конференции воспринималось дипломатом как выполнение «поручения народа, строящего коммунизм и желающего мира и дружбы с народами всех стран» [12, с. 2, 9; 15, оп. 1, д. 727, л. 1 — 7]. Несмотря на идеологические клише, отразившие время, эта работа содержит интересный документальный материал — отрывки из выступлений членов (правда, безымянных) белорусских делегаций, а также личные впечатления автора.

Монография «Белорусская ССР на международной арене» (тираж 6 тыс. экз., цена 1 руб. 25 коп.), вышедшая в Москве в издательстве «Международные отношения», как и работа В. С. Колбасина, не имеет научного аппарата. В ней впервые в белорусской историографии на основе несекретных материалов архива министерства, находивших отражение и в периодике, а также дипломатического опыта авторов рассматривались основные направления внешнеполитической деятельности республики. Приложение содержит перечень договоров и соглашений, участницей которых являлась БССР ко времени выхода издания в свет. Вопросы участия в деятельности ЮНЕСКО на протяжении 1954–1962 гг. отведена глава объемом 12 страниц. Авторы — строители коммунизма отмечали, что «империалистические силы пытаются сорвать выполнение благородных целей, содержащихся в уставе ООН», но «им решительно противодействуют социалистические страны и независимые государства, верные принципам мирного сосуществования». В монографии приводится материал об участии делегаций республики в четырех сессиях Генеральной конференции (вне поля зрения вновь осталась 8-я сессия 1958 г.), а также о работе межведомственной Комиссии Белорусской ССР по делам ЮНЕСКО, при этом их состав оставался анонимным. Завершает главу тезис о том, что «более плодотворной деятельности ЮНЕСКО препятствует политика “холодной войны”, проводимая в этой организации империалистическими государствами», «блок НАТО стремится использовать ЮНЕСКО в узких, односторонних интересах западных государств» [4, с. 4]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть тщательность отбора материала, четкую структуру главы, которая давала уже союзному читателю общее представление о ЮНЕСКО и месте в ней республики.

Мартовский номер журнала «СССР» за 1964 г. (издавался посольством Советского Союза на английском языке в Вашингтоне) почти целиком посвящен различным сторонам жизни Белорусской ССР, в том числе «ее роли в международных отношениях». 60 тыс. экземпляров журнала было распространено в США, Швейцарии, Франции, а также среди иностранных делегаций, посетивших Минск [1, оп. 3, д. 529, л. 16; 15, оп. 1, д. 746, л. 93–98], что стало «мощной идеологической атакой». В течение 1964 г. Представительство Белорусской ССР при ООН в Нью-Йорке разослано более

100 экз. размноженной на английском языке брошюры о БССР, подготовленной годом ранее Белорусским обществом дружбы и культурных связей с зарубежными странами по инициативе МИД [1, оп. 3, д. 529, л. 304].

В октябре 1964 г. на партийном собрании министр подчеркнул: «Мы за научную работу, но чтобы она не мешала основной, производственной», при этом «дипломаты должны избавиться от элементарной безграмотности и ошибок машинисток». Тогда же он говорил о недостатках раздела «Международные отношения Белорусской ССР» в двухтомном издании «История Белорусской ССР» Института истории республиканской Академии наук: «Раздел написан неквалифицированно, без знания дела, без консультации с МИДом» [15, оп. 2, д. 33, л. 56–57]. К. В. Киселев участвовал в создании фундаментального труда под руководством профессора В. Л. Исраэляна «Советский Союз и Организация Объединенных Наций (1961–1965 гг.)» (1968). В русле советской историографии холодной войны на добротном структурированном фактическом материале был рассмотрен вклад советской Белоруссии в борьбу за разоружение и освобождение колоний, в развитие международного экономического и культурного сотрудничества в рамках ООН и ее специализированных учреждений. Представленная белорусским министром с позиций апологетики советской внешней политики глава охватывает весь послевоенный период, основана на упомянутой коллективной монографии и документах ООН, но, в отличие от издания 1964 г., снабжена научным аппаратом. В частности, автор ссылается на акты и стенографические отчеты Генеральных конференций ЮНЕСКО. В публикации раскритикованы «представители буржуазного права американцы Грин, Бош, Фейган», отрицавшие суверенитет союзных республик [11, с. 457], в который глава внешнеполитического ведомства свято верил, хотя и подписывал годовые отчеты в Москву, начинавшиеся похожими абзацами: «Практическая работа МИД Белорусской ССР осуществлялась на основе указаний МИД СССР, Правительства Белорусской ССР и ЦК Компартии Белоруссии» [1, оп. 3, д. 253, л. 1; д. 453, л. 6]. Частично рассекреченные в 1999 г. материалы МИДа БССР, прежде всего протоколы заседаний его коллегии, референтских совещаний, партийных собраний свидетельствуют о том, какой кропотливый, в основном «вечерний», труд, основанный на романтике «строителей коммунизма», предшествовал указанным публикациям, а его организатором и координатором выступал министр К. В. Киселев.

Белорусской историографией международных отношений незаслуженно забыта статья аспиранта (в настоящее время профессора факультета международных отношений Белорусского государственного университета) Ю. П. Бровки «К вопросу об участии Белорусской ССР в работе ЮНЕСКО» (1961 г.). По мнению молодого ученого, республика выступала на международной арене «как равноправный участник международных отношений, как субъект международного права». В статье содержалась не утратившая своего значения оценка результатов сессий Генеральной конференции, участницей ко-

торых была республика, а также деятельности Национальной комиссии БССР (Комиссии БССР) по делам ЮНЕСКО. Ю. П. Бровка высказался за разработку и принятие правительством Положения о Комиссии БССР по делам ЮНЕСКО как межведомственного правительственного органа, призванного содействовать установлению контактов правительства и центральных ведомств БССР с ЮНЕСКО и национальными комиссиями других стран, консультировать правительственные органы, а также делегации БССР на генеральных конференциях, координировать деятельность культурно-просветительных и научных учреждений республики по сотрудничеству с ЮНЕСКО и налаживанию культурных связей с зарубежными странами [7, с. 32, 35–38]. В монографии «Белорусская ССР – суверенный участник международного общения» (1974) автор отмечал, что конституционные положения давали основание МИД СССР осуществлять общее руководство деятельностью министерств иностранных дел союзных республик, но это руководство не должно превращаться в повседневный контроль за оперативной деятельностью республиканских министерств. Министерства иностранных дел советских республик самостоятельно проводят в жизнь внешнюю политику правительств своих республик, а в задачу МИД СССР входит координация деятельности республиканских министерств, а также обеспечение единства основной линии внешней политики СССР и советских союзных республик. При решении конкретных внешнеполитических вопросов, связанных с деятельностью союзной республики в той или иной международной организации, с заключением международных соглашений, Конституция СССР и конституции союзных республик оставляют решающее слово за правительством республики. Именно республиканским правительствам принадлежит право назначать делегации на различные международные конференции, выдавать им соответствующие мандаты. Только правительство республики имеет право заключать от имени республики соглашения с иностранными государствами. Высшим органам республики принадлежит исключительное право ратификации и денонсации международных договоров. Министры иностранных дел, как и все министры союзных республик, назначаются Верховным Советом союзной республики, а члены коллегии МИД – Советом Министров республики. Их назначение не нуждается в формальном одобрении МИД СССР или какого-либо другого органа Союза ССР. Внешнюю независимость советских союзных республик автор понимал как их независимость от любого иностранного государства, союза государств или международной организации, «она выражается в признании их равноправия в международном общении суверенных государств». Ю. П. Бровка подчеркивал, что внешняя независимость союзных республик не исключает их взаимосвязи как членов Советского союзного государства, причем отношения между государствами регулируются нормами внутригосударственного, а не международного права. В отдельных случаях между Союзом и союзными республиками и между самими союзными республиками возникают определенные международно-правовые отношения

(например, между УССР и БССР в связи с членством в международных организациях). Советские республики находятся в состоянии взаимозависимости друг с другом, а также с Союзом ССР. «Эта взаимозависимость, существующая внутри советской федерации, несколько не умаляет их независимости на международной арене. Именно как независимость на международной арене следует понимать политическую независимость советских республик». Ю. П. Бровка был уверен, что «в международной правосубъектности советских союзных республик сомневаются лишь наиболее реакционные политики» [6, с. 30–33]. Исследователи, работающие с архивными материалами, рассекреченными в 1990-х гг., видят здесь преувеличение значения конституционной реформы 1944 г., выразившейся в получении союзными республиками права вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами — Беларусь не стала субъектом международного права, равноправным участником международных отношений [17, с. 7].

Поддержке делегацией Белорусской ССР позиции развивающихся стран на сессиях Генеральной конференции ЮНЕСКО определенное внимание уделил в монографии «Белорусская ССР и развивающиеся страны (1945–1970 гг.)» С. Д. Войтович (1974) [8, с. 86–95]. В 1982 г. белорусский историк Л. В. Языкович защитила кандидатскую диссертацию «Участие Белорусской ССР в деятельности ЮНЕСКО. 1954–1980 гг.» (научный руководитель — академик И. М. Игнатенко), а в 1986 г. вышла ее монография «Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО». Исследователь проанализировала вклад республики в «борьбу за упрочение всеобщего мира и безопасности народов», «за расширение международного сотрудничества в области образования, науки и культуры», внесенный в рамках членства в организации. Опираясь на доступную источниковую и историографическую базу, она расширила хронологические рамки и в большей мере обратилась к актам и стенографическим отчетам сессий Генеральной конференции. На страницах 11, 20, 22, 24, 25, 36, 40, 44, 55 исследования приведен систематизированный с позиций советской исторической науки фактический материал относительно первых десяти лет участия республики в деятельности ЮНЕСКО, однако 10-я сессия Генеральной конференции (1958 г.) вновь, как и в предшествовавших изданиях, осталась вне поля зрения [см.: 24; 25].

Отметим две монографии советских авторов, имеющие опосредованное, но важное значение для изучения истории членства Беларуси в ЮНЕСКО в советский период. К 20-летию организации Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО подготовила монографию «ЮНЕСКО и современность» (1966). Председатель Комиссии С. К. Романовский, член Исполнительного совета ЮНЕСКО академик Н. М. Сисакян и советник Представительства СССР при организации В. В. Вахрушев дали периодизацию истории организации, выделив 1946–1954, 1955–1960 гг. и с начала 1960-х гг., когда, согласно Заявлению Совещания представителей коммунистических

и рабочих партий 1960 г., начался третий этап общего кризиса капитализма. Решающим фактором международных отношений стала социалистическая система, 17 государств Африки вступили в организацию, что существенно изменило соотношение в ней сил в пользу социалистических и развивающихся стран. В книге прослежены основные направления деятельности ЮНЕСКО, а в приложении содержится перечень важнейших решений руководящих органов организации по политическим проблемам (мирное сотрудничество и мирное сосуществование, достижение независимости колониальными странами и народами, ликвидация последствий колониализма), приводится хронология сессий Генеральной конференции и Исполнительного совета, таблица о распределении ведущих постов Секретариата ЮНЕСКО (по принадлежности к гражданству) и его филиалов (от Р-5 и выше), список международных неправительственных организаций, имеющих консультативный статус (по категориям), перечень принятых ЮНЕСКО международных конвенций, соглашений и рекомендаций [22].

Логическим продолжением этого издания стала монография заместителя председателя, ответственного секретаря Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, члена Исполнительного совета ЮНЕСКО в 1982–1986 гг. Г. В. Уранова, приуроченная к 40-летию организации (1986). Автор счел важным отметить, что в конкретных обстоятельствах в соответствии со ст. 6 Устава ЮНЕСКО между нею и ООН могут заключаться соглашения о создании специальных служб, о наборе общего персонала и об обмене им. Выявив вклад ЮНЕСКО в решение глобальных политических проблем (мира, разоружения, международного взаимопонимания, борьбы против колониализма, расизма и апартеида), Г. В. Уранов подчеркнул значимость организации как прежде всего «главного звена и основного форума сотрудничества системы ООН в области образования». Рассмотрены усилия ЮНЕСКО по сокращению и ликвидации неграмотности в мире, борьба с дискриминацией, а также создание международной нормативной базы в образовании. В качестве важнейших задач названы сохранение культурного наследия человечества и самобытности национальных культур, развитие активного международного культурного общения, взаимообогащение культур и их демократизация, расширение доступа к культурным ценностям. Автор обратил внимание на большое количество нормативных документов ЮНЕСКО по охране культурного наследия человечества. В монографии особо подчеркнута конструктивная роль СССР в выработке организацией общего курса, в определении основных направлений ее практической деятельности, в подготовке крупных программ, проектов и мероприятий. Советский Союз неизменно входил в состав Исполнительного совета, практически во все комитеты и другие рабочие органы, осуществлявшие руководство деятельностью организации в конкретных областях международного сотрудничества [19].

Таким образом, хотя в годы холодной войны советская историография (впрочем, как и западная) была «служанкой идеологии», защищала фундаментальные ценности своей системы и разоблачала

ценности противоположной, она высоко оценивала роль ЮНЕСКО в международном культурном взаимодействии и практическую пользу участия в организации для Советского Союза.

В. Е. Снапковский в монографии «Внешнеполитическая деятельность Беларуси 1944–1953 гг.», вышедшей в 1997 г. под редакцией Ю. П. Бровки, призвал к отказу от стереотипов, которые сложились в советской исторической науке в 1950–1980-е гг., высказался за изучение западной историографии и белорусской эмигрантской литературы. Он отметил, что концептуальные подходы к исследованию истории международных отношений, внешнеполитической деятельности СССР, УССР и БССР разрабатывались в центральных партийно-научных и академических учреждениях Москвы. Проанализировав отношение руководства Советского Союза к ЮНЕСКО, автор выявил причины, по которым Белорусская ССР стала членом этой международной организации только в 1954 г. В монографии рассматриваются работы американских ученых В. Аспатурияна (1960) и А. Далина (1976). Интересно, что книгу профессора Пенсильванского университета В. Аспатурияна «Союзные республики в советской дипломатии» (1960), в которой определенное место отведено внешнеполитической деятельности БССР, Постоянный представитель Белорусской ССР при ЮНЕСКО Б. В. Кудрявцев разсылал по поручению К. В. Киселева в Париже (их переписка по этому вопросу выявлена С. Ф. Свилас). Обратив внимание на то, что А. Далин в публикации «Советский Союз в ООН» образно характеризовал деятельность трех советских делегаций как «феномен трех “да”», В. Е. Снапковский присоединился к этой оценке. Он высказал мнение, что БССР не являлась самостоятельным субъектом международного права, не признавалась международным сообществом как суверенное и независимое государство. Вместе с тем белорусский ученый указал на важное общественно-политическое и научное значение изучения традиций, опыта, подходов, приоритетов белорусской дипломатии, их критического осмысления и использования в белорусской внешней политике. Он призвал отойти от традиционных сюжетов, исключительно положительной оценки деятельности белорусской дипломатии, попытаться выделить специфику, предпочтения последней в рамках разделения труда между тремя советскими делегациями в международных организациях [17].

В академическом двухтомнике «Нарысы гісторыі Беларусі» (1995) Г. Г. Сергеева привела факт создания в 1962 г. Постоянного представительства БССР при ЮНЕСКО. Несмотря на то что в хрущевский период внешнеполитическая деятельность БССР активизировалась, она развивалась в контексте внешней политики СССР. Центр не согласовывал с соответствующими республиканскими органами свой внешнеполитический курс, не информировал о планируемых инициативах и предложениях в ООН и других международных организациях, даже оперативные вопросы отношений республики с международными организациями решались союзными органами. По оценке автора, диктат Москвы исходил из положения Конституции СССР об отнесении к компетенции Союза установ-

ления общего порядка во взаимоотношениях республик с иностранными государствами, неразграниченности функций союзных и республиканских органов, пассивности партийно-государственного руководства БССР. Констатируя полную зависимость республики от Центра, Г. Г. Сергеева отметила, что «многие внешнеполитические акции республики имели определенные положительные результаты», поскольку способствовали распространению знаний о Белорусской ССР, ее истории и культуре. Через международные межправительственные организации республика приобщалась к мировому опыту, но в условиях командно-административной системы использовала его «очень слабо». Участие республики в международных договорах было формальным, вопросы их подписания и реализации решались союзными органами. Советские делегации «стремились политизировать работу специализированных организаций, фактически отвлекая внимание от их основных целей». Отмечались жесткая централизация, идеологизация международных связей республики, монополия партии на руководство ими, заорганизованность, формализм, ограниченный круг участников, отсутствие активности и инициативы у республиканских органов власти и общественных объединений, творческих коллективов. Будучи формально суверенной, а фактически неотъемлемой частью унитарного государства, Белорусская ССР «слабо влияла на развитие международных связей» [14, с. 409–419].

В шестом томе «Гісторыі Беларусі» (2011) также приводится факт открытия в 1962 г. Постоянного представительства республики при ЮНЕСКО, хотя это не совсем верно — в Париж был послан Постоянный представитель, причем одновременно он являлся советником представительства СССР, не точно указана дата создания республиканской комиссии по делам ЮНЕСКО — август 1956 г. вместо октября. Важным представляется вывод о том, что «создание представительства за границей формировало фундамент дипломатической службы Беларуси, позволяло... накапливать опыт в этой сфере». Полностью согласимся с утверждением, что в годы хрущевской оттепели был достигнут прогресс в международном положении республики, однако уровень контактов с зарубежными странами не соответствовал культурному потенциалу белорусского народа, сохранилась партийно-государственная монополия в сфере культуры. В издании содержится обоснованный вывод о том, что республика в конце 1950-х — начале 1960-х гг. успешно решила проблему 8-летнего обязательного образования и сделала крупный шаг в развитии среднего образования, однако «учебно-воспитательный процесс был чрезмерно идеологизирован, оторван от национальной истории». Уровень развития белорусской науки дал основание президенту АН СССР М. Келдышу заявить, что республиканская академия не относится к тем научным учреждениям, о которых говорят «провинциальные» [10, с. 225–227, 235, 309–311, 323].

В монографии В. Г. Шадуурского «Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945–1990-е годы)» (2000) указано, что значительная часть культурных контактов

осуществлялась в рамках участия БССР в программах ЮНЕСКО, однако материал о сотрудничестве республики с организацией в 1954–1964 гг. отсутствует, внимание исследователя сконцентрировано на более позднем времени. Согласимся с замечанием, что участники мероприятий ЮНЕСКО от БССР руководствовались в своей деятельности официальными установками, но на формирование их мировоззрения оказали влияние демократизм обсуждения и принятия решений на международных форумах, необходимость аргументации позиций, а идеалы и ценности организации стимулировали совершенствование соответствующего законодательства, двустороннее и многостороннее сотрудничество. В 1967–1968 гг. на английском, французском и русском языках был издан сборник сочинений белорусских школьников, а в 1971 г. в Лондоне (без согласования с Комиссией БССР по делам ЮНЕСКО) и Париже (после одобрения белорусской стороной) была опубликована антология белорусской поэзии; с 1968 г. на английском, французском и испанском языках в республике начинает выходить Бюллетень Комиссии [19, с. 109–112]. В библиографию к монографии В. Г. Шадурский включил две брошюры первого ответственного секретаря Комиссии Белорусской ССР по связям с ЮНЕСКО Е. Ф. Безродного [2; 3]. К 50-летию членства Беларуси в ЮНЕСКО сотрудник МИДа И. И. Белоусова в ведомственном журнале опубликовала основанную на архивном материале, но без ссылок на него информацию о первом Постоянном представителе республики при организации Б. В. Кудрявцеве [5].

Профессор-юрист, Постоянный представитель России при ЮНЕСКО в 1993–1998 гг. М. А. Федотов в статье «Советский Союз в ЮНЕСКО» (2002) реальной причиной отказа Кремля от участия в учредительной конференции ЮНЕСКО считал «идеологическую зашоренность» и «шпиономанию» сталинского руководства. По мнению профессора, вступление СССР в ЮНЕСКО в 1954 г. вызвало ее острую политизацию, хотя и Запад «не отставал в нагнетании политических страстей в организации». По оценке М. А. Федотова, политизация ЮНЕСКО, хотя подчас она велась под лозунгами деполитизации, отражала биполярность мира. Он утверждает, что «десятилетиями тематика сотрудничества с ЮНЕСКО находилась на периферии отечественной внешней политики, место постпреда считалось “синекурой”», а «участие советской страны в деятельности ЮНЕСКО строилось в угоду идеологизированной привычке вести внешнюю политику с позиций гигантизма, маниакального величия, идеологического превосходства, а не реальных национальных интересов». Автор критикует «бухгалтерский подход» при оценке эффективности членства в организации. По его мнению, выгоды, которые СССР получал опосредованно, через включение науки, образования и культуры в систему международных связей и обменов, были намного больше взносов в бюджет ЮНЕСКО. Эффективность деятельности ЮНЕСКО — «в аккумулировании лучших мировых достижений и их трансформации в достояние всех государств и народов» [20].

Российский историк И. В. Гайдук в статье «Советский Союз и ЮНЕСКО в годы холодной войны.

1945–1967» (2007) справедливо отмечал, что если политическое и военное соперничество держав на мировой арене было характерной чертой международной политики и в предшествующие исторические периоды, то после 1945 г. источником конфронтации стали противоположные и несовместимые концепции организации общественной жизни. Вслед за Дж. Гэддисом и В. О. Печатновым автор высказал мнение, что холодная война — это прежде всего борьба идей. Через ЮНЕСКО дипломатия Советского Союза в условиях «идеологического оптимизма», присущего лучшим годам хрущевской оттепели, реализовывала принцип мирного сосуществования, содействовала достижению независимости колониальных стран и народов, осуществляла пропаганду преимуществ социализма, повышала престиж страны, изучала достижения мировой культуры. В течение первых двадцати лет существования ЮНЕСКО политика СССР в отношении этой организации претерпела существенную эволюцию: от игнорирования до активного участия в ее деятельности для достижения целей советской внешней политики; к середине 1960-х гг. ЮНЕСКО заняла прочное место в системе внешнеполитических приоритетов страны. Ликвидация Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР (1957–1967) расценивается как «в определенной мере» отказ нового руководства от активной политики в области культурного сотрудничества, возобладание традиционного приоритета — достижение и удержание баланса военной силы [9].

Заслуживают внимания содержательные очерки Б. Борисова, Б. Нойгебауэра, В. Ройтера, К. Хюфнера в совместном сборнике немецких и российских исследователей «ЮНЕСКО. Цели, структуры, деятельность. Хроника, цифры, факты» (2002) об истории организации, структуре и методах работы национальных комиссий, ее генеральных директорах [23]. В Париже в издательстве организации были опубликованы обобщающие работы французских исследователей М. Лакоста «История великого проекта» (1994), Р. Друа «Гуманизм в действии: очерк интеллектуальной истории ЮНЕСКО» (2005), испанского автора Ф. Вальдерамы «История ЮНЕСКО» (1995), а также «Исторический словарь ЮНЕСКО» С. Сполдинга (1997). В 1989 г. в США была издана монография У. Престона «Надежда и провал: США и ЮНЕСКО в 1945–1985 гг.» [26–30]. Указанные издания не содержат конкретных сведений о белорусской дипломатии советского периода в ЮНЕСКО, но дают глубокое представление о деятельности организации, дискуссиях в штаб-квартире и на форумах, сотрудничестве и соперничестве дипломатов Советского Союза и США.

По прогнозу белорусского профессора Б. М. Лепешко (2011), научное сообщество находится накануне появления исследований, предметом которых станет советская цивилизация, «интерес к этой теме велик, и он будет удовлетворен». Философ пишет: «Советское общество перекормило нас идеалистическими формулами о царстве всеобщего благоденствия, коммунистическими проектами... Но уже сегодня заметно понимание того, что с водой мы в очередной раз выплеснули ребенка. Для развития

общества мало цифр и дел, нужны идеалы. Советское общество в этом смысле – благодарный период, благодарный пример». Согласимся с Б. М. Лепешко и в том, что белорусскому народу не нужна «советизация сознания», а нужно понимание важности единства времен, сохранение «лучшего и важнейшего» в его национальном развитии [13].

Кроме «критической» (суд над прошлым), Ф. Ницше (1844–1900) выделил еще два типа историографии: монументальная (поиск достойных примеров из прошлого) и антикварная (почитание прошлого) [18]. Рассекречивание архивных материалов, относительный демократизм доступа к ним создали условия для появления «монументальной» и «антикварной» историографии внешнеполитической де-

ятельности Беларуси периода «оттепели» [16]. Изучение истории дипломатии Белорусской ССР (в частности, реконструкция первых десяти лет членства республики в ЮНЕСКО) обогащает социальную память, позволяет дать более системное представление об истории республики в советскую эпоху, способствует развитию национального самосознания, преодолению получивших определенное распространение представлений о «местечковости» мышления белорусской элиты в советское время, присущем ей «комплексе неполноценности», отсутствию традиций дипломатической культуры, повышает эффективность работы карьерных дипломатов и других участников культурной и публичной дипломатии, причем не только с белорусской стороны.

Библиографические ссылки

1. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. Ф. 907/3.
2. *Безродный Е. Ф.* Братские связи и сотрудничество Советской Белоруссии со странами социалистического лагеря: материал в помощь лектору. Минск : О-во по распространению полит. и науч. знаний БССР, 1959.
3. *Безродный Е. Ф.* Вклад Советской Белоруссии в борьбу за мир и международное сотрудничество: материал в помощь лектору. Минск : О-во по распространению полит. и науч. знаний БССР, 1958.
4. Белорусская ССР на международной арене / под ред. К. В. Киселева. М. : Междунар. отношения, 1964.
5. *Белушова И.* Первый Постоянный представитель БССР при ЮНЕСКО // Весн. М-ва замежных спраў Беларусі. 2004. № 2. С. 116–117.
6. *Бровка Ю. П.* Белорусская ССР – суверенный участник международного общения. Минск : Навука і тэхніка, 1974.
7. Беларуская ССР. Сер. грамад. навук. 1961. № 2. С. 30–42.
8. *Войтович С. Д.* Белорусская ССР и развивающиеся страны (1945–1970) / под ред. А. Н. Мацко. Минск : Наука и техника, 1974.
9. *Гайдук И. В.* Советский Союз и ЮНЕСКО в годы «холодной войны». 1945–1967 // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 20–34.
10. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Л. Лыч [і інш.] ; рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Минск : Саврем. шк.; Экоперспектива, 2011. Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг.
11. *Киселев К. В.* Белорусская ССР в ООН // Советский Союз и Организация Объединенных Наций (1961–1965 гг.) ; под ред. В. Л. Израэляна. М. : Наука, 1968. С. 429–460.
12. *Колбасин В. С.* Белорусская ССР – член ЮНЕСКО. Минск : Гос. изд-во БССР, 1963.
13. *Лепешко Б. М.* Советская цивилизация: некоторые методологические вопросы изучения феномена // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. І. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2011. № 1. С. 46–55.
14. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.] ; Ін-т гісторыі АНБ. Мінск : Беларусь, 1995. Ч. 2.
15. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 907.
16. *Свилас С. Ф.* Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954–1964 гг.). Минск : БГУ, 2013.
17. *Снапкоўскі У. Е.* Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі. 1944–1953 гг. / пад рэд. Ю. П. Броўкі. Мінск : Беларус. навука, 1997.
18. *Сороко-Цюпа А. О.* История и время // Вопр. истории. 2012. № 5. С. 33.
19. *Уранов Г. В.* ЮНЕСКО: к 40-летию деятельности. М. : Междунар. отношения, 1986.
20. *Федотов М. А.* Советский Союз в ЮНЕСКО // ЮНЕСКО. Цели, структуры, деятельность. Хроника, цифры, факты. М. : Рудомино, 2002. С. 148–154.
21. *Шадурский В. Г.* Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945–1990-е гг.). Минск : БГУ, 2000.
22. ЮНЕСКО и современность. К 20-летию ЮНЕСКО / Комис. СССР по делам ЮНЕСКО ; под ред. С. К. Романовского, Н. М. Сисакяна, В. В. Вахрушева. М. : Междунар. отношения. 1966.
23. ЮНЕСКО. Цели, структуры, деятельность. Хроника, цифры, факты. М. : Рудомино, 2002.
24. *Языкович Л. В.* Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО / под ред. И. М. Игнатенко. Минск : Наука и техника, 1986.
25. *Языкович Л. В.* Участие Белорусской ССР в деятельности ЮНЕСКО: 1954–1980 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / АН БССР, Ин-т истории. Минск, 1982.
26. *Droit R. P.* Humanity in the Making: Overview of Intellectual History of UNESCO 1945–2005. Paris : UNESCO, 2005.
27. *Lacoste M. C.* The Story of a Grand Design. Paris : UNESCO, 1994.
28. *Preston W., Herman E., Schiller H.* Hope & Folly: The United States and UNESCO, 1945–1985. Minneapolis : Uni. of Minnesota Press, 1989.
29. *Spaulding S., Lin L.* Historical Dictionary of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organisation (UNESCO). Lanham, Md. : Scarecrow Press, 1997.
30. *Valderrama F.* A History of UNESCO. Paris : UNESCO, 1995.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ И ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1985–1994 гг.)*

В. Е. Снапковский

Анализируются тенденции развития исторической политики в Беларуси в период перестройки и парламентской республики (1985–1994 гг.). Дается определение понятий «историческая политика» и «историческая политика в Беларуси», характеризуются ее особенности в рассматриваемый период. Показываются проявления политизации истории и «историзации» политики. Описываются процессы формирования новой историографической концепции истории Беларуси и национальной системы исторического образования. Автор использует в исследовании собственный опыт свидетеля и участника событий.

Some basic tendencies of the historical policy in Belarus' development during the period of Perestroika and parliamentary republic (1985–1994) are analyzed in the article. The definitions of «historical policy» and «historical policy in Belarus» are given; its peculiarities in the considered period are characterized. Manifestation of the history politicization and «historicization» of the policy is demonstrated. Processes of formation of new historiography concept of the history of Belarus and the national system of historical education are described. In the research the author uses his own experience as a witness and participant of the events.

Ключевые слова: историческая политика в Беларуси, историография, концепции истории Беларуси, историческое образование, национальная идентичность, перестройка, парламентская республика.

Keywords: historical policy in Belarus, historiography, the history of Belarus concept, historical education, national identity, Perestroika, parliamentary republic.

Несмотря на то, что понятие «историческая политика» не используется в официальной политической терминологии Республики Беларусь, подобного рода политика активно проводилась властными структурами бывшей Белорусской ССР с 1990 г. и продолжает проводиться государственными органами независимой Беларуси в настоящее время. Только на 1990 г. приходится два случая обращения властных органов БССР к историческим событиям середины XX в. для доказательства своих прав на части территории соседней союзной республики (Литовской ССР) и соседнего государства (Республики Польша), о чем подробнее будет сказано ниже. Помимо использования исторической политики в международных отношениях власти суверенной Беларуси периода президентского правления активно вмешивались в научный и образовательный процесс в области исторической науки и проводили в этой и других смежных гуманитарных и общественных науках соответствующую кадровую, институциональную, идеологическую, воспитательную и иную политику.

Историческая политика, а в более широком контексте — взаимоотношения между историками и властью на территории Беларуси в поздние царские, советские и постсоветские времена стали настолько привлекательной сферой исследования, что явилась предметом специального и углубленного рассмотрения в книге немецкого автора Р. Линднера [14; 32]. Состояние и проблемы современной белорусской историографии, особенности интерпретации ею положения поляков в Беларуси и белорусско-польских отношений привлекают внимание и польских исследователей, среди которых следу-

ет выделить З. Д. Винницкого, посвятившего этой проблематике обширную монографию [35]. Одна из его статей об историографии как методе формирования современного белорусского национального сознания вызвала отклик с нашей стороны [29; 34].

Историческая политика и историография в современной Беларуси анализируется и белорусскими авторами: А. Великий [3], Г. Лазько [13], Г. Саганович [21; 22], А. Смолянчук [23; 24], В. Снапковский [26; 28; 29] и др. Этой тематике посвящены отдельные номера и рубрики журналов «Архе-Пачатак», «Беларускі гістарычны агляд», «Беларускі гістарычны часопіс», «Гістарычны альманах» [4; 11; 16; 17].

Цель настоящей статьи — рассмотреть тенденции развития исторической политики в Беларуси во времена перестройки и парламентской республики. Источниками для ее написания послужили упоминаемая книга Р. Линднера, содержащая интересные концептуальные обобщения и подходы, фактический материал (середина 80-х — середина 90-х гг. XX в.), исследования белорусских историков и также собственный опыт свидетеля и участника событий на «историческом фронте», накопленный с начала 1980-х гг.

Обращаясь к содержанию термина «историческая политика» и его различному толкованию в литературе, в том числе в различных языковых версиях в «Википедии», позволим себе принять за лучший вариант определение, данное в польско-язычной версии данного интернет-портала. Под этим понятием, которое на польском языке звучит как «polityka historyczna», подразумевается «политика формирования исторического сознания, понимаемая также как: 1) рефлексия над историей

* Статья подготовлена в рамках инновационного проекта «Литовско-белорусские отношения в исторической политике Литовской Республики и Республики Беларусь», выполняемого сотрудниками кафедры международных отношений БГУ и Института международных отношений и политических наук Вильнюсского университета в 2013–2014 гг.

или ее интерпретация с учетом актуальной политической ситуации данной страны; 2) политическая тенденция, содержащая в себе признание влияния истории на современные политические проблемы и учитывающая исторические факторы в текущей деятельности и разработке будущих (политических. — В. С.) программ; 3) формирование исторического сознания общества в целях объединения его вокруг данных политических программ. Примеры практического применения исторической политики: влияние государства на разработку школьных программ истории или решения властей о выборе исторических названий для улиц или городских площадей. В крайних случаях историческая политика приобретает форму манипулирования историей, мифологизации или просто фальсификации истории для политических нужд. Разновидностью исторической политики является политическая корректность в историографии, хотя эти понятия часто противопоставляются» [33].

Теперь попробуем разобраться с содержанием понятия «историческая политика в Беларуси» применительно к рассматриваемому периоду. Важным для его понимания представляется объект исследования, в качестве которого в книге Р. Линднера в узком смысле выступают возникновение и развитие исторической науки в нероссийской провинции царской России и Советского Союза, ее институциональное и кадровое обеспечение, взаимодействие национальной и интегральной концепции истории и выявление влияния на это решающих политических факторов и деятелей. В широком же смысле слова его книга посвящена соотношению историографической науки и политики в Беларуси [14, с. 9]. Как установил немецкий исследователь, важнейшей особенностью белорусского историописания, возникшей одновременно со становлением национальной историографии на рубеже XIX—XX вв., было непримиримое противоречие национального и имперского образцов интерпретации, которые, начиная с XIX в., в одинаковой мере описывали черты исторического образа Беларуси и искажали этот образ [14, с. 11]. Так возникла неоднородность, расколотость образа белорусской истории, в соответствии с которым «Беларусь могла иметь за собой или традицию тысячелетней государственности или рассматривалась как провинция в густой тени истории польской, российской или советской империй» [14, с. 479]. Двойственная культура истории и исторической памяти превращала согласно Р. Линднеру национальную и имперскую (ненациональную) концепции истории Беларуси в политически мотивированные конструкции, имевшие черты взаимоисключения.

Установление постулата о двойственной интерпретации основных тематических полей белорусской истории позволило немецкому исследователю дать свою интерпретацию понятия «историческая политика в Беларуси и Восточной Европе в целом», которое он представил следующим образом: «Воспринимаемая как функция национальной или политической жизни история не исследовалась, а конструировалась и демонтировалась, была объектом политической торговли или превращалась в про-

стую констатацию. Это ориентированное на историю «выторговывание» индивидуальных и коллективных, собственных и чужих образов, которое регулярно наблюдалось в Восточной Европе во времена переломных событий XX в., а не только в конкретном случае с Беларусью, здесь интерпретируется как историческая политика» [14, с. 17].

Переходя к рассмотрению исторической политики в Беларуси в период перестройки, отметим сразу же такие ее характерные черты, как амбивалентность и неоднозначность, названные Р. Линднером в соответствующем разделе книги как «окостенение и прорыв» [14, с. 388] (в другом месте им использована характеристика «продолжение традиций и изменения в белорусской историографии» [14, с. 23]). *Продолжение традиций* выразилось в преемственности белорусской исторической концепции с досоветским и раннесоветским периодом; причем белорусские, украинские и российские историки стали заниматься трактовкой аналогичных мифологем и исторических стереотипов. *Изменения* нашли свое выражение в том, что стала разрабатываться концепция дистанцирования от истории России [14, с. 24]. К концу 1980-х гг. в белорусскую историографию вернулась конкуренция между национально-исторической концепцией и марксистско-советским упорядочением мира, которая сохраняется и в наши дни [14, с. 480].

Смена курса в советской общественной науке, в том числе в исторической не была инициирована сверху и не была начата собственно историками. Первые сигналы к переоценке советской истории прозвучали в кинематографе, театре и художественной литературе. В союзных республиках огромный общественный резонанс получил термин «манкурство», введенный в оборот киргизским писателем Ч. Айтматовым, ставший синонимом утраты исторической памяти и отчуждения от национальных и языковых традиций в советское время. В Белорусской ССР, как и в других союзных республиках, история все больше превращалась в предмет политических дискуссий и среду национального смысловотворчества. На такую своеобразную «историзацию» общества и повлекшую за этим вынужденную смену политического курса республиканского руководства повлияли события, произошедшие в 1986—1988 гг. К важнейшим из них следует отнести катастрофу на Чернобыльской АЭС, открытие массовых захоронений жертв репрессий в урочище Куропаты на окраине Минска, письма представителей художественной и научной интеллигенции к Генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву о тяжелом состоянии белорусского языка в республике [6, с. 133—153]. В годы перестройки в образованных слоях белорусского общества произошла трансформация историко-политического и языково-политического сознания. Споры между сторонниками Компартии Беларуси и возникшими неформальными общественно-политическими и культурно-просветительскими организациями и объединениями велись преимущественно на поле битвы истории, где историки выступали в качестве идеологов двух лагерей. Эта тенденция усилилась в независимой Республике Беларусь [14, с. 390, 394].

Национальная история белорусов, которая фактически создавалась, писалась заново, должна была согласно представлениям сторонников формирующейся национальной историографической концепции выйти из тени истории России, т. е. стать прежде всего нероссийской [1, с. 17–21; 14, с. 392; 22]. Поэтому образ могучего, обширного и полиэтнического Великого княжества Литовского (ВКЛ) как общего белорусско-литовского государства, изучение которого не поощрялось в советские времена, обратил на себя особое внимание белорусских историков. И не только историков, но и новых политических движений и общественно-политических деятелей. В принятой в 1989 г. программе Белорусского народного фронта «Возрождение», создателями которого выступили представители творческой и научной интеллигенции, в том числе группа историков, была зафиксирована однозначная корреляция с историческими символами ВКЛ и Белорусской Народной Республики (в виде бело-красно-белого флага и герба «Погоня» [20]). Вслед за БНФ и другие белорусские политические партии демократической ориентации стали искать свой родо-вод в национальной истории.

БНФ в своей политической, культурно-просветительской и пропагандистской деятельности ссылался на древние исторические традиции Полоцкого и Турово-Пинского княжеств, на «суверенитет Беларуси и Литвы в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемойтском». 1 июля 1990 г. конференция БНФ приняла «Декларацию о независимости Беларуси», в первой части которой под названием «Исторические положения» отмечалось, что «суверенность Белорусского государства берет исток от независимости Полоцкого княжества и Великого княжества Литовского», приводились примеры борьбы за независимость во время восстаний 1794, 1830–1831, 1863–1864, 1905 гг., положительно оценивалось создание БНР и БССР. Во второй части документа также содержались неоднократные обращения к историческому прошлому Беларуси, в том числе «тысячелетней традиции белорусской государственности» [5, с. 87]. И хотя исторические ссылки не вошли в принятую 27 июля 1990 г. Верховным Советом БССР 12 созыва Декларацию о государственном суверенитете Белорусской ССР [19] (из-за сопротивления номенклатурного большинства парламента), однако историко-политические и интеллектуальные наработки были использованы в дальнейшем. В преамбуле Конституции Республики Беларусь, принятой 15 марта 1994 г. тем же составом Верховного Совета, содержится положение о «многовековой истории развития белорусской государственности» [10, с. 3]. Это стало прорывом в официальной исторической политике позднесоветской БССР и периода существования парламентской республики, поскольку впервые в государственном документе появилась констатация того, что государственность Беларуси начинается не с 1919 г., когда была провозглашена Белорусская ССР, а на много веков раньше.

По словам Р. Линднера, публичные дискуссии по проблемным вопросам белорусской истории, разгоревшиеся в 1988 г., ни в коей мере не демонстрировали отставание провинции от центра:

«Монолиты мыслей начали распадаться и в Минске. Наряду с призывами литераторов, к изменению прежних убеждений и к действиям историков здесь подталкивали долгосрочные последствия чернобыльской катастрофы и черепа, выкопанные в Куропатах» [14, с. 398]. При этом история в Беларуси политизировалась в начале сама, что вело с другой стороны к исчезновению полутонов и поляризации исторической науки; особенно выразительно это проявилось во второй половине 1990-х гг. В центре дискуссий оказались вопросы предыстории БССР, польско-советских отношений межвоенного периода и советская национальная политика 1920-х гг. В этом контексте белорусские дебаты о прошлом можно было сравнить с соответствующими дискуссиями в Прибалтике и Украине. Однако решающее отличие состояло в том, что здесь прошло больше, чем где-нибудь еще времени, прежде чем традиционная историческая наука смогла утвердить себя как носительница идеологии [14, с. 398–399].

Историческая политика коммунистических властей БССР проявилась и на международной арене как аргумент в территориальных спорах с соседями. Дезинтеграция Союза ССР и суверенизация его субъектов подняли сложный и болезненный вопрос о границах между союзными республиками. Белорусские историки и представители диаспоры считали, что Беларусь является одной из наиболее пострадавших республик СССР, отмечая, что половина ее территории (этнических белорусских земель) находится за границами БССР. На основе изучения процессов расселения белорусов и исторических карт, в частности карты академика Е. Карского от 1917 г., исследователи констатировали, что белорусские земли входят в состав всех соседних государств, а сама территория Беларуси испытала в течение первой половины XX в. 8 разделов [8, с. 58, 65–67].

Доводы историков, географов и публицистов об обделенности белорусов исконными территориями попали на благоприятную почву после провозглашения Литвой независимости. Президиум Верховного Совета БССР принял 29 марта 1990 г. заявление, в котором было сказано, что в случае выхода Литвы из состава СССР Белорусская ССР будет требовать вернуть ей белорусские земли — город Вильно и Виленскую область, Свентянский и части территории еще пяти районов Литвы [7]. Эти территории в 1939–1940 гг. Литве отдал И. Сталин, имея в виду свои геополитические расчеты и в качестве дара за ее вхождение в состав СССР. Это заявление, сделанное по подсказке из Кремля, не встретило позитивных отзывов со стороны общественно-политических кругов Беларуси. Территориальные требования к Литве не поддержал новый состав Верховного Совета БССР, начавший работать в мае 1990 г. Однако заявление от 29 марта 1990 г. косвенно одобрил президент СССР М. Горбачев, который на пресс-конференции в Вашингтоне 3 июня 1990 г. заявил, что территория Литвы включает пять районов, ранее принадлежавших Беларуси [25, с. 393].

Еще одна территориальная проблема, имеющая исторические корни, была поставлена белорусским руководством перед Польшей в октябре 1990 г. Во время визита в Минск министра иностранных дел

Польша К. Скубишевского его белорусский коллега П. Кравченко заявил о непринятии белорусской стороной проекта Декларации об основах межгосударственных отношений, который был предложен польской стороной. Это было сделано несмотря на то, что аналогичные декларации с Польшей были подписаны в ходе визита К. Скубишевского в СССР с Украиной и РСФСР. Причиной отказа стали требования, выдвинутые белорусской стороной. Белорусские власти заявили, что БССР не подписывала советско-польский договор о государственной границе от 16 августа 1945 г. и не может признать его действительным для Беларуси. Конкретно речь шла о том, что белорусская дипломатия отказывалась принимать предложенную Варшавой формулировку о неприкосновенности и неизменности в будущем существующей белорусско-польской границы, которая была определена советским и польским правительствами в 1945 г. К. Скубишевский выразил сожаление в связи с возникшей пограничной проблемой, но одновременно признал, что позиция Минска не была для него неожиданной, поскольку для исправления недостатков прошлого необходимо время [27, с. 120–121]. Вопрос о границах был урегулирован подписанием Договора о добрососедстве и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Польской Республикой от 23 июня 1992 г., согласно которому стороны подтвердили существующие между обоими государствами границы.

После провозглашения независимости 25 августа 1991 г. в Беларуси, как и в других постсоветских государствах, продолжилось и интенсифицировалось «включение» истории в политику, которое здесь проявлялось особенно ярко. Это процесс, который Р. Линднер называет «историзацией политики», приобрел в Беларуси двойственную природу. С одной стороны, история стала для всех политических сил резервуаром политической аргументации, с другой — политическая культура власти сама по себе должна рассматриваться как «историческая» и анахроническая. Когда политические группировки начали издавать свои программы, а власти новопровозглашенного государства — свои инструкции и проекты Конституции, национальная история присутствовала везде [14, с. 402].

«Историзация политики» и всей публичной сферы происходили параллельно с процессом политизации исторической науки. Председатель Верховного Совета С. Шушкевич в докладе по случаю 3-й годовщины принятия Декларации о государственном суверенитете (1993 г.) хотя и проводил исторические параллели с прошлым, однако одновременно предупреждал, что современное общество не может формироваться в соответствии с тем или иным образом прошлого и что нельзя смешивать уроки истории с конкретными примерами отношений с демократическими соседними государствами [18].

В своем приветствии редакции «Беларускага гістарычнага часопіса», первого периодического научного и научно-методического издания историков Беларуси, начавшего выходить в 1993 г., С. Шушкевич сформулировал цели и задачи, стоящие перед историками независимой Беларуси. «Историче-

ская память нашего народа прошла через жестокие испытания. Столетиями навязывались белорусам искаженные исторические идеи и концепции, призванные принизить, а то и перечеркнуть нашу самобытность, величие и неповторимость наших духовных достижений», — говорилось в приветствии тогдашнего руководителя белорусского государства. Чтобы очистить белорусскую историю от наносного и фальшивого, возродить у людей интерес к своему богатому историческому наследию и гордость за него, потребуются большие интеллектуальные и моральные усилия, принципиальная позиция и глубокая внутренняя вера в возрождение своего Отечества [31].

Главный редактор «Беларускага гістарычнага часопіса» В. Кушнер в «Слове от редакции» открыто высказал свое отношение к взаимоотношениям истории и политики: «Историческая наука и ее исследователи никогда не были и не будут вне политики. И мы открыто и прямо заявляем, что наша политика и главная цель журнала — содействовать процессу национального возрождения и укрепления национального сознания белорусов, воспитания патриотов своего Отечества путем глубокого изучения нашей истории и пропаганды исторических знаний». Вместе с тем он заявил о решимости редакции уменьшать влияние политической конъюнктуры на содержание материалов журнала, преодолевать идеологическую зашоренность, мифы и репрессивное отношение к историческому прошлому [12, с. 5].

После провозглашения независимости перед историками Беларуси, как и других постсоветских государств, во весь рост встала задача разработки национальной исторической концепции. Речь шла о том, чтобы представить обществу новый взгляд на отечественную и всемирную историю, сфокусированный через свои, если хотите, «национальные очки». Необходимо было решительно отбросить старые методологические подходы, оценки, инвентарий, построенные на имперских и классовых парадигмах и догматах, и перейти на позиции научного и объективного исследования прежде всего отечественной истории. Такая задача, как подчеркивал заместитель директора Института истории Национальной академии наук Беларуси М. Бич в своей известной статье о национальной концепции истории и исторического образования в Республике Беларусь, вытекала из особенностей развития историографии Беларуси, в которой длительное время господствовали две антибелорусские концепции — великопольская и великороссийская, отрицавшие в конечном счете сам факт существования белорусского этноса, его языка и культуры и признававшие Беларусь частью Польши или России, а белорусов — ветвью польского или русского «племени» соответственно. В таких условиях первоочередной задачей белорусских историков стало «возрождение национальной концепции истории Беларуси» [1, с. 15; 2, с. 20–21].

М. Бич сформулировал важнейшие принципы, на которые должна была опираться эта концепция: департизация и деидеологизация историографии; гуманистические, общечеловеческие и национально-государственные ценности в оценке исторических

событий; методологический плюрализм; объективность отбора и анализа фактов; понимание отечественной истории как органической части европейской и мировой истории; сравнительно-исторический подход с выявлением специфического и общего в мировой, региональной и отечественной истории; отражение в научных исследованиях и учебниках дискуссионных проблем и главных концепций [1, с. 17–18].

Необходимость разработки национальной концепции истории и исторического образования в Беларуси, в основу которой были бы положены указанные выше принципы, была отмечена в обращении Первой Всебелорусской конференции историков, состоявшейся в Минске 3–5 февраля 1993 г. [30, с. 9–10]. Декан исторического факультета Белорусского государственного университета П. Шупляк в своем выступлении призывал отказаться от отживших, антинациональных подходов к историческому образованию и перейти к новой модели образования, стержнем которой на исторических факультетах вузов был бы цикл дисциплин, связанных с историей и культурой Беларуси. Серьезным изменениям должно было подвергнуться содержание всемирной истории, куда включалась бы история СССР и России. Особое место в изучении всемирной истории необходимо было отвести истории соседних народов — русского, украинского, польского и литовского, с которыми у белорусов на разных этапах складывались общие исторические судьбы. П. Шупляк особо подчеркнул, что белорусским историкам, исследователям и педагогам необходим «свой белорусский взгляд на всемирную историю», под которым понималось не официальное требование, а моральная категория, которая необходима сейчас, на начальном этапе строительства независимой Беларуси [30, с. 10].

Активным сторонником разработки и внедрения в практику исторических исследований национальной концепции истории Беларуси выступал директор Института истории М. Костюк, которого поддерживало значительное большинство сотрудников института и белорусских историков. Необходимость подобной концепции обосновывалась государственными, национальными интересами Республики Беларусь, [9, с. 3, 9]. В докладе на Первой Всебелорусской конференции историков М. Костюк говорил: «Национальная концепция истории Беларуси не может не исходить с позиций белорусского народа, с позиций патриотического отношения к своему Отечеству. Исторические исследования не могут не быть пронизаны чувством национального достоинства и высокого отношения к нашему героическому прошлому» [9, с. 7–8].

Мы уже обращали внимание на то, что зарубежные исследователи исторической политики и историографии Беларуси (Р. Линднер и особенно З. Д. Винницкий) как-то очень настороженно и критично отреагировали на «национальную концепцию истории Беларуси» [29, с. 279]. Р. Линднер употребляет это термин в кавычках, считая, что эта концепция может привести к сужению перспективы исследований (как раньше — «марксистско-ленинская концепция») и отграничению от истории

других народов [15, с. 117–118]. З. Д. Винницкий, ссылаясь на Р. Линднера, видит в стремлениях белорусских историков вернуть в центр своих исследований белорусов, белорусский этнос, белорусский народ, Беларусь, такое явление, как «белорусоцентризм», что по его словам вредно для науки, поскольку ведет к ее политизации и изоляции [34, с. 347–348]. Полемизируя по этому вопросу с польским историком и своим добрым приятелем, автор писал: «Не могу считать “белорусоцентризм” даже определенной болезнью роста, поскольку без него у белорусского историка теряется моральный и политический смысл в изучении белорусской истории. По моему мнению, пока в Беларуси будет существовать учебный предмет и научная дисциплина под названием “История Беларуси”, его преподаватели и исследователи будут больны “белорусоцентризмом”» [29, с. 280]. В другом месте нами отмечается, что «историк, если он ощущает себя патриотом или просто сознательным гражданином государства, будет “болеть” национальным или этническим центризмом в своих научных поисках и исследованиях» [29, с. 280].

Что касается «национальной» или «национально-государственной концепции истории Беларуси», к разработке и обсуждению которой, особенно ее внешнеполитических аспектов, имел отношение и автор этих строк (в 1988–2000 гг. работал в Институте истории НАН Беларуси старшим, ведущим научным сотрудником, заведующим отделом национальных и международных отношений, являлся членом Ученого совета института), то хотелось бы отметить, что тогда мы хотели создать для исследовательских целей сообщества белорусских историков общую методологическую и даже идейно-нравственную платформу, которая освещала бы историю Беларуси с белорусских, национально-государственных позиций. «Национальной концепции» как готового и законченного документа не существовало. Это был набор принципов и теоретических подходов, сформулированный М. Бичом, М. Костюком и другими авторитетными исследователями и принятый на вооружение уже где-то в середине 1990-х гг. значительной частью белорусских историков. Это признает и Р. Линднер, констатируя, что новейшее обобщение историографии истории Беларуси пронизано преимущественно духом «национальной историографической концепции», основы которой начали связываться с возникновением белорусоведения в конце XVIII в. [14, с. 13].

Однако на официальном, государственном уровне эта концепция после 1994 г. не получила поддержки. По меткому выражению Р. Линднера, спустя несколько лет после провозглашения независимости прежняя историческая концепция времен парламентской республики, которую он называет официальной, не получила «фирменного знака национальной историографии», а «историография и государственная политика пошли разными путями» [14, с. 11].

Один из активных исследователей исторической политики современной Беларуси Г. Саганович выделяет следующие основные особенности становления национальной историографии первой по-

ловины 1990-х гг.: «Отказ от идеологических установок советской эпохи, возвращение к национальным приоритетам и активное налаживание международных контактов. Ключевые темы для нового нарратива в основном определялись целью демонтировать советскую историческую мифологию». Ими стали поиск корней своей государственности, утверждение образа Великого княжества Литовского как белорусско-литовского государства и перепиывание истории отношений с Россией с акцентом на войнах, антироссийских восстаниях и антисоветской борьбе в Беларуси. Отвергая основные постулаты великорусской и советской историографии, белорусские историки старались экспонировать связи своей страны с западноевропейской цивилизацией. В белорусской историографии, пишет этот историк, тогда явно преобладала прозападная ориентация, которую можно было считать своеобразной реакцией на москвоцентричную доктрину, бывшую обязательной в советское время. Новое освещение истории Беларуси, представленное и в учебниках, и в академических обобщающих трудах, не только отдаляло ее от России, но и служило укреплению национальной идентичности белорусов [22].

Важным направлением исторической политики республики в 1991–1994 гг. была перестройка исторического образования в средней и высшей школе. В 1991 г. была разработана и опубликована новая концепция исторического образования в средней школе. На ее основе в 1993 г. введены новые базовые программы и учебные пособия по истории Беларуси и всемирной истории. Введена новая историческая периодизация отечественной истории, согласованная с периодизацией всемирной истории. В ведущих университетах созданы кафедры истории Беларуси, белорусоведения; кафедры истории СССР включались в состав кафедр всеобщей истории или были преобразованы в отдельные кафедры истории России и истории южных и западных славян на историческом факультете БГУ. В 1993 г. началось издание новых исторических журналов — «Беларуская мінуўшчына» і «Беларускі гістарычны часопіс», «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» в 6 томах (издание завершено в 2003 г.). В 1993 г. состоялась I Всебелорусская конференция историков, была создана Ассоциация историков Беларуси. В дальнейшем, в 1994–1995 гг. Институт истории НАН Беларуси опубликовал первое учебное пособие для вузов республики «Нарысы гісторыі Беларусі» в 2-х частях, в котором история белорусского народа была представлена в соответствии с национальной историографической концепцией [26, с. 80]. Следует выделить подготовку и публикацию школьных учебников по истории, введенных в оборот в 1993/1994 учебном году. Они в короткие сроки способствовали тому, чтобы обеспечить молодое поколение и все белорусское общество необходимым объяснением важных исторических событий и их национальной трактовкой, которая исходила из древних времен европейской истории [14, с. 413].

После установления президентской республики начался новый этап исторической политики в Беларуси. На референдуме 14 мая 1995 г. большин-

ство принявших участие в голосовании поддержало инициативы президента о придании русскому языку статуса государственного языка, что уравнивало его с белорусским, имевшего до этого статус единственного государственного языка; о замене принятой национальной государственной символики; о поддержке курса президента на экономическую интеграцию с Россией. Референдум и состоявшиеся в тот же день парламентские выборы прошли сразу же после празднования Дня Победы, который в том году отмечался особенно торжественно в связи с 50-летием окончания войны. По словам Р. Линднера, возрождалась мемориальная культура бывшего СССР [14, с. 404–405]. В результате второго общенационального референдума 24 ноября 1996 г. национальный праздник был перенесен с 27 июля (день провозглашения Декларации о государственном суверенитете в 1990 г.) на 3 июля, день освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г. Новый праздник со временем получил название День независимости (День республики). Таким образом, важнейшая историческая дата была возвращена к временам Великой Отечественной войны, с которой большинство белорусов связывало основы белорусской государственности.

Р. Линднер, характеризуя содержание исторической политики, пишет, что начиная с 1994 г. официальная политика все более отдалялась от национальной версии истории, хотя среди большинства населения распространялась интерпретация истории и современности. Состояние исторического и мировоззренческого вакуума, характерное для последних советских лет и первых лет независимости, вело большинство белорусских историков на национальные и демократические позиции видения истории. С другой стороны, оно давало возможность определенным неосоветским утопиям вновь приобрести силу [14, с. 23–24].

Рассмотренный выше 10-летний период становления исторической политики Республики Беларусь пришелся на переломное время, охватывающее последние годы существования СССР и БССР и первые годы независимости белорусского государства. Историческая наука и историческая политика развивались в эти годы в условиях взаимопересечения и конфронтации национальной и ненациональной (интегральной, имперской, российскоцентричной) концепций истории, которые сложились еще на рубеже XIX–XX вв. Во времена перестройки наиболее характерными чертами исторической политики и историографии в Беларуси были: возвращение традиций досоветского и раннесоветского периодов и дистанцирование от российскоцентричного видения истории. В атмосфере гласности и широкого общественного интереса к отечественной истории, особенно XX в., происходила политизация исторической науки и «историзация» политики, формирование и кристаллизация двух лагерей среди историков — сторонников национальной исторической концепции и приверженцев старой консервативной школы, ориентировавшихся на российско-до-революционные и советские стереотипы и подходы. Историческая политика коммунистических властей БССР проявилась и во внешнеполитической сфере

как аргумент в потенциальных пограничных спорах с соседней союзной республикой (Литовской ССР), объявившей о выходе из СССР, и соседним государством (Польской Республикой), границы с которой были установлены без участия БССР. Историческая политика Беларуси в 1991–1994 гг. была направлена на возрождение национальной концепции истории Беларуси, формирование национальной системы

исторического образования, проведение национальной коммеморативной и памятной политики, вхождение в международное сообщество историков и решение других задач, способствующих формированию национальной идентичности Беларуси. В 1995–1996 гг. было положено начало новому периоду исторической политики в Республике Беларусь.

Библиографические ссылки

1. *Біч М.* Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларус. гіст. часопіс. 1993. № 1. С. 15–24.
2. *Біч М.* Станаўленне нацыянальнай гістарыяграфічнай канцэпцыі (раздел артыкула «Гістарыяграфія гісторыі Беларусі») // Энцыкл. гісторыі Беларусі. Мінск: БелЭн, 1996. Т. 3. : Гімназія – Кадэцыя. С. 19–22.
3. *Вялікі А.* Гістарычная палітыка ў Беларусі: 1921–1939 гг. Польскі накірунак // Спрэчныя пытанні. 3 гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у 1918–1945 гг. Генезіс, кантэкст, вынікі : зб. навук. прац II і IV Міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 2010–2012 гг. Мінск : І. П. Логвінаў, 2013. С. 242–249.
4. Гістарычная памяць і гістарычная палітыка ў Беларусі // Arche-Пачатак. 2013. № 2. С. 1–487.
5. *Голубеў В.* Даследчык гісторыі станаўлення беларускай дзяржаўнасці // Ісці на святло лабірынтамі даўніх падзей: зборнік памяці Віталія Скалабана. Мінск : Лімарыус, 2013. С. 84–95.
6. *Запруднік Я.* Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. Мінск : Бацькаўшчына, 1996.
7. Заява Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР аб вяртанні БССР беларускіх зямель пры выхадзе Літоўскай ССР з Саюза ССР // Звязда. 1990. 1 крас. С. 1.
8. *Казлоў Л. Р., Цітоў А. К.* Беларусь на сямі рубяжах. Мінск : Беларусь, 1993.
9. *Касцюк М. П.* Нацыянальная канцэпцыя гісторыі Беларусі: асноўныя падыходы // Гіст. навука і гіст. адукацыя ў Рэсп. Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): у 2 ч. Мінск : Універсітэцкае, 1994. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. С. 3–10.
10. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 9-е изд., стер. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013.
11. Круглы стол на праблемах беларускай гістарыяграфіі // Arche-Пачатак. 2003. № 2. С. 34–48.
12. *Кушнер В.* Слова ад рэдакцыі // Беларус. гіст. часопіс. 1993. № 1. С. 4–6.
13. *Лазыко Р.* Парадоксы сучаснай беларускай гістарычнай палітыкі ў адлюстраванні падручнікаў па гісторыі для сярэдняй школы // Спрэчныя пытанні. 3 гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у 1918–1945 гг. Генезіс, кантэкст, вынікі : зб. навук. прац II і IV міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 2010–2012 гг. Мінск : І. П. Логвінаў, 2013. С. 233–241.
14. *Лінднэр Р.* Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі ў XIX–XX ст.; пер. з ням. СПб. : Неўскі прасцяг, 2003.
15. *Лінднэр Р.* Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Беларусіка-Альбарутэніка 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. Мінск : ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. Ч. 1. С. 113–119.
16. Матэрыялы IV навуковай канферэнцыі Беларускага гістарычнага таварыства «Беларуская гістарыяграфія часоў БССР» // Гіст. альманах. 2004. № 10.
17. Матэрыялы навукова-тэарэтычнай канферэнцыі «Праблемы айчынных гістарыяграфіі», Гродна, 19–21 студз. 2001 г. // Гіст. альманах. 2001. № 4.
18. Мы прыйдзем да Беларусі: выступленне Старшыні Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь Станіслава Шушкевіча па Беларускім тэлебачанні і радыё 27 ліп. 1993 г. // Нар. газета. 1993. 29 ліпня. С. 1.
19. О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики: декларация Верховного совета БССР от 27 июля 1990 г. № 193-XII [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь 3000 / ООО «Юрспектр»; Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
20. Праграма Беларускага народнага фронту за перабудову «Адраджэньне» (1989 г.) [Электронны рэсурс] // Белорусская цифровая библиотека. URL: <http://library.by/portalus/modules/beleconomics/referat_readme.php?subaction=showfull&id=1126893745&archive=&start_from=&ucat=11> (дата обращения: 29.09.2011).
21. *Сагановіч Г.* Беларуская гістарыяграфія ў ацэнках гісторыкаў // Беларус. гіст. агляд. Т. 17, сшытак 1–2. 2010. С. 225–229.
22. *Сагановіч Г.* Историческая политика в постсоветской Беларуси [Электронный ресурс] // Русский вопрос. 2009. № 2. URL: <<http://www.russkiiwopros.com/?csl=42&id=278&kat=5&pag=one>> (дата обращения: 27.03.2014).
23. *Смалянчук А.* «Савецкасць» беларускай постсавецкай гістарыяграфіі // Спрэчныя пытанні. 3 гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у 1918–1945 гг. Генезіс, кантэкст, вынікі : зб. навук. прац II і IV Міжнар. навук.-тэарэтыч. канф., Мінск, 2010–2012 гг. Мінск : І. П. Логвінаў, 2013. С. 224–229.
24. *Смалянчук А.* У пошуках ворага беларускай нацыі // Беларус. гіст. агляд. 2003. Т. 10, сшытак 1–2. С. 255–280.
25. *Снапковский В. Е.* История внешней политики Беларуси. Минск: БГУ, 2013.
26. *Снапковский В. Е.* Новый социум и белорусская историческая наука: возможности и вызовы // Интегративные тенденции в современном социально-гуманитарном знании: материалы междунар. науч. конф., Минск, 16–17 нояб. 1999 г. Минск : МГЛУ, 2000. С. 78–82.

27. *Снапкоўскі У.* Беларуска-польскія адносіны (1990–2003 гг.) // Беларусь і Польшча = Polska i Białoruś. Warszawa : Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2003. С.119–128.
28. *Снапкоўскі У.* Беларускі гісторык пад прыгнётам улады: беларуская гістарыяграфія XIX–XX ст. вачыма нямецкага даследчыка // Беларус. гіст. агляд. 2000. Т. 7, сшытак 1(12). С. 214–227.
29. *Снапкоўскі У.* Водгук на артыкул Здзіслава Ю. Вініцкага «Historiografia jako metoda kształtowania współczesnej Białoruskiej świadomości narodowej» // Echa przeszłości. Olsztyn. 2007. № VIII. S. 277–283.
30. *Шупляк П.* Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў: праблемы адукацыі // Беларус. гіст. часопіс. 1993. № 2. С. 7–10.
31. *Шушкевіч С.* Прывітанне рэдакцыі часопіса // Беларус. гіст. часопіс. 1993. № 1. С. 3.
32. *Lindner R.* Historiker und Herrschaft: Nationsbildung und Geschichtspolitik in Weissrussland im 19. und 20. Jahrhundert. München : R. Oldenburg Verlag, 1999.
33. Polityka historyczna [Electronic resource] // Wikipedia, Wolna encyklopedia. URL: <http://pl.wikipedia.org/wiki/Polityka_historyczna> (date of access: 15.05.2014).
34. *Winnicki Z. J.* Historiografia jako metoda kształtowania współczesnej Białoruskiej świadomości narodowej // Echa przeszłości. Olsztyn. 2006. № VII. S. 343–375.
35. *Winnicki Z. J.* Współczesna doktryna i historiografia białoruska (po roku 1989) wobec Polski i polskości. Wrocław : Instytut studiów międzynarodowych Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003.

Статья поступила в редакцию 11 июля 2014 г.

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

А. В. Тихомиров

В статье раскрываются особенности формирования исторического нарратива Великого княжества Литовского в белорусской исторической науке в XIX–XX вв. Отмечается, что в различные периоды белорусской истории роль Великого княжества Литовского в развитии белорусской государственности и культуры освещалась по-разному. В Республике Беларусь она стала освещаться на основе компромисса: существование Великого княжества Литовского рассматривается как важный этап, но не первооснова формирования белорусской истории и культуры.

Peculiarities of formation of the Grand Duchy of Lithuania historical narrative in Belarusian historical science in the 19th–20th centuries are revealed in the article. It is noted that in different periods of the Belarusian history the Grand Duchy of Lithuania's role in development of Belarusian statehood and culture was covered in different ways. In the Republic of Belarus it became covered on the grounds of compromise: existence of the Grand Duchy of Lithuania is considered as an important stage, but not the primordial one to formation of the Belarusian history and culture.

Ключевые слова: Беларусь, Великое княжество Литовское, БССР, Республика Беларусь, историография, исторический нарратив, идентичность.

Keywords: Belarus, Grand Duchy of Lithuania, BSSR, the Republic of Belarus, historiography, historical narrative, identity.

Формирование исторического нарратива, под которым понимается интерпретация прошлого в контексте идеологических воззрений историка, необходимый компонент самоидентификации народа, претендующего на сколь-нибудь значимое место в истории. В силу специфики процесса формирования государственности белорусы должны были определиться с оценкой места и роли Великого княжества Литовского (ВКЛ) в развитии белорусской культуры и идентичности. Подобные оценки давались, хотя соответствующий исторический нарратив как таковой, равно как и его формирование, в отечественной науке остается неизученным.

Первую попытку осмыслить значимость Великого княжества Литовского в качестве этапа формирования белорусской государственности предпринял уроженец Могилевской губернии О. Турчинович. В изданной им в 1857 г. в Санкт-Петербурге книге «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен» высказывалось мнение, что усиление Литвы стало прямым результатом ослабления Полоцкого княжества [33, с. 75]. О. Турчинович считал, что правление великих князей литовских на раннем этапе существования ВКЛ не только не тяготило белорусское население, но, напротив, защищало его от крестоносцев, монголо-татар и княжеских усобиц.

Несколько иначе освещал тему возникновения ВКЛ А. Киркор, который также был уроженцем Могилевской губернии. В статьях «Исторические судьбы литовского Полесья» и «Исторические судьбы белорусского Полесья», опубликованных в третьем томе многотомника «Живописная Россия» в 1882 г., он высказывал мнение, что история ВКЛ началась с момента завоевания славянских земель Западной Руси литовскими князьями Рингольдом и Миндовгом [15, с. 75, 295]. А. Киркор утверждал, что со времени правления Гедимины белорусские земли включались в состав ВКЛ преимущественно мирным путем [15, с. 78]. Возвышение ВКЛ он связывал с деятельностью Витовта, а «политическую

смерть» — с заключением Люблинской унии между ВКЛ и Польшей в 1569 г. [15, с. 90, 95, 296, 303].

Уроженец Белосточины М. Коялович, один из ведущих разработчиков и пропагандистов теории «западнорусизма» во второй половине XIX в., утверждал, что образование ВКЛ имело положительное значение для развития белорусского народа, сдержав экспансию католиков-крестоносцев на восток. Он указывал на то, что до момента объединения ВКЛ с Польшей русская культура и русская (православная) вера в Литовском государстве обладали высоким статусом и утверждал, что «благодаря сближению верхнелитвинов и белорусов борьба между чистой Литвой и западной Русью делалась невозможной» и «русское направление литовской жизни произвело даже как бы отделение русской части Литовского княжества от коренной Литвы — Жмуди» [20, с. 89, 91]. Нормальное развитие края, с его точки зрения, прервало окатоличивание и полонизацию белорусов после объединения ВКЛ с Польшей на основе Люблинской унии 1569 г.

Взгляды авторов XIX в. отразились на белорусской историографии начала XX в. В частности, в брошюре В. Ластовского «Краткая история Беларуси», изданной в Вильне в 1910 г., присутствовала версия о завоевании белорусских земель литовскими князьями Рингольдом и его сыном Миндовгом и указывалось, что после завоевания литовскими князьями белорусские земли утратили независимость [23, с. 15–16]. В то же время В. Ластовский считал, что ВКЛ оформилось как государство после закрепления литовских князей в Полоцке (в очерке в отношении ВКЛ применялся термин «Литовско-Кривичское государство») [23, с. 15]. Возвышение ВКЛ он связывал с правлением Гедимины, Ольгерда и Витовта, а его ликвидацию — с заключением Люблинской унии 1569 г. [23, с. 30]. Как и М. Коялович, В. Ластовский считал, что кризисные явления в ВКЛ обусловило принятие великими князьями литовскими католической веры в XIV в.

В 1920-х гг. большинство белорусских историков рассматривало ВКЛ в качестве важного элемента формирования белорусской нации и белорусской государственности. В научно-популярном труде «Краткий очерк истории Беларуси», составленном В. Игнатовским и изданном в Минске в 1926 г., возникновение ВКЛ связывалось с захватом литовским князем Миндовгом Черной Руси, положившим начало государству «не просто Литовскому, а Литовско-Белорусскому» [17, с. 73]. «Единство и согласие между литовским и русским элементами государства зависели от того, что Литовско-Белорусское государство было построено больше путем согласия, чем путем угнетения и войны», — писал В. Игнатовский [17, с. 81].

По мнению автора «Краткого очерка», значительное влияние на культуру ВКЛ оказывало Полоцкое княжество. «Племя литвинов было небольшое, кроме того, в нем не было культурной силы. Нужно было привлечь к государственному творчеству полоцкое общество. Только оно было тем элементом, из которого можно было черпать и вооруженную силу, и организационно-культурную традицию, что крайне необходимо для молодого, едва начавшего свою организационную работу государства. И нужно отметить, что Полоцкая Русь дала новому государству свои порядки, обычаи, учреждения и культуру», — подчеркивал В. Игнатовский [17, с. 73]. Также он акцентировал внимание на том, что культура ВКЛ носила отчетливо белорусский характер и делалась на белорусском языке [17, с. 97].

Как и его предшественники, В. Игнатовский связывал ликвидацию литовско-белорусской государственности с заключением Люблинской унии между ВКЛ и Польшей в 1569 г., хотя подчеркивал, что уния стала результатом «империалистического натиска с востока, со стороны Московского государства» [17, с. 92]. Он отмечал, что Литовско-Белорусское государство сохраняло независимость и после унии, но объединение с Польшей принесло Беларуси с социальной стороны усиление панского влияния, а с религиозной стороны — католического [17, с. 135].

Установка о добровольном объединении Беларуси и Литвы присутствовала и в работах историка М. Довнар-Запольского. В его брошюре «Основы государственности Беларуси», опубликованной в 1919 г. в Киеве на белорусском языке, говорилось, что ВКЛ было создано исключительно добровольным путем и не привело к утрате независимости Беларуси. М. Довнар-Запольский также считал ВКЛ «Литовско-Белорусским государством» и утверждал, что столица ВКЛ Вильна была основана на белорусских землях [9, с. 5].

В 1925 г. М. Довнар-Запольский, работая на должности профессора БГУ, подготовил рукопись обобщающего труда по истории Беларуси с древнейших времен до начала XX в. Значительную часть рукописи занимало описание истории ВКЛ. Говоря о возникновении этого государства, М. Довнар-Запольский отмечал: «Когда Литва подчиняла себе белорусские княжества, то на ее стороне была военная сила. Но литовцы и соседние белорусские княжества были хорошо знакомы друг с другом в результате прежних отношений. Отношения эти были больше мирного характера, чем враждебного. Поэ-

тому русское население охотно подчинялось власти литовских князей, которые брали под свою охрану от сильных соседей и прекращали междоусобную борьбу. ... Литовцы появились не как завоеватели, а как элемент, вносивший определенный прочный правопорядок в народную жизнь. Само объединение Литвы и Руси являлось результатом не завоевания, но добровольного подчинения белорусских областей Литве. Литовские князья не вносили ничего нового в жизнь русских областей... Малокультурные литовцы быстро подчинились белорусскому влиянию. Наглядным доказательством этого служит использование белорусского языка в государственных актах того времени» [10, с. 58].

Более сдержанную позицию в отношении генезиса ВКЛ занимал первый ректор БГУ В. Пичета. В монографии «История Литовского государства до Люблинской унии» (1921 г.) и обобщающем труде «История белорусского народа» (1924 г.) он придерживался концепции завоевания литовскими племенами земель Руси. «Первоначальным ядром, из которого выросло и развивалось Литовско-Русское государство, была собственно Литовская земля по правым притокам Немана, особенно по реке Вилии. Вокруг этой области и сгруппировались остальные части Литовского княжества. Но уже при Миндовге территория отчасти расширилась за счет части соседней Черной Руси по левым притокам Немана с городами Гродно, Волковыск, Слоним. Во второй половине XIII века он учредил свою столицу в Новогородке Литовском, наиболее значительном городе земли. Местным князьям пришлось опуститься до положения подручных князей», — утверждал В. Пичета [29, с. 106].

Впрочем, и этот историк не отрицал доминирования «русского» компонента в культуре ВКЛ. «Воинственная Литва была ниже русских в культурном отношении, и первый период в жизни Литовско-Русского государства можно отметить как момент наибольшего влияния русской культуры», — подчеркивал он [29, с. 110]. С точки зрения В. Пичеты, Великое княжество Литовское по своей культуре было белорусским и оставалось таковым до середины XVI в. (расцвет белорусской культуры в XV–XVI вв. связывался им с доминированием белорусского языка при составлении официальных документов и публикации литературных произведений) [29, с. 114].

Специфика советской государственной идеологии вынуждала историков БССР акцентировать внимание на классовой сущности ВКЛ. Активным апологетом такого подхода являлся В. Щербаков. В опубликованных им в 1934 г. «Очерках истории Беларуси» акцентировалось внимание не на государственно-политических, а на социально-экономических процессах, проходивших в ВКЛ. В. Щербаков утверждал, что Великое княжество являлось государством феодалов-крепостников и не могло оказывать никакого положительного воздействия на белорусскую культуру (даже белорусского просветителя-первопечатника Франциска Скорину он называл «монахом-реакционером») [40, с. 163].

В конце 1930-х гг. в исторической науке БССР закрепились установка, согласно которой ВКЛ

рассматривалось как государство, чуждое белорусам, а выступления против его государственных институтов — как справедливая борьба белорусского народа за освобождение от феодального гнета и воссоединение с братским русским народом. Отступление от этой установки жестко пресекалось (в том числе с использованием репрессивных методов воздействия на «диссидентов»), поскольку расценивалось как идейная уступка белорусским «буржуазным националистам».

В отличие от историков БССР историки, проживавшие в Западной Беларуси (в 1921–1939 гг. эта территория находилась в составе Польши) либо в эмиграции (преимущественно в Каунасе и Праге), продолжали придерживаться установки о положительном значении ВКЛ в истории Беларуси. В частности, А. Станкевич в монографии «Христианство и белорусский народ (попытка синтеза)», опубликованной в Вильне в начале 1939 г., писал: «Объединение Беларуси с Литвой отделяло наш народ не только от юга и обеспечивало от нападений и влияний этих диких народов, но также и от Москвы, которая уже начинала заявлять свои претензии на все восточнославянские земли и народы, опираясь только на чужое, навязанное всем этим народам варягами-русами, название “Русь” и на единство христианской, восточного обряда, веры. Это отделение Беларуси от юга и от севера и политическое объединение с Литвой имело большое значение для формирования и консолидации белорусской нации. В этом же периоде, уже в XIII–XIV вв., белорусская нация и белорусский язык сложились в нацию цельную и самобытную, которая позднее развилась до весьма высокого для того времени уровня. На это время приходится период расцвета белорусской культуры, а в XVI в. период золотой ее поры» [31, с.58].

Н. Шкялёнок в научной статье «Деление истории Беларуси на периоды», опубликованной в 1938 г. в вильенском журнале «Записки белорусского научного общества», утверждал, что ВКЛ следует рассматривать как общее государство белорусов, литовцев и украинцев со значительным компонентом белорусской культуры [39, с. 5, 9]. Он обращал внимание на то, что княжество сохраняло суверенитет и после заключения Люблинской унии 1569 г. и фактически утратило его лишь во второй половине XVII в. Н. Шкялёнок также полагал, что пребывание белорусских земель в составе ВКЛ способствовало консолидации белорусской нации, хотя этот процесс замедлился после ухода с белорусской исторической арены крупной шляхты и магнатов в конце XVII в. (с точки зрения автора статьи, с XVIII в. верность белорусской культуре сохраняли лишь крестьяне и мещане) [39, с. 5–6; 10].

В. Ластовский, который в 1920–1926 гг. проживал в Каунасе, в статье «О названиях “Кривия” и “Беларусь”», опубликованной в 1925 г., писал: «Когда в XIII в. кривичские земли оказались под властью литовской династии, наши пращуры названия “литва”, “литвин” приняли как термин для обозначения государственной принадлежности. Каждый кривич по роду и племени был “литвином” по государственной своей принадлежности и “русином” по вероисповеданию» [24, с.374]. Таким образом, он

также отвергал установку об угнетении белорусского народа литовскими феодалами.

Военно-политическое столкновение между нацистской Германией и Советским Союзом в 1941–1945 гг., которое завершилось победой СССР, поспособствовало закреплению в белорусской историографии тезиса о завоевании белорусских земель литовскими феодалами в XIII–XIV вв. В августе 1948 г. группа историков во главе с К. Шабуней опубликовала в журнале «Большевик Белоруссии» «Тезисы об основных вопросах истории БССР», в которых категорически отрицалось утверждение о добровольном вхождении западных областей Руси в состав ВКЛ [16, с. 39]. Точка зрения указанных авторов была принята за основу официальной историографии БССР и нашла отражение в обобщающих трудах по истории БССР, опубликованных в 1954 и 1961 гг.

Приняв в качестве основы установку о завоевании литовскими феодалами земель Беларуси, историки БССР не имели возможности позитивно оценивать ВКЛ и его политическое и культурное наследие. В белорусском пантеоне славы отсутствовали политики и полководцы ВКЛ. Исключение было сделано лишь для некоторых деятелей, связанных с развитием белорусской культуры (Франциск Скорина, Николай Гусовский, Василий Тяпинский, Симон Будный, Симеон Полоцкий).

Хрущевская оттепель сопровождалась попытками историков БССР переоценить роль ВКЛ в истории Беларуси. В частности, в начале 1968 г. в белорусском журнале «Полымя» была опубликована статья историка-правоведа И. Юхо с призывом рассматривать ВКЛ как белорусско-литовское государство. Выдвигая это предложение, автор статьи ссылаясь на высокий уровень развития славянской культуры в ВКЛ и на то, что термин «Литва» использовался для обозначения белорусских земель вплоть до конца XVIII века [18, с. 99].

Однако попытки ревизии идеологических постулатов натолкнулись на ожесточенное сопротивление историков, лояльных советской власти. В этом отношении особо выделялся профессор исторического факультета Белорусского государственного университета Л. Абецдарский, который считался крупным специалистом в области средневековой истории Беларуси. В опубликованной им в 1969 г. работе под названием «В свете неопровержимых фактов» (она была переиздана в 1986 г.) говорилось, что «Великое княжество Литовское образовалось в XIII веке на территории собственно Литвы как государство литовских феодалов», а белорусские феодалы существенного влияния на политику этого государства не оказывали [1, с.30].

Л. Абецдарский крайне негативно оценивал попытки переоценить роль ВКЛ в развитии белорусской нации. «Эти элементарно неграмотные выдумки пущены в свет, чтобы противопоставить белорусский народ русскому народу, чтобы создать видимость, что в далеком прошлом современные братские восточнославянские народы не имели ничего общего, чтобы “подкрепить” по отношению к Белоруссии фальшивый тезис сторонников антикоммунизма “Россия вне Европы”», — писал он [1, с. 28].

Весьма противоречиво Л. Абецедарский оценивал ситуацию в ВКЛ. Он утверждал, что белорусские феодалы в Великом княжестве Литовском «были такими же угнетателями народных масс, как и литовские феодалы», но признавал, что великие князья литовские «охраняли классовые интересы» белорусских феодалов [1, с. 35]. Признавая, что в Москве в XV–XVI вв. уроженцев ВКЛ называли «литвинами» или «литовскими людьми», Л. Абецедарский высказывал мнение, что в данном случае эти термины использовались не для обозначения этноса, а для обозначения принадлежности людей к государству — Великому княжеству Литовскому [1, с. 41].

В противовес историкам БССР белорусские историки-эмигранты придерживались мнения о позитивной роли ВКЛ в развитии белорусской государственности и культуры. Проживавший в США историк Я. Станкевич предлагал отказаться от использования термина «Белоруссия», заменив его термином «Великолитва» [31, с. 84]. Также он активно пропагандировал тезис о решающей роли балтского субстрата при формировании белорусской нации, подкрепляя его результатами исследований в области лингвистики.

Другой белорусский историк-эмигрант П. Урбан вступил в полемику с Л. Абецедарским. В монографии «В свете исторических фактов», опубликованной в Нью-Йорке в 1972 г., он обращал внимание на доминирование в ВКЛ до конца XVI в. белорусской культуры, а также на различия между политическим статусом и культурным развитием Жемойтии и «славянской» Литвы. В отличие от многих других исследователей П. Урбан отрицал факт существенного ущемления прав православной знати в ВКЛ и доказывал, что крестьянам и другим категориям населения в нем жилось не хуже, чем в Московском государстве. По мнению П. Урбана, термин «Белоруссия» был привнесен на белорусские земли из Московского княжества, в то время как термин «Литва» был для них вполне естественным [35].

Впрочем, мнения белорусских историков-эмигрантов не отражались на исторической политике Белорусской ССР, поскольку их публикации там были скрыты в спецхранилищах, и ознакомиться с ними могли лишь немногие исследователи, имевшие специальный допуск в эти хранилища.

Тем не менее в 1970-х гг. в БССР началась переоценка исторической роли ВКЛ. В частности, в первом томе пятитомной «Истории Белорусской ССР», опубликованном в 1972 г., формулировка о «захвате земель Западной Руси литовскими феодалами» была заменена утверждением о том, что «пути включения отдельных западнорусских земель в состав Великого княжества Литовского были разными» [4, с. 125]. В 1978 г. А. Грицкевич сделал вывод о преобладании среди магнатов и землевладельцев ВКЛ в XVI в. этнических белорусов [5].

Перестройка в СССР в конце 1980-х гг. позволила историкам БССР осуществить полную политическую «реабилитацию» ВКЛ. В 1988 г. в московском научном журнале «Советское славяноведение» были опубликованы статьи А. Грицкевича, В. Грицкевича, А. Мальдиса и С. Думина, в которых содер-

жался призыв к углубленному изучению проблем политической истории ВКЛ [16, с. 19; 26; 33; 35].

Значимым событием стало издание в 1989 г. в Минске книги Н. Ермаловича «По следам одного мифа», в которой доказывалось, что «историческая Литва» находилась исключительно на белорусской территории, врезаясь клином между Полоцко-Минской, Турово-Пинской и Новгородской землями, а образование ВКЛ стало результатом добровольного объединения земель Литвы и Руси и последующего завоевания правителями ВКЛ Жемойтии [11]. Впервые в белорусской историографии Н. Ермалович обратил внимание на добровольное приглашение жителями белорусского города Новогрудка (Новгородка) на свой престол литовского князя Миндовга в 1246 г. и на активную поддержку Новогрудком и Черной Русью борьбы литовских князей против Галицко-Волынского княжества и татар Золотой орды. Этой установки он придерживался и в последующих книгах, изданных в 1990-х гг. Последняя из книг Н. Ермаловича под характерным названием «Белорусское государство Великое княжество Литовское» была опубликована после смерти автора в 2000 г. [12–14]. По мнению Н. Ермаловича, наиболее благоприятным для развития белорусской культуры и государственности был XIV век, поскольку именно тогда белорусские земли окончательно объединились и тем самым закрепили свое центральное место в Великом княжестве Литовском, а перенесение столицы государства в Вильнюс (Вильнюс) способствовало дальнейшей ассимиляции балтского населения [13, с. 84].

В 1992–1994 гг. в Республике Беларусь проходили научные дискуссии относительно роли и места ВКЛ в процессе формирования белорусской государственности. В результате этих дискуссий было решено считать ВКЛ «полиэтнической федерацией» (белорусско-литовским государством) и закономерным этапом развития белорусской государственности.

Установки о совместном участии предков белорусов и литовцев в процессе создания ВКЛ придерживался В. Носевич. В книге «Начало Великого княжества Литовского», опубликованной в 1993 г., он отвергал теорию Н. Ермаловича об исключительно белорусском характере ВКЛ и доказывал, что «историческая Литва» находилась на территории, совпадающей с пределами расселения литовского этноса. Вместе с тем Е. Носевич признавал факт добровольного перехода белорусских земель под власть великих князей литовских в XIII–XIV вв. и считал, что отличительной чертой ВКЛ являлся славяно-балтский симбиоз, при котором литовцы доминировали в политической сфере, а славяне — в культурной [28, с. 36].

Версия о призвании Миндовга жителями Новогрудка (Новгородка) и добровольном вхождении белорусских земель в состав ВКЛ в XIII–XIV вв. вошла в качестве одного из базовых положений в «Очерки истории Беларуси» — синтетического издания, закреплявшего новую концепцию истории белорусской государственности (разделы, посвященные истории ВКЛ, были написаны П. Лойко, З. Копыским, М. Спиридоновым, Г. Голенченко,

В. Мелешко, С. Кузнецовой) [27]. В очерках прямо говорилось, что историческими правопреемниками ВКЛ являются белорусский и литовский народы, а ВКЛ на ранней стадии своего существования было белорусско-литовским государством [27, с. 116].

Во второй половине 1990-х гг. в условиях интенсификации белорусско-российских интеграционных процессов в белорусскую историческую науку был возвращен постулат о важности этапа пребывания белорусских земель в составе Киевской Руси и формирования древнерусской народности, хотя прежняя историческая установка относительно завоевания белорусских земель литовскими феодалами реанимирована не была. Более того, белорусские историки продолжали публиковать работы, в которых содержались комплиментарные оценки ВКЛ. Ярким примером стала монография А. Кравцевича, посвященная генезису ВКЛ и изданная в 1998 г. (в 2000 г. она была переиздана в Польше на белорусском языке). Автор монографии утверждал, что ВКЛ создавалось исключительно мирным путем и «с самого начала было биэтническим балто-восточнославянским государством с доминированием восточнославянского компонента». Ядром «исторической Литвы» он считал контактную зону шириной в 100 км между землями, заселенными балтами и славянами в Понеманье (между Минском и Вильней) [21, с. 92–93].

Соответствующий подход просматривался и в обобщающей коллективной монографии по истории Беларуси, подготовленной специалистами Института истории НАН Беларуси и изданной в 2008 г. (историю ВКЛ в рамках авторского коллектива рассматривали Г. Голенченко, В. Носевич, Г. Саганович, Ю. Бохан, П. Лойко, В. Голубев, О. Дернович, А. Довнар, Л. Иванова, М. Спиридонов, В. Подолинский, А. Янушкевич). Авторы монографии подчеркивали, что в XIII–XVI вв. «предки современных белорусов начали осознавать себя целостным, неразделимым народом со своим историческим наследством, культурой, мировоззрением, обычаями, хозяйственным и жизненным укладом. Их достижения содействовали созданию вместе с литовцами и некоторыми другими народами нового многонационального государства на балто-славянском пространстве. Сравнительно высокий уровень предшествующего развития белорусских и ряда соседних земель не только ускорил общую эволюцию Литвы и литовского этноса, но и способствовал формированию многих необходимых предпосылок возникновения и сохранения этой государственности: увеличению общего территориального пространства, количества населения, распространению «русского» (древнебелорусского) контактного языка для всех народов и этнических групп, официальной письменности, делопроизводства. Греко-византийское христианство, господствовавшее на

землях Руси, значительно повлияло на эволюцию литовского язычества и христианизацию Литвы в конце XIV – начале XV в.» [3, с. 5]. Также они считали, что «при политическом доминировании династии балтского (литовского) происхождения в ВКЛ наблюдалось культурное и экономическое преобладание славянских регионов» [3, с. 639].

Комплиментарных оценок в работах белорусских историков второй половины 1990–2000-х гг. продолжали удостаиваться уроженцы ВКЛ с белорусских земель, деятельность которых способствовала укреплению государственного суверенитета княжества либо развитию науки и культуры (Ф. Скорина, Н. Гусовский, А. Волович, В. Тяпинский, К. Острожский, Л. Сапега и др.). Позитивно оценивалась деятельность великих князей литовских: Миндовга, Войшелка, Тройдена, Витеня, Гедимины, Ольгерда, Кейстута, Витовта, Казимира, Александра, Жигимонта Старого (важную роль в популяризации этих персоналий сыграл белорусский историк и археолог В. Чаропка [36–38]).

В 1990–2000-х гг. белорусские историки уточнили и закрепили нарратив о сохранении политической субъектности ВКЛ после объединения с Польшей на основе Люблинской унии 1569 г. вплоть до разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. Значительный интерес с их стороны был проявлен к проблемам внешней политики и дипломатии Великого княжества Литовского. Первопроходцами в этом отношении стали А. Грицкевич, В. Снапковский, А. Тихомиров [6; 30; 33]. Более глубоко и детально соответствующие проблемы изучали В. Бобышев, О. Дернович, А. Янушкевич, О. Лазоркина, С. Лашкевич, Е. Демидович [2; 7; 8; 22; 25; 26; 41]. Исследования в области внешней политики ВКЛ подкрепляли нарратив о высокой степени политической субъектности ВКЛ в XVI–XVII вв.

В заключение нужно отметить, что формирование нарратива ВКЛ в белорусской исторической науке прошло сложную эволюцию. В различные исторические периоды ВКЛ рассматривалось и как государство, оказавшее позитивное влияние на формирование белорусской нации и культуры, и как государство, глубоко враждебное белорусскому народу. В Республике Беларусь исторический нарратив ВКЛ освещался на основе компромисса. Белорусские историки 1990–2000-х гг. признали это государство в качестве важного элемента формирования белорусской государственности и культуры и отвергли советский исторический нарратив о завоевании и угнетении населения белорусских земель литовскими феодалами. В то же время призывы некоторых политиков считать ВКЛ первоосновой белорусской государственности у историков Республики Беларусь безоговорочной поддержки не получили.

Библиографические ссылки

1. *Абецедарский Л. С.* В свете неопровержимых фактов // Дары данайцев. Минск : Беларусь, 1986. С. 24–89.
2. *Бобышев В. И.* Международные отношения в Восточной Европе в 30–80-е гг. XVI в. : дис. ... канд. ист. наук. Минск : БГУ, 2001.
3. *Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш].* Мінск : Экаперспектыва, 2008. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.].

4. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / рэдкал.: І. М. Ігнаценка (старш.) [і інш.] АН БССР, Ін-т гісторыі. Эпоха феадалізму / У. Д. Будзько, У. Ф. Ісаенка, І. І. Арцёменка. Мінск : Навука і тэхніка, 1972. Т. 1: Першабатны лад на тэрыторыі Беларусі.
5. *Грыцкевіч А. П.* Распределение магнатских и шляхетских владений в Белоруссии по их величине и этнической принадлежности владельцев (XVI в.) // *Вопр. истории.* М., 1978. Вып. 5. С. 94–105.
6. *Грыцкевіч А.* Гісторыя геапалітыкі Беларусі // *Спадчына.* 1994. № 1. С. 85–93.
7. *Дзямідовіч А. В.* Вялікае княства Літоўскае ў знешнепалітычных адносінах Рэчы Паспалітай з Расіяй і Швецыяй у першай трэці XVII ст.: дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск : БДУ, 2012.
8. *Дзярновіч А.* «...In nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: сістэматызацыя і актывы аналіз. Мінск : Athenaeum, 2003. Т. 1.
9. *Доўнар-Запольскі М. В.* Асновы дзяржаўнасці Беларусі. Мінск : ВПП Дзяржэканамплана Рэсп. Беларусь, 1994.
10. *Доўнар-Запольскі М. В.* Гісторыя Беларусі. Мінск : БелЭн, 1994.
11. *Ермаловіч М.* Па слядах аднаго міфа. Мінск : Навука і тэхніка, 1989.
12. *Ермаловіч М.* Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяд. Мінск : Маст. літ., 1990.
13. *Ермаловіч Н.* Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд. Мінск : Выд. цэнтр «Бацькаўшчына» : МП «Бесядзь», 1994.
14. *Ермаловіч М.* Беларуская дзяржава «Вялікае княства Літоўскае». Мінск : Беллітфонд, 2000.
15. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье: Репринтное воспроизведение изд. 1882 г. Минск : БелЭн, 1993.
16. 3 гісторыі на «Вы»: публіцыстычныя артыкулы / уклад. У. Арлова. Мінск : Маст. літ., 1991.
17. *Ігнатюскі У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / уступ. арт. А. П. Грыцкевіча; камент. і заўвагі Э. Н. Гнеўкі. 5-е выд. Мінск : Беларусь, 1992.
18. *Імя тваё Белая Русь* / уклад. Г. М. Сагановіч. Мінск : Палымя, 1991.
19. *Нарысы гісторыі Беларусі* : у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.]. Мінск : Беларусь, 1994. Ч. 1.
20. *Коялович М. И.* Чтения по истории Западной России. Минск : БелЭн, 2006.
21. *Краўцэвіч А. К.* Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. Rzeszów : Б.в., 2000.
22. *Лазоркина О. И.* Дипломатическая служба Великого княжества Литовского во внешнеполитическом механизме Речи Посполитой в 1600–1697 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Минск : БГУ, 2009.
23. *Ластоўскі В. Ю.* Кароткая гісторыя Беларусі. Мінск : Універсітэцкае, 1992.
24. *Ластоўскі В.* Выбраныя творы / уклад., прадмова і камент. Я. Янушкевіча. Мінск : Беларускі кнігазбор, 1997.
25. *Лашкевіч С. А.* Усходні накірунак дыпламатычнай дзейнасці Вялікага княства Літоўскага ў апошняй трэці XVI ст. Мінск : Права і эканоміка, 2010.
26. *Лашкевіч С. А.* Асаблівасці знешнепалітычнай актыўнасці Вялікага княства Літоўскага (1569–1600 гг.). Мінск : БДУ, 2010.
27. *Нарысы гісторыі Беларусі* : у 2 ч. Мінск : Беларусь, 1994. Ч. 1.
28. *Насевіч В. Л.* Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: падзеі і асобы. Мінск : Палымя, 1993.
29. *Пичета В. И.* История белорусского народа. Минск : Изд. центр БГУ, 2003.
30. *Снапкоўскі У.* Пра калізій знешнепалітычных інтарэсаў Польскай Кароны і Вялікага Княства ў складзе Рэчы Паспалітай // *Спадчына.* 1995. № 3. С. 189–201.
31. *Станкевіч А.* Выбранае / уклад., прадм. і камент. У. Конана. Мінск : Беларускі кнігазбор, 2008.
32. *Станкевіч Я.* Крыўя – Беларусь у мінуласці. Вільня : Ін-т беларусістыкі; Беласток : Беларус. гіст. таварыства, 2010.
33. *Тихомиров А. В.* Внешнеполитический механизм и организация дипломатической службы Речи Посполитой и Великого княжества Литовского в 1569–1795 гг. // *Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений.* 1998. № 3. С. 52–61.
34. *Турчинович О.* Обзор истории Белоруссии с древнейших времен. СПб. : Типография Эдуарда Паца, 1857.
35. *Урбан П.* У святле гістарычных фактаў. Мюнхен, Нью-Ёрк. БІНІМ, 1972 // *Беларуская палічка. Беларуская электронная бібліятэка* [Электронны рэсурс]. URL: http://knihi.com/Paula_Urban/U_sviatle_histarycnych_fakta.html (дата обращения: 05.03.2013).
36. *Чаропка В.* Імя ў летапісе / прадм. А. С. Сідарэвіча. Мінск : Палымя, 1994.
37. *Чаропка В.* Уладары Вялікага княства Літоўскага. Мінск : Палымя, 1996.
38. *Чаропка В.* Великие князья Великого княжества Литовского. Минск : Беларусь, 2012.
39. *Шкялёнак М.* Падзел гісторыі Беларусі на перыяды // *Спадчына.* 1993. № 3. С. 4–10.
40. *Шчарбакоў В. К.* Нарыс гісторыі Беларусі / Бел. АН, Ін-т імя М. Н. Пакроўскага. Мінск : Выд. Бел. АН, 1934. Ч. 1.
41. *Янушкевіч А. М.* Вялікае княства Літоўскае і Інфлянская вайна 1558–1570 гг. Мінск : Медисонт, 2007.

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2014 г.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ АВСТРИЙСКОГО УЛЬТРАРАДИКАЛИЗМА: ИСТОКИ, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. В. Шарапо

В статье рассматриваются основные периоды в истории австрийского радикализма. На примере Австрийской партии свободы раскрыты основные причины роста радикальных настроений среди электората этой страны, а также радикализации идеологии ее партии. Особый акцент сделан на анализе политических концепций новых партий, образованных в конце XX — начале XXI в. Отмечается рост их популярности и успехи радикальных партий на парламентских выборах 2013 г. Подчеркивается роль председателя АПС Й. Хайдера как одного из наиболее популярных лидеров австрийского радикализма.

The main periods of the history of Austrian radicalism are analyzed in the article. By the example of the Austrian Party the author reveals the core reasons of the radical sentiments' increase among the electorate of this country as well as of the radicalization of the parties' ideology. Special focus was made on the analysis of new parties' political concepts that were established at the end of 20th — beginning of the 21st century. The author underlines the increase of their popularity and successes of radical parties during the parliamentary elections in 2013. The role of J. Heider as one of the most popular Austrian radical leader is stressed.

Ключевые слова: радикализм; правый, левый ультрарадикализм, фашизм, неонацизм, популизм.

Keywords: radicalism; right, left ultraradicalism, fascism, neo-Nazism, populism.

Актуальность проблемы радикализма, особенно его ультраправого сегмента, возросла в последние годы в связи с заметным ростом радикальных общественных настроений в Европе. Некоторые политики-радикалы вошли в состав национальных и региональных руководящих органов власти и оказывают определенное влияние на принятие решений, в том числе и в области международных отношений. Многие из них напрямую касаются Республики Беларусь. Таким образом, цель данной статьи — показать на примере Австрийской партии свободы и других радикальных партий этой страны механизмы идеологического влияния на электорат, завоевания у избирателей популярности.

Проблема радикализма и, в частности, его австрийской составляющей, получила широкое освещение во многих аналитических работах зарубежных и отечественных ученых, а также таких крупных исследовательских центрах, как, например, лондонский институт Strategic Dialogue, Институт Европы РАН. Среди зарубежных авторов можно выделить труды немецких политологов Г. Китшеля [19] и М. Минкенберга [20]. Немаловажное значение имеют исследования американских политологов Э. Л. Картера, Р. Грифиина [18], а также российских исследователей М. К. Арчакова [4], А. А. Похилько [12], С. А. Сергеева [13], А. В. Шеховцова [17].

Австрийский ультрарадикализм, подобно всякому политическому явлению, подвержен влиянию многих факторов как внутреннего, так и внешнего характера. Именно они предопределяют его сходство с другими ультрарадикальными формированиями Европы, выделяют в нем специфические черты. Ультрарадикальные общественные настроения в Австрии нельзя отнести к числу уникальных, присущих только этой стране явлений, как, впрочем, их нельзя назвать и неким «клоном», копией радикального мировоззрения определенных слоев населения в других европейских государствах. Например, при всем сходстве ультраправой риторики Австрийской

партии свободы (АПС) со своими «единоверцами» во Франции считать ее аналогом французского Национального фронта было бы неправомерным. Это же мы можем сказать и в отношении других подобных партийных объединений Европы.

Пожалуй, главное, что их всех объединяет, — схожие инструментарии политической борьбы, а среди них — демонстративный, неприкрытый популизм. Последние избирательные кампании во многих европейских государствах показали, что именно радикальный популизм принес его носителям неплохие результаты. Идеология радикальных партий, особенно их крайне правого сегмента, в общем и целом осуждаемая официальными властями и значительной частью европейской общественности, при реальном волеизъявлении населения во время выборов получала такую электоральную поддержку, которая обеспечивала им представительство в местных и даже общенациональных органах власти.

Характерно, что Австрия в этом списке занимает одно из приоритетных мест. Вот, например, как выглядит по популярности положение австрийского ультрарадикализма (правого и левого) в циклах общенациональных выборов европейских государств [6].

Как видим, правый радикализм уверенно завоевывает политическое поле Европы, а сама Австрия по этому показателю превосходит другие европейские страны. Такая же тенденция отмечается во Франции, Швейцарии, Великобритании, Бельгии, Дании, Венгрии. Особенно наглядно рост ультрарадикальных общественных настроений продемонстрирован итогами выборов в мае 2014 г. в Европейский парламент: Британская партия независимости, обойдя ведущие в стране партии, набрала 27,5 % голосов (лейбористы — 25,4 %, консерваторы — 24 %), опередила все остальные партии; датская Народная партия заняла первое место (26,7 %); Национальная партия Йоббик «За лучшую Венгрию» — 15 % и, наконец, представительница Австрии Австрийская партия свободы — 20 % голосов. Даже ультраправая

Популярность австрийского ультраправого радикализма в 2001–2013 гг.

Государство	Характер радикализма	Циклы общенациональных выборов		
		2001–2004	2005–2009	2010–2013
Австрия	правый	10	14,1	28,2
	левый	0,6	1	0,8
Германия	правый	1,1	2,2	2
	левый	4	8,7	13,9
Великобритания	правый	0,2	0,7	5
	левый	0	0	0,1
Италия	правый	15,9	8,3	4,1
	левый	0	4,4	27,8
Франция	правый	15,2	4,3	13,6
	левый	6,4	9	6,9
Швейцария	правый	26,6	29,6	27,8
	левый	0,7	0,7	0

Источники: [4, с. 27].

немецкая Национал-демократическая партия, хотя и набрала всего 1 %, но удостоилась одного места в Европарламенте. Единственной представительницей ультраправого радикализма в Европарламенте стала греческая коалиция «Сириза» (26 %) [8].

Свою приверженность ультраправым идеям немало австрийцев продемонстрировали и в ходе парламентских выборов (сентябрь 2013 г.). Если исключить две доминирующие в стране традиционные партии – левоцентристскую Социал-демократическую партию (набрала 27,1 % голосов) и правоцентристскую Австрийскую народную партию (набрала 23,8 % голосов), то почти все оставшиеся участники этой кампании могут быть квалифицированы как радикальные. Характерен успех крайне правой Австрийской партии свободы – 22,4 % голосов и 42 места в парламенте [5]. Другие партии этого сегмента хотя и не получили такой очевидной поддержки, но также добились заметных результатов: «Команда Стронаха» – 5,8 % и 11 мест; «Альянс за будущее Австрии» – 3,6 %. Оставшиеся партии «умеренного толка» разнятся: «Зеленая альтернатива» – 11,4 % и 22 места в парламенте, в то время как либеральная «Новая Австрия» (отколовшаяся часть АПС) только 4,8 %. Таким образом, с учетом того, что в Австрии нет как таковой влиятельной политической силы левого толка (Коммунистическая партия набирает около 1 %), левые идеи представлены лишь традиционной Социал-демократической партией (напомним: 27,1 % голосов), в то время как суммарный итог праворадикалов 72,9 %, в т. ч. ультраправых – 36,6 % [5]. Комментарии, как говорится, излишни.

Для сравнения приведем данные, касающиеся распространения ультраправого радикализма в Германии. Выбор этой страны объясняется не только общими с Австрией национальными психологическими чертами, но и тем, что именно Германию можно считать «прародительницей» австрийских ультраправых формирований и «поставщиком» нацистской идеологии. На первый взгляд, судя по ито-

гам парламентских выборов (сентябрь 2013 г.), и здесь правые идеи пользуются немалой популярностью. Если суммировать голоса партий правого толка (ХДС – 34,1 %; ХСС – 7,4 %; «Альтернатива для Германии» – 4,7 %; «Партия пиратов» – 2,2 %; «Свободные избиратели – 1 %») и добавить к ним результаты откровенно ультраправой НДПГ (1,3 %), а также правоцентристского «Союза –90/зеленые» (8,4 %), то получается довольно показательная для правого сектора цифра – 65,2 % голосов и 377 мест в бундестаге [9]. Оставшиеся 34,8 % приходятся на сторонников левых идей (СДПГ – 25,7 % и 192 места в парламенте; «Левая партия» – 8,6 % и 64 места; 0,5 % – прочие, другие прокоммунистические организации).

Соотношение 65,2 % к 34,8 % в пользу правой идеологии, казалось бы, свидетельствует о схожести электоральных настроений Австрии и Германии. Однако есть существенная и значительная разница: немецкие избиратели весьма недоверчиво относятся к крайнему радикализму, особенно к ультраправому его сегменту. Допущенная к выборам ультраправая Национал-демократическая партия Германии (НДПГ), которая в период избирательной кампании была на грани запрета, набрала всего 1,3 % голосов (сравним с 21,4 % Австрийской партии свободы). Причины столь существенной разницы в восприятии ультраправых идей электоратом ФРГ и Австрии – тема для отдельного разговора. Вместе с тем одна из них, затрагивающая истоки этого явления в Австрии, заслуживает более подробного рассмотрения уже в данном материале.

Она связана с влиянием национал-социалистической партии Германии на становление австрийского ультраправого радикализма в предвоенные годы и его закрепление на политическом поле этой страны в первое послевоенное десятилетие. Именно на этот период приходится как расцвет, так и крах германского национал-социализма и австрийского фашизма. Эти две ультраправа идеологии, которые нынешним поколением оправданно отождествляются,

в 30-е гг. XX в. объединяли людей во многом противоположных политических взглядов. Если общественные настроения довоенной Германии базировались на идеях пангерманизма («великой Германии») и нацизма (достижение этой цели и путем порабощения других наций), то в Австрии доминировала идеология муссолининского фашизма и постмонархического корпоративизма. И то, и другое идеологическое течение предполагало авторитарные, диктаторские методы управления, отрицание многопартийности и различных политических взглядов. Пожалуй, только это и объединяло национал-социалиста Гитлера и фашиста Э. Дольфуса — тогдашнего канцлера Австрии и создателя профашистского «Отечественного фронта».

В остальном это были не только идеологические противники, но и враждебные друг другу руководители государств со всеми вытекающими отсюда последствиями для двусторонних отношений. Если нацист Гитлер утверждал, что «германская Австрия должна возвратиться в лоно великой германской родины», а австрийские активисты НСДАП вторили ему лозунгами «Один народ! Одна нация! Один фюрер!», то австрофашист Дольфус категорически отрицал вариант аншлюса и выступал за независимую Австрию, за что и поплатился жизнью (был убит местными членами НСДАП в 1934 г.) [2].

Лишь нацист по убеждениям, очередной австрийский канцлер Зейс-Инкварт, под давлением Гитлера пошел на проведение референдума по этому вопросу и 13 марта 1938 г. объявил о присоединении своей страны к Германии [15]. Хотя по официальным данным этот акт поддержали 99,73 % австрийцев, реальные общественные настроения отнюдь не характеризовались единодушием. Австрийское население фактически было расколото на два идеологически противоположных лагеря: одни искренне приветствовали марширующих по Вене немецких солдат (и, нужно признать, таких было большинство), для других это была национальная трагедия.

В это же время в самой Германии для Гитлера и идеологии нацизма был пик славы и популярности. Однако такое схожее восприятие национал-социализма в этих двух (а фактически в едином) государствах продолжалось недолго: первые крупные поражения вермахта на Восточном фронте и тем более его окончательный крах в 1945 г. предопределили начало нового этапа в становлении ультраправого радикализма в этих странах, отличного друг от друга как по самим концепциям, так и по формам его проявлений.

Для Австрии оно характеризовалось противоречивостью в оценках гражданами этой страны итогов Второй мировой войны и отношении к нацизму. Без преувеличения можно сказать, что этот фактор стал определяющим для формирующихся ультраправых организаций в их идеологической и практической деятельности среди населения. Одни австрийцы прагматично видели в приходе национал-социалистов и самом аншлюсе надежду на лучшую жизнь (члены НСДАП, часть среднего предпринимательства, низшие слои населения). Они и сохранили свои ностальгические воспоминания о «немецкой Австрии» в послевоенные годы, считая предвоенный нацистский период австрийской исто-

рии одним из лучших в XIX и XX вв. Другие, отвергая нацизм, оставались верными духу и традициям австрийского государства времен монархии и «великой империи», когда, по их мнению, с Австрией должны были считаться все великие державы мира. После окончания войны и те и другие по-разному оценили ее итоги: если первые при ответе на вопрос «Был ли крах нацистской Германии, а вместе с ней и Австрии поражением для их страны?» причисляли Австрию к числу проигравших на данном историческом этапе государств, то вторые видели в крахе германского нацизма освобождение от его бремени и надежду на построение и возрождение могущества независимой Австрийской Республики.

В контексте рассматриваемой темы можно отметить, что именно представители первой группы пополнили ряды созданных в послевоенное время австрийских ультраправых, профашистских формирований. В организационном плане сначала это были разрозненные и малочисленные группы, объединенные лишь общей реваншистской, антикоммунистической и антисоветской идеологией. Однако в конце 1940-х — начале 1950-х гг. именно они составили костяк первых ультрарадикальных партий Австрии. К их числу можно отнести «Ассоциацию независимых», созданную из бывших членов «Партии великого германского народа» и Национал-социалистической партии; «Свободное собрание Австрии», позже переименованную в Националистическую партию; «Союз демократических социалистов», выступающих за революционные преобразования общества, за марксизм, но антиленинизм, и ряд других более мелких организаций, объединивших радикально настроенных австрийцев, а также немецких беженцев и репатриантов.

В силу того что Австрия до конца 1955 г. была разделена на 4 оккупационные зоны, эти ультраправые и ультралевые партии практически не имели центральных органов управления и выстраивали свою деятельность самостоятельно по усмотрению своих во многом непрофессиональных партийных лидеров. Наряду с другими объективными факторами этим можно объяснить тогдашнюю низкую популярность ультраправых организаций Австрии у населения страны и фактический провал ими всех первых послевоенных избирательных кампаний как на местном, так и национальном уровне. Единственным исключением можно считать относительный успех ультраправой «Ассоциации независимых»: парламентские выборы 1949 г. — 11,7 %; 1953 г. — 10,9 %, в то время как остальные ультра-радикальные партии набирали от 1 до 5 % голосов [1]. Этим же объясняется и сравнительно короткий срок их «партийной жизни»: «Ассоциация независимых» — 7 лет (1949–1956); «Свободное собрание Австрии» — 6 лет (1953–1959); «Партия независимых сил» — 4 года (1957–1961) и т. д. [3].

Однако, несмотря на такой недолгий исторический путь, эти формирования все же успели «посеять» среди австрийской общественности «зерна» ультрарадикализма. В землях, входящих в зону советской оккупации (Бургенланд, Нижняя Австрия и частично Верхняя Австрия), он в большей степени характеризовался открытым антисоветизмом

и реваншизмом, в западных оккупационных зонах акцент делался на общих идеях антикоммунизма. Помимо членов этих ультраправых организаций, такие крайнерадикальные взгляды активно распространялись частью австрийцев, которые воевали в составе гитлеровских войск и были подвергнуты нацистской пропаганде, а также бывшими членами Национал-социалистической партии Австрии (к 1938 г. их численность превышала 150 тыс. чел.) [10]. Конечно, эти идеи не доминировали в общественных настроениях, однако то, что они оказали заметное влияние на дальнейшую трансформацию австрийского ультрарадикализма и формирование политических платформ следующего поколения ультраправых партий, — факт.

Как ни парадоксально, но еще большую роль в этом процессе сыграли две нерадикальные, центристские партии Австрии, доминировавшие на ее политическом поле в первые послевоенные годы, — Австрийская народная партия и Социалистическая партия Австрии. Нерадикальность первой объясняется тем, что АНП, основанная в 1945 г., стала преемницей Христианско-социальной партии с ее приверженностью католическим убеждениям, традициям, общественному согласию, но в то же время — идеям антисоциализма. Более того, представитель этой партии Л. Фигель, ставший канцлером Австрии в 1945 г., сам являлся жертвой нацизма (после аншлюса 1938 г. был арестован и направлен в концлагерь Дахау, а затем в 1944 г. — в Маутхаузен; в 1945 г. приговорен к смертной казни, но был освобожден советскими войсками). Как видим, для симпатий к зарождающемуся австрийскому ультрарадикализму у него не было никаких оснований.

Социалистическая партия также не проповедовала экстремистских идей и даже осуждала идеологию антикоммунизма. Член этой партии К. Реннер, первый послевоенный президент Австрии, был активным антифашистом и в 30-е гг. преследовался фашистским режимом Дольфуса. Сама Социалистическая партия, являясь преемницей старейшей в стране Социал-демократической рабочей партии, также подвергалась репрессиям, а после аншлюса вообще была запрещена [14].

Эти внутрипартийные и личностные факторы в комплексе с влиянием политической и экономической обстановки в послевоенной Австрии предопределили взвешенный и нерадикальный характер концептуальных положений партийных платформ АНП и СП. Именно так нужно воспринимать лозунги и той и другой партии о необходимости борьбы за независимую и нейтральную страну, свободную от нацизма и фашизма. Особенно актуальны эти темы стали в начале 50-х гг. — в период подготовки и принятия Декларации о независимости Австрии и утверждения конституционного Закона «О суверенитете и неучастии в военных альянсах». Твердое отстаивание этих позиций обеспечило для обеих партий завоевание подавляющего большинства голосов избирателей на всех местных и парламентских выборах того времени (АНП: 1949 г. — 44 %, 1953 г. — 41,3 %; СП: 1949 г. — 38,7 %, 1953 г. — 42,1 %) [3].

Однако эти выигрышные лозунги о независимости были использованы не только умеренными

политическими силами. Идеологи ультраправых формирований увидели в них шанс хоть каким-то образом решить проблему непопулярности ультра-радикального течения в Австрии. Они прекрасно понимали, что добиться этой цели было нельзя простым дублированием соответствующих положений программ АНП и СП. Необходимо было переосмысление и коррекция этих идей применительно к новой для Австрии политической обстановке, а также с учетом изменений в общественных настроениях австрийцев. В них в отличие от десятилетия «зон оккупации» все в большей степени стало проявляться желание обрести былой могучий статус монархической Австрии. Полноценно использовать эти настроения в своих целях уже было не под силу разрозненным ультраправым группам и малочисленным слабым партийным организациям. Идеологи ультрарадикализма видели решение этой проблемы в создании новой системной партии с четко обозначенными идеологическими приоритетами. «Наработки» такой идеологии уже имелись: «Союз независимых» (а еще ранее национал-либеральный «Третий лагерь» (Drittes Lager) базировался на главной цели — борьбе как с социалистами, так и «народниками», и при этом подчиняясь закону о денацификации, не проповедуя открыто идеи нацизма, но активно пропагандируя гипертрофированные идеологические лозунги о «величии австрийской нации»). Это был тот рубеж, который, с одной стороны, отделял и отрицал ушедший в историю оголтелый нацизм и фашизм, но с другой — открывал дорогу для его последователя — ультраправой идеологии нового типа в лице новой Австрийской партии свободы. Это начало качественно нового этапа истории современного австрийского ультрарадикализма, где эта партия выступила в качестве наиболее характерного его представителя.

Рассмотрим несколько периодов австрийского ультрарадикализма.

«Дохайдеровский» период (1956–1986). Упоминание имени Й. Хайдера в названии этого и последующих подразделов не случайно: его приход в большую политику ультраправого радикализма и уход из нее четко разграничивают основные этапы трансформации идеологии этого течения и помогают понять его националистическую суть. Следует отметить, что при всей внешней «новизне» пропагандируемых АПС лозунгов их нацистская идеологическая «пуповина» все же оставалась нетронутой. Это, в частности, сразу же проявилось при выборе лидера новой партии на учредительном съезде (апрель 1956 г.). Им стал А. Райнталлер — бывший активный член НСДАП, занимавший при нацистах в Австрии пост министра сельского хозяйства. Под него соответствующим образом был подобран и весь руководящий состав новой партии, где преобладали отставные офицеры вермахта и активисты НСДАП из гражданских лиц.

Как видим, почва для создания АПС была более чем благодатной. Этому способствовала и складывавшаяся в середине 1950-х гг. международная обстановка. Австрийские ультраправые организации по-своему трактовали положения о нейтралитете и в своих идеологических целях активно использовали

такие события, как создание Североатлантического альянса и вступление в него ФРГ (1955), подавление восстания в Венгрии (1956), учреждение министерства обороны и принятие Закона о всеобщей воинской обязанности в ФРГ (1956), активизация реваншистских союзов «изгнанных» и «переселенцев», запрет деятельности коммунистической партии в ФРГ (1956) и т. д. Вместе с тем руководство АПС прекрасно понимало необходимость хотя бы публичного осуждения национал-социализма и разработки нового «мягкого» его варианта. Вот здесь-то и пригодились лозунги АНП и СПА, касающиеся независимости и суверенитета Австрии, особенно в той части, где шла речь о возрождении былого австрийского величия. Однако если «народники» и «социалисты» видели конечную цель такого возрождения в построении «австрийской» Австрии, то многие идеологи ультраправого радикализма считали, что это может произойти только при создании «немецкой» Австрии, т. е. фактически повторением аншлюса. Особенно широко идеи «германской Австрии» были распространены в «немецкоязычных» землях, прилегающих к Западной Германии (Форарльберг, Тироль, Зальцбург). Именно на этой идеологической почве строились первые призывы ультраправых о «чистоте нации», борьбе против всякого двуязычия (как это требовали, например, словенцы) и культурно-национальной автономии [11].

Конечно, по своей преступной радикальности они уступали нацистской теории «арийской расы», однако, даже отвергая возможность решить австрийский «национальный вопрос» путем физического уничтожения «пришлых», ультраправые Австрии из АПС предлагали добиться «чистоты» нации жестоким законодательством и созданием «невыносимых» условий для их проживания и работы. Фактически это был прообраз современной ксенофобской теории АПС.

Нужно отметить, что даже при такой ультраправой направленности этой партии удавалось добиваться сравнительно неплохих результатов на общенациональных выборах. По электоральной популярности в 1950–1970-е гг. Партия свободы занимала третью позицию после АНП и СПА (1956 г. – 6,5 %; 1959 г. – 7,7 %; 1962 г. – 7 %; 1966 г. – 5,4 %; 1970 г. – 5,5 %; 1971 г. – 5,5 %; 1975 г. – 5,4 %; 1979 г. – 6,1 %; 1983 г. – 5 %) [3]. Заметная «просадка» в 1966–1979 гг. объясняется двумя факторами: во-первых – идеологическим расколом АПС в 1967 г. на два крыла. В результате из нее вычленилась группа ультраправых чисто нацистского толка, образовавшая свою Национал-демократическую партию – фашистский клон НСДАП Германии. Эта крайне правая, нацистская и экстремистская организация открыто выступала за объединение Германии и Австрии, против «иностранный инфильтрации», за отмену Закона о денацификации и т. д. Популярностью у австрийцев не пользовалась (на выборах 1970 г. набрала лишь 0,1 % голосов) и в 1988 г., согласно ст. 9 Декларации о независимости Австрии (расформирование нацистских организаций), была запрещена. Оставшаяся часть АПС с учетом этого горького урока была вынуждена пойти на некоторое «полевение»

своей идеологии, убрав из нее положения открыто нацистского толка; во-вторых, обнародованием в конце 1970-х гг. сведений о нацистском прошлом ряда членов кабинета канцлера Крайского из АПС, а также самого лидера этой партии Ф. Петерса. В годы войны он был офицером СС, служил в айнзатцгруппе, которая занималась уничтожением «неполноценных народов» [10].

Вот почему последний «дохайдеровский» председатель Партии свободы Н. Штегер был вынужден инициировать ее некоторый сдвиг в сторону правополитической либеральной идеологии. Это привело ко второму расколу АПС на умеренных либералов и ультраправых радикалов. Последнюю группу возглавил крайне радикальный политик Й. Хайдер, приход которого к партийной власти без всяких кавычек можно назвать избитым, но в данном случае вполне оправданным штампом – исторический этап для АПС.

С этого момента на крайне правом сегменте Партия свободы фактически стала единственной представительницей ультраправого радикализма в Австрии. Образованные в этот период формирования такого же правого толка хотя какое-то время и продолжали свою деятельность, но на фоне роста популярности АПС были вынуждены реформироваться и влиться в состав Партии свободы. Тем более никаких шансов на успех не имели существующие тогда мелкие ультраправые организации, такие как «Союз демократических социалистов» с его националистической, антииммигрантской, но марксистской идеологией, «Марксистско-ленинская партия Австрии», отстаивавшая учения Мао под лозунгом «марксизм – ленинизм – маоизм», «Коммунистический союз Австрии», также поддерживающий учение Мао, но выступавший против политики СССР за его «социал-имперскую» идеологию и т. п. Политическая слабость всех этих мелких ультраправых и ультралевых партий оттеняла набирающую силу и авторитет Австрийскую партию свободы. Тем более очевидным стал этот факт после избрания на пост ее председателя молодого, харизматичного, целеустремленного в достижении своих целей политика «новой волны» Йорга Хайдера.

«Эпоха Хайдера» (1986–2001). Можно по-разному оценивать его деятельность: оправданно критиковать за нацистские убеждения, считать партийным фигляром, не желающим считаться с уроками истории и т. д., но то, что он сумел вывести Австрийскую партию свободы в число доминирующих политических сил Австрии, – признанный факт. Партийная деятельность Хайдера является ярким примером эксплуатации основного инструментария ультраправых партий – популизма. Именно на нем так долго сохранялся его политический и общественный вес. Хайдер умело озвучивал самые смелые желания и ожидания австрийцев, предлагая для их воплощения в жизнь нереальные популистские планы. Нужно отдать должное этому ультраправому политику, который, возглавив партию, сумел, не поступаясь «личными принципами», согласиться с требованиями объективной внутрипартийной обстановки – необходимостью отхода от демонстративной нацистской идеологии.

Он установил для себя своеобразный «модус вивенди» — временное соглашение, по которому оставлял за собой право оставаться на прежних идеологических позициях, но публично от имени партии демонстрировать более либеральные взгляды.

Хайдер не мог не учитывать те очевидные изменения, которые произошли как в кадровом составе АПС, так и в характере идеологических инициатив снизу. Тот нацистский костяк партии (бывшие солдаты и офицеры вермахта, члены НСДАП) в силу объективных возрастных причин к середине 1980-х гг. почти полностью покинул политическую сцену Австрии. Ему на смену пришло новое поколение молодых партийцев, национал-социалистическая убежденность которых намного уступала ушедшим. Конечно, в определенной степени она была для них объединительным идеологическим стержнем, но не решала задачу их сплочения с точки зрения профессионального представительства. К тому времени среди членов АПС появилась немалая прослойка интеллигенции, высокообразованных людей, связанных с производством, торговлей, сферой услуг. Отдавая предпочтение АПС, они, помимо удовлетворения своих идеологических амбиций, видели в ней надежду на защиту своих профессиональных интересов. Само слово «свобода», находящееся в бренде партии, они связывали со свободой в бизнесе и предпринимательстве. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что над АПС стал «бродить призрак либерализма».

Именно этот фактор предопределил в 1980-е гг. характер трансформации основных концептуальных положений программы АПС и смену приоритетов ее партийной идеологии. Одним из заметных направлений таких перемен стало смягчение нацистских лозунгов в сторону националистических призывов. Долго эксплуатируемый АПС бренд «За германскую Австрию» сменился на «Австрию для австрийцев». Нужно отметить, что такого сорта идеологические «зерна» легли в благодатную почву: на конец 1980-х — 1990-е гг. приходится начало и увеличение притока иностранной рабочей силы не только в саму Австрию, но и в соседние с ней государства. Появились первые признаки недовольства австрийцев трудностями в трудоустройстве. Особенно возросли такие настроения после вступления Австрии в Евросоюз и связанного с этим принятия либеральных иммиграционных законов. Эти процессы открывали широкое поле для националистической идеологии АПС и возможности для привлечения на свою сторону избирателей. Если в «дохайдеровский» период на парламентских выборах рейтинг АПС колебался в пределах 4–5 %, то после избрания Й. Хайдера и его «компромисса» по идеологическим вопросам популярность этой партии резко возросла: 1986 г. — 9,7 %; 1990 г. — 16,6 %; 1994 г. — 22,5 %; 1995 г. — 21,9 %; 1999 г. — 26,9 % [3]. Как видим, электоральная поддержка зарождающейся ксенофобии в общественных настроениях австрийцев была сопоставима с популярностью ведущих центристских партий (Австрийская народная партия: 1994 г. — 27,7 %; 1995 г. — 28,3 %; 1999 г. — 26,9 %; Социалистическая партия Австрии: 1994 г. — 34,9 %; 1995 г. — 38,1 %; 1999 г. — 33,1 %) [3]. Такое

сближение рейтингов АПС с популярностью традиционных центристских партий стало одним из основных признаков перехода Австрии от многолетней двухпартийной системы к трехпартийной, а значит, включения ультрарадикальных сил в юридически законную политическую борьбу.

Однако что касается авторитета самого председателя АПС Й. Хайдера, то его популярность основывалась на несколько других, противоречивых электоральных оценках. Для своих идеологических однодумцев среди простых граждан он продолжал оставаться кумиром, идолом для подражания и обожания. Однако у однопартийцев его незыблемая пронацистская позиция уже перестала получать столь привычные, единодушные позитивные оценки. Многие из них открыто критиковали авторитарные методы руководства партией и нежелание Хайдера реагировать на предъявляемые претензии. Открытый «бунт на партийном корабле» АПС произошел в 1993 г., когда ее ряды покинула оставшаяся группа «либералов», решивших основать свою партию — Либеральный форум. Однако отметим, что, несмотря на то что она сразу же вышла на «международный уровень», став членом Либерального интернационала и европартии «Альянс либералов и демократов за Европу», у себя в стране эта партия особой популярностью не пользовалась (парламентские выборы 1994 г. — 6,6 %; 1995 г. — 5,5 %; 1999 г. — 3,6 %; 2002 г. — 0,9 %; 2006 г. — 1,7 %; 2008 г. — 2 %). Падение популярности Либерального форума заставило его руководство идти на выборы 2013 г. в коалиции с «Новой Австрией», однако, добившись планируемой цели перешагнуть 4 %-й барьер (4,8 %), они все же не сумели получить места в парламенте [3].

Казалось бы, уход «мягкотелых» либералов из АПС раскрывает перед оставшимися убежденными ультрарадикалами широкие политические горизонты. Тем более, что этому способствовала и складывавшаяся обстановка, связанная со вступлением Австрии в 1995 г. в Европейский союз. Именно этот шаг австрийского правительства позволил Партии свободы еще в более полной мере использовать разделение общественных настроений на «за» и «против» евроинтеграции и в связи с этим «оседлать» своего главного идеологического «конька» — проблему иммиграции. Как оказалось, она стала на многие годы приоритетной и принесла для АПС неплохие электоральные дивиденды на первых после вступления Австрии в ЕС парламентских выборах 1999 г. (26,9 % голосов) — наилучший за всю историю партии результат.

Практической стороной такого успеха ультраправых стало согласие лидера Народной партии и тогдашнего канцлера Австрии В. Шюсселя на формирование с АПС правительственной коалиции. На фоне нацистских заявлений Й. Хайдера, восхвалявшего «порядки» в гитлеровской Германии, организуемых им пронацистских шествий, демонстраций и т. п. вхождение Партии свободы «во власть» стало открытым вызовом демократической Европе. Наиболее резкая реакция последовала от 14 европейских государств — членов Евросоюза, принявших консолидированное решение о государственном ostrакизме по отношению к Австрии, т. е.

о ее фактической изоляции и отстранении от дипломатических контактов на высшем уровне, в сфере общественной и культурной деятельности. Кроме того, австрийским должностным лицам было запрещено занятие руководящих постов в ЕС. Обосновывая эти санкции, глава МИД Германии Й. Фишер назвал «недопустимым» сотрудничать с Хайдером, чья «идеология родственна национал-социализму», по словам его бельгийского коллеги Л. Мишеля, «в таких условиях Европа может обойтись без Австрии». Как отметил представитель МИД Франции, его страна «не сможет вести себя по отношению к такому австрийскому правительству так, будто это нормальное правительство». В качестве практических мер ostracism со стороны других неевропейских стран можно назвать решение Соединенных Штатов и Израиля об отзыве своих послов в Австрии для консультации [16].

Этот демарш ЕС был активно поддержан общественностью самой Австрии: в Вене и ряде других городов состоялись многотысячные антихайдеровские демонстрации с требованиями к правительству ограничить деятельность ультраправой Партии свободы.

Фактически успех АПС на парламентских выборах 1999 г. оказался для нее «пирровой победой» и началом заката партийной карьеры как самого Й. Хайдера, так и выпестованной им партии. В феврале 2000 г. в разгар европейского демарша он был вынужден передать свои полномочия председателя АПС С. Расс-Пассер и вернуться на свою родину в Каринтию, где он по совместительству с партийной должностью являлся губернатором этой земли. Так завершилось 16-летнее «правление» этого политика Австрийской партии свободы, разделившее ее историю на «до», «во время» и «после» Хайдера. Правда, свой уход с председательского поста он отнюдь не связывал с полным отходом от партийной деятельности и уменьшением своего влияния на решения нового руководства АПС. Однако сохранить его прежние доминирующие позиции уже не смогли ни запоздалые извинения перед жертвами нацизма, ни отказ от прежних лозунгов о «единой немецкой Австрии», ни обещания однопартийцам реформировать партийную идеологию и сохранить единство партии. Он не сумел понять того, что время долгоиграющего бренда «Хайдер» прошло, как ушла в прошлое эра классической национал-социалистической идеологии. Подтверждением этому стали провальные для АПС итоги выборов в парламент Австрии 2002 г.: 10,1 % голосов по сравнению с 42,2 % АНП продемонстрировали реальное место хайдеровской Партии свободы на политическом поле страны [1].

Кроме того, и в самой партии появились признаки открытого несогласия с хайдеровской политикой. Немало его однопартийцев из молодого поколения ультрарадикалов «новой волны» уже не проявляли особого желания ассоциировать свою партийную деятельность со стареющим по годам и по взглядам на XXI век Хайдером. Очередной «исход» несогласных из партии произошел на партийной конференции в Книттенфельде (2002), когда ее ряды покинули члены парламентской фракции

АПС и партийцы «умеренного» толка. 29 июня 2003 г. на заседании правления Партии свободы была провалена последняя попытка Хайдера вернуть себе председательство и сохранить ее традиционный имидж защитницы «австрийскости» [1]. С этого момента исторические пути этой личности и Австрийской партии свободы разошлись навсегда: АПС, ведомая новым руководством, трансформировала свою идеологию в сторону национализма, убрав из нее нацистские лозунги, а Хайдер решил на создание новой партии.

Современный этап австрийского ультрарадикализма. Среди многих факторов, определяющих особенности ультрарадикализма в Австрии начала XXI в., следует отметить один из наиболее характерных — окончание монополии Австрийской партии свободы на единоличное представительство радикального мировоззрения на политическом поле страны и появление в нем новых партий радикального толка. Такое расширение партийного списка правого сектора стало прямым следствием формирования в конце XX — начале XXI в. качественно новой политико-экономической ситуации, вызванной геополитическими и региональными трансформациями. Эти внешние факторы в комплексе с изменяющимся внутривнутриполитическим электоральным полем оказали значительное влияние на все сферы государственной деятельности, включая партийную систему и общественные отношения.

Радикализм как один из немаловажных индикаторов электоральных настроений также претерпел заметные целевые и смысловые изменения. Если в 1950–1960-е гг. главным признаком ультраправого радикализма была профашистская и пронацистская идеология, а причисление партий такого толка к числу «ультра» не вызывало особых затруднений, то с появлением в 1970–1980-е гг. ряда новых радикальных по сути партий, но уже с иными целевыми установками (борьба за мир, разоружение, окружающая среда, социальная политика и т. п.) проблема их классификации стала предметом острых дискуссий. Именно на этом этапе понятие «радикализм» представлялось уже не только в темных тонах «ультра», но и приобрело другие терминологические оттенки (например, «конструктивный радикализм» — «деструктивный радикализм», «насиловательная деятельность» — ненасильственная деятельность, «умеренный радикализм» и т. д.).

С таким теоретическим багажом политологическая наука вступила в качественно новый исторический этап глобализации и интеграции, когда на приоритетные места повестки дня любой политической организации вышли экономические проблемы, а для простых граждан — вопросы выживаемости. Времена кризисов и социальных потрясений всегда были для радикалов наиболее «урожайными» в части привлечения на свою сторону избирателей. Не стало исключением в этом смысле и первое десятилетие XXI в. для австрийского радикализма. Именно в этот период на политической сцене Австрии появляются новые партии, занимавшие промежуточный (между центристами и ультраправыми) сегмент политического поля. С точки зрения квалификации их уже нельзя назвать ультраправыми,

так как в их программах не содержатся «а-ля хайдеровские» нацистские лозунги и призывы «громить мечети и бить иммигрантов». Более того, идеологические концепции таких партий зиждутся в основном на экономических постулатах, заметно уступая крайне правым политическим выкладкам.

В большинстве справочников и аналитических материалов их характеризуют как организации «умеренного радикализма». Характерно, что даже послехайдеровская Партия свободы во многом утратила свой ультраправый колорит и определяется такими терминами, как «национал-либерализм», «национальный консерватизм», «правый популизм», «евроскептицизм». В таких же идеологических тонах описываются и радикальные партии «нового поколения»: «Альянс за будущее Австрии» — «экономический либерализм», «евроскептицизм»; «Команда Стронаха» и «Новая Австрия» — «правый либерализм», «популизм», «евроскептицизм». Дело дошло до того, что и сам Хайдер после создания им партии «Альянс за будущее Австрии» с ее модернизированной под веление времени политической платформой попал в список «либералов». Именно так, в частности, его характеризует автор книги «Йорг Хайдер, феникс. История либерально-националистической семьи Австрии» французский политолог Л. Балан. Если вспомнить значение слова «феникс» (птица, обладающая способностью сжигать себя, а затем возрождаться вновь), то сравнение с ней Хайдера приобретает вполне понятный политический подтекст. Автор подчеркивает живучесть «идей» Хайдера (он погиб в автокатастрофе в 2008 г.) и их «способность к трансформации от нацизма к национализму и либерализму» [7].

Как видим, в основе идеологических концепций новых партий Австрии лежат якобы либеральные идеи, проповедующие, казалось бы, неплохие постулаты — незыблемость права и индивидуальных свобод, минимизацию вмешательства государства в жизнь людей и т. д.

На первый взгляд оснований классифицировать их как радикальные партии нет. Нужно отметить, что даже последние научные публикации, посвященные этой проблеме, разнятся в определении места этих партий на политическом поле Австрии: одни из них видят в их политических платформах явные признаки радикализма, в том числе его крайние формы; другие относят их к умеренной партийной группе. Более свободно эта проблема трактуется в политической публицистике, где, например, Народный фронт Франции и Австрийская партия свободы чаще причисляются к ультраправым организациям.

Не затрагивая подробности этой тематики, следует отметить, что одной из главных причин таких разночтений является эволюционное изменение содержания самого понятия «радикализм». Применительно к Австрии нельзя, например, современный ультраправый радикализм АПС по своей сути сравнить с ультранацистскими лозунгами этой партии времен 1950–1960-х гг.

Изменилась эпоха, политическая и экономическая ситуация, общественные настроения, а с ними видоизменились оценки и восприятие партийных программ радикального толка.

С позиций среднестатистического европейца проявления ксенофобии, расизма, экстремизма иногда рассматриваются не с точки зрения их радикализма и реальной опасности, а применительно к своим интересам.

Ставя во главу своего мировоззрения либеральные идеи о равенстве прав и свобод для всех граждан, эти новые партийные формирования подразумевают применение этих «привилегий» в основном по отношению к коренным австрийцам. Лозунг «Австрия для австрийцев», открыто провозглашаемый Партией свободы, в интерпретации новых партий звучит более «либерально» — «Австрия для австрийцев и ассимилированных иностранцев».

Немалая часть австрийцев стала воспринимать радикальные (евроскептицизм, отрицание евро) и ультраправые (ксенофобия, национализм) лозунги как «норму», как оправданные меры, а поэтому не подпадающие под термины «радикализм» или «ультрарадикализм».

Именно поэтому националистические призывы той же современной АПС находят в Австрии немало сторонников, обеспечивая ей значимую электоральную поддержку. В силу этих же причин в этой стране пользуются немалой популярностью и другие партии радикального толка — «Команда Стронаха», «Новая Австрия», «Альянс за будущее Австрии». Может быть, они и не «дотягивают» до классического термина крайнего политического сегмента «ультра», но то, что их экономические и политические цели носят явный радикальный характер, не подлежит сомнению.

Эта тенденция характерна не только для Австрии, но и для большинства европейских стран. Политический радикализм набирает вес и популярность, а партии крайнего сегмента из области «неформата» смещаются в зону системных политических сил. Австрийские радикалы в этом ряду стали все в большей степени занимать приоритетные места.

Библиографические ссылки

1. Австрийская партия свободы [Электронный ресурс] // Правый мир: информ. портал. URL: <<http://www.right-world.net/countries/austria/fpo>> (дата обращения: 11.08.2014).
2. Австрийский фашизм против немецкого нацизма [Электронный ресурс] // Спутник. URL: <<http://sputnik-pogrom.com/history/1962/austrofashizm>> (дата обращения: 11.10.2014).
3. Австрия: выборы 1945–2014 [Электронный ресурс] // Электоральная география 2.0. URL: <<http://www.electoralgeography.com/new/ru/category/countries/a/austria>> (дата обращения: 11.06.2014).
4. Арчаков М. К. Политический радикализм: проблемы концептуального осмысления [Электронный ресурс] // Амурский государственный университет. URL: <http://www.amursu.ru/attachments/article/9533/N50_12.pdf> (дата обращения: 01.08.2014).

5. Больше ксенофобии и евроскептицизма: итоги парламентских выборов в Австрии [Электронный ресурс] // Информ. агентство Regnum. (01.10.2014). URL: <<http://www.regnum.ru/news/polit/1714106.html>> (дата обращения: 14.06.2014).
6. *Вайнштейн Г.* Популизм в современной Европе: новые тенденции // *Мировая экономика и междунар. отношения.* 2013. № 12. С. 27.
7. В Париже вышла книга «Йорг Хайдер, феникс» [Электронный ресурс] // Правый мир: информ. портал. URL: <<http://www.right-world.net/news/2477>> (дата обращения: 05.05.2014).
8. *Гусев Д.* Крайнеправые в ЕП, или У страха глаза велики [Электронный ресурс] // *Голоса со всего мира.* (26.05.2014). URL: <<http://www.russian.rfi.fr/evropa/20140526-kraine-pravye-v-evroparlamente-ili-u-strakha-glaza-veliki>> (дата обращения: 23.07.2014).
9. *Корецкий А.* Выборы в бундестаг 2013: кризис немецкой системы [Электронный ресурс] // *Новый смысл.* URL: <<http://www.sensusnovus.ru/analytics/2013/09/28/17263.html>> (дата обращения: 11.06.2014).
10. Лингенс против Австрии: судебное решение от 8 июля 1986 г.: краткое неофициальное изложение обстоятельств дела [Электронный ресурс] // *Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика.* URL: <<http://www.echr.ru/documents/doc/2461413/2461413.htm>> (дата обращения: 12.10.2014).
11. *Павленко О. В.* Австрийский вопрос о холодной войне (1945–1955 гг.) // *Новый истор. вестн.* – 2010. – № 4 [Электронный ресурс] // CYBERLENINKA. URL: <<http://cyberleninka.ru/article/n/avstriyskiy-vopros-v-holodnoy-voynе-1945-1955-gg>> (дата обращения: 09.09.2014).
12. *Похилько А. А.* Экстремизм и радикализм как политологические категории: понятийно-терминологический аппарат [Электронный ресурс] // *Молодой ученый.* 2013. № 11. С. 738–742. URL: <<http://www.moluch.ru/archive/58/8021/>> (дата обращения: 15.09.2014).
13. *Сергеев С. А.* Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках [Электронный ресурс] // *Казанский федеральный университет.* URL: <http://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya_Ekstremizm_radikalizm_sokr.bibliograf.pdf> (дата обращения: 10.08.2014).
14. Соппротивление австрийских социал-демократов [Электронный ресурс] // e-reading.me. URL: <http://www.e-reading.me/chapter.php/1015569/69/Kolpakidi_-_Specnaz_GRU_samaya_polnaya_enciklopediya.html> (дата обращения: 10.09.2014).
15. Фашистское движение в Австрии 1918–1938 гг. [Электронный ресурс] // *Хронос: всемирная история в Интернете.* URL: <<http://www.hrono.ru/sobyty/1919avst.html>> (дата обращения: 10.07.2014).
16. Человек, рвущийся к власти [Электронный ресурс] // *Лехайм.* URL: <<http://www.lechaim.ru/ARHIV/94/hid-er.htm>> (дата обращения: 05.05.2014).
17. *Шеховцов А. В.* Новый правый радикализм в Европе как предмет исследования в отечественной и зарубежной историографии [Электронный ресурс] // *Антон Шеховцов.* URL: <http://www.shekhovtsov.org/articles/Anton_Shekhovtsov-NRR_Subject.html> (дата обращения: 02.09.2014).
18. *Griffin R.* The nature of fascism. N. Y. : St. Martin's PR, 1991.
19. The radical right in Western Europe: a comparative analysis. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1995.
20. *Minkenberg M.* Die neue radical im vergleich: USA, Frankreich, Deutschland opladen. Westdeutscher Verlag, 1998.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2014 г.

ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ XXI в.

М. В. Шевелёва, Е. В. Кравцова

В статье анализируется политика Японии в регионе Ближнего Востока в начале XXI в. Провозглашение Японией в 2001 г. «новой ближневосточной политики» было обусловлено увеличивающейся зависимостью от поставок из региона энергоресурсов в сочетании с внутривнутриполитическими изменениями в государстве. Данная политика предусматривала активизацию отношений между странами Ближнего Востока и Японией, расширение политического и экономического присутствия Японии в регионе. Основным инструментом ближневосточной политики Японии остается финансирование программ по экономическому сотрудничеству, модернизации инфраструктуры, экологии, организации мер доверия и постконфликтному восстановлению государственных институтов (Афганистан, Ирак, палестинско-израильское урегулирование). Принятие самостоятельных политических решений в области региональной политики в совокупности с обеспечением стабильных поставок нефти являются основными задачами «новой ближневосточной политики» Японии в 2000-е гг. На Ближнем Востоке Япония стремится позиционировать себя как нейтральное государство, реализующее собственные национальные интересы.

The article is devoted to the analysis of Japan's policy in the Middle East at the beginning of the XXI century. Declaration of the Japanese «New Middle East Policy» in 2001 was caused by the increasing dependence on imports of energy resources from the region added to the internal political changes in the country. This policy encompassed intensification of relations between the countries of the Middle East and Japan, expansion of the Japanese political and economic presence in the region. The main instrument of Japan's Middle East policy is still financing programs for economic cooperation, modernization of infrastructure, ecology, maintenance of confidence building measures and post-conflict reconstruction of state institutions (Afghanistan, Iraq, the Palestinian-Israeli settlement). Making independent political decisions in the regional policy in combination with providing sustainable oil supplies are the main goals of the Japanese «New Middle East Policy» in the 2000th. In the Middle East Japan tends to position itself as a neutral state implementing its own national interests.

Ключевые слова: Япония, Ближний Восток, внешняя политика, региональная политика, новая ближневосточная политика, энергоресурсы, финансирование, факторы формирования.

Keywords: radicalism; Japan, Middle East, foreign policy, regional policy, New Middle East Policy, energy resources, financing, aspects of formation.

Япония имеет жизненно важные интересы на Ближнем Востоке, однако ее политическое присутствие в этом регионе было весьма ограниченным. Интерес Японии к Ближнему Востоку долгое время заключался лишь в необходимости поставок энергоресурсов, иные аспекты взаимодействия со странами Ближнего Востока японское правительство не рассматривало. Война в Персидском заливе 1991 г. стала отправной точкой формирования новой ближневосточной политики Японии, которая предполагает не только обеспечение поставок энергетических ресурсов и развитие экономических отношений, но и увеличение политической роли Японии в регионе. Ближневосточная политика Японии, которая была традиционно пассивной, значительно активизировалась на рубеже 1990–2000-х гг. с целью повышения японского экономического и политического присутствия на Ближнем Востоке.

Министерство иностранных дел Японии определяет Ближний Восток как регион, который простирается от Памира на востоке до Атлантического океана на западе, от Турции на севере до Судана на юге, включающий 21 государство [5], что соотносится с термином «Большой Ближний Восток», введенным в оборот интеллектуальной и политической элитой США в начале 2000-х гг. «Новая ближневосточная политика» Японии была сформулирована в начале 2001 г. и получила развитие в 2000-е гг.

Ввиду того, что данное направление внешней политики Японии является довольно молодым, проблемы его формирования и реализации пока не достаточно освещены в научной литературе, хотя и

привлекают внимание исследователей. В Республике Беларусь данная проблема изучается впервые. Японские авторы (Акифуми Икеда [12] и Йошики Хатанака [11]) характеризуют «новую ближневосточную политику» как один из примеров возрастающей роли Японии в современной системе международных отношений, акцентируют внимание на основных инструментах реализации региональной политики Японии — оказании финансовой и гуманитарной помощи государствам Ближнего Востока, участии Японии в региональных экономических проектах. Израильские исследователи (Рахель Шаул [18]) подчеркивают наличие совпадающих экономических интересов Японии и государств Ближнего Востока, которые традиционно формировали основу ближневосточной политики Японии. В работах американских авторов (Дэниэль Вагнер [21] и Джонатан Ринхольд [17]) присутствует несколько иной подход: они подчеркивают преобладание «арабского фактора» — влияния арабских государств (особенно экспортеров энергетических ресурсов) на формирование и реализацию политики Японии в регионе.

В настоящее время, в связи с активизацией политики Японии на Ближнем Востоке, представляется актуальным проанализировать основные аспекты ее формирования и развития, что является целью данной статьи. Задачи исследования — выявить причины принятия Японией политики в отношении Ближнего Востока в начале XXI в., охарактеризовать сущность «новой ближневосточной политики» Японии, ключевые направления,

Международные отношения и внешняя политика

инструменты и проблемы ее реализации в 2000-е гг. Основными источниками являются Синие книги по дипломатии Японии [5–9], выступления и заявления премьер-министров и министров иностранных дел Японии [10; 15; 16; 19], коммюнике по итогам встреч на высоком и высшем уровнях [13; 14; 20].

Необходимость разработки новых подходов к формированию и реализации политики Японии на Ближнем Востоке была признана руководством государства в 1990-е гг. под воздействием ряда внешних и внутривосточных факторов. Можно выделить две основные причины принятия Японией «новой ближневосточной политики».

Первой причиной, способствовавшей пересмотру японским правительством политического курса в регионе, стала проблема обеспечения энергетической безопасности государства. Ближневосточный конфликт или другие проявления нестабильности в регионе влияют на безопасность поставок нефти в Японию, что в свою очередь может привести к катастрофическим последствиям для японской экономики. Во второй половине XX в. Япония оказалась в зависимости от поставок энергоресурсов с Ближнего Востока, такое положение в большей степени сохранилось и в настоящее время. Так, в 1973 г. доля ближневосточной нефти в импорте Японии составляла 77,4 %; к 1995 г. эта цифра выросла до 78,6 % от общего объема импортируемой нефти; в 2006 г. Япония импортировала с Ближнего Востока 89,2 % нефти [1]. В 2012 г. доля импорта нефти и нефтепродуктов из государств Ближнего Востока составляла 84 % всех поставок энергетических ресурсов и покрывала около 55 % потребностей Японии в энергоносителях [1]. Таким образом, подход Японии к формированию политики на Ближнем Востоке определяется высокой зависимостью японской экономики от поставок нефти из этого региона. Сохранение стабильности на Ближнем Востоке является весьма важным вопросом для японского государства, что обусловило активизацию участия в урегулировании конфликтов и стабилизации на Ближнем Востоке в 2000-е гг.

Второй причиной принятия Японией «новой ближневосточной политики» являются внутривосточные изменения в государстве. Доминирование Либерально-демократической партии (ЛДП), которая была правящей в Японии с 1955 г., закончилось в 1993 г. [2]. 6 августа 1993 г. на выборах в парламент победу одержала оппозиционная коалиция, состоящая из семи партий и одного политического объединения — так называемая Новая партия Японии. Новый премьер-министр М. Хосокава в целом сохранил преемственность внешнеполитического курса ЛДП, однако в некоторых вопросах были расставлены новые акценты [18]. Одним из них стало изменение политической линии Японии на Ближнем Востоке.

В январе 1999 г. министр иностранных дел Японии К. Масахико посетил ряд ближневосточных государств: Египет, Ливан, Сирию, Иорданию, Израиль и управляемые Палестинской национальной администрацией территории Западного берега реки Иордан и сектора Газа [10]. В ходе этого визита министр иностранных дел Японии выступил перед Па-

лестинским советом с докладом «Строительство нового моста между Японией и Ближним Востоком в XXI в.», в котором подчеркнул, что Ближний Восток имеет жизненно важное значение для процветания Японии и всей Восточной Азии [5]. В докладе К. Масахико связал мир и стабильное развитие региона непосредственно с национальными интересами Японии. В этом же документе были обозначены три столпа будущей японской политики на Ближнем Востоке: активизация политического диалога между Японией и исламским миром; укрепление мер доверия как между Японией и арабскими странами, так и между Израилем и государствами региона; активное содействие многостороннему сотрудничеству в целях устойчивого экономического развития [5].

В Синей книге по дипломатии Японии 2000 г. в главе «Региональные события» содержалась специальная часть, посвященная Ближнему Востоку [5]. В ней регион определен как жизненно важный для Японии с точки зрения обеспечения стабильного снабжения энергетическими ресурсами, при этом государственное руководство декларировало, что Япония намерена принимать активное участие в обеспечении мира и стабильности на Ближнем Востоке [5]. В январе 2001 г. министр иностранных дел Ё. Коно заявил о «новой политике Японии в отношении стран Персидского залива и Ближнего Востока в XXI в.» [15], что следует считать формальным провозглашением «новой ближневосточной политики» Японии, которая активно развивалась в 2000-е гг.

В ближневосточной политике Японии можно выделить несколько основных направлений. Имея антивоенную Конституцию, Япония продвигает в регионе дипломатические и мирные инициативы, направленные на урегулирование конфликтов и послевоенное восстановление государств. В 2000-е гг. в рамках «новой ближневосточной политики» Япония принимала участие в работе международных миссий в Афганистане и Ираке, выступала координатором некоторых проектов, направленных на формирование мер доверия и развитие экономического сотрудничества между Израилем, Иорданией и Палестиной.

После террористических актов 11 сентября 2001 г. правительство Дз. Коидзуми безоговорочно поддержало США в борьбе с международным терроризмом, и 29 октября 2001 г. правительство Японии приняло «антитеррористический пакет», который позволил японским военным осуществлять снабжение, транспортное и техническое обслуживание войск международной коалиции в Афганистане (за исключением поставок оружия и боеприпасов), а также проводить поисково-спасательные мероприятия [6]. При решении проблемы афганского урегулирования был активно задействован традиционный и основной японский внешнеполитический инструмент — оказание финансовой помощи. Япония взяла на себя роль координатора международных усилий по восстановлению Афганистана. Советник посольства Японии в Брюсселе Х. Ямай заявил: «Наше содействие Афганистану сосредоточено на обеспечении безопасности и развития.

В этом можно убедиться по тому, как мы определяем приоритеты в области инфраструктуры и безопасности гражданского населения» [3]. Япония оказала гуманитарную помощь Афганистану в размере 401 млн долл. США; на организацию институтов управления в Афганистане Япония выделила 299 млн долл. США, на реорганизацию сектора безопасности — 679 млн долл. США, восстановление инфраструктуры — 1 109 млн долл. США [3]. Япония стала вторым после США государством — донором Афганистана, что сделало ее активным участником афганского урегулирования.

Одним из наиболее важных направлений деятельности Японии в Афганистане стало участие в проектах Групп восстановления провинций (ГВП), реализуемых Международными силами содействия безопасности (ISAF). Япония осуществляла функции координатора в ГВП, действовавшей в районе Чагчаран. Японским правительством было обеспечено финансирование ремонта и строительства 33 школ, рынка, больницы, трех гидроэнергетических систем, двух общественных центров, водохранилища и убежища от природных бедствий. Япония участвовала и в других ГВП, действовавших по всей стране, в рамках которых осуществлялся 61 региональный проект [3].

Вторым примером активной деятельности Японии по урегулированию конфликтов следует считать участие Сил самообороны Японии в миротворческой миссии в Ираке и оказание помощи в восстановлении страны. Япония выделила финансовую помощь в размере 5 млрд долл. США на восстановление Ирака [13]. Для более активного участия Японии в стабилизации в Ираке в июле 2003 г. парламентом был принят закон о специальных мерах по поддержке гуманитарного восстановления Ирака, который позволил премьер-министру отправить в зону конфликта сухопутные силы самообороны для оказания содействия американским войскам [7]. В 2004–2009 гг. в Ираке работала группа воздушных сил самообороны Японии, которая перевозила персонал и грузы для многонациональных сил. В 2004 г. в Японии был организован семинар по оказанию поддержки в разработке Конституции Ирака, в котором участвовали 14 иракских чиновников, включая спикера Национального собрания Ирака Х. аль-Хасани [14]. По линии официальной помощи в целях развития в 2005 г. Япония спонсировала в Ираке ремонт 22 и строительство 59 школ, 32 медицинских центров первой помощи в иракских провинциях [14].

В декабре 2008 г., согласно резолюции Совета Безопасности ООН, заканчивался срок пребывания в Ираке многонациональных сил, поэтому в ноябре 2008 г. правительство Японии приняло решение завершить до конца года миссию в Ираке. 30 июня 2009 г. японские Силы самообороны были окончательно выведены из Республики Ирак. Премьер-министр Японии Т. Асо выразил готовность оказывать дальнейшую финансовую и техническую помощь Ираку. По его словам, Япония стремится к созданию долгосрочных дружественных связей с Ираком [8].

Третьим направлением реализации «новой ближневосточной политики» Японии являются усилия по урегулированию палестино-израильского конфликта. В 1990-е гг. Япония выступала одним из координаторов многосторонних проектов регионального сотрудничества, организованных в рамках переговорного процесса по урегулированию арабо-израильского конфликта. С начала 2000-х гг. основным инструментом участия Японии в урегулировании конфликта стало финансирование различных программ и выделение средств на гуманитарную помощь населению. С 1993 до 2005 г. Япония выделила более 830 млн долл. США на развитие палестинских институтов самоуправления и в качестве помощи палестинскому населению.

К одной из основных инициатив Японии в области урегулирования арабо-израильского конфликта можно отнести идею создания «Коридора мира и процветания», которая была озвучена в июле 2006 г. премьер-министром Японии Дз. Коидзуми в ходе визита в Иорданию [4]. Предложение японского правительства подразумевало строительство в долине реки Иордан сельскохозяйственно-промышленного парка под руководством Японии для восстановления взаимного доверия между Израилем, Палестиной и Иорданией, обеспечения мира и всеобщего процветания в регионе. Одним из пунктов этого плана было содействие в перевозке грузов — товаров первой необходимости — на палестинские территории. Реализация данного проекта, по мнению Т. Асо, позволила бы наладить сотрудничество Иордании с Японией и Палестинской национальной администрацией в целях оказания Палестине помощи в развитии экономики [4]. Правительство Японии неоднократно акцентировало внимание на том, что посредством экономического сотрудничества стороны смогут не только извлечь прибыль, но и восстановить взаимное доверие между Палестиной и Израилем, а также между арабским миром и Израилем. В продолжение усилий по реализации проекта «Коридор мира и процветания» в 2010 г. Япония объявила о том, что намерена расширить круг стран, поддерживающих данную инициативу, и включить в него страны Восточной Азии: Индонезию, Малайзию и Сингапур [9]. Однако, несмотря на то что Япония неоднократно подчеркивала стремление помочь возобновлению переговоров по урегулированию арабо-израильского конфликта, уровень развития политических взаимоотношений и имеющиеся экономические инструменты пока не позволяют Японии существенно воздействовать на участников конфликта.

Четвертым направлением реализации Японией «новой ближневосточной политики» являются многосторонние инициативы, направленные на организацию диалога между Японией и государствами исламского мира. Первым подобным проектом, предложенным Японией в начале 2000-х гг., стала организация специального многостороннего форума «Диалог между цивилизациями». Данный форум предполагал развитие трех основных направлений сотрудничества Японии с государствами Ближнего Востока. Во-первых, в рамках данного диалога

предусматривалось проведение семинаров, поощрение научного и кадрового обмена между университетами и молодежными организациями Японии и ближневосточных государств. Во-вторых, Япония как высокоразвитая страна выразила готовность предоставлять странам Ближнего Востока и Персидского залива технологии, необходимые для улучшения экологической ситуации. В-третьих, данная инициатива предполагала развитие широкого политического диалога между странами исламского мира и Японией с целью поддержания стабильности в регионе и обеспечения безопасных поставок энергоресурсов из Персидского залива. Таким образом, мероприятия, проводимые в рамках данного форума, точно соответствовали задачам «новой ближневосточной политики» Японии, а сам форум стал одним из инструментов ее реализации.

Важным компонентом «новой ближневосточной политики» в середине 2000-х гг. было провозглашение политики «Пояс свободы и процветания: расширение дипломатических горизонтов Японии» [19]. Данная стратегия была озвучена министром иностранных дел Японии Т. Асо в ноябре 2006 г. во время выступления на семинаре государственного Института международных проблем Японии [19]. Эта инициатива японской дипломатии направлена на укрепление в государствах свободы слова, верховенства закона, прав человека и рыночной экономики. По заявлению Т. Асо, такая политика охватит и ближневосточный регион: Япония будет оказывать поддержку тем странам региона, которые лишь недавно вступили на демократический путь. Одним из элементов этой политики является обеспечение взаимосвязи между политической стабильностью и экономическим развитием, а также сохранение культурного многообразия мира. По мнению японского руководства, такая цель может быть достигнута посредством поощрения сотрудничества в торговле и инвестиционной сфере, здравоохранении, образовании, развитии инфраструктуры и правовых процедур [19].

В марте 2011 г. японское правительство предложило еще одну инициативу по развитию отношений между исламским миром и Японией — «Диалог будущего между Японией и исламским миром», которая направлена на обсуждение и принятие мер, необходимых в долгосрочной перспективе для продвижения взаимного диалога, сотрудничества, а также для развития потенциала молодежи. Япония выразила желание оказать при необходимости поддержку ближневосточным странам в организации трудоустройства молодежи, распределении ресурсов и технологического обмена [20].

С приходом к власти нового правительства в 2012 г. политика Японии во многих областях претерпела существенные изменения. 19 марта 2012 г. премьер-министр Японии С. Абэ провел правительственное совещание, целью которого была корректировка экономической политики Японии [2]. В условиях удешевления иены в рамках новой экономической политики на совещании была поставлена задача минимизировать затраты на импортируемые энергоресурсы. На совещании было решено, что правительственная делегация посетит страны —

производители и экспортеры энергетических ресурсов и проведет переговоры по снижению цен на энергоносители. В конце апреля 2013 г. С. Абэ посетил ряд ближневосточных государств: Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты и Турецкую Республику [2]. В ходе визита С. Абэ акцентировал внимание на том, что ближневосточная политика Японии в ближайшие годы будет иметь три составляющие: «сотрудничество», «сосуществование и процветание», «терпимость и гармонию» [16]. «Сотрудничество» подразумевает вклад Японии в обеспечение стабильности на Ближнем Востоке. Япония намерена играть все более важную политическую роль в обеспечении региональной стабильности посредством сотрудничества в борьбе с терроризмом и поддержки демократизации. «Сосуществование и процветание» направлено на расширение экономических отношений Японии со странами региона за пределами энергосектора. «Терпимость и гармония» в ближневосточной политике Японии означают укрепление культурных контактов, развитие науки и образования в странах Ближнего Востока с применением японского опыта. Таким образом, в будущем Япония намерена расширять взаимовыгодные контакты со странами Ближнего Востока, выходя за пределы лишь экономических отношений, которые по большей части основаны на поставках энергоресурсов, и развивать сотрудничество в других областях.

Для успешной реализации ближневосточной политики Японии необходимо преодолеть две основные проблемы. Первая проблема заключается в сохраняющемся по сей день влиянии США на принятие ключевых решений в определении внешнеполитического курса Японии. В Японии до сих пор сильно распространено американское влияние, и глубина японо-американского сотрудничества на Ближнем Востоке привела к тесному переплетению их интересов. Распространено мнение о том, что, не обладая достаточной самостоятельностью в области определения региональной политики, Япония выступает на Ближнем Востоке лишь в роли «финансового инструмента» реализации интересов США. Соединенные Штаты, гораздо менее зависимые от поставок ближневосточных ресурсов, имеют возможность принимать более радикальные политические и экономические решения, включая применение санкций и иных мер воздействия на государства Ближнего Востока, чего Япония старается избегать. На фоне роста негативного восприятия США в странах третьего мира, в том числе и на Ближнем Востоке, существует опасность ухудшения отношений Японии с государствами региона, что в свою очередь может сказаться на стабильности поставок энергоресурсов. Преодоление этой дилеммы является одной из задач «новой ближневосточной политики» Японии, которая направлена на расширение самостоятельности действий японского государства в этом жизненно важном регионе.

Вторая проблема реализации политики Японии на Ближнем Востоке связана с необходимостью сохранения баланса в отношениях с Израилем и арабскими государствами. Израиль является важным экономическим и политическим партнером Японии

в регионе, но именно арабские страны выступают основными поставщиками энергоресурсов, поэтому любые действия Японии на Ближнем Востоке в первую очередь соотносятся с проблемой энергетической безопасности. Принятие самостоятельных политических решений в области региональной политики в совокупности с обеспечением стабильных поставок нефти являются основными задачами «новой ближневосточной политики» Японии. На Ближнем Востоке Япония стремится позиционировать себя как нейтральное государство, в равной степени развивающее отношения с Израилем и арабскими странами, реализуя собственные национальные интересы.

Таким образом, провозглашение Японией в начале XXI в. «новой ближневосточной политики» было обусловлено увеличивающейся зависимостью Японии от энергоресурсов, поставляемых с Ближнего Востока, в сочетании с внутривнутриполитическими изменениями в государстве. Данная политика предусматривала активизацию диалога между странами Ближнего Востока и Японией, развитие политического диалога и расширение экономического сотрудничества. Основным инструментом ближ-

невосточной политики Японии остается финансирование различных программ по экономическому сотрудничеству, модернизации инфраструктуры и строительству жилья, экологии, организации мер доверия и постконфликтному восстановлению государственных институтов. Ближневосточные страны все еще не рассматривают Японию в одном ряду с мировыми державами, отводя ей роль донора, а не политического партнера. Однако следует отметить и то, что Япония весьма умело пользуется данным статусом для продвижения собственных интересов и увеличения своего присутствия в регионе. Основной причиной того, что Япония не имеет реального политического влияния в регионе Ближнего Востока, является сосредоточенность правительства в основном лишь на одном факторе взаимоотношений: ближневосточная политика Японии традиционно строится на необходимости обеспечивать стабильные поставки энергоносителей в страну. Поскольку Япония пока не смогла разработать независимый сбалансированный политический курс на Ближнем Востоке, можно сделать заключение о том, что «новая ближневосточная политика» Японии все еще не реализована в полной мере.

Библиографические ссылки

1. Крупнейшие экспортеры и импортеры нефти [Электронный ресурс] // UP TRADING. URL: <http://www.uptrading.ru/main/internet_trejdjng_na_finansovyh_rynkah/informacionnyj_blok_trejderainvestora/rynok_syrya_neft_i_gaz/krupnejshie_eksportry_i_importry_nefti/> (дата обращения: 20.04.2014).
2. Табсуэ Д. Энергетическая дипломатия Абэ: визиты в Россию и на Ближний Восток в ситуации роста цен на энергоресурсы [Электронный ресурс] // inoСМИ.ru. URL: <<http://www.inosmi.ru/world/20130321/207216996.html>> (дата обращения: 20.04.2014).
3. Япония – ценный партнер в Афганистане [Электронный ресурс] // Организация Североатлантического договора. URL: <http://www.nato.int/cps/en/SID-93B22F57-3380B25A/natolive/news_72931.htm?selectedLocale=ru> (дата обращения: 20.04.2014).
4. Corridor for Peace and Prosperity [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/peaceprocess/corridor/index.html> (date of access: 20.04.2014).
5. Diplomatic Bluebook 2000 [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2000/index.html> (date of access: 20.04.2014).
6. Diplomatic Bluebook 2002 [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2002/index.html> (date of access: 20.04.2014).
7. Diplomatic Bluebook 2004 [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2004/index.html> (date of access: 20.04.2014).
8. Diplomatic Bluebook 2009 [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2009/html/index.html> (date of access: 20.04.2014).
9. Diplomatic Bluebook 2011 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2011/html/index.html> (date of access: 20.04.2014).
10. FY 1999 Seminar for Supporting the Middle East Peace Process [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <<http://www.mofa.go.jp/announce/event/2000/3/308-2.html>> (date of access: 20.04.2014).
11. Hatanaka Y. Promotion of Private Investment in the Middle East [Electronic resource] // Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs. URL: <<http://www.passia.org/seminars/99/japan/promotion.htm>> (date of access: 21.04.2014).
12. Ikeda A. Political Relations between Japan and the Middle East [Electronic resource] // Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs [Electronic resource]. URL: <<http://www.passia.org/seminars/99/japan/politicalrelation.htm>> (date of access: 21.04.2014).
13. Japan's Stance on the Peace in the Middle East [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/stance.html> (date of access: 20.04.2014).
14. Japan's Support for the Middle East Peace [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/peaceprocess/support/index.html> (date of access: 20.04.2014).
15. Policy Address by Minister for Foreign Affairs, H.E. Kono Yohei (Subtitle: Toward Multi-layered relations with the Gulf Countries) [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <<http://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/fmv0101/fmspeech.html>> (date of access: 20.04.2014).
16. Prime Minister Shinzo Abe's visit to the Middle East [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/page6e_000028.html> (date of access: 20.04.2014).

17. *Rynhold J.* Japan' cautious new activism in the Middle East: a qualitative change or more of the same? // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2002. Vol. 2 P. 245–263.
18. *Shaoul R.* Japanese Policy in the Middle East / R. Shaoul [Electronic resource] // *Palestinian Academic Society for the Study of International Affairs*. URL: <<http://www.passia.org/seminars/99/japan/jpolicy.htm>> (date of access: 21.04.2014).
19. Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs on the Occasion of the Japan Institute of International Affairs Seminar «Arc of Freedom and Prosperity: Japan's Expanding Diplomatic Horizons» [Electronic resource] // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <<http://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0611.html>> (date of access: 20.04.2014).
20. The Youth Exchange Session of the Seminar on «The Dialogue among Civilizations» between Japan and the Islamic World [Electronic resource] // *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/forum/seminar1001.html> (date of access: 20.04.2014).
21. *Wagner D., Cafiero G.* Japan's Influence in the Middle East [Electronic resource] // *The Huffington Post*. URL: <http://www.huffingtonpost.com/daniel-wagner/japans-influence-in-the-m_b_4159850.html> (date of access: 21.04.2014).

Статья поступила в редакцию 7 июля 2014 г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Бабкина Е. В. Правовое регулирование договоров агентирования и дистрибуции в европейском праве

Довгань Е. Ф. Роль международных организаций в урегулировании конфликта в Украине

Лепешков Ю. А. Правовые аспекты межгосударственного сотрудничества в сфере охраны и рационального использования водных ресурсов на пространстве СНГ

Лукина Л. С. Правовое регулирование национального режима в соглашениях, принятых в рамках ВТО, его толкование при рассмотрении торговых споров

АВТОРЫ

Бабкина Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Довгань Елена Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Лепешков Юрий Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Лукина Лариса Сергеевна – старший преподаватель кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРОВ АГЕНТИРОВАНИЯ И ДИСТРИБЬЮЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВЕ

Е. В. Бабкина

В статье анализируются новеллы правового регулирования договоров, направленных на развитие товарно-сбытовой сети, в европейском праве. Делаются предложения по разработке отечественного законодательства и даются рекомендации белорусским субъектам хозяйствования, вступающим в договорные отношения с иностранными контрагентами.

Novellas in the European law legal regulation of agreements directed at development of the sales and distribution network are analyzed. Proposals on development of domestic legislation are made; recommendations to Belarusian entities entering into contract relations with foreign counterparts are given.

Ключевые слова: агентский договор, гармонизация, дистрибьюторский договор, защита слабой стороны в договоре.

Keywords: contract of agency service, harmonization, distribution agreement, protection of the weaker party to the contract.

Отсутствие специального правового регулирования договоров агентирования и дистрибьюции в Республике Беларусь делает недостаточно актуальными научные исследования современных мировых и региональных тенденций развития правового регулирования данного вида договоров, направленных на развитие сбыта. Среди представителей отечественной доктрины необходимо назвать Ю. Н. Кудрявец [1], Ю. С. Борель [2], Я. И. Функа [3–6]. Целью настоящей статьи является выявление современных тенденций материально-правового регулирования договоров дистрибьюции и агентирования в европейском регионе посредством как норм прямого действия, так и норм саморегулирования.

Конвенция Бенилюкс от 26 ноября 1973 г. относительно агентских соглашений ратифицирована только Бельгией и Нидерландами, поэтому в силу не вступила. Конвенция регулирует внутренние отношения агентирования, дает определение договора как длящегося обязательства, по которому одно лицо совершает фактические и юридические действия для другого лица. Конвенция не предусматривает регулирования всех аспектов договора агентирования, но следует признать, что она внесла свой вклад в разработку регулирования агентского договора посредством коммунитарного права.

Комплексное регулирование агентского соглашения на региональном уровне имеет место в Директиве Совета ЕС 1986 г. № 86/653 о координации законодательства государств-членов относительно независимых торговых агентов [9] (далее — Директива ЕС 1986 г.). Директива ЕС 1986 г. содержит унифицирующие нормы относительно внутренних отношений коммерческого представительства (агент — принципал). Являясь источником вторичного права непрямого действия, директива предусматривает срок, до которого государства должны имплементировать ее положения во внутреннее законодательство — 1 января 1990 г. (для Ирландии и Великобритании срок продлен до 1 января 2014 г.).

Анализ положений Директивы ЕС 1986 г. позволяет сделать следующие выводы:

I. Европейское право исходит из узкого понимания коммерческого агентирования (агент — лицо, действующее от имени принципала, осуществляю-

щее в интересах последнего фактические и юридические действия).

II. Агентирование применяется только в коммерческой деятельности.

III. Агент рассматривается законодателем в качестве слабой стороны. Европейское регулирование предусматривает большое количество сверхимперативных норм, направленных на защиту последнего:

1) устанавливается специфическое вознаграждение агента по прекращению контракта не по вине или инициативе агента, размер которого не превышает его среднегодового комиссионного вознаграждения, исчисленное за последние пять лет. Цель такого вознаграждения — компенсировать отсутствие комиссионного вознаграждения агента в первый год/годы деятельности агента;

2) для договоров, заключенных на неопределенный срок, устанавливаются дифференцированные сроки на уведомление, по истечении которых договор может быть расторгнут (от 1 до 6 месяцев). Продолжительность сроков на уведомление зависит от продолжительности действия агентского договора. Эти минимальные сроки могут быть увеличены по соглашению сторон, но не могут быть уменьшены в ущерб интересам агента;

3) агент получает право на вознаграждение со сделок, заключенных после прекращения агентского соглашения, при наличии одного из следующих условий: если сделка в основном связана с деятельностью агента во время действия агентского соглашения и заключена в разумный срок после прекращения действия агентского соглашения или если заказ третьего лица был получен принципалом или агентом до прекращения срока действия агентского соглашения;

4) комиссионное вознаграждение подлежит выплате не позже последнего дня месяца, следующего за кварталом, в течение которого у агента возникло право на вознаграждение. При этом в директиве подчеркивается, что стороны не могут своим соглашением изменить данные положения в ущерб интересам агента;

5) обязанность агента воздержаться от действий, которые могли бы рассматриваться как конкуренция по отношению к принципалу (оговорка

Международное публичное, международное частное и европейское право

о неконкуренции), действительна только при соблюдении следующих условий:

- а) наличие письменной формы;
- б) ее действие ограничено определенным географическим районом или определенной группой лиц, закрепленных за агентом, в отношении которых он должен осуществлять представительство в рамках агентского соглашения, а также если соглашение касается товаров, охваченных агентским соглашением;
- в) ограничен возможный срок действия указанной оговорки двумя годами после прекращения агентского соглашения.

Следует отметить, что разработчики европейского частного права, характеризующегося особой стабильностью, систематически задаются вопросом о его актуальности, прогрессивности, адекватности объективным реалиям и уровню имплементации в государствах-членах. Так, применение Директивы ЕС 1986 г. было подвергнуто анализу в представленном Комиссией 23 июля 1996 г. Докладе о применении статьи 17 Директивы о координации законодательства государств-членов относительно независимых торговых агентов [12]. Статья 17 Директивы устанавливает право агента на получение особого вознаграждения после прекращения договора не по вине и не по инициативе агента. Дело в том, что Директива использует компромиссный вариант: государства-члены, имплементируя ее положения в национальное право, имеют право выбора между двумя системами — немецкой (системой выплаты специфического вознаграждения) и французской (системы компенсации понесенных убытков). Данный документ разрабатывался Комиссией на основе ответов на опросники, направленные различным, в том числе некоммерческим, организациям, представляющим интересы как агентов, так и принципалов, международным и национальным федерациям агентов и промышленников, торговым палатам, а также государственным органам.

Доклад проводит различия между двумя формами специфического вознаграждения, разъясняет правовые основы обеих конструкций, условия получения агентом соответствующего права, приводит некоторую национальную судебную практику. Например, в отчете подчеркивается, что такое условие получения вознаграждения за приобретенную клиентуру, как получение принципалом существенной прибыли от приобретенной и/или развитой агентом клиентуры, применимо и к последствиям продажи принципалом своего предприятия, т. е. покупатель также должен получать прибыль от клиентуры агента. Доклад детально рассматривает методику подсчета такого вознаграждения:

1) идентификация новой клиентуры и оценка развития агентом ранее существовавшей клиентуры принципала, подсчет среднегодового комиссионного вознаграждения агента;

2) оценка с учетом ситуации на рынке в целом и в конкретном секторе на дату прекращения договора вероятной продолжительности существенной прибыли, которую принципал будет получать от данной клиентуры. Факт снижения продаж после прекращения агентского договора не влечет ав-

томатически отказа или снижения размера специфического вознаграждения агента, так как он может быть следствием снижения качества товара, а также развития конкуренции. Обычно подразумевается получение принципалом прибыли в течение 2—3, иногда до 5 лет;

3) оценка скорости миграции клиентуры, которая рассчитывается как процент от ежегодного комиссионного вознаграждения с учетом конкретных обстоятельств. В одном из решений Верховного суда Германии естественная убыль продаж постоянной клиентуре была оценена в 38 %;

4) подлежат учету доходы, полученные заранее;

5) анализируются следующие обстоятельства:

а) продолжает ли агент оказывать услуги другому принципалу,

б) наличие вины агента,

в) уровень вознаграждения агента,

г) снижение продаж принципала,

д) важность преимуществ, получаемых принципалом,

е) перечисление принципалом взносов в пенсионный фонд,

ж) существование в агентском договоре оговорки о неконкуренции, наличие которой повышает размер вознаграждения агента;

б) устанавливается порог в размере среднегодового вознаграждения агента, исчисленного за последние пять лет. Вознаграждение включает не только комиссионное вознаграждение, но и все выплаты агенту как от новой клиентуры, так и от прежней клиентуры принципала, развитой агентом.

25 июля 2014 г. Комиссия опубликовала новое обращение к широкой общественности с вопросом о целесообразности внесения изменений в Директиву ЕС 1986 г. [11]. Цель — определить оценку Директивы ЕС 1986 г. на предмет ее результативности, эффективности, актуальности, последовательности и соответствия новым ценностям ЕС. Для реализации принципа транспарентности заинтересованным гражданам и организациям рекомендуется зарегистрироваться на сайте. Определяется срок для представления соответствующей информации. Все сказанное выше позволяет сделать вывод об инклюзивности европейского частного права, его ориентации на участие сторон правоотношений в нормотворческой деятельности, сотрудничестве законодателя и участников правоотношений.

Комплексного правового регулирования дистрибуторства на уровне вторичного права ЕС не существует. Регулирование в отношении данного вида обязательства носит фрагментарный характер. В частности, в вопросе о возможности определения территории действия дистрибуторского соглашения как условия, ограничивающего конкуренцию, применяются положения регламента Комиссии от 20 апреля 2010 г. по применению статьи 101(3) Договора о функционировании Европейского союза по категориям вертикальных соглашений и практик № 330/2010 [8] и Руководство по вертикальным ограничениям, являющееся приложением к регламенту 330/2010 [7].

Дистрибуторские соглашения подпадают под антимонопольный запрет, если стороной договора

является объединение юридических лиц, годовой оборот члена которого превышает 50 млн евро или доля на рынке стороны договора превышает 30 %.

Кроме того, запрещены следующие условия дистрибьюторского договора:

1) установление фиксированных или минимальных перепродажных цен, но разрешаются максимальные или рекомендованные цены;

2) ограничение территории реализации товара. При этом разрешаются ограничения, связанные с определением места размещения дистрибьютора, а также с функционированием системы эксклюзивной и селективной дистрибуции;

3) ограничение на активные и пассивные продажи конечным потребителям, перекрестные продажи между участниками одной сети дистрибуции и т. д.

Для регионального регулирования договоров, направленных на развитие сбыта, большое значение имеет такая форма сближения права, как гармонизация, в том числе неофициальная. Одной из форм неофициальной гармонизации является разработка проекта *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference (DCFR)* – «Принципы, определения и модельные правила европейского частного права. Проект общей справочной схемы» [10] (далее – Принципы европейского частного права, Принципы), который в несколько измененном виде инкорпорировал Принципы европейского договорного права (*Principles of European Contract Law 2002 г.* [13]). По идее разработчиков, задача Принципов – наглядно подтвердить факт существования европейского частного права и продемонстрировать относитель-

но малое число случаев, в которых различные порядки дают принципиально различные ответы на общие вопросы. Цель – способствовать оптимальному решению проблем частного права посредством обращения к правотворческим органам, «отвечающим за модернизацию национального законодательства в области договорного права», а также к правоприменительным органам как на национальном уровне, так и в масштабах всего Сообщества и за его пределами, что должно способствовать «гармоничной европеизации частного права».

Анализ Принципов позволяет сделать вывод о распространении европейской защиты агента и на дистрибьютора. Так, к обоим договорам предъявляется требование предварительного уведомления о прекращении договора, заключенного на неопределенный срок (продолжительность срока на уведомление зависит от срока действия договора), а также выплаты вознаграждения за приобретенную клиентуру. Большинство положений Директивы ЕС 1986 г. взято за основу регулирования Принципами агентского договора, некоторые нормы уточнены, конкретизированы и дополнены. Так, добавлены положения о преддоговорных спорах, конкретизирована обязанность информирования, в том числе об ожидаемом снижении объема поставок, уточнены положения о расчете вознаграждения за приобретенную клиентуру и т. д. Еще более значительна роль Принципов в деле гармонизации правового регулирования и правоприменения в сфере дистрибуции, поскольку только единичные государства имеют во внутреннем праве нормы об этом виде договорных обязательств.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Ввести в отечественное гражданское право нормы о регулировании договоров агентирования и дистрибуции, основанные на подходе европейского права, не учитывая подход российского законодателя, который включает в предмет агентского договора деятельность не только предпринимательского характера, но любые действия как от имени принципала, так и от своего имени в интересах другого лица, что нивелирует специфику агентирования.

2. Предусмотреть в национальном правовом регулировании защиту агента и дистрибьютора как потенциально более слабой стороны: комиссионное вознаграждение от сделок, заключенных после прекращения договора, вознаграждение за приобретенную клиентуру, особый порядок расторжения договора, заключенного на неопределенный срок, и др.

3. Внести изменения в антимонопольное законодательство Беларуси, исключив абсолютный за-

прет на определение территории действия договора агентирования и дистрибуции, но определив условия, которые подпадают под запреты. Важность и актуальность таких изменений определяется и признанием европейского регулирования вертикальных соглашений оптимальным государствами – соседями Беларуси. Так, Постановление № 13 Совета по конкуренции Республики Молдова от 30 августа 2013 г. «Об утверждении Положения об оценке вертикальных антиконкурентных соглашений» устанавливает, что оно «воплощает положения Регламента Комиссии (ЕС) № 330/2010 от 20 апреля 2010 года о применении части (3) статьи 101 Договора о функционировании Европейского союза к категориям вертикальных соглашений и согласованным действиям». Идет работа по внесению изменений с учетом норм регламента 330/2010 в законодательство Украины.

Библиографические ссылки

1. Кудрявец Ю. Н. Способы продвижения товаров // Промышленно-торговое право. 2010. № 5. С. 14–15.
2. Степанчикова Ю. С. Дистрибьюторский договор как форма построения товарно-сбытовой сети за рубежом: правовая природа, вопросы терминологии, практика применения // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; отв. ред. Е. В. Бабкина, А. Е. Вашкевич. Минск, 2011. Вып. 2. С. 193–205.

3. *Функ Я. И.* О товаропроводящей сети белорусских организаций за рубежом (комментарий к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 24.02.2012 № 183 «Об утверждении положения о товаропроводящей сети белорусских организаций за рубежом, классификатора видов поставок товаров, подлежащих учету при осуществлении экспортных операций, и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь») [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь 3000 / ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
4. *Функ Я. И.* Обязательные условия договора с субъектом товаропроводящей сети [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь 3000 / ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
5. *Функ Я. И.* Общее понятие о видах субъектов товаропроводящей сети. Субъект товаропроводящей сети с белорусским уставным капиталом и его долей / [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
6. *Функ, Я. И.* Право международной купли-продажи товаров и торгового посредничества : в 3 кн. Минск : Дикта, 2005. Кн. 3 : Международное торговое посредничество.
7. Commission notice – Guidelines on Vertical Restraints [Electronic resource] // European Commission Law. URL: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52010SC0411>> (date of access: 01.08.2014).
8. Commission Regulation (EU) No 330/2010 of 20 April 2010 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices [Electronic resource] // European Commission Law. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/;ELX_SESSIONID=1m2JhGFpsFNTvwyvjTKQ2vD7JvnrF10nQJ15DGZJ9CHzKQWJmjC!-1887740127?uri=CELEX:32010R0330> (date of access: 01.08.2014).
9. On the Coordination of the Laws of the Member States Relating to Self-employed Commercial Agents: Council Directive 86/653/EEC of 18 December 1986 [Electronic resource] // European Commission Law. URL: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:31986L0653&from=EN>> (date of access: 01.08.2014).
10. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of reference (DCFR) [Electronic resource] // <<http://www.twirpx.com/file/1310195>> (date of access: 21.08.2014).
11. Public consultation on the Evaluation of the Commercial Agents Directive (86/653/EEC) [Electronic resource] // European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/internal_market/consultations/2014/commercial-agents-directive/index_en.htm> (date of access: 20.08.2014).
12. Rapport sur l'application de l'article 17 de la directive du Conseil relative a la coordination des droits des etats Membres concernant les agents commerciaux independants (86/653/CEE), COM(96) 364 final [Electronic resource] // European Commission Law. URL: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:51996DC0364&from=EN>> (date of access: 01.08.2014).
13. The Principles of European Contract Law 2002 (Parts I, II, and III) [Electronic resource] // International Contracts: Contracts & Documents Ready to Download. URL: <<http://www.internationalcontracts.net/international-law-documents/Principles-of-European-Contract-Law.pdf>> (date of access: 20.08.2014).

Статья поступила в редакцию 8 сентября 2014 г.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТА В УКРАИНЕ

Е. Ф. Довгань

В настоящей статье на основе анализа действий, предпринятых ООН и региональными организациями для предотвращения усугубления и урегулирования конфликта в Украине, выявляется специфика методов, применяемых каждой из них, дается оценка их деятельности в области предотвращения и урегулирования конфликтов и разработаны предложения по повышению эффективности такой деятельности.

On the basis of analysis of activities undertaken by the UN and regional organizations in order to prevent deterioration and settlement of the conflict in Ukraine the specificity of applied methods is identified in the article. Assessment of the organizations' activities in prevention and settlement of the conflict areas is given. Proposals to increase effectiveness of such activities are developed.

Ключевые слова: поддержание мира и безопасности, международные организации, конфликт в Украине, ООН, ОБСЕ, Совет Европы, Европейский союз, НАТО, ОДКБ.

Keywords: maintenance of peace and security, international organizations, conflict in Ukraine, UN, OSCE, the Council of Europe, European Union, NATO, CSTO.

В настоящее время помимо Совета Безопасности ООН, который несет согласно ст. 24 Устава ООН главную ответственность в области поддержания международного мира и безопасности [20, с. 14], иные органы ООН, а также большое число региональных организаций все активнее принимают меры, направленные на предотвращение и урегулирование конфликтов, укрепление доверия и безопасности, борьбу с современными вызовами и угрозами.

Конфликт в Украине находится в центре внимания мирового сообщества и, несмотря на предпринимаемые усилия, все еще усугубляется. В последнее время даже Международный комитет Красного Креста говорит о нем, как о войне [80]. Представляется возможным рассматривать данный конфликт в качестве индикатора для оценки эффективности деятельности международных организаций в области предотвращения и урегулирования межгосударственных и внутригосударственных конфликтов.

Данный вопрос непосредственно не становился предметом исследования в правовой литературе. Имеется большое число работ, посвященных правовой природе, механизмам и последствиям применения принудительных мер международными организациями (Т. Н. Нешатаева [10], П. В. Чиков (Российская Федерация) [23], Дж. М. Фаррал (Великобритания) [39], Й. А. Фровайн (Германия) [40], Дж. Спарроу [58]) и оценке их применения в конкретных, но довольно давних конфликтах (М. Акехурст (Великобритания) [25], А. Эйде (Норвегия) [34]). Большое число исследований посвящено и деятельности региональных организаций коллективной безопасности, например НАТО — Р. Ш. Гарипова (Россия) [3], Ю. Н. Жданов (Россия) [5], В. Н. Фисенко (Беларусь) [22], ОБСЕ — публикации Центра по изучению ОБСЕ (Гамбург) [38]. Вместе с тем многие из указанных работ имеют политологическую направленность либо касаются общетеоретических вопросов и не исследуют роль международных организаций в разрешении конкретных конфликтов с правовой точки зрения. Таким образом, анализ и оценка роли международных органи-

заций в урегулировании конфликта в Украине являются своевременными и актуальными.

Конфликт в Украине, как и подавляющее число иных внутригосударственных конфликтов, затрагивает целый ряд вопросов, требующих международно-правовой квалификации, например соотношение территориальной целостности и права на самоопределение, наличие критериев для признания самопровозглашенных образований (Донецкая народная республика (далее — ДНР) и Луганская народная республика (далее — ЛНР)) или результатов референдума в Крыму и включения Крыма в состав Российской Федерации, наличие или отсутствие фактов применения силы и борьбы с международным терроризмом, применимость норм международного гуманитарного права. При этом, как это часто случается, вовлеченные стороны высказывают диаметрально противоположные точки зрения на события, ссылаясь на нарушение императивных норм международного права оппонентом (например, применение силы Россией в Крыму, угроза применения силы ею на юго-востоке Украины и вмешательство во внутренние дела Украины — по мнению Украины; нарушение прав национальных меньшинств Украиной в Крыму, ведение военных действий против собственного населения, нарушение права на самоопределение жителей юго-востока Украины, государственный переворот в Украине — по заявлениям Российской Федерации) и необходимость защиты высших ценностей, таких как права человека, включая осуществление права на самоопределение различными категориями населения, необходимость борьбы с международным терроризмом (в различных ситуациях заявляется и Российской Федерацией, и Украиной) для обоснования своей позиции. Указанные заявления неоднократно делались на заседаниях Совета Безопасности ООН (например, заседание 7125 от 03.03.2014 г. [17]).

Следует отметить, что конфликт в Украине вовлекает значительное число акторов: правительство Украины, ЛНР, ДНР, Российская Федерация. Поэтому сам конфликт и его оценка не должны ограничиваться проблемой статуса и территориальной

Международное публичное, международное частное и европейское право

принадлежности Крыма, но включать также происходящий в настоящее время конфликт на юго-востоке Украины, в том числе события, связанные с крушением пассажирского малайзийского лайнера — «Боинг 777». С учетом указанных обстоятельств и должна анализироваться и оцениваться и роль международных организаций.

Совет Безопасности ООН с 01.03.2014 г., неоднократно рассматривал ситуацию в Украине по запросу как Украины (письмо от 28.02.2014 г. [15]), так и Российской Федерации (письмо от 13.04.2014 г. [14]). В частности, проблема Крыма поднималась на заседаниях 1.03.2014 г. (заседание 7124 [81]), 3.03.2014 г. (заседание 7125 [17]), 13.03.2014 г. (заседание 7134 [45]), 19.03.2014 г. (заседание 7144 [86]). Ситуация в Украине в целом, равно как проблема соблюдения прав человека на ее территории, рассматривалась Советом Безопасности ООН 13.04.2014 г. (заседание 7154 [79]), 16.04.2014 г. (заседание 7157 [26]), 24.06.2014 г. (заседание 7205 [44]); действия повстанцев в юго-восточной части Украины — 29.04.2014 г. (заседание 7165 [35]), 2.05.2014 г. (заседание 7167 [33]), 28.05.2014 г. (заседание 7185 [49]), 24.06.2014 г. (заседание 7205 [44]); крушение «Боинга 777» — 18.07.2014 г. (заседание 7219 [56]), 21.07.2014 г. (заседание 7221 [57]).

Следует отметить, что по ситуации в Украине Совет Безопасности ООН принял единственную резолюцию 2166(2014) от 21.07.2014 г., в которой он призывает провести расследование катастрофы «Боинга 777» (п. 3) и требует создать условия для проведения такого расследования (п. 6–7) [16]. Интересно также, что Совет весьма осторожно действовал и в части оценки ситуации. Так, он даже не предпринял попытки определить, имеет ли место спор между Украиной и Россией относительно ситуации в Крыму, что предотвратило бы в случае установления факта существования спора применение вето со стороны России согласно ст. 27 (3) Устава ООН в части применения мирных средств разрешения споров. Это позволило бы учредить, например, миссию по установлению фактов, поскольку приводимая сторонами информация весьма противоречива.

Генеральная Ассамблея ООН 27.03.2014 г. приняла резолюцию 68/262, призывающую государства не признавать результаты референдума в Крыму, равно как переход Крыма и Севастополя к Российской Федерации [19]. Вместе с тем возникают сомнения относительно правовой силы данной резолюции. За ее принятие проголосовали 100 государств, против — 11, воздержались — 58 [47]. Формально это соответствует требованиям ст. 18(2) Устава ООН, согласно которой для принятия резолюций в области поддержания международного мира и безопасности необходимо большинство в две трети голосов, поскольку согласно п. 86 [126] Правил процедуры Генеральной Ассамблеи, присутствующими и участвующими в голосованиях считаются только те государства, которые голосовали «за» или «против». Вместе с тем с учетом воздержавшихся, т. е. присутствовавших и совершивших активные действия (нажавших на кнопку) государств лишь 59 % высказались за ее принятие. Результаты

голосования, таким образом, не могут рассматриваться даже в качестве *opinio juris*, подкрепляющего существование или формирование соответствующего международного обычая.

Большое количество заявлений по ситуации в Крыму было сделано и Генеральным секретарем ООН. В частности, он осудил деятельность неидентифицированных вооруженных групп в Луганске и Донецке (заявления от 2.05.2014 г. [59], 7.07.2014 г. [84]), насилие (заявление от 3.05.2014 г. [60]), захват группы военных наблюдателей ОБСЕ (заявление от 28.04.2014 г. [66]), тот факт, что украинский военный самолет был сбит (заявление от 14.06.2014 г. [61]). Генеральный секретарь ООН приветствует продолжение периода прекращения огня (заявление от 28.06.2014 г. [31]), усилия по деэскалации конфликта либо его предотвращению (заявление 27.06.2014 г. [62]) и переговоры в Женеве (заявление от 17.04.2014 г. [63]). Он также выражает обеспокоенность насилием в Киеве (заявления от 20.01.2014 г. [67], 18.02.2014 г. [68], 19.02.2014 г. [69]), ситуацией в Крыму (заявления от 01.03.2014 г. [70] 17.03.2014 г. [64]) и на юго-востоке Украины (заявления от 12.04.2014 г. [71], 24.04.2014 г. [65]). Следует отметить, что указанные заявления не содержат международно-правовой оценки, носят в первую очередь политический характер и не предлагают мер по урегулированию ситуации.

Определенные усилия предпринимались и офисом верховного комиссара по правам человека (далее — ОВКПЧ). Так, в марте была учреждена миссия по наблюдению за ситуацией в Украине, которая с тех пор ежемесячно представляет отчеты (15.04.2014 г. [51], 15.05.2014 г. [52], 15.06.2014 г. [53]). Сам верховный комиссар по правам человека неоднократно делал заявления о необходимости уважать верховенство права, соблюдать в полной мере права человека (заявление от 6.05.2014 г. [83]), призывал к прекращению насилия, а также осуждал вооруженные формирования в ДНР и ЛНР за нарушение прав человека и создание угрозы гражданскому населению (заявление от 4.07.2014 г. [85]).

Региональные организации, вовлеченные в поддержание международного мира и безопасности, действовали в рассматриваемой ситуации по-разному. Так, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее — ОБСЕ) предпринимала и предпринимает усилия по урегулированию различных аспектов конфликта. Например, 28.02.2014 г. был назначен специальный уполномоченный по Украине, который неоднократно посещал страну, проводил и проводит двусторонние переговоры с вовлеченными в конфликт сторонами; с 20.03 по 30.04.2014 г. действовала программа национального диалога; с 5 по 12.03.2014 г. были организованы миссии военных наблюдателей, а в апреле 2014 г. осуществлялись запросы о консультациях и сотрудничестве в отношении необычной военной деятельности в рамках Венского документа 2011 г.; в марте 2014 г. была учреждена и продолжает действовать до настоящего момента миссия военных наблюдателей; с 18.03 по 12.05.2014 г. в сотрудничестве с верховным комиссаром ОБСЕ по национальным меньшинствам действовала миссия по оценке

состояния в области прав человека; с 20.03.2014 г. по 26.05.2014 г. функционировала миссия по наблюдению за президентскими выборами. Высшие должностные лица ОБСЕ, включая верховного комиссара по национальным меньшинствам и представителя по свободе прессы, посещали Украину. Генеральный секретарь ОБСЕ Л. Заньер неоднократно призывал стороны к урегулированию конфликта и способствовал установлению контактов между сторонами. На основании решения Постоянного совета ОБСЕ № 1117 от 21.03.2014 г. учреждена специальная миссия наблюдателей, действующая до настоящего времени [32]. ОБСЕ также вместе с Российской Федерацией и Украиной входит в состав трехсторонней контактной группы по Украине [48]. Урегулирование конфликта в Украине было включено и в повестку для ежегодной конференции ОБСЕ по вопросам безопасности (24.06.2014 г.), которая предоставила площадку для налаживания диалога между сторонами конфликта [76; 78]. 18.07.2014 г. Постоянный совет ОБСЕ принял декларацию, призывающую исследовать причины крушения «Боинга 777» (п. 4), призвал все стороны к перемирию и прекращению конфликта в восточной Украине (п. 1) [30].

Деятельность Совета Европы носит более ограниченный характер. Так, 23.01.2014 г. была принята резолюция, в которой отмечалась неблагоприятная ситуация в отношении демократии в Украине и были введены санкции против ряда украинских чиновников [82]. Осудив применение Российской Федерацией силы в Крыму и оккупацию ею территории Крыма, равно как угрозу применения силы в юго-восточной части Украины, Парламентская ассамблея Совета Европы (далее — ПАСЕ) 01.03.2014 г. большинством голосов (145 — за, 21 — против, 22 — воздержались [87]) приостановила право голоса России в ПАСЕ до конца сессии 2014 г. (резолюция 1990 (2014), п. 15 [50]). ПАСЕ также не признала результаты референдума в Крыму; заявила о том, что действия России создают угрозу безопасности и стабильности в Европе (п. 3, 6); осудила ссылки на нарушения прав национальных меньшинств в Крыму со стороны России (п. 8.), нарушение ею суверенитета и территориальной целостности Украины (п. 13). Совет Европы также выражает свою поддержку сохранению унитарного статуса Украины (заявление Генерального секретаря от 30.04.2014 г. [27]).

Схожую позицию демонстрирует и Европейский союз. Он прекратил переговоры с Российской Федерацией по визовым вопросам и провозгласил 06.03.2014 г. свою готовность приостановить участие в Большой восьмерке вплоть до урегулирования ситуации (заявление глав государств и правительств от 6.03.2014) [74]. Европейский союз не признал результаты референдума в Крыму (заявление верховного представителя по внешней политике и политике безопасности от 12.05.2014 г. [46]), осудил присоединение Крыма к России, а также ухудшающуюся ситуацию с соблюдением прав человека в Крыму после его присоединения (заявление глав государств и правительств от 27.05.2014 г. [73]). Выражая приверженность территориальной целостности Украины, Европейский союз также запретил ввоз

него товаров из Крыма и Севастополя без украинской сертификации (выводы Европейского совета от 27.06.2014 г. [37]).

Помимо этого Европейский союз ввел санкции в отношении ряда лиц и организаций Украины, подозреваемых в растрате государственной собственности и нарушении прав человека (решение Совета ЕС 2014/119/CFSP от 06.03.2014 г., 014/216/CFSP от 15.04.2014 г. [54]), а также лиц и организаций Российской Федерации (решения Совета ЕС 2014/145/CFSP от 17.03.2014 г., 2014/265/CFSP от 12.05.2014 г. [54]). Европейский союз рекомендовал применять такие санкции и государствам, не являющимся его членами (Декларация от 07.07.2014 г. [29]).

Одновременно Союз предложил финансовую помощь Украине (заявление глав государств и правительств от 06.03.2014 г.), учредил группу поддержки при Европейской комиссии (09.04.2014 г. [75]) и, несмотря на продолжающийся конфликт, подписал с Украиной соглашение об ассоциации, которое касается, в том числе сотрудничества в области безопасности (раздел III) и прав человека (ст. 14) [36]. При этом заключение соглашения об ассоциации, сотрудничество в рамках данного соглашения и получение финансовой помощи не обуславливаются урегулированием конфликта или обеспечением применения норм международного гуманитарного права или прав человека в Украине, несмотря на то что отмечается необходимость урегулирования ситуации в Донбасском регионе (совместное заявление по итогам встречи на высшем уровне по Украине 08.07.2014 г., п. 4 [43]).

Европейский союз также предпринимал определенные шаги для того, чтобы наладить контакт между сторонами, например приветствуя и поддерживая деятельность ОБСЕ в данной области, оказывая финансовую помощь миссии ОБСЕ [42], принимая участие вместе с США в переговорах между Российской Федерацией и Украиной в Женеве 17.04.2014 г., закончившихся подписанием соответствующей декларации об урегулировании конфликта [6].

Ситуация в Украине неоднократно обсуждалась и в рамках НАТО, включая вопрос о возможности или необходимости применения военных мер в Украине для противодействия Российской Федерации [41]. На практике, однако, деятельность НАТО ограничилась выражением неодобрения действий России (заявление министров иностранных дел НАТО 01.04.2014 г. [72]).

Организация Договора о коллективной безопасности (далее — ОДКБ) также неоднократно обсуждала ситуацию в Украине, например на заседаниях военного комитета, Постоянного совета [11], неформальных встреч [1]; выражала готовность сотрудничать с Украиной в любой форме (заявление Генерального секретаря ОДКБ от 01.02.2014 г. [21]), призывала к диалогу и соблюдению соглашения об урегулировании от 21.02.2014 г. (заявление Генерального секретаря ОДКБ от 28.02.2014 г. [7]) и деэскалации конфликта на востоке Украины (комментарий Генерального секретаря ОДКБ от 04.06.2014 г. [8]). Следует, однако, отметить, что в отличие от евроатлантических организаций

ОДКБ не рассматривает Российскую Федерацию в качестве стороны конфликта в Украине (заявление Генерального секретаря ОДКБ от 13.03.2014 г. [13]). ОДКБ даже приостановила в связи с кризисом в Украине любые попытки наладить контакты с НАТО (заявление Генерального секретаря ОДКБ от 24.04.2014 г. [12]). Необходимо вместе с тем отметить, что и ранее, несмотря на неоднократные попытки ОДКБ начать сотрудничество с НАТО по вопросам борьбы с международным терроризмом и транснациональной организованной преступностью, такие предложения НАТО игнорировались [9; 18]. Немаловажным является тот факт, что ОДКБ неоднократно указывала, что любое военное вмешательство извне только ухудшит ситуацию в регионе (заявления Генерального секретаря ОДКБ от 10.04.2014 г. [4], 16.05.2014 г. [2]).

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы. Ситуация в Украине представляет собой яркий пример недостаточной эффективности функционирования институциональной составляющей системы коллективной безопасности.

ООН, отслеживая ситуацию в целом, не предпринимает каких-либо конкретных шагов для налаживания диалога между сторонами и их примирения. Позитивно можно оценить тот факт, что в рамках обсуждения в Совете Безопасности ООН государств имеют возможность высказаться относительно ситуации. Вместе с тем это не означает, что их позиция будет услышана. Более того, в рамках ООН не предпринимается и попыток дать правовую оценку ситуации, например в части наличия или отсутствия спора между Российской Федерацией и Украиной, что порождает возможность сведения всей многогранности происходящего в Украине только к конфликту между Россией и Украиной по поводу Крыма. В результате проблемы преступности, защиты прав человека, внутреннего вооруженного конфликта, борьбы с международным терроризмом и проч. остаются без внимания.

Такая «осторожность», а иногда и двойственность ООН в вопросах правовой квалификации привела к ситуации, когда все вовлеченные стороны ссылаются на необходимость защиты высших ценностей для обоснования своих действий. В частности, узкое толкование Международным судом ООН поставленного Генеральной Ассамблеей ООН вопроса о соответствии международному праву одностороннего заявления о независимости Косова в 2010 г. [24] оставляет до сих пор открытым вопрос о правовых рамках права на самоопределение. Не устраненные до настоящего времени нарушения международного права, в первую очередь прав человека, допускаемые Советом Безопасности ООН, например, при введении целевых санкций, позволяют иным акторам тоже ссылаться на допустимость нарушений международного права и прав человека, в том числе для обеспечения прав человека, что само по себе представляется абсурдным.

Недостаточной является и координация взаимодействия между Советом Безопасности ООН и региональными организациями в кризисных ситуациях. За весь период конфликта в Украине Со-

вет Безопасности ООН ни разу даже не потребовал от региональных организаций предоставлять ему информацию о планируемых и предпринимаемых для урегулирования конфликта действиях, несмотря на то что это прямо предписывается в ст. 54 Устава ООН. Правовые оценки деятельности таких организаций также не осуществлялись.

Региональными организациями в отношении кризиса в Украине были выбраны три пути реагирования. ОБСЕ, несмотря на всю критику в ее адрес в связи с отсутствием в ее рамках жестких механизмов принуждения, «мягким» характером принимаемых обязательств и широким пониманием безопасности, оказалась наиболее активной. Она сыграла и продолжает играть значимую роль в достижении урегулирования конфликта в Украине. ОБСЕ предпринимает активные шаги для отслеживания всех аспектов конфликта, делает заявления только по получению результатов инспекций или экспертных заключений, предлагает меры для урегулирования ситуации, и именно специальная миссия наблюдателей ОБСЕ названа в качестве образования, призванного играть ведущую роль в деэскалации напряжения в Женевской декларации от 17.04.2014 г.

Деятельность Совета Европы и Европейского союза носит в некоторой степени односторонний характер. Данные организации рассматривают имеющийся конфликт исключительно как кризис между Российской Федерацией и Украиной и пытаются его решить путем давления на Россию и оказания финансовой помощи Украине. Иные аспекты конфликта при этом учитываются весьма слабо. При этом в доктрине признается, что эффективность санкций международных организаций обычно довольно невысока [28; 77, р. 136–137]. На практике она часто имеет обратный эффект, вызывая нежелание соответствующего государства или иного актора сотрудничать. Например, Российская Федерация после приостановления права голоса в ПАСЕ на период заседания 2014 г. рассматривала вопрос о прекращении членства в ПАСЕ в целом [55].

ОДКБ и НАТО, единственные организации, обладающие собственными вооруженными силами, отслеживают ситуацию, призывают к урегулированию конфликта и соблюдению международного права, однако воздерживаются от вмешательства в конфликт, что в данном случае является, несомненно, позитивным фактом, поскольку препятствует большей эскалации и интернационализации конфликта.

Все это свидетельствует о том, что необходимым элементом предотвращения и урегулирования конфликтов является соблюдение международного права на всех уровнях, начиная с универсального, что снизит вероятность злоупотреблений со стороны других акторов, и недопустимость ссылки на исключительность обстоятельств как основание отступления от международно-правовых норм. Обязательным также представляется использование одинаковых стандартов при оценке деятельности различных акторов, уточнение ряда часто используемых терминов, понятий и процедур, например правовых рамок осуществления народом права на

самоопределение, критериев признания, условий и правового режима борьбы с международным терроризмом и иных. Своевременной также является разработка алгоритмов координации деятельности региональных организаций с ООН и иными региональными организациями в случае возникновения

кризисных ситуаций, что позволит образовать специальные фонды для использования в соответствующих случаях и таким образом сократить время до начала деятельности, направленной на предотвращение возникновения и эскалации, равно как урегулирование конфликтов.

Библиографические ссылки

1. В ходе неформальной встречи глав государств – членов ОДКБ в Москве 8.05.2014 г. президенты наблюдали за тренировкой по управлению Вооруженных Сил Российской Федерации, обсуждали укрепление безопасности в рамках ОДКБ и кризисную ситуацию на Украине [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3407&SECTION_ID=> (дата обращения: 23.07.2014).
2. Вмешательство НАТО или ОДКБ в конфликт на Украине привело бы к эскалации напряженности в этой стране, считает Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3423&SECTION_ID=91> (дата обращения: 23.07.2014).
3. *Гарунов Р. Ш.* ОБСЕ в современной системе европейской безопасности // Моск. журн. междунар. права. 2004. № 3. С. 67–73.
4. Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа 10 апреля выступил в Минске на круглом столе по вопросам противодействия внешнему вмешательству и «цветным революциям» [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.odkb-csto.org/general_secretary/detail.php?ELEMENT_ID=3564&SECTION_ID=108> (дата обращения: 23.07.2014).
5. *Жданов Ю. Н.* Принудительные меры в международном праве: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.10. М., 1999.
6. Женевская декларация по Украине 17.04.2014 г. полный текст [Электронный ресурс] // Новости Украины, Беларуси, России. URL: <<http://news-mail.by/2014/04/18/zheleva-deklaraciya-po-situacii-na-ukraine-polnyj-tekst-17-04-2014-ukraina-russkayavesna/>> (дата обращения: 23.07.2014).
7. Заявление Генерального секретаря ОДКБ Николая Бордюжи по ситуации на Украине [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3254&SECTION_ID=91> (дата обращения: 23.07.2014).
8. Комментарий Генерального секретаря ОДКБ Николая Бордюжи в связи с трагическими событиями в Луганске [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3443&SECTION_ID=91> (дата обращения: 23.07.2014).
9. НАТО отказывается от «мезальянса» с ОДКБ. Расчет неверный [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: http://www.odkb-csto.org/obzor-pressy/detail.php?ELEMENT_ID=2956&phrase_id=4587 (дата обращения: 18.11.2013).
10. *Нешатаева Т. Н.* Международно-правовые санкции специализированных учреждений ООН: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Москов. гос. ун-т. М., 1985.
11. О заседании Постоянного совета ОДКБ по ситуации на Украине [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3258&SECTION_ID=91> (дата обращения: 23.07.2014).
12. ОДКБ из-за действий НАТО в связи с ситуацией на Украине пока не будет пытаться контактировать с НАТО и переориентируется на другие страны [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3347&SECTION_ID=91> (дата обращения: 23.07.2014).
13. ОДКБ не рассматривает Россию как участницу конфликта на Украине [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=3268&SECTION_ID=92> (дата обращения: 23.07.2014).
14. Письмо постоянного представителя Российской Федерации при ООН от 13.04.2014 г. на имя Председателя Совета Безопасности (S/2014/264) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2014/264>> (дата обращения: 23.07.2014).
15. Безопасности (S/2014/136) [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2014/136>> (дата обращения: 23.07.2014).
16. Резолюция Совета Безопасности ООН 2166(2014) от 21.07.2014 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <[http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2166\(2014\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2166(2014))> (дата обращения: 23.07.2014).
17. Совет Безопасности ООН. 7125 заседание. 03.03.2014 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PV.7125&referer=/english/&Lang=R> (дата обращения: 23.07.2014).
18. Сотрудничество ОДКБ и НАТО повысило бы уровень безопасности, Москва, 25.04.2012 г. [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <http://odkb-csto.org/general_secretary/detail.php?ELEMENT_ID=120> (дата обращения: 20.11.2013).
19. Территориальная целостность Украины: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 68/262 от 27.03.2014 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: <<http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/68/262>> (дата обращения: 23.07.2014).

20. Устав Организации Объединенных Наций // Действующее международное право : учеб. пособие : в 3 т. / сост. : Ю.М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 1996. Т. 1. С. 7–33
21. Участие Украины в ОДКБ даст стране реальные преимущества – Бордюжа [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.odkb-csto.org/presscenter/detail.php?ELEMENT_ID=3495> (дата обращения: 23.07.2014).
22. Фисенко В. Н. Трансевропейская модель безопасности: уроки прошлого и перспективы // ОБСЕ и современные вызовы : материалы междунар. науч. конф., Минск, 14 окт. 2008 г. Трансевропейская архитектура безопасности: модели и проблемы : материалы междунар. науч. конф., Минск, 29 апр. 2009 г. / Белорус. гос. ун-т ; науч. ред. : Ю. А. Лепешков, Ф.-В. Хартинг. Минск, 2009. С. 76–85.
23. Чиков П. В. Военные санкции в международном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Казан. гос. ун-т. Казань, 2003.
24. Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo. Advisory Opinion of 22.07.2010 // I.C.J. Reports, 2010. P. 403–453.
25. Akehurst M. Enforcement action of regional organizations with special reference to the Organization of American States // British Yearbook of International Law. 1967. Vol. 42. P. 175–228.
26. Assistant Secretary-General Stresses Need to Uphold Human Rights Standards in Security Council Briefing on Ukraine Visits: Press release SC/11358 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2014/sc11358.doc.htm>> (date of access: 23.07.2014).
27. Council of Europe pledges continued support to Ukraine [Electronic resource] // NewEurope online [Electronic resource]. URL: <<http://www.neurope.eu/article/council-europe-pledges-continued-support-ukraine>> (date of access: 23.07.2014).
28. Courtright D. The sanctions era: themes and trends in UN Security Council sanctions since 1990 / D. Courtright, G. A. Lopez, L. Gerber-Stellingwerf // The United Nations Security Council and war: the evolution of thought and practice since 1945 / ed. by V. Lowe. Oxford, 2008. P. 205–225
29. Declaration by the High Representative on behalf of the European Union on the alignment of certain third countries with the Council Decision 2014/308/CFSP amending Decision 2014/145/CFSP concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine of 07.07.2014 [Electronic resource] // Council of the European Union. URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/143686.pdf> (date of access: 23.07.2014).
30. Declaration on the tragic crash of the Malaysia airlines flight MH17 In Ukraine OSCE Permanent council PC.DOC/2/14 of 18.07.2014 // OSCE [Electronic resource]. URL: <<http://www.osce.org/pc/121427?download=true>> (date of access: 23.07.2014).
31. Deeply concerned about eastern Ukraine, Ban welcomes extension of cease-fire. Statement of 28.06.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=48161#.U8X8YdG84n4>> (date of access: 23.07.2014).
32. Different forms of the OSCE engagements with the Ukraine on 01.07.2014 [Electronic resource] // OSCE. URL: <<http://www.osce.org/home/116922?download=true>> (date of access: 23.07.2014).
33. Diplomatic Solution Only Way Out, as Situation in Ukraine Deteriorates, Under-Secretary-General Tells Security Council: Press release SC/11377 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2014/sc11377.doc.htm>> (date of access: 23.07.2014).
34. Eide A. Peace-keeping and enforcement by regional organizations: its place in the UN system // Journal of Peace Research. 1966. Vol. 3, № 2. P. 125–145.
35. Emerging Spirit of Compromise' Evaporates as Violence Escalates in Ukraine, Under-Secretary-General Tells Security Council: Press release 11375 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2014/sc11375.doc.htm>> (date of access: 23.07.2014).
36. EU–Ukraine Association Agreement. The complete texts [Electronic resource] // European Union External Action. URL: <http://eeas.europa.eu/ukraine/assoagreement/assoagreement-2013_en.htm> (date of access: 23.07.2014).
37. European Council Conclusions. Ukraine. 27.06.2014 [Electronic resource] // Council of the European Union. URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/ec/143419.pdf> (date of access: 23.07.2014).
38. Evers F. The culture of dialogue: the OSCE acquis 30 years after Helsinki / Centre for OSCE Research. Hamburg : CORE, 2005.
39. Farrall J. M. United Nations sanctions and the rule of law Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
40. Frowein J. A. Zwangsmaßnahmen von Regionalorganisationen // Recht zwischen Umbruch und Bewahrung / Hrsg. U. Beyerlin [et al.]. Berlin : Springer Verl., 1995. S. 57–69.
41. Gordon M. R. NATO Weighs Assistance for Ukraine to Dissuade Further Moves by Moscow [Electronic resource] // The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2014/03/20/world/europe/nato-chief-russia-europe.html?_r=0> (date of access: 23.07.2014).
42. Increased EU support for the OSCE's work in Ukraine: Press release. 23.05.2014 [Electronic resource] // European Union External Action. URL: <http://eeas.europa.eu/statements/docs/2014/140523_03_en.pdf> (date of access: 23.07.2014).
43. Joint conclusions. High level meeting on Ukraine: coordinating and implementing the international support 08.07.2014 [Electronic resource] // European Union. URL: <http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-14-469_en.htm> (date of access: 23.07.2014).
44. Peace Plan, Unilateral Ceasefire Offer Hope for Resolving Conflict in Ukraine, Political Affairs Official Tells Security Council: Press release SC/11448 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2014/sc11448.doc.htm>> (date of access: 23.07.2014).

45. Peaceful Resolution of Ukraine Crisis Remains Possible, Under-Secretary-General Tells Security Council during Briefing: Press release SC/11314 [Electronic resource]. URL: <<http://www.un.org/News/Press/docs//2014/sc11314.doc.htm>> (date of access: 23.07.2014).
46. Press release 3312th Council meeting 12.05.2014 Foreign Affairs [Electronic resource]// Council of the European Union. URL: <http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/EN/foraff/142563.pdf> (date of access: 23.07.2014).
47. Press release of 27.03.2014 GA/11493 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2014/ga11493.doc.htm>> (date of access: 23.07.2014).
48. Press Statement by the Trilateral Contact Group, Kyiv, 06.07.2014 [Electronic resource] // OSCE. URL: <<http://www.osce.org/home/120863>> (date of access: 23.07.2014).
49. Reaching Out to East Critical after Ukraine Elections, Under-Secretary-General Tells Security Council in Briefing: Press release SC/11417 [Electronic resource]. URL: <<http://www.un.org/News/Press/docs//2014/sc11417.doc.htm>> (date of access: 23.07.2014).
50. Reconsideration on substantive grounds of the previously ratified credentials of the Russian delegation: Resolution 1990(2014) [Electronic resource] // Voltaire Network. URL: <<http://www.voltairenet.org/article183239.html>> (date of access: 23.07.2014).
51. Report on the human rights situation in Ukraine 15.04.2014 [Electronic resource] // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/Ukraine_Report_15April2014.doc> (date of access: 23.07.2014).
52. Report on the human rights situation in Ukraine 15.05.2014 [Electronic resource] // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: <<http://www.ohchr.org/documents/countries/ua/hrmmureport15may2014.pdf>> (date of access: 23.07.2014).
53. Report on the human rights situation in Ukraine 15.06.2014 [Electronic resource] // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. URL: <<http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/HRMMURreport15June2014.pdf>> (date of access: 23.07.2014).
54. Restrictive measures (sanctions) in force: European Commission, updated 1 Jun. 2014 [Electronic resource] // European Union External Action. URL: <http://eeas.europa.eu/cfsp/sanctions/docs/2014_05_26-measures-in-force_en.pdf> (date of access: 21.07.2014 (date of access: 23.07.2014)).
55. Russia delegation suspended from Council of Europe over Crimea [Electronic resource] // The Guardian. URL: <<http://www.theguardian.com/world/2014/apr/10/russia-suspended-council-europe-crimea-ukraine>> (date of access: 23.07.2014).
56. Security Council Calls for Immediate, Credible Investigation Into Downing of Civilian Aircraft over Ukraine: Press release SC/11481 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/News/Press/docs//2014/sc11481.doc.htm>> (date of access: 23.07.2014).
57. Security Council condemns downing of Malaysian airliner, calls for international probe [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=48318>> (date of access: 23.07.2014).
58. *Sparrow G. Sanctions*. London : Knoghtly Vernon, 1972.
59. Statement attributable to the Spokesman for the Secretary-General on the situation in Ukraine of 02.05.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7642>> (date of access: 23.07.2014).
60. Statement attributable to the Spokesman for the Secretary-General on the situation in Ukraine—release of OSCE monitors and the violence in Odessa of 03.05.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7644>> (date of access: 23.07.2014).
61. Statement attributable to the Spokesman for the Secretary-General on violence in Ukraine of 14.06.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7783>> (date of access: 23.07.2014).
62. Statement attributable to the Spokesman for the Secretary-General on Ukraine of 27.06.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7823>> (date of access: 23.07.2014).
63. Statement Attributable to the Spokesman for the Secretary-General on Ukraine 17.04.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7605>> (date of access: 23.07.2014).
64. Statement Attributable to the Spokesman for the Secretary-General on Ukraine of 17.03.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7528>> (date of access: 23.07.2014).
65. Statement attributable to the Spokesman for the Secretary-General on Ukraine of 24.04.2014 [Electronic resource] // United Nations. — <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7619>> (date of access: 23.07.2014).
66. Statement Attributable to the Spokesperson for the Secretary-General on the situation in Ukraine of 28.04.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7630>> (date of access: 23.07.2014).
67. Statement Attributable to the Spokesperson for the Secretary-General on Ukraine of 20.01.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7414>> (date of access: 23.07.2014).
68. Statement attributable to the Spokesperson for the Secretary-General on the situation in Ukraine of 18.02.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7466>> (date of access: 23.07.2014).
69. Statement Attributable to the Spokesperson for the Secretary-General on Ukraine of 19.02.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7468>> (date of access: 23.07.2014).
70. Statement attributable to the Spokesperson for the Secretary-General on Ukraine of 1.03.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7492>> (date of access: 23.07.2014).
71. Statement Attributable to the Spokesperson for the Secretary-General on Ukraine of 12.04.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/sg/statements/index.asp?nid=7596>> (date of access: 23.07.2014).

72. Statement by NATO Foreign Ministers, 1.04.2014 [Electronic resource] // NATO. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_108501.htm> (date of access: 23.07.2014).
73. Statement of the Heads of State or Government on Ukraine 27.05.2014 [Electronic resource] // Council of European Union. URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/142863.pdf> (date of access: 23.07.2014).
74. Statement of the Heads of States or Governments on Ukraine 6.03.2014 [Electronic resource] // Council of European Union. URL: <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/141372.pdf> (date of access: 23.07.2014).
75. Support group for Ukraine 9.04.2014 [Electronic resource] // European Commission. URL: <<http://ec.europa.eu/avservices/video/player.cfm?ref=I088520>> (date of access: 23.07.2014).
76. Swiss Chair discusses next steps in implementing peace plan and calls for reconsolidating European security during visit in Vienna [Electronic resource] // OSCE. URL: <<http://www.osce.org/cio/120170>> (date of access: 23.07.2014).
77. *Thakur R.* The United Nations, peace and security: from collective security to responsibility to protect. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.
78. Ukraine crisis tops agenda of OSCE annual conference in Vienna [Electronic resource] // OSCE. URL: <<http://www.osce.org/cio/120121>> (date of access: 23.07.2014).
79. Ukraine Situation 'More Combustible than Ever', Assistant Secretary-General Warns Security Council, Calling for Action to De-escalate Crisis: Press release SC/11351 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2014/sc11351.doc.htm>> (date of access: 23.07.2014).
80. Ukraine war crimes trials a step closer after Red Cross assessment [Electronic resource] // Reuters. URL: <<http://www.reuters.com/article/2014/07/22/us-ukraine-crisis-warcrimes-idUSKBN0FR0V920140722>> (date of access: 23.07.2014).
81. Ukraine, in Emergency Meeting, Calls on Security Council to Stop Military Intervention by Russian Federation: Press release SC/11302 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2014/sc11302.doc.htm>> (date of access: 23.07.2014).
82. Ukraine. Council of Europe threatens with sanctions [Electronic resource] // EastBook. URL: <<http://eastbook.eu/en/2012/01/material-en/information-material-en/ukraine-council-of-europe-threatens-with-sanctions/>> (date of access: 23.07.2014).
83. Ukraine: Alarmed by surging violence, UN rights chief urges greater effort to resolve crisis [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=47731>> (date of access: 23.07.2014).
84. Ukraine: Amidst intensified military offensive, Ban condemns violence against civilians. Statement of 7.07.2014 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=48215#.U8X8YNG84n4>> (date of access: 23.07.2014).
85. UN rights chief urges all sides in eastern Ukraine to 'turn away from destructive path' [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=48203#.U8X8YNG84n4>> (date of access: 23.07.2014).
86. United Nations Human Rights Monitoring Mission Deployed to Crimea amid Crisis between Russian Federation, Ukraine, Security Council Told Deputy, Assistant-Secretary-General Brief Members on Events since Crimea Vote: Press release 11328 [Electronic resource] // United Nations. URL: <<http://www.un.org/News/Press/docs/2014/sc11328.doc.htm>> (date of access: 23.07.2014).
87. Votes on resolution [Electronic resource] // Parliamentary Assembly of the Council of Europe. URL: <<http://assembly.coe.int/nw/xml/Votes/DB-VotesResults-EN.asp?VoteID=35016&DocID=15085&MemberID=>>> (date of access: 23.07.2014).

Статья поступила в редакцию 25 июля 2014 г.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ И РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Ю. А. Лепешков

В статье предпринята попытка с правовой точки зрения осветить эволюцию сотрудничества государств — участников СНГ в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов, выявить и проанализировать современные тенденции и проблемы правового регулирования в данной сфере, определить степень эффективности сформированного в рамках Содружества регионального правового механизма международного сотрудничества по защите и сохранению водных ресурсов.

In the article attempt is undertaken to cover in judicial terms the evolution of cooperation between the states — members of the CIS in the sphere of rational use and protection of transborder water objects, to identify and analyze contemporary tendencies and problems of legal regulation in this sphere, to determine the grade of effectiveness of the CIS regional legal mechanism of international cooperation on protection and perseverance of water resources.

Ключевые слова: экология, водные ресурсы, трансграничные воды, охрана окружающей среды, охрана водных ресурсов, рациональное использование водных ресурсов, международное сотрудничество, Содружество Независимых Государств, СНГ.

Keywords: ecology, water resources, transborder waters, environmental protection, protection of water resources, rational use of water resources, international cooperation, Commonwealth of Independent States, CIS.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение свободного доступа людей к чистой воде остается одной из ключевых проблем XXI в. Не случайно период с 2005 по 2015 г. был объявлен Генеральной Ассамблеей ООН международным десятилетием действий «Вода для жизни», а 2013 г. — международным годом водного сотрудничества (провозглашен ЮНЕСКО).

Рациональное использование и совместное управление водными ресурсами, включая в себе как глобальное, так и региональное измерение, имеют непосредственное отношение к постсоветскому пространству. Здесь не обошлось без громких инициатив: как известно, 2013 г. стал для Содружества Независимых Государств Годом экологической культуры и охраны окружающей среды.

Чтобы продемонстрировать актуальность рассматриваемой проблемы для государств — участников СНГ, не нужно предпринимать больших усилий. Достаточно лишь нескольких конкретных примеров. Так, Украина занимает более половины бассейна Днепра — третьей по размерам реки в Европе. При этом бассейн Днепра является общим для трех стран: Украины, Беларуси и России. Быстрая индустриализация привела к резкому росту использования ресурсов этого трансграничного водотока, в результате чего менее 1/5 всей воды, поступающей на территорию Украины, достигает Черного моря [41]. Еще один пример, по сравнению с кото-

рым вышеописанная проблема Днепра просто меркнет — рукотворная катастрофа Аральского моря на границе Казахстана и Узбекистана. За четыре десятилетия (с начала 1960-х по начало 2000-х гг.) абсолютный уровень Аральского моря, бывшего когда-то четвертым по величине озером мира, снизился на 23 метра, площадь водоема уменьшилась в четыре с половиной раза, объем воды сократился в десять раз, море по существу распалось на три части, превратившись из квазипресноводного водоема в соленое озеро [3, с. 29].

Цель статьи — выяснить, насколько эффективен сложившийся в рамках СНГ региональный правовой механизм международного сотрудничества по защите водных ресурсов, а также проанализировать усилия государств — участников Содружества, направленные на сохранение качества водных ресурсов и обеспечение их большей доступности.

Нормативной базой для подготовки статьи послужили региональные природоохранные (прежде всего водоохранные) соглашения, а также эколого-ориентированные документы (акты), разработанные и принятые в рамках СНГ. Теоретическую основу исследования составили труды ученых-юристов, таких как Ж. М. Аманжолов [1], Р. М. Валиев [2], В. И. Данилов-Данильян [3], Б. А. Искандархонова [6], М. Н. Копылов, С. М. Копылов [10], С. Д. Махамбаев [11].

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СНГ В СФЕРЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

В рамках Содружества вопросам охраны окружающей среды изначально было отведено весьма важное место. Так, в соответствии с Уставом СНГ

осуществление сотрудничества между его государствами-участниками в экологической сфере является одной из целей Содружества (ст. 2). Кроме того,

Международное публичное, международное частное и европейское право

согласно ст. 4 Устава СНГ охрана здоровья и окружающей среды относится к «сферам совместной деятельности государств-членов, реализуемой на равноправной основе через общие координирующие институты в соответствии с обязательствами, принятыми государствами-членами в рамках Содружества». Наконец, ст. 19 Устава СНГ в качестве одного из направлений сотрудничества государств-членов предусматривает «осуществление совместных природоохранных мероприятий, оказание взаимной помощи в ликвидации последствий экологических катастроф и других чрезвычайных ситуаций» [42].

Наряду с Уставом СНГ нормы, направленные на обеспечение экологической безопасности, закреплены в специальных международных договорах, заключенных государствами — участниками Содружества, а также в целом ряде актов, принятых органами данного межгосударственного объединения. В числе наиболее значимых из них, появившихся в 1990-х — первой половине 2000-х гг. и затрагивающих в том числе вопросы рационального использования и охраны водных ресурсов, можно отметить следующие: Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды 1992 г. [36], Решение Президиума Межгосударственного экономического комитета Экономического союза (далее — МЭК) о Положении о Межгосударственном экологическом совете, принятое в 1995 г. [21], Соглашение о контроле за трансграничной перевозкой опасных и других отходов 1996 г. [37], Соглашение об информационном сотрудничестве в области экологии и охраны окружающей природной среды 1998 г. [34], Соглашение об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов 1998 г. [35], Соглашение о сотрудничестве в области экологического мониторинга 1999 г. [39], Модельный закон «Об экологической безопасности» 2003 г. [14].

Основным документом СНГ в сфере охраны окружающей среды на протяжении более чем двух десятилетий являлось Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды [36], подписанное в 1992 г. представителями 10 стран Содружества (за исключением Грузии и Украины). Статья 1 названного Соглашения предусматривает координацию и проведение сторонами согласованной политики в области экологии и охраны окружающей среды, в том числе охраны вод. В соответствии с данным Соглашением участвующие в нем государства приняли на себя весьма широкий круг обязательств, а именно:

- разрабатывать и принимать законодательные акты, экологические нормы и стандарты в области природопользования и охраны окружающей среды;
- вести учет природных ресурсов и их использования;
- проводить экологический мониторинг;
- осуществлять контроль за соблюдением природоохранного законодательства;
- принимать меры по воспроизводству живых ресурсов и биологического разнообразия;
- создать и поддерживать специальные силы и средства, необходимые для предупреждения эко-

логических катастроф, бедствий, аварий и ликвидации их последствий;

- проводить экологическую экспертизу программ развития производительных сил, инвестиционных и прочих проектов;
- вести государственные Красные книги, а также представлять материалы для ведения межгосударственной Красной книги и др. (ст. 2).

И все же самое непосредственное отношение к регулированию вопросов водопользования в рамках СНГ имеет Соглашение об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов 1998 г. [35], подписанное представителями Беларуси, Казахстана, России, Таджикистана и вступившее в силу в 2002 г.

Прежде всего стоит отметить, что данное Соглашение разработано с учетом норм, содержащихся в Хельсинкских правилах по использованию вод международных рек 1966 г. [43] — документа, положения которого, изначально сформулированные как рекомендации по использованию международных рек, с течением времени в силу признания их *opinio juris* приобрели характер международной обычной нормы [2]. Еще одним немаловажным фактом является то, что Соглашение 1998 г. опирается также на нормы Конвенции ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г. [9] — основополагающего среди региональных договорных источников в сфере охраны и рационального использования трансграничных водных объектов, установившего базовые принципы использования международных водотоков.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что основной водоохранный договор СНГ носит ярко выраженный «рамочный» характер — на это, в частности, прямо указывает ст. 11: «Реализация положений настоящего Соглашения осуществляется путем заключения двусторонних и многосторонних соглашений, договоров, а также в иных взаимосогласованных формах...» [35]. Его основу составляют взаимные обязательства государств-участников, направленные на обеспечение рационального использования и охраны любых поверхностных или подземных вод, обозначающих или пересекающих границы между двумя или более государствами либо расположенных на таких границах, детально прописанные в ст. 2 Соглашения.

В дополнение к указанным обязательствам Соглашение 1998 г. ориентирует государства-участники на принятие целого ряда мер в интересах достижения целей данного международного договора. В их числе совместная разработка комплексных схем охраны и единой системы мониторинга водных объектов, координация научных исследований, проведение взаимных консультаций при разработке водоохранных мероприятий и оказание друг другу помощи в их реализации, согласование и сближение правовых, административных, технических мер, а также нормативных документов в рассматриваемой области, разработка и осуществление мероприятий по воспроизводству биологических ресурсов водных объектов, определение способов и методов рыбозащиты и др. (ст. 3–8).

В развитие положения ст. 11 Соглашения 1998 г. некоторыми государствами — участниками СНГ за-

ключены соответствующие двусторонние договоры (например, межправительственные соглашения Беларуси и Украины 2001 г. [29], России и Беларуси 2002 г. [31], России и Азербайджана 2010 г. [30], России и Казахстана 2010 г. [33]). Ряд аналогичных договоров был заключен странами Содружества еще до появления Соглашения 1998 г. (например, межправительственное соглашение России и Казахстана 1992 г. [32] (в настоящее время утратило силу в связи со вступлением в силу одноименного Соглашения 2010 г. [33]), а также соответствующие российско-украинское 1992 г. и украинско-молдавское 1994 г. [40] соглашения). Отличительной особенностью вышеупомянутых двусторонних договоров является то, что все они предусматривают создание специальных органов в виде смешанных комиссий либо назначение уполномоченных от каждого из государств-участников в целях обеспечения выполнения соответствующих договоренностей.

Значительное внимание экологической проблематике в целом, а также рациональному использованию и охране трансграничных водных объектов в частности уделено в целом ряде правовых документов Содружества, принятых в последнее десятилетие. В их числе Конвенция о приграничном сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств 2008 г. [8], Модельный водный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств, принятый в 2006 г. [13], Модельный закон «О предотвращении и комплексном контроле загрязнений окружающей среды» 2008 г. [15], Модельный закон «О стратегической экологической оценке» 2011 г. [16], Решение Совета глав государств СНГ об объявлении 2013 года Годом экологической культуры и охраны окружающей среды в Содружестве Независимых Государств 2012 г. [22], Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств — участников Содружества Независимых Государств 2013 г. [38].

В соответствии со ст. 2 Конвенции о приграничном сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств одним из принципов, на которых основывается данное сотрудничество, является принцип ненанесения вреда окружающей среде. Кроме того, одним из направлений деятельности, развитию которых призваны способствовать стороны названной Конвенции в интересах развития приграничных территорий, выступает проведение «совместных мероприятий по мониторингу в области охраны окружающей среды, включая трансграничные реки, и рациональному использованию природных ресурсов...» (ст. 7).

Модельный Водный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств исходит из того, что «вода является возобновляемым, но уязвимым природным ресурсом, требующим соответствующего обращения и охраны как основы жизни и деятельности населения и его будущих поколений» (преамбула). При этом отдельная глава Кодекса (гл. 8), что вполне закономерно, посвящена международному сотрудничеству в области использования и охраны трансграничных водных объектов [13].

Модельный закон «О предотвращении и комплексном контроле загрязнений окружающей среды» в числе прочего устанавливает требования к регулированию трансграничных воздействий загрязнений на сопредельные территории, в том числе предусматривает конкретные обязательства, возлагаемые на государство, осуществляющее хозяйственную деятельность, в целях предотвращения трансграничного переноса загрязнений водных объектов (п. 2 ст. 30) [15].

Модельный закон «О стратегической экологической оценке» призван содействовать внедрению в государствах — участниках СНГ новой высокоуровневой процедуры, применяемой на стадиях разработки, корректировки или пересмотра проектов стратегических планов территориального развития и комплексных территориальных программ социально-экономического развития на муниципальном, региональном и национальном уровнях, в рамках которой с использованием принципов и методов оценки воздействия на окружающую среду оцениваются и представляются ее прогнозируемое состояние, а также возможные экологические и другие последствия их реализации для окружающей среды и здоровья населения (ст. 3) [16].

Данный Модельный закон подробно регламентирует объекты, принципы и процедуру осуществления стратегической экологической оценки, очерчивает круг исходной информации для ее проведения, акцентирует внимание на важности международного сотрудничества в данной сфере, в том числе «создания и постоянной поддержки международной информационной базы данных, а также методов, методик, норм, стандартов и других методических, нормативных и справочных материалов, необходимых для проведения стратегической экологической оценки...» (п. 8.3 ст. 8) [16]. Очевидный новационный характер процедуры стратегической экологической оценки, ее дополнительные возможности и преимущества по отношению к процедуре оценки воздействия на окружающую среду позволили М. Н. Копылову и С. М. Копылову сделать вполне справедливый вывод о том, что принятие рассматриваемого Модельного закона олицетворяет собой «принципиально новый момент в кодификации международно-правовых норм», регулирующих стратегическую экологическую оценку, и подчеркивает дальнейшее распространение данной процедуры в мире [10, с. 36].

В соответствии с решением Совета глав государств СНГ об объявлении 2013 года Годом экологической культуры и охраны окружающей среды в Содружестве Независимых Государств правительствам государств — участников СНГ, а также ряду органов Содружества было поручено провести в 2013 г. соответствующие тематические мероприятия. Стоит отметить, что данная инициатива была выдвинута именно Республикой Беларусь, председательство которой в СНГ в 2013 г. осуществлялось под девизом, включавшим наряду с укреплением добрососедства, развитием экономического сотрудничества, расширением диалога культур также и экологический приоритет — «содействие повышению доступности экологических “зеленых” технологий» [19].

С учетом отмеченного выше совершенно не случайно, что именно в Год экологической культуры и охраны окружающей среды в Содружестве был заключен новый базовый природоохранный договор СНГ — Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств — участников Содружества Независимых Государств [38] (вступило в силу в январе 2014 г.), призванный заменить ранее принятое Соглашение 1992 г. [36].

Новый договор, как это следует из его наименования, исходит из принципа сотрудничества государств-участников в области охраны окружающей среды, включая охрану и использование вод (ст. 1), определяет более десятка основных направлений такого сотрудничества (ст. 2), а также предусматривает конкретные меры, являющиеся целесообразными для обеспечения сотрудничества в рассматриваемой сфере, а именно: совместную разработку и осуществление межгосударственных программ и проектов, разработку и применение согласованных показателей оценки качества и контроля состояния окружающей среды, методик по оценке воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, методов контроля, принципов стимулирования природоохранной деятельности, обмен информацией о состоянии окружающей среды, выработку и осуществление согласованной научно-технической политики в рассматриваемой сфере, взаимодействие в области природоохранных технологий и др. (ст. 3) [38].

Как и в предыдущем договоре, для реализации Соглашения 2013 г. предусмотрено создание

Межгосударственного экологического совета государств — участников СНГ (далее — МЭС) — органа отраслевого сотрудничества СНГ в области охраны окружающей среды. При этом в отличие от ранее принятого соглашения в новый договор в качестве приложения, т. е. его неотъемлемой части, включено Положение о Межгосударственном экологическом совете государств — участников Содружества Независимых Государств [38].

В завершение анализа существующей нормативно-правовой базы сотрудничества государств — участников СНГ в сфере рационального использования и охраны трансграничных водных объектов хотелось бы обратить внимание еще на один важный, с нашей точки зрения, момент. Планом мероприятий по реализации второго этапа (2012–2015 гг.) Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 г., утвержденным Решением Совета глав правительств СНГ в 2011 г. [25], повышение эффективности использования материальных и природных ресурсов, а также охрана окружающей среды определены в качестве системообразующих аспектов экономического сотрудничества государств — участников СНГ. С учетом этого в названном документе в числе значимых мероприятий в рассматриваемой сфере предусмотрено на разработку до 2015 г. странами Содружества при участии МЭС совместимых систем охраны трансграничных водных ресурсов и повышения качества воды (подп. 4 п. 1.4.2) [25].

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СНГ В СФЕРЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

В современных условиях без деятельного участия международных органов и организаций, а также временных коллективных форумов — международных конференций не обходится обсуждение и решение ни одного важного вопроса международной жизни. Именно международные органы, организации и конференции, дополнив традиционные договорные связи между государствами связями организационными, стали новой, более качественной основой межгосударственного сотрудничества, являются неотъемлемым атрибутом цивилизованных взаимоотношений суверенных стран.

Не исключение в этом смысле и такая значимая область взаимодействия государств, как охрана окружающей среды, демонстрирующая обилие разнообразных международных органов и организаций, в том числе созданных на региональном уровне.

В рамках СНГ в 1992 г. с целью практической реализации договоренностей, достигнутых государствами — его участниками в природоохранной сфере, и на основании ст. 4 Соглашения 1992 г. [36] был учрежден МЭС. Его создание было продиктовано необходимостью координации усилий стран Содружества во всех без исключения областях природоохранной деятельности, в том числе и в такой значимой сфере, как охрана и рациональное использование водных ресурсов.

МЭС был сформирован на паритетных условиях в составе руководителей природоохранных ведомств государств — участников Соглашения 1992 г. и осуществлял свою деятельность на основании Положения, утвержденного Президиумом МЭК в 1995 г. и предусматривавшего, в частности, что каждое государство — участник Соглашения имеет в МЭС один голос.

В соответствии со ст. 5 Соглашения 1992 г. основными задачами МЭС являлись осуществление координации и проведение согласованной политики в области экологии и охраны окружающей среды, работа по гармонизации природоохранного законодательства и совершенствованию природопользования, организация проведения экологических экспертиз, оказание содействия в разрешении экологических споров, ведение Красной книги государств — участников СНГ, определение условий и порядка выполнения обязательств, вытекающих из действующих договоров в области охраны окружающей среды [36].

Уже на первых заседаниях МЭС был обозначен круг экологических проблем особой важности, в том числе связанных с восстановлением и охраной Аральского моря и бассейнов других морей, водных ресурсов ряда рек и озер, экологическим оздоровлением неблагоприятных регионов. Для решения

стоящих перед ним задач МЭС были образованы несколько постоянных рабочих групп — практически по всем направлениям деятельности, в том числе по международному природоохранному сотрудничеству, экологическому мониторингу, разработке нормативно-методической базы, проблемам охраны водных ресурсов и др. [17].

В рамках выполнения возложенных на него задач МЭС сотрудничал с другими отраслевыми органами СНГ, такими как Межгосударственный совет по гидрометеорологии, Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации и др. Стремясь объединить усилия в разработке нормативно-правовой базы Содружества в сфере экологии, МЭС также взаимодействовал с Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ (далее — МПА). В 2001 г. при активном содействии МЭС в рамках Содружества были проведены два значимых научно-практических мероприятия: экологический форум «Планетарные проблемы природопользования и защиты окружающей среды» и Международная конференция «Законодательство в СНГ — гармонизация в природоохранном аспекте» [17].

Важнейшей сферой деятельности МЭС на протяжении многих лет являлось создание общего правового поля и правового пространства для межгосударственного взаимодействия. На состоявшихся в период с 1992 по 2005 г. полутора десятках заседаний МЭС было рассмотрено свыше двухсот вопросов, имеющих межгосударственное значение. Приняты решения по актуальным проблемам природоохранной сферы, утвержден ряд концепций, положений, рассмотрены проекты программ, соглашений и мероприятий по самым различным направлениям природоохранного сотрудничества. При активном участии МЭС был подготовлен и в сентябре 2004 г. подписан Меморандум о взаимопонимании и партнерстве между Исполнительным комитетом СНГ и Исполнительным комитетом Международного фонда спасения Арала [12].

Значительное внимание в работе МЭС было уделено обеспечению участия стран Содружества в международных конвенциях и соглашениях. При этом основная задача МЭС в рассматриваемой области заключалась в организации содействия подписанию, ратификации и введению в действие государствами международных договоров, участие в которых отвечает их национальным интересам [4].

Вместе с тем следует признать, что, создав определенное правовое поле, обеспечивающее взаимодействие государств — участников Содружества в области экологии и охраны окружающей природной среды, МЭС не удалось в полной мере реализовать основополагающее Соглашение 1992 г., а именно создать межгосударственный экологический фонд. С сожалением приходится констатировать и тот факт, что со временем руководители природоохранных ведомств государств — участников Соглашения 1992 г. практически перестали принимать участие в заседаниях МЭС. Большинство стран Содружества снизили уровень своего представительства в данном органе до экспертного. Начиная с 2006 г. МЭС вообще перестал проводить свои за-

седания. В этих условиях, что вполне закономерно, был поставлен вопрос о дальнейшей судьбе этого органа, а именно о целесообразности его дальнейшего существования в качестве постоянно действующей структуры СНГ [5].

В ходе последующего обсуждения этого вопроса, растянувшегося на несколько лет, было принято решение реформировать МЭС, сохранив его в качестве органа сотрудничества в интересах обеспечения координации действий стран Содружества в сфере экологии и охраны окружающей среды, которое в итоге нашло свое отражение в новом Положении о МЭС, ныне ставшем, как уже было отмечено выше, неотъемлемой составной частью Соглашения 2013 г.

Анализ норм данного Соглашения, касающихся МЭС, а также нового Положения о МЭС свидетельствует о согласованном решении государств — участников Соглашения не только изменить официальное наименование рассматриваемого органа («Межгосударственный экологический совет государств — участников Содружества Независимых Государств» вместо «Межгосударственный экологический совет»), но и уточнить его статус, а также порядок формирования. Так, согласно ч. 3 ст. 4 Соглашения 2013 г. «стороны назначают членов Межгосударственного экологического совета государств — участников Содружества Независимых Государств и информируют об этом Исполнительный комитет СНГ» [38]. В соответствии с п. 1, 3, 5 разд. I нового Положения МЭС является органом отраслевого сотрудничества СНГ в области охраны окружающей среды, подотчетным Совету глав правительств СНГ, и формируется в составе руководителей природоохранных органов стран Содружества, подписавших Соглашение 2013 г. или их полномочных представителей. Кроме того, в состав МЭС включены с правом совещательного голоса его секретарь, а также представитель Исполнительного комитета СНГ. Наконец, еще одной новацией стало то, что в работе МЭС будет предоставлено право участвовать в качестве наблюдателей представителям государств, не являющихся участниками Содружества, но подписавших Соглашение 2013 г.

Задачи и функции МЭС, зафиксированные в разд. II нового Положения, не претерпели каких-либо серьезных изменений по сравнению с тем, как они были сформулированы в Положении 1995 г., как, впрочем, и права МЭС, предусмотренные разд. III. Более того, простое сравнение разд. III «старого» и нового Положений о МЭС свидетельствует о том, что права данного органа в новой редакции Положения оказались даже урезанными: например, МЭС лишился права определять источники финансирования межгосударственных экологических проектов и программ!

Раздел IV нового Положения, регламентирующий организацию и порядок работы МЭС, также во многом дублирует «старое» Положение. Появившиеся новации носят сугубо «косметический» характер и сводятся лишь к введению института сопредседательства в МЭС, формальному обозначению процедуры отчетности данного органа, уточнению

функций его председателя, а также исключению из Положения нормы, согласно которой «государства – участники Соглашения, заявившие о своем несогласии с решением Совета или незаинтересованности в его реализации, не должны препятствовать осуществлению мероприятий по выполнению данного решения Совета на территории другого государства – участника Соглашения» (п. 9 разд. IV «старого» Положения о МЭС) [36].

Единственным кардинальным нововведением является изменение статуса Секретариата МЭС: вместо постоянно действующего рабочего органа, имеющего статус юридического лица и возглавляемого исполнительным секретарем (п. 1–2 разд. V «старого» Положения о МЭС), функции секретариата МЭС будут возложены на «аппарат природоохранного органа государственной власти, руководитель которого является председателем Совета, и соответствующее структурное подразделение Исполнительного комитета СНГ» (п. 1 разд. V нового Положения о МЭС) [38].

Таковы основные итоги реформирования главного и, по сути, единственного природоохранного органа Содружества, призванного координировать деятельность государств – участников СНГ в сфере экологии и охраны окружающей среды. Как видим, никаких принципиальных изменений в его правовом положении не произошло, никаких новых действий полномочий в рассматриваемой области МЭС не получил. Скорее наоборот, его статус был даже понижен. «Старое» Положение о МЭС просто переписали заново через полтора с лишним десятилетия, при этом лишь слегка его отредактировав. В этой ситуации остается только надеяться, что подобное «реформирование» не станет началом конца столь важного и значимого для стран СНГ органа, авторитет которого и так «оставлял желать лучшего» в последние годы.

Наряду с МЭС важную роль в развитии природоохранного сотрудничества в рамках Содружества, в том числе в сфере водопользования, играет МПА, в структуре которой созданы и функционируют постоянная Комиссия по аграрной политике, природным ресурсам и экологии, а также отдел по охране окружающей среды. Одним из направлений деятельности МПА является унификация законодательств государств – участников Содружества посредством разработки модельных законов и кодексов. Именно в рамках осуществления этой деятельности были разработаны и приняты модельные экологический, водный и рыбохозяйственный кодексы, а также многочисленные модельные законы природоохранной направленности.

С деятельностью МПА неразрывно связана история и функционирование Невского международного экологического конгресса, который начиная с 2008 г. ежегодно проводится в Санкт-Петербурге с целью содействия формированию международной системы экологической безопасности и является площадкой для дискуссий и обмена мнениями по вопросам повышения экологической эффективности экономик государств – участников СНГ. Следует отметить, что уже на самом первом конгрессе, состоявшемся в декабре 2008 г.,

с учетом того, что 2008 г. в рамках Международного десятилетия действий ООН «Вода для жизни» (2005–2015 гг.) был посвящен проблемам санитарной очистки воды, особое внимание было уделено обсуждению проблем сохранения водных ресурсов [7].

В ходе Шестого Невского международного экологического конгресса, проходившего в мае 2013 г., была организована работа специализированного круглого стола, названного «Комплексное управление водными ресурсами: использование и качество воды». В результате обсуждения широкого спектра водоохранных проблем участники круглого стола обратили внимание на необходимость дальнейшего развития трансграничного сотрудничества в сфере управления водным хозяйством, рекомендовали странам Содружества при формировании природоохранной промышленной политики руководствоваться общемировыми принципами устойчивого развития с учетом специфики окружающей природной среды территорий государств – участников СНГ, отметили важность гармонизации национального природоохранного, в том числе водоохранного, законодательства с учетом международных норм и стандартов, указали на целесообразность создания региональных информационно-аналитических центров, оснащенных современным оборудованием и способных обеспечить объемы контроля качества всех типов вод, а также использования комплексного подхода при осуществлении выбора экологически наиболее эффективных инвестиций с учетом взаимного влияния водных объектов единых водных систем [20].

В июне 2013 г. на заседании Экономического совета СНГ был рассмотрен ход выполнения Плана мероприятий по реализации второго этапа (2012–2015 гг.) Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 г. [18]. Соответствующая информация, подготовленная Исполнительным комитетом СНГ и принятая к сведению Экономическим советом СНГ [26], позволяет сделать вывод об определенных успехах и достижениях стран Содружества в деле рационального использования и охраны трансграничных водных объектов на современном этапе.

В марте 2013 г. Экономическим советом СНГ принято решение о ходе реализации Конвенции о приграничном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств [27] – документа, определяющего основные принципы и направления развития такого сотрудничества. В информации, подготовленной Исполнительным комитетом СНГ и принятой к сведению Экономическим советом СНГ, особо подчеркнуто, что охрана окружающей среды, обеспечение санитарного и экологического благополучия являются одними из наиболее успешных и востребованных сфер приграничного сотрудничества государств – участников СНГ. Наряду с этим в указанном Решении также отмечены позитивные результаты последних совместных мероприятий компетентных органов стран Содружества по осуществлению мониторин-

га в области охраны окружающей среды, включая трансграничные реки, и рациональному использованию природных ресурсов [27].

В п. 1.3.5 подготовленной Исполнительным комитетом СНГ и принятой к сведению Экономическим советом СНГ Информации об итогах выполнения Плана мероприятий по реализации первого

этапа (2009–2011 гг.) Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 г. [28] также были отмечены положительные результаты сотрудничества в области рационального и экологически обоснованного управления использованием водных ресурсов и охраны трансграничных водных объектов.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ В СФЕРЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

Несмотря на достаточно высокую степень разработанности нормативно-правовой базы Содружества в сфере рационального использования и охраны трансграничных водных объектов, наличие соответствующего организационно-правового механизма сотрудничества, а также отмеченные выше результаты и достижения, уровень взаимодействия государств – участников СНГ в рассматриваемой области вряд ли можно признать достаточными.

Во-первых, обращает на себя внимание весьма низкая степень вовлеченности отдельных стран Содружества в процесс совместного решения общих для них всех экологических проблем. Так, например, как уже было отмечено выше, под основополагающим межправительственным Соглашением 1998 г. [35], закрепившим принципы сотрудничества в сфере рационального использования и охраны трансграничных водных объектов, свои подписи поставили представители лишь четырех государств – участников СНГ. И до настоящего времени, а с момента подписания упомянутого договора прошло уже более полутора десятилетий, данное число не увеличилось. Более того, Соглашение 1998 г. по состоянию на текущий момент вступило в силу лишь для трех стран: Беларуси, России и Таджикистана. Что касается Казахстана, данное государство за 16 лет так и не выполнило соответствующих внутригосударственных процедур, необходимых для вступления Соглашения в силу. Все это, по нашему мнению, может означать только одно: большинство стран Содружества так в полной мере и не осознали «своей ответственности за сохранение, рациональное использование и охрану трансграничных водных объектов совместного пользования» (преамбула Соглашения 1998 г.) и все еще не готовы активно сотрудничать в области управления водными ресурсами таких объектов.

Не совсем понятен и смысл замечания Республики Казахстан, сделанного при подписании Соглашения 1998 г. и состоящего в следующем: «Республика Казахстан считает, что вопросы взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов должны решаться на основе соглашений между заинтересованными государствами» [35]. Если рассматривать данное замечание как оговорку, не ясно, какое именно положение вышеназванного международного договора пожелал таким образом исключить (либо изменить юридическое действие) Казахстан в его применении к данному государству. Если же это не оговорка, остается открытым вопрос о том, зачем вообще представителю Казахстана при подписании Соглашения понадоби-

лось формулировать указанное замечание, принимая во внимание тот факт, что решение «вопросов взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов [...] на основе соглашений между заинтересованными государствами» [35] и так напрямую вытекает из содержания ст. 11 Соглашения 1998 г. [35].

Во-вторых, по-прежнему незначительным остается число двусторонних и многосторонних договоров между странами Содружества, граничащими с одними и теми же водными объектами, на основе которых осуществляется сотрудничество в области охраны и использования трансграничных вод. В особенности это характерно для государств Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), взаимоотношения которых в рассматриваемой области по-прежнему отягощены довольно значительными разногласиями, порой приводившими даже к конфликтам (прежде всего между находящимися выше и ниже по течению трансграничных рек странами) [1; 6; 11].

В-третьих, существуют проблемы и в организационно-правовом механизме сотрудничества государств – участников СНГ в рассматриваемой области. В частности, все еще не может продемонстрировать стабильность в работе ключевой природоохранной орган Содружества – МЭС, испытывающий в последние годы кризис доверия со стороны государств. Начав свою деятельность весьма активно, он, к сожалению, в последующем – после 2002 г. – значительно «сбавил обороты»: перерывы в его заседаниях стали доходить до нескольких лет.

Согласно информации Исполнительного комитета СНГ, прилагающейся к Решению Совета глав правительств СНГ об оптимизации деятельности органов отраслевого сотрудничества Содружества Независимых Государств, принятому в 2008 г. [24], последнее заседание МЭС состоялось в уже далеком 2005 г. И это при том, что заседания органов отраслевого сотрудничества СНГ должны проводиться не реже одного раза в год!

Следует, однако, заметить, что в своих предложениях по оптимизации отраслевых органов Содружества, направленных в Исполнительный комитет СНГ в течение 2007–2008 гг., большинство стран Содружества высказались за возобновление деятельности МЭС как весьма важного и востребованного в современных условиях органа [24], следствием чего и стало появление уже рассмотренной выше новой редакции Положения о МЭС 2013 г., не добавившей, правда, в текущей ситуации ни грамма оптимизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая рассмотрение вопроса о взаимодействии государств — участников СНГ в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов, считаем необходимым отметить, что как проблемам охраны окружающей среды в целом, так и актуальным водоохранным проблемам в частности в рамках Содружества в последние годы, к сожалению, стало уделяться значительно меньше внимания, нежели другим важным вопросам. Так, в соответствии с п. 4.7 Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств, одобренной Решением Совета глав государств СНГ в октябре 2007 г. [23], одним из приоритетных направлений деятельности Содружества и существенной составной частью сотрудничества государств в рамках СНГ является взаимодействие в экологической сфере (наряду с предупреждением чрезвычайных ситуаций и ликвидацией последствий стихийных бедствий). Тем не менее Планом основных мероприятий по реализации вышеупомянутой Концепции, утвержденным тем же самым Решением Совета глав государств СНГ, никаких значимых мероприятий в этой области, в том числе в сфере правотворчества, предусмотрено не было. Более того, в соответствующей графе Плана, именуемой «Мероприятия по выполнению» словосочетание «экологическая сфера» даже не встречается!

Как известно, в 2011 г. Содружеству исполнилось 20 лет. Однако ни в одном из наиболее значимых документов, подводящих итог 20-летней истории Содружества либо указывающих на его дальнейшие перспективы, так и не нашлось места

даже для упоминания о защите окружающей среды и экологии, не говоря уже о рациональном использовании и охране водных ресурсов!

Как представляется, подобное положение дел вряд ли может устраивать страны СНГ. Постоянно растущее и к тому же многократно возросшее за последние несколько десятилетий воздействие человека на окружающую среду ведет лишь к усугублению экологического кризиса, существенно увеличивает вероятность возникновения новых чрезвычайных ситуаций как природного, так и техногенного характера. В этих условиях Содружество не должно оставаться в стороне от усилий, предпринимаемых международным сообществом как в глобальном масштабе, так и на региональном уровне, направленных на защиту и сохранение окружающей человека природной среды. Время серьезно и глубоко задуматься об экологии давно настало, и постсоветское пространство не является исключением.

Очень хотелось бы надеяться, что соответствующие мероприятия, посвященные экологической проблематике, проведенные правительствами государств — участников СНГ и органами Содружества в 2013-м особом, «тематическом» году, а также заключение в рамках СНГ нового базового природоохранного договора смогут придать новый импульс сотрудничеству постсоветских стран в сфере экологии, будут способствовать рассмотрению вопросов, связанных с окружающей средой, в более широком контексте, прежде всего экономическом и культурном, и тем самым ускорят реализацию на пространстве Содружества идей «зеленого» роста и устойчивого развития.

Библиографические ссылки

1. Аманжолов Ж. М. Многосторонние международные договоры в обеспечении водной безопасности в Центральной Азии // Моск. журн. междунар. права. 2007. № 4. С. 226–243.
2. Валеев Р. М. Охрана пресноводных ресурсов Земли в нормах международного экологического права // Международное экологическое право : учебник / отв. ред. Р. М. Валеев [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Россия. Технология ПРОФ / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2014.
3. Данилов-Данильян В. И. Водные ресурсы мира и перспективы водохозяйственного комплекса России. М. : Типография ЛЕВКО ; Ин-т устойчивого развития ; Центр эколог. политики России. 2009.
4. Забота об экологии начинается с каждого конкретного человека (анализ состояния экологической сферы в странах СНГ) [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <<http://e-cis.info/page.php?id=18424>> (дата обращения: 27.08.2014).
5. Информация о деятельности Межгосударственного экологического совета [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <<http://e-cis.info/page.php?id=18829>> (дата обращения: 27.08.2014).
6. Искандархонова Б. А. Правовое регулирование использования трансграничных рек в Центральной Азии // Моск. журн. междунар. права. 2007. № 3. С. 140–152.
7. История конгресса [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Невского международного экологического конгресса. URL: <http://www.old.ecocongress.info/5_congr/5_History.html> (дата обращения: 26.08.2014).
8. Конвенция о приграничном сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств, 10 окт. 2008 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=2510>> (дата обращения: 28.08.2014).
9. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, 17 марта 1992 г. [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml> (дата обращения: 26.08.2014).
10. Копылов М. Н., Копылов С. М. Наставление по стратегической экологической оценке // Моск. журн. междунар. права. 2013. № 1. С. 21–37.
11. Махамбаев С. Д. Правовой режим использования водных ресурсов трансграничных рек Амударья и Сырдарья // Междунар. право = International Law. 2010. № 2. С. 60–62.

12. Межгосударственный экологический совет [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <<http://e-cis.info/page.php?id=13834>> (дата обращения: 27.08.2014).
13. Модельный Водный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств: принят постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 16 нояб. 2006 г. № 27-10 [Электронный ресурс] // Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. URL: <<http://www.iacis.ru/upload/iblock/c44/199.pdf>> (дата обращения: 28.08.2014).
14. Модельный закон «Об экологической безопасности»: принят постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 15 нояб. 2003 г., № 22-18 [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=1496>> (дата обращения: 28.08.2014).
15. Модельный закон «О предотвращении и комплексном контроле загрязнений окружающей среды»: принят постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 25 нояб. 2008 г. № 31-8 [Электронный ресурс] // Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. URL: <http://www.iacis.ru/upload/iblock/4af/ass_31_8a.pdf> (дата обращения: 28.08.2014).
16. Модельный закон «О стратегической экологической оценке»: принят постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 16 мая 2011 г. № 36-7 [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3051>> (дата обращения: 28.08.2014).
17. Обеспечение экологической безопасности [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <<http://e-cis.info/page.php?id=19510>> (дата обращения: 27.08.2014).
18. Перечень документов, принятых на 58-м заседании Экономического совета Содружества Независимых Государств, 18 июня 2013 г., г. Москва [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <<http://e-cis.info/page.php?id=23476>> (дата обращения: 27.08.2014).
19. Председательство Республики Беларусь в Содружестве Независимых Государств – 2013 год [Электронный ресурс] // М-во иностранных дел Респ. Беларусь. URL: <<http://mfa.gov.by/cis/>> (дата обращения: 27.08.2014).
20. Рекомендации круглого стола № 8 «Комплексное управление водными ресурсами: использование и качество воды» Шестого Невского международного экологического конгресса, Санкт-Петербург, 22 мая 2013 г. [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Невск. междунар. эколог. конгресса. URL: <http://www.ecocongress.info/upload/medialibrary/8d5/8_rec.pdf> (дата обращения: 26.08.2014).
21. Решение Президиума Межгосударственного экономического Комитета Экономического союза о Положении о Межгосударственном экологическом совете, 26 дек. 1995 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3650>> (дата обращения: 28.08.2014).
22. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств об объявлении 2013 года Годом экологической культуры и охраны окружающей среды в Содружестве Независимых Государств, 5 дек. 2012 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3602>> (дата обращения: 28.08.2014).
23. Решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств о Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плана основных мероприятий по ее реализации, 5 октября 2007 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=2298>> (дата обращения: 28.08.2014).
24. Решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств об оптимизации деятельности органов отраслевого сотрудничества Содружества Независимых Государств, 14 ноября 2008 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=2552>> (дата обращения: 28.08.2014).
25. Решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о Плана мероприятий по реализации второго этапа (2012–2015 годы) Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года, 18 окт. 2011 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3185>> (дата обращения: 28.08.2014).
26. Решение Экономического совета Содружества Независимых Государств о ходе выполнения Плана мероприятий по реализации второго этапа (2012–2015 годы) Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года, 18 июня 2013 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3904>> (дата обращения: 28.08.2014).
27. Решение Экономического совета Содружества Независимых Государств о ходе реализации Конвенции о приграничном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств, 15 марта 2013 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3709>> (дата обращения: 28.08.2014).
28. Решение Экономического совета Содружества Независимых Государств об итогах выполнения Плана мероприятий по реализации первого этапа (2009–2011 годы) Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года, 21 июня 2012 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр

- правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3507>> (дата обращения: 28.08.2014).
29. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о совместном использовании и охране трансграничных вод, 16 окт. 2001 г. [Электронный ресурс] // М-во природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь. URL: <http://www.minpriroda.gov.by/ru/napravlenia/mejdunsotr/dvust_sogl> (дата обращения: 26.08.2014).
 30. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Азербайджанской Республики о рациональном использовании и охране водных ресурсов трансграничной реки Самур, 3 сент. 2010 г. // КонсультантПлюс: Россия. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2014.
 31. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов, 24 мая 2002 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014.
 32. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов, 27 авг. 1992 г. // КонсультантПлюс: Россия. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2014.
 33. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов, 7 сент. 2010 г. // КонсультантПлюс: Россия. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2014.
 34. Соглашение об информационном сотрудничестве в области экологии и охраны окружающей природной среды, 11 сент. 1998 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=814>> (дата обращения: 27.08.2014).
 35. Соглашение об основных принципах взаимодействия в области рационального использования и охраны трансграничных водных объектов, 11 сент. 1998 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#text>> (дата обращения: 25.08.2014).
 36. Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды, 8 февр. 1992 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=19>> (дата обращения: 25.08.2014).
 37. Соглашение о контроле за трансграничной перевозкой опасных и других отходов, 12 апр. 1996 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=578>> (дата обращения: 26.08.2014).
 38. Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств – участников Содружества Независимых Государств, 31 мая 2013 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=3874>> (дата обращения: 25.08.2014).
 39. Соглашение о сотрудничестве в области экологического мониторинга, 13 янв. 1999 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=868>> (дата обращения: 26.08.2014).
 40. «Трансграничное водное сотрудничество в Новых Независимых Государствах». Проект ЕЭК ООН, Европейского регионального офиса ЮНЕП, Министерства природных ресурсов Российской Федерации, Шведского агентства охраны окружающей среды и Агентства экологических оценок «ЭКОТЕРРА» [Электронный ресурс] // Европ. эконом. комиссия Орг. Объед. Наций. URL: <http://www.unece.org/env/water/documents/transbwatcoopnis_fin_g.doc> (дата обращения: 27.08.2014).
 41. Управление трансграничными водными ресурсами (из доклада о развитии человека Программы развития Орг. Объед. Наций (2006)) [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций. URL: <http://www.un.org/russian/esa/hdr/2006/hdr2006_ch6.pdf> (дата обращения: 26.08.2014).
 42. Устав Содружества Независимых Государств, 22 янв. 1993 г. [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <<http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=187>> (дата обращения: 25.08.2014).
 43. The Helsinki rules on the uses of the waters of international rivers (1966) [Электронный ресурс] // Орг. Объед. Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: <http://webworld.unesco.org/water/wwap/pccp/cd/pdf/educational_tools/course_modules/reference_documents/internationalregionconventions/helsinkirules.pdf> (дата обращения: 25.08.2014).

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2014 г.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА В СОГЛАШЕНИЯХ, ПРИНЯТЫХ В РАМКАХ ВТО, ЕГО ТОЛКОВАНИЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ТОРГОВЫХ СПОРОВ

Л. С. Лукина

В статье анализируется правовое регулирование национального режима в соглашениях, принятых в рамках ВТО, а также его применения и толкования при рассмотрении торговых споров.

The article is devoted to examination of the legal regulation of national treatment regime in WTO agreements, its implementation and interpretation in WTO trade dispute settlement.

Ключевые слова: ВТО, национальный режим, ГАТТ, ГАТС, ТРИПС, рассмотрение споров в рамках ВТО, аналогичный товар, аналогичная услуга.

Keywords: WTO, national treatment regime, GATT, GATS, TRIPS, WTO dispute settlement, similar products, similar services.

Принцип недискриминации, лежащий в основе регулирования международной торговли, закреплён практически во всех соглашениях, разработанных в рамках ВТО. Он направлен на создание условий, при которых товарам и услугам, произведенным в государствах — членах организации, обеспечивается равный режим обращения между странами в рамках международной торговли, а также между отечественными и ввозимыми товарами на территории договаривающихся сторон. Предоставление обращения не менее благоприятного позволяет избежать дискриминации и обеспечить возможность пользования всеми преимуществами международной торговли. На практике принцип недискриминации гарантируется предоставлением двух режимов: режима наибольшего благоприятствования и национального режима. Настоящая статья посвящена анализу правового закрепления национального режима.

Теоретической основой для проведения данного исследования стали труды зарубежных специалистов (Б. Хокман [10], П. Боше [12], Г. Ванг [26]), соглашения ВТО (ГАТТ [2], ГАТС [3], ТРИПС [9] и другие), а также решения органов ВТО по рассмотрению споров («Япония — налог на алкогольные напитки» [20], «Меры в отношении периодической печати» [15], «Режим в отношении импорта, продажи и распространения бананов» [18] и др.). Следует отметить, что в отечественной доктрине, несмотря на значительный интерес к правовому механизму ВТО, демонстрируемый как со стороны органов государства, так и отечественных ученых в свете вступления Республики Беларусь в организацию, вопрос закрепления национального режима в соглашениях, регулирующих международную торговлю, и его содержание не рассматривалось должным образом.

Цель статьи — проанализировать правовое регулирование национального режима в соглашениях, принятых в рамках ВТО (ГАТТ, ГАТС, ТРИПС и другие), рассмотреть практику применения положений, закрепляющих национальный режим, при рассмотрении торговых споров, выявить толкование отдельных терминов, используемых для формулирования национального режима в соглашениях ВТО, осуществляемое органами по рассмотрению споров.

Национальный режим, являясь составной частью принципа недискриминации, обеспечивает соблюдение обязательств по либерализации торговли всеми государствами — членами ВТО [10; 26, с. 92], он также направлен на сохранение конкуренции как между производителями отечественных товаров и услуг, так и между ними и производителями из других государств — членов организации [23, с. 366]. Данный режим закреплён в ст. III ГАТТ и представляет собой правило, согласно которому на внутреннем рынке ввозимые товары после прохождения пограничных и таможенных процедур должны пользоваться режимом не менее благоприятным, чем аналогичные товары, произведенные на данном рынке. Основная цель введения национального режима заключается в запрете практики протекционизма отечественного производителя за счет применения внутренних мер (п. 1 ст. III ГАТТ). Об этом свидетельствуют вынесенные решения по таким спорам, как «Дискриминация в отношении импорта сельскохозяйственного оборудования» (Великобритания против Италии), п. 11 [19], «Япония — налог на алкогольные напитки» (ЕС, Канада, США против Японии), п. 109, «США — раздел 337 Закона о тарифе 1930 г.», п. 5.10 [27]. При этом ст. III ГАТТ запрещает следующие виды протекционизма: протекционизм, осуществляющийся посредством использования внутренних налогов или сборов (п. 2), применяемых прямо или косвенно в отношении аналогичных товаров (предложение 1 п. 2) и непосредственно конкурирующих или взаимозаменяемых товаров (предложение 2 п. 2); протекционизм, реализующийся через использование внутренних правил (п. 4).

Для проведения анализа ст. III ГАТТ необходимо рассмотреть понятие аналогичного товара в отношении импортируемых товаров, а также взаимозаменяемых товаров, определить, применяются ли в отношении ввезенных товаров внутренние налоги или сборы, превышающие внутреннее налогообложение к товарам, произведенным на внутреннем рынке («Меры в отношении периодической печати» (США против Канады), п. V [12, с. 331]). Для этого обратимся к тексту предложения 1 п. 2 ст. III ГАТТ и предложения 2 п. 2 ст. III ГАТТ.

При анализе предложения 1 п. 2 ст. III ГАТТ возникает проблема выявления соответствующих

Международное публичное, международное частное и европейское право

характеристик для определения аналогичности товара и выяснения, ограничивает ли внутреннее налогообложение обращение товара на рынке страны. В ГАТТ не определяются критерии аналогичности товара при применении национального режима. Из анализа судебной практики вытекает, что члены третейских групп и Апелляционного органа руководствуются теми же критериями, которые были предложены в Докладе Третейской группы по делу «Корректировка приграничного налога» [11] и которые применялись в отношении товаров, обрабатываемых в режиме наибольшего благоприятствования («Япония — налог на алкогольные напитки», п. 6.21): конечное назначение товара на конкретном рынке, предпочтения и привычки потребителей, свойства, природа и качество товара. С учетом особенностей товара возможно использование и дополнительных критериев, например тарифной классификации товара («Тарифный режим в отношении сырых зерен кофе», п. 315–316 [25]).

Кроме определения аналогичности товара необходимо также определить, является ли внутреннее налогообложение, применяемое к импортируемым товарам, превышающим внутреннее налогообложение, налагаемое в отношении отечественных товаров. Судебной практикой был выработан подход, согласно которому даже минимальное превышение в налогообложении (*deminimis*) между ввезенными товарами и товарами, произведенными на территории государства, нарушает п. 2 ст. III ГАТТ («Япония — налог на алкогольные напитки», п. 1b, «Налог на бензин и некоторые импортируемые продукты нефтепереработки» (ЕС, Канада, Мексика против США), п. 5.1.1 [28]). Помимо размера налога необходимо принимать во внимание способ налогообложения, а также способ взимания налога («Япония — налог на алкогольные напитки» п. 5.8; ГАТТ, ст. III(2)).

Анализируя предложение 2 п. 2 ст. III ГАТТ, следует обратить внимание на то, что понятие «товары, непосредственно конкурирующие или взаимозаменяемые» шире, чем понятие «аналогичный товар». Об этом, в частности, говорится в деле «Корея — налог на алкогольные напитки» (п. 118) [22]. При необходимости определения, являются ли два товара непосредственно конкурирующими или взаимозаменяемыми, целесообразно проанализировать, конкурируют ли эти товары на рынке и могут ли они заменять друг друга не в данный момент времени (т. е. в момент рассмотрения спора), а в динамике, поскольку конкуренция на рынке — это развивающийся процесс, подверженный различному влиянию, в том числе и протекционистским мерам («Корея — налог на алкогольные напитки», п. 114). Более того, целесообразно также принимать во внимание такие факторы, как существующие в стране условия конкуренции («Япония — налог на алкогольные напитки», п. 117).

При выявлении дискриминации на основе предложения 2 ст. III ГАТТ следует определить, насколько налогообложение импортных непосредственно конкурирующих или взаимозаменяемых товаров отличается от налогообложения соответствующих отечественных товаров. В деле «Япония —

налог на спиртные напитки» Апелляционный орган заявил, что следует учитывать размер внутренних налогов или сборов, которые взимаются с импортных товаров в сравнении с налогами и сборами в отношении «прямо конкурирующих или взаимозаменяемых» товаров, причем такая разница должна быть больше, чем *deminimis*. Размер превышения и его влияние на конкуренцию следует определять при рассмотрении конкретного дела (п. 118). Еще одним критерием может быть ситуация, когда импортируемые товары из одной страны облагаются большим налогом, чем прямо конкурирующие или взаимозаменяемые отечественные товары, в то время как ввозимые из другой страны товары облагаются налогом по той же ставке, что произведенные на внутреннем рынке («Меры в отношении периодической печати», п. 474; «США — раздел 337 закона о тарифе 1930 г.», п. 5.14). Использование внутренних мер в отношении ввозимых непосредственно конкурирующих или взаимозаменяемых товаров должно преследовать цель защиты национального производителя, что может выражаться, например, в отнесении отечественного товара к более низкой налоговой категории, чем импортного. В данном случае также важно принимать во внимание намерение государственного органа защитить отечественного производителя, что может выражаться в построении нормы правового акта, ее структуре («Чили — налог на алкогольные напитки», п. 71 [16]), а также декларируемых целях внутренней политики («Меры в отношении периодической печати», п. 475–476).

Правила национального режима начинают действовать после пересечения ввозимым товаром государственной границы и прохождения процедуры таможенной очистки. Факт нахождения товара внутри территории государства позволяет исключить действие ст. II и XI ГАТТ, которые регулируют применение тарифных уступок и количественных ограничений соответственно и относятся к мерам, ограничивающим ввоз товара. Однако если внутренние меры (налог, внутренний сбор, закон и т. д.) применяются к импортируемому товару при пересечении границы и в равной степени распространяются как на ввозимый товар, так и на товар, производимый на территории государства, такие меры будут считаться внутренними. Соответственно, на них будет распространяться ст. III ГАТТ (ч. 1 прил. I «Пояснительные замечания и дополнительные положения» к ст. III). Данное положение получило закрепление в споре между США и Канадой «Закон об управлении иностранными инвестициями» (п. 5.14) [13].

Протекционизм, реализующийся посредством применения внутренних правил, запрещен в ст. III(4) ГАТТ. Данный пункт статьи определяет, в каком случае будет иметь место протекционизм отечественного производителя. Нарушение ст. III(4) ГАТТ означает применение дискриминирующих внутренних правил по отношению к аналогичным товарам, приводящее к менее благоприятному обращению с импортным товаром. Таким образом, при рассмотрении споров члены третейских групп и Апелляционного органа должны проанализировать, подпадают ли внутренние правила

под действие ст. III(4) ГАТТ, возник ли спор по поводу аналогичного товара и подвергаются ли введенные товары менее благоприятному обращению («Меры в отношении импорта свежей, охлажденной и замороженной говядины» (Австралия, США против Кореи), п. 133 [21]). Из анализа практики органов по рассмотрению споров можно сделать вывод, что в ст. III(4) ГАТТ речь идет обо всей совокупности правовых актов, которые регулируют продажу и использование товаров, определяют условия конкуренции («Дискриминация в отношении импорта сельскохозяйственного оборудования», п. 12), внутреннюю цену импортируемых товаров («США — раздел 337 закона о тарифе 1930 г.», п. 5.10), импортное лицензирование, включая метод распределения лицензий («Режим в отношении импорта, продажи и распространения бананов», п. 211), внутреннюю продажу и использование импортных товаров («Меры в отношении автомобильной промышленности», п. 10.4, 10.80 [14]). Важно иметь в виду, что ст. XXIV(12) ГАТТ обязывает государства обеспечивать с применением «имеющихся разумных мер... соблюдение [всех] положений ГАТТ региональными и местными властями на ее территории».

Понятие аналогичного товара, применяемое в смысле ст. III(4) ГАТТ, не включает в себя «непосредственно конкурирующие и взаимозаменяемые товары» («Меры в отношении асбеста и асбестосодержащих продуктов», п. 94–95 [17]). Определение аналогичности включает в себя выяснение природы и степени конкурентных отношений между импортными и отечественными товарами и среди них (п. 98–99).

Установление менее благоприятного режима по отношению к импортным товарам означает установление менее благоприятных условий и возможностей для импортируемых товаров в национальном законодательстве, регулирующем внутреннюю торговлю, оплату, транспортировку, движение товара от производителя к потребителю, использование товара («США — раздел 337 Закона о тарифе 1930 г.», п. 5.11).

Предоставление национального режима в отношении услуг регулируется ст. XVII ГАТС, в соответствии с которой каждое государство «предоставляет услугам и поставщикам услуг любого другого члена в отношении всех мер, затрагивающих поставку услуг, режим не менее благоприятный, чем тот, который он предоставляет аналогичным отечественным услугам или поставщикам услуг». Следует отметить некоторые особенности применения национального режима в отношении услуг. Предоставление данного режима не носит безусловного характера, а является результатом договоренностей, которые достигаются в ходе многосторонних торговых переговоров и переговоров, проводимых при вступлении государства в ВТО, и применяется в отношении секторов услуг, закрепленных в Перечне специфических обязательств [24], для которых государства обязались применять национальный режим. Указанные обязательства подразделяются на обязательства горизонтального применения, определяющие предоставление национального режима в зависимости от способов поставки (транс-

граничный способ, поставка услуг иностранному потребителю, поставка путем коммерческого присутствия, поставка услуги физическими лицами), и секторального применения, распространяющиеся на конкретные виды услуг, по которым страна принимает обязательство.

Предоставление национального режима обычно сопряжено с определенными условиями, ограничениями, которые также включены в Перечень специфических обязательств: требования, касающиеся национальности юридического лица; требования инвестировать определенное количество активов в местной валюте; ограничения на покупку земли иностранными поставщиками услуг; налоговые привилегии, предоставляемые отечественным услугам и поставщикам услуг, и так далее [12, с. 365]. Еще одной особенностью предоставления национального режима является его применение к поставщикам услуг, т. е. к юридическим и физическим лицам.

Применение национального режима в отношении услуг означает применение соответствующих мер, которые регулируют торговлю услугами, исключая услуги, оказываемые государственными органами («Меры в отношении автомобильной промышленности», п. 321–322), и определяют условия конкуренции в поставке услуг («Меры в отношении автомобильной промышленности», п. 321–322). Термин «аналогичные услуги», применяемый в ст. XVII ГАТС в отношении услуги или поставщика услуг, совпадает с трактовкой аналогичной услуги или поставщика услуг в контексте ст. III ГАТТ.

Предоставление режима не менее благоприятного, чем для отечественных услуг или поставщиков услуг, определено в ст. XVII(2–3) ГАТС и означает, что режим будет носить характер менее благоприятного, если при формальном равенстве в обращении правительство предоставляет лучшие условия конкуренции для отечественных услуг или поставщиков услуг.

Применение национального режима закреплено в ряде договоров, действующих в рамках ВТО. Соглашение по процедурам импортного лицензирования 1994 г. [8] закрепляет, что национальные процедуры лицензирования должны соответствовать правилам ГАТТ. Под данное обязательство подпадают положения, регулирующие внутригосударственные требования к импортному товару и налогообложению (ст. 1–4). Национальный режим применяется на основе ст. 2(2) Соглашения по правилам происхождения товаров 1994 г. [6]. Данная статья определяет, что правила происхождения «не должны быть более строгими, чем правила происхождения, применяемые для определения того, произведен ли товар в данной стране или нет». Использование правил не должно приводить к дискриминации между государствами — членами ГАТТ независимо от национальной принадлежности товара. Соглашение по техническим барьерам в торговле 1994 г. содержит требование применения технических регламентов на основе национального режима, т. е. одинаково в отношении аналогичных отечественных и ввозимых товаров (ст. 2(d)). Рассматриваемый принцип применяется при

установлении размеров и порядка оплаты услуг по подтверждению соответствия товара тем или иным техническим требованиям.

Особенностью применения национального режима в ТРИПС является, во-первых, его привязка к международным договорам в области интеллектуальной собственности (Парижская конвенция по защите промышленной собственности 1883 г. [4]; Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 г. [1] и др.). Во-вторых, ТРИПС закрепляет, что его взаимосвязь с данными договорами распространяется на текст, действующий на момент подписания ТРИПС. Кроме того, еще одной особенностью ТРИПС является его распространение на частных лиц, а не на органы государства (ст. 1(3)). Данное положение отражено в ст. 3 (3) ТРИПС, в которой содержится требование к государствам обеспечить гражданам других государств-членов режим не менее благоприятный, чем тот, который они предоставляют собственным гражданам. При этом важно отметить, что в этой же статье закреплено, что в отношении исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций подобный национальный режим применяется только в части прав, предусмотренных непосредственно ТРИПС.

Соглашение о торговых аспектах инвестиционных мер 1994 г. [5] рассматривает как нарушение национального режима применение каких-либо мер в отношении иностранных инвестиций, которое не совместимо с положениями ст. III ГАТТ-1994. Данное соглашение вводит примерный перечень мер, которые не считаются совместимыми с обязательством предоставления национального режима и обязательством устранения количественных ограничений, закрепленными в ГАТТ (приложение к ТРИМС).

Национальный режим применим также к факкультативным соглашениям, присоединение к которым не носит обязательного характера при вступлении в ВТО. Так, например, в ст. III(1) Соглашения по правительственным закупкам 1994 г. [7] предусмотрена обязанность предоставления режима наибольшего благоприятствования и национального режима в данной области. Каждое государство

должно предоставлять немедленно и безусловно всем товарам, услугам и поставщикам другой стороны Соглашения режим не менее благоприятный, чем установленный в отношении национальных товаров, услуг и поставщиков на основе действующих законов, правил и процедур, регулирующих правительственные закупки. Следует отметить, что данное Соглашение распространяется на все товары (за исключением закупок военного характера военных ведомств) и отдельные виды услуг.

Национальный режим применяется для обеспечения равенства отечественных товаров, услуг и поставщиков услуг с аналогичными товарами, услугами и поставщиками услуг, принадлежащими иностранным государствам, на внутреннем рынке посредством запрета практики протекционизма. Рассматриваемый режим играет значимую роль в борьбе с нетарифными барьерами, введение которых является прямой дискриминацией товаров на внутреннем рынке страны, а также с применением количественных ограничений в торговле.

Однако следует отметить, что при закреплении национального режима в соглашениях ВТО, государства-члены не посчитали необходимым дать четкое определение таким понятиям, как аналогичный товар, услуга, взаимозаменяемый товар, непосредственно конкурирующий товар, предоставив возможность органам по разрешению споров толковать их каждый раз при рассмотрении конкретных обстоятельств дела. Не определен порог, при достижении которого внутреннее налогообложение, применяемое к импортируемым товарам, становится выше, чем налогообложение на товары, произведенные на внутреннем рынке. Закрепление национального режима в самых общих чертах имеет как положительные, так и отрицательные моменты. С одной стороны, отсутствие четких дефиниций позволяет органам по рассмотрению споров гибко подходить к применению режима относительно определенного товара с учетом его специфики, с другой стороны, отсутствие ориентиров может приводить к определенным злоупотреблениям при предоставлении национального режима в рамках организации.

Библиографические ссылки

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений 1886 г. [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL: <http://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283702> (дата обращения: 05.06.2014).
2. Генеральное соглашение о тарифах и торговле 1994 г. [Электронный ресурс] // Всемирная торговая организация. URL: <<http://www.wto.ru/documents.asp?f=sogl&t=13>> (дата обращения: 05.06.2014).
3. Генеральное соглашение по торговле услугами 1994 года [Электронный ресурс] // Всемирная торговая организация. URL: <<http://www.wto.ru/documents.asp?f=sogl&t=13>> (дата обращения: 05.06.2014).
4. Парижская конвенция по защите промышленной собственности 1883 г. [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL: <http://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=288517> (дата обращения: 05.06.2014).
5. Соглашение о торговых аспектах инвестиционных мер 1994 г. [Электронный ресурс] // Всемирная торговая организация. URL: <<http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/torginvmer.doc>> (дата обращения: 05.06.2014).
6. Соглашение по правилам происхождения товаров 1994 г. [Электронный ресурс] // Всемирная торговая организация. URL: <<http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/proizhozd.doc>> (дата обращения: 05.06.2014).
7. Соглашение по правительственным закупкам 1994 г. [Электронный ресурс] // Всемирная торговая организация. URL: <<http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/pril4.doc>> (дата обращения: 05.06.2014).

8. Соглашение по процедурам импортного лицензирования 1994 г. [Электронный ресурс] // Всемирная торговая организация. URL: <<http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/importlicenc.doc>> (дата обращения: 05.06.2014).
9. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Всемирная торговая организация. URL: <<http://www.wto.ru/documents.asp?f=sogl&t=13>> (дата обращения: 05.06.2014).
10. Хокман Б. ВТО: назначение и базовые принципы // Развитие, торговля и ВТО [Электронный ресурс] // Всемирный банк. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTRANETTRADE/Resources/Pubs/Handbook_rs_Hoekman_ch6.pdf> (дата обращения: 05.06.2014).
11. Border Tax Adjustment: Report of the Working Party Adopted on 2 December 1970 (L/3464) [Electronic resource] // World Trade Law. URL: <<http://www.worldtradelaw.net/reports/gattpanels/bordertax.pdf>> (date 05.06.2014).
12. Bossche P. Van den The Law and Policy of the World Trade Organization. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2005.
13. Canada – Administration of The Foreign Investment Review Act: Report of the Panel adopted on 7 February 1984 (L/5504 - 30S/140) [Electronic resource] // World Trade Organization. Geneva, 2014. URL: <http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/82fira.pdf> (date 05.06.2014).
14. Canada – Certain Measures Affecting the Automotive Industry: Report of the Panel on 11 February 2000 (00-0455) [Electronic resource] // World Trade Organization. URL: <[http://www.worldtradelaw.net/reports/wtopanel/canada-autos\(panel\).pdf](http://www.worldtradelaw.net/reports/wtopanel/canada-autos(panel).pdf)> (date 05.06.2014).
15. Canada – Certain Measures Concerning Periodicals: Report of the Panel adopted on 30 June 1997 (AB-1997-2) [Electronic resource] // World Trade Law. URL: <[http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/canada-periodicals\(ab\).pdf](http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/canada-periodicals(ab).pdf)> (date 05.06.2014).
16. Chile – Taxes on Alcoholic Beverages: Report of the Panel adopted on 13 December 1999 (99-5414) [Electronic resource] // World Trade Law. URL: <[http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/chile-alcohol\(ab\).pdf](http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/chile-alcohol(ab).pdf)> (date of access: 05.06.2014).
17. European Communities – Measures Affecting Asbestos and Asbestos-Containing Products: Report of the Appellate Body (AB-2000-11) [Electronic resource] // World Trade Organization. URL: <http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/135abr_e.pdf> (date 05.06.2014).
18. European Communities – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas: Report of the Appellate Body (AB-1997-3) [Electronic resource] / World Trade Organization. URL: <http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds27_e.htm> (date 05.06.2014).
19. Italian Discrimination Against Imported Agricultural Machinery: Report adopted on 23 October 1958 (L/833 - 7S/60) [Electronic resource] // World Trade Organization. URL: <http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/58agrmch.pdf> (date 05.06.2014).
20. Japan – Taxes on Alcoholic Beverages: Report of the Appellate Body (AB-1996-2) [Electronic resource] // World Trade Law. URL: <[http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/japan-alcohol\(ab\).pdf](http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/japan-alcohol(ab).pdf)> (date 05.06.2014).
21. Korea – Measures Affecting Imports of Fresh, Chilled and Frozen Beef: Report of the Panel adopted on 11 December 2000 (00-5347) [Electronic resource] // World Trade Law. URL: <[http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/korea-beef\(ab\).pdf](http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/korea-beef(ab).pdf)> (date 05.06.2014).
22. Korea – Taxes on Alcoholic Beverages: Report of the Panel adopted on 18 January 1999 (AB-1998-7) [Electronic resource] / World Trade Law. URL: <[http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/korea-alcohol\(ab\).pdf](http://www.worldtradelaw.net/reports/wtoab/korea-alcohol(ab).pdf)> (date of access: 05.06.2014).
23. Matsushita M. Basic Principles of WTO and the Role of Competition Policy / M. Matsushita // Washington University Global Studies Law Review. 2004. Vol. 3, № 2. P. 363–385.
24. Schedule of specific commitments [Electronic resource] // World Trade Organization. URL: <http://www.wto.org/english/tratop_e/serv_e/serv_commitments_e.htm> (date 05.06.2014).
25. Spain – Tariff Treatment of Unroasted Coffee: Report of the Panel adopted on 11 June 1981 (L/5135 - 28S/102) [Electronic resource] // World Trade Organization. URL: <http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/80coffee.pdf> (date 05.06.2014).
26. Wang G. The Law of WTO. Beijing : Law Press, 2003.
27. United States - Section 337 of The Tariff Act Of 1930: Report by the Panel adopted on 7 November 1989 (L/6439 - 36S/345) [Electronic resource] // World Trade Organization. URL: <http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/87tar337.pdf> (date 05.06.2014).
28. United States – Taxes on Petroleum and Certain Imported Substances: Report of the Panel adopted on 17 June 1987 (L/6175 - 34S/136) [Electronic resource] // World Trade Organization. URL: <http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/87superf.pdf> (date of access: 05.06.2014).

Статья поступила в редакцию 9 июня 2014 г.

МИРОВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Гайдукевич Л. М. Место и роль хостелов в системе организации гостиничного бизнеса

Гайдукевич Л. М., Дедок В. М. Развитие современного рынка гостиничных услуг: международный опыт и современные тенденции

Малашенкова О. Ф., Семиградская Э. А. Анализ эффективности инновационной инфраструктуры стран Единого экономического пространства в контексте международных оценок

Мозговая О. С. Формирование позитивной поддержки местным населением развития экологического туризма: методика и инструментарий оценки

АВТОРЫ

Гайдукевич Леонид Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Дедок Виктория Михайловна – начальник сектора международных программ и проектов Белорусской торгово-промышленной палаты

Малашенкова Ольга Федоровна – кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Мозговая Ольга Степановна – старший преподаватель кафедры международного туризма факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Семиградская Эмилия Александровна – выпускница специальности «Мировая экономика» факультета международных отношений Белорусского государственного университета

МЕСТО И РОЛЬ ХОСТЕЛОВ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА

Л. М. Гайдукевич

В статье анализируется новая форма развития гостиничного бизнеса в Беларуси, хостелы. Обобщается зарубежный опыт становления данных объектов размещения, рассматривается качество предоставляемых ими услуг, первые шаги развития хостелов в республике и возникающие здесь трудности.

The new form of hospitality industry development in Belarus, which is presented by hostels, is analyzed in the article. Foreign experience of functioning of such accommodation facilities is summarized, the quality of services provided is analyzed, the first steps and difficulties of hostels development in the republic are examined.

Ключевые слова: хостел, гостиничный бизнес, объекты размещения, мини-гостиницы, турфирмы, туриндустрия, международная федерация молодежных хостелов.

Keywords: hostel, hospitality industry, accommodation facilities, mini-hotels, travel agencies, tourism industry, the International Youth Hostel Federation.

В современном мире туризм является важной сферой деятельности и оказывает благотворное влияние на развитие других секторов экономики, включая гостиничное хозяйство, транспорт и коммуникации, строительство, сельское хозяйство, розничную торговлю и производство.

Развитие туризма играет важную роль в решении социальных проблем. Благодаря туризму создаются новые рабочие места, поддерживается высокий уровень жизни населения, улучшается платежный баланс страны. Кроме того, туризм положительно влияет на сохранение и развитие природного и историко-культурного наследия, ведет к гармонизации отношений между различными странами и народами.

Цель настоящей статьи – факторный анализ условий и потребности развития в республике экономических средств размещения (так называемых бюджетных гостиниц), коими являются хостелы.

Данная проблематика появилась в исследовательском поле на постсоветском пространстве (Н. Кабушкин [5], Д. Елканова [9]) и характеризуется обзорными публикациями в интернет-ресурсах (О. Артишевская [1], А. Басков [2], Касперович [6]).

Республика Беларусь обладает рядом предпосылок для развития международного туризма, среди которых можно выделить:

- близость к европейскому туристическому рынку, обладающему высоким финансовым потенциалом;
- схожесть историко-культурного потенциала со странами Балтии, Россией, Украиной, что является важным ресурсом в развитии трансграничного туризма;
- уникальные экологические ресурсы, которые позволяют активно развивать экотуризм, привлекающий все большее количество туристов из разных стран мира.

По данным Госпогранкомитета Республики Беларусь, общее число иностранных граждан, посетивших Республику Беларусь в 2013 г., составило 6,36 млн человек, что на 3,75 % больше, чем в 2012 г. [4].

Республика Беларусь входит в десятку стран с наиболее динамично развивающимся туристиче-

ским сектором. В 2012 г. Беларусь заняла шестое место в рейтинге Всемирного совета по туризму и путешествиям по показателю прироста доходов от туризма, который составил 39,7 % к уровню 2011 г. [8]. Такое развитие востребует и адекватной туристической инфраструктуры, что еще раз подтвердил недавно прошедший в г. Минске чемпионат мира по хоккею.

Индустрия гостеприимства накануне чемпионата мира в г. Минске пополнилась 14 гостиницами высокой категории (4–5 звезд), которых в столице в предыдущий период явно не хватало. Однако практика свидетельствует, что не менее актуален вопрос наличия в стране экономичных средств размещения (категории 2–3 звезды).

В международной практике в сфере гостеприимства все большую популярность у молодежного сегмента потребителей набирают небольшие экономичные средства бюджетного варианта размещения – хостелы. **Хостел** (или, по-английски, *youth hostel*) дословно переводится как молодежный приют. Основные отличия хостела как средства размещения заключаются в первую очередь в их ценовой доступности и минимальной степени комфортности [3, с. 65]. Как правило, в хостеле арендуется не комната, а место. В среднем в номере хостела располагается от 2–8 мест, если речь идет о комнате или блоке. Однако существуют так называемые **dormitories** – комнаты на 10–20 человек с общими удобствами в коридоре. В большинстве случаев комнаты разделяются по половому признаку. Хостел, как правило, предусматривает наличие помещения для приготовления пищи самостоятельно, хотя многие объекты предлагают завтрак (включенный или за отдельную плату).

В каждом хостеле организуются места для общения – комнаты большой площади, где постояльцы могутзнакомиться, обмениваться друг с другом информацией. Коммуникация здесь является одним из приоритетов пребывания.

Прототипом хостелов в исторической ретроспективе были придорожные харчевни, предлагавшие непривередливому путнику недорогое место для ночлега. Первый же хостел в современном его понимании появился лишь в 1907 г. в Германии и

был организован немецким школьным преподавателем Ричардом Ширманном.

В начале 20-х гг. XX в. открылось еще несколько хостелов в Европе. Для их объединения в 1932 г. в Амстердаме была организована Международная федерация хостелов (YUNF), которая в настоящее время имеет свои представительства почти во всех европейских странах. В Америке хостелы появились позже — в 1930-х гг. Побывав в Европе и познакомившись там с Ричардом Ширманном, бывший бойскаут Монро Смит и его супруга Изабель создали организацию American Youth Hostels, которая впоследствии трансформировалась в Hostelling International USA [11].

Студенты — основные клиенты хостелов. В течение учебного года хостелы являются общежитием для студентов, а в летние месяцы пустующие комнаты сдаются путешественникам.

Бизнес-модель хостела ориентирована в первую очередь на студенческую молодежь. Импульс развитию хостел-движения в прошлом веке дали так называемые бэк-пэкеры (backpackers) — туристы, путешествующие лишь с рюкзаком за плечами и стремящиеся посетить максимальное количество мест за одну поездку. Этот сегмент туристов приобрел особую популярность в 60–70-е гг. XX в.

Спустя сто с лишним лет хостелы сильно изменились. В наши дни хостелы предлагают своим гостям довольно внушительный список удобств, таких как кондиционирование воздуха в номерах, телефоны с междугородней и международной связью, спутниковое телевидение и компьютеры с подключением к интернету. Но несмотря на все технические новшества, демократичная атмосфера в хостелах по-прежнему присутствует, а цена ночлега доступна студенческой молодежи.

Хостелы нельзя путать ни с гостиницами, ни с общежитиями, ни с арендой частных квартир — это нишевой гостиничный бизнес иного уровня, который удобен и выгоден как его организаторам, так и клиентам. В Европе их постоянными клиентами являются сравнительно обеспеченные мелкие предприниматели, профессиональные туристы («рюкзачники», или бэк-пэкеры), путешествующие пенсионеры и студенты. Для одних ночлег в хостеле — возможность сэкономить на дорогах гостиницах в пользу других расходов, для других — образ жизни и романтика, а для третьих — отличная возможность завести новых знакомых и друзей.

Хостелы как вид средства размещения обладают рядом преимуществ.

В о - п е р в ы х, это ценовая политика — предельно низкие цены, которые колеблются в диапазоне от 10 до 30 долл. США за ночь на одного человека в зависимости от места расположения хостела в черте города. Обычно это вдвое дешевле, чем в обычной гостинице на окраине и на порядок дешевле, чем в самом скромном трехзвездочном отеле.

В о - в т о р ы х, при такой низкой стоимости ночлега вы можете воспользоваться пусть и скромным, но полноценным гостиничным сервисом (обслуживание в номерах, удобные кровати, чистое белье, горячая и холодная вода, душ, сейф для хранения личных вещей, круглосуточная охрана и т. д.).

В - т р е т ь и х, в хостелах минимум бюрократических процедур. Для оформления в хостел не имеет значения ваш возраст, пол, профессиональная принадлежность, уровень дохода и даже время суток — при наличии паспорта или клубной карты хостел-ассоциации гостиница принимает любых постояльцев, в любое время суток и на равных правах.

В - ч е т в е р т ы х, вы можете, как и в гостинице, снять место в хостеле на одну ночь, а при желании жить в нем длительный срок, как в общежитии. При этом стоимость ночлега останется неизменно низкой.

В - п я т ы х, это великолепная возможность познакомиться и пообщаться с другими путешественниками в неформальной обстановке [2].

Значимой тенденцией в развитии хостелов является удобство их расположения — близость к туристическим достопримечательностям города, инфраструктуре и транспортным коммуникациям. Многие хостелы Европы сегодня можно найти в исторической части посещаемых городов, а нередко и в старых особняках, замках, что добавляет им колоритности.

За свою историю хостелы претерпели ряд изменений, постепенно улучшая качество проживания и расширяя перечень дополнительных услуг, что положительно сказалось на увеличении данного сегмента потребителя.

Хостелы как объекты размещения в белорусской столице начали набирать популярность совсем недавно: история минских хостелов началась в июне 2011 г. с открытия первой мини-гостиницы «Постоялец». За два прошедших года в столице появилось еще 20 новых хостелов. По состоянию на 1 марта 2014 г. в Минске заявлен 21 хостел. Наиболее известные хостелы г. Минска и их основные характеристики представлены в таблице [6; 7].

Как видно из таблицы, хостелы в Минске расположены в центре города. Большинство хостелов устроены в бывших квартирах, которые соответствующим образом переоборудованы. Однако есть и хостелы, занимающие отдельные здания. Номера хостелов Минска недороги, но достаточно удобны и комфортны. Это могут быть 2–10-местные комнаты как для раздельного мужского и женского проживания, так и смешанные, чаще всего с удобствами на этаже или в блоке номеров. Иногда предлагаются и одноместные номера. Все номера меблированы и информатизированы.

Завтрак в минских хостелах обычно не входит в стоимость проживания, но гости могут воспользоваться имеющейся кухней с необходимой посудой, где можно в любое время приготовить себе еду.

Хостелы г. Минска различаются между собой правилами проживания, набором услуг, вместимостью комнат, ценой.

Услуги минских хостелов на данный момент востребованы среди студентов, людей, находящихся в командировках, индивидуалов-туристов благодаря ценовой доступности, достойному уровню комфорта, простоте бронирования и, как правило, удобному месторасположению. Кроме того, в условиях растущей конкуренции каждый хостел старается улучшить

Хостелы г. Минска

Название хостела	Адрес	Номера и стоимость проживания (за койко-место)	Примечания
1. Best Minsk Hostel	Ул. Подгорная, д. 42 (поселок Копище рядом с микрорайоном Уручье-5)	2—16-местный номер (11—35 долл. США) Каждая пятая ночь — бесплатно	Находится в частном доме на окраине Минска. На территории есть баня, водоем и площадка для барбекю
2. EasyFlat	Ул. Аэродромная, 40, кв. 14	4—8-местный номер (10—14 евро)	Открылся в июне 2012 г. по ул. Берестянской, но уже 31 марта 2013 г. закрылся. В июне 2013 г. хостел открылся под прежним названием на новом месте — ул. Аэродромной
3. Happy Hostel	Ул. Мозырская, 37а	2-местный люкс: 35 евро за номер 4—8-местный номер (11—15 евро)	Ранее в этом здании размещался хостел Jazz. Отдельный дом, есть бильярд и баня
4. Jazz	Ул. Ржавецкая, 39г	2—7-местный номер (10—35 евро) 3-местный номер «Семья»: 50 евро за номер	Открылся в августе 2011 г. на ул. Мозырской, однако в июне 2013 г. переехал на ул. Ржавецкую, ближе к «Минск-Арене» и к водохранилищу Дрозды. Каждая комната хостела имеет свое название — «красная», «синяя», «зеленая», «розовая», «джазовая». Вместимость мини-отеля — около 50 мест
5. King Hostel	Ул. Сторожевская, 8, кв. 208	2—4-местный номер (12—16 долл. США)	Располагается рядом со станцией метро «Немига». Больше напоминает мини-гостиницу: в каждом номере максимум по 3 кровати. Но цены низкие, как в обычных хостелах. Всего 15 спальных мест
6. Like	Ул. Кирова, 1	5—8-местный номер: 13 долл. США 2-местный люкс: 37 долл. США за номер	Принадлежит крупной российской цепи хостелов. Находится прямо напротив железнодорожного вокзала
7. Marx	Ул. Карла Маркса, 8, кв. 99	2-местный номер с двухэтажной кроватью: 13,5/27 евро за весь номер 2-местный номер с двуспальной кроватью: 30 евро за весь номер 4-местный номер: 11/44 евро за весь номер	Довольно маленький хостел в старом доме в центре Минска. Ресепшен работает только с 9 утра до 5 вечера. Дополнительные услуги, кроме кухни, интернета, телевизора, нет. Номера сдаются не поквартально, а покомнатно
8. Постоялец	Партизанский проспект, 147	2-местный номер: 42,6 евро/ 59 долл. США 4-местный эконом: 11 евро/ 15,27 долл. США. 8-местный стандарт: 11 евро/ 15,27 долл. США Всем студентам при заселении — скидка 20 %	Открылся в Минске самым первым — в июле 2011 г. Расположен на краю города, недалеко от МКАД, в пяти минутах ходьбы от станции метро «Могилевская». Единственный хостел, который состоит членом Минской гостиничной ассоциации. Вместимость — 55 человек
9. Revolution	Ул. Революционная, 16/ ул. Комсомольская, 9	4-местный номер: 13,2 евро/ 18,32 долл. США 6-местный: 13,2 евро/18,32 долл. США 8-местный: 12,34 евро/17,1 долл. США 10-местный: 11,6 евро/ 14,66 долл. США 12-местный: 10,58 евро/ 14,66 долл. США 2/3-местный семейный люкс: за номер 55 долл. США 1-микр люкс: за номер 42,76 долл. США	Появился осенью 2013 г. в историческом центре города. Вокруг много баров, кафе и ресторанов

Название хостела	Адрес	Номера и стоимость проживания (за койко-место)	Примечания
10. Trinity и Riverside	Trinity — ул. Стариловская, 12; Riverside — ул. Стариловская, 14	4–8-местный номер: 15 / 18 долл. США 2-местный номер (полулюкс): 46 долл. США за весь номер	Принадлежит сети Traveler. Riverside был открыт в июне 2013 г. в Троицком Предместье по соседству с другим хостелом сети — Trinity. Таким образом получился целый комплекс из двух двухэтажных хостелов на 84 места сразу, ресепшен у обоих хостелов общий — находится в хостеле Trinity
11. Viva	Ул. Жуковского, 4	4–10-местный номер (11 долл. США/15 евро)	Рассчитан на 23 человека. Благодаря близости к вокзалу стал довольно популярным местом среди туристов. Им постоянно предлагаются различные скидочные акции при бронировании комнат. Так, группам предоставляется скидка 15 %

Источники: [1; 7].

и расширить набор оказываемых услуг, создать максимальный комфорт для гостей.

Тем не менее в деятельности минских хостелов имеется и ряд недостатков. Часть хостелов открыта в коттеджах, усадебных домах, многоэтажных домах. В первом случае проживание не создает дискомфорта окружающим, чего нельзя сказать в отношении многоэтажек, когда поступают замечания жильцов в отношении функционирования хостелов. Этот фактор может затруднить дальнейшее развитие хостелов и требует обязательного нормативно-правового урегулирования.

В связи с быстрой изнашиваемостью необходимо уделять больше внимания техническому оснащению помещений и оборудования в хостелах.

Практически у всех хостелов есть собственный веб-сайт, страницы в интернете (<http://www.hostel-viva.by/>), что, несомненно, упрощает связь с потенциальными клиентами, однако требует постоянного обновления информации.

Развитие в столице сегмента мини-гостиниц для туристов и путешествующих студентов является положительным трендом. Но несмотря на активное развитие данного сегмента объектов размещения, потребительский спрос на такой вид услуг в Минске все еще остается высоким. Это касается

и областных центров республики, где данный сегмент совершенно не развит (имеется лишь по одному хостелу в Витебске и Гродно). Тем временем потребность в данном виде размещения в областных центрах высокая, что представляет хорошие перспективы для развития хостелов.

Нельзя не отметить, что в последнее время стали выстраиваться взаимовыгодные отношения между турфирмами и хостелами. Малые отели зачастую гораздо интереснее для турфирм, чем большие гостиницы, в том числе благодаря их удачному расположению в городской черте. Так, например, хостел «Вива», расположенный в г. Минске (ул. Жуковского, 4) находится в 10 минутах от железнодорожного вокзала (в 2012 г. хостел обслужил 3100 чел.) Хостел «Вива» уже сотрудничает с такими турфирмами, как «Внешинтурист», «Прайм-тур», с хостелом Нарру и другими. Однако такое сотрудничество следует расширить [10]. Для турфирм, готовых размещать тургруппы в хостелах, важно, чтобы они предоставляли обслуживание, соответствующее принятым стандартам. Поэтому очень важным является создание специализированных ассоциаций и клубов, обеспечивающих поддержку единых корпоративных стандартов обслуживания туристов в белорусских хостелах.

Библиографические ссылки

1. Артишевская О. Минские хостелы: что представляет собой дешевый ночлег в столице? [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Интерфакс-запад». URL: <<http://www.interfax.by/article/91806>> (дата обращения: 25.04.2014).
2. Басков А. Хостел — гостиница или общежитие? [Электронный ресурс] // RestBee. URL: <<http://www.restbee.ru/guides/polieznyie-znaniia/khostiel-ghostinitia-ili-obshchiezhitiie.html>> (дата обращения: 02.05.2014).
3. Гостиничный и туристический бизнес / под ред. А. Д. Чудновского. М. : Ассоциация авторов и издателей «Тандем»: ЭКМОС, 1998.
4. Иванов В. По данным Госпогранкомитета, в первом полугодии 2013 г. Беларусь посетили 2,9 млн иностранцев [Электронный ресурс] // Портал газеты «Туризм и отдых». URL: <<http://www.tio.by/novosti/22951>> (дата обращения: 29.04.2014).
5. Кабушкин Н. И., Бондаренко Г. А. Менеджмент гостиниц и ресторанов : учебник. 4-е изд., стер. Минск : Новое знание, 2003.

6. *Касперович О.* Хостелов станет больше? [Электронный ресурс] // Белорусы и рынок. 2013. № 34 (1067). URL: <<http://www.belmarket.by/ru/239/180/19043/Хостелов-станет-больше.htm>> (дата обращения – 01.05.2014).
7. Минские хостелы [Электронный ресурс] // Официальный сайт блог-платформы LiveJournal. URL: <<http://incopolis.livejournal.com/168223.html>> (дата обращения: 01.05.2014).
8. О Беларуси в цифрах [Электронный ресурс] / Посольство Республики Беларусь в Словацкой Республике. URL: <http://slovakia.mfa.gov.by/ru/belarus/about/belarus_in_the_world> (дата обращения: 03.02.2014).
9. Основы индустрии гостеприимства / Д. И. Елканова [и др.]. М. : Дашков и К°, 2009.
10. Хостел «Вива» [Электронный ресурс]. URL: <<http://hostelviva.by>> (дата обращения: 21.04.2014).
11. Хостел – общежитие по-европейски [Электронный ресурс] // Официальный сайт сети молодежных отелей «Друзья». URL: <[http://www.friendsplace.ru/articles/hostel -- obshchezhitie-po-evropeiski/](http://www.friendsplace.ru/articles/hostel--obshchezhitie-po-evropeiski/)> (дата обращения: 30.04.2014).

Статья поступила в редакцию 15 июня 2014 г.

РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО РЫНКА ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Л. М. Гайдукевич, В. М. Дедок

Статья посвящена обзору развития современного рынка гостиничных услуг. Представлен анализ развития туристской отрасли на уровне макрорегионов. Основное внимание уделено изучению состояния развития рынка гостиничных услуг в международной практике, а также в Республике Беларусь.

The article is devoted to the analysis of the overview of the hospitality industry development. The analysis of tourism branch development on the level of micro regions is presented. The focus is made on the study of both international and Belarusian contemporary hospitality market.

Ключевые слова: международный туризм, индустрия гостеприимства, ЮНВТО, гостиничная цепь, гостиничный бренд, доходность, загрузка номерного фонда.

Keywords: international tourism, hospitality industry, UNWTO, hotel chain, hotel brand, yield management, hotel occupancy.

Туризм вошел в XXI век и стал глубоким социально-экономическим и политическим явлением, значимо влияющим на мироустройство и экономику многих стран и целых регионов. Туристские потоки в 2013 г. по данным Всемирной туристской организации (ЮНВТО) достигли 1,087 млрд прибытий. Туризм стал выгодной и высокодоходной отраслью, на которую приходится 29 % мирового экспорта услуг и 6 % общего экспорта товаров и услуг. Общая экспортная выручка от международного туризма составила в 2013 г. 1,4 трлн дол. США [16].

Целью настоящего исследования является анализ развития современного международного рынка гостиничных услуг, а также рынка гостиничных услуг Республики Беларусь. Теоретическую основу для проведения настоящего исследования составили труды отечественных и зарубежных специалистов, таких как Е. А. Балашова [2], О. П. Ефимова [6; 7], Н. И. Кабушкин, Г. А. Бондаренко [8], Л. А. Короленко [10], А. Л. Лесник [12–14], А. В. Чернышев [14], С. С. Скобкин [19], К. Барроу [25], Г. Валлен [33], Дж. Уолкер [34]. В процессе написания статьи также были использованы статистические данные ЮНВТО и статистического центра ЕС [27; 28], материалы отчетов международных организаций (ОЭСР, Colliers International) [29; 26], информационные ресурсы интернета.

Согласно данным табл. 1 самым быстро развивающимся является Азиатско-Тихоокеанский регион, тогда как на Европейский макрорегион приходится самая большая доля всех доходов (42,2 %) и прибытий (51,8 %); пять европейских стран входят в десятку самых посещаемых стран мира (Великобритания, Франция, Италия, Испания, Германия).

В относительном выражении в Азиатско-Тихоокеанском регионе наблюдался самый значительный рост доходов (+8 %), за ним следует Американский регион (+6 %) и Европа (+4 %).

Половина мирового роста туристических расходов приходится на Китай, Россию и Бразилию (40 млрд долл. США) [16].

Учитывая стабильную положительную динамику в развитии международного туризма, эксперты ЮНВТО сделали прогноз о том, что этот сектор экономики уже в ближайшие десятилетия выйдет на первое место по удельному весу в объеме миро-

вого экспорта. В то же время туристическая индустрия, демонстрировавшая значительный подъем в последние десятилетия, начиная с 2008 г. претерпела определенный спад, связанный с мировым финансовым кризисом. Он стал причиной сокращения реальных доходов части населения и усилившейся тенденции экономии у потребителей. Как следствие, склонность людей к путешествиям уменьшалась, туристические маршруты все больше стали ограничиваться территорией собственной страны, что негативно повлияло на развитие индустрии туризма ряда стран.

Вместе с тем последние результаты исследований ЮНВТО дают возможность утверждать, что, несмотря на кризисные явления, тенденция восстановления туристической индустрии будет сохраняться. Число туристских поездок во всем мире к 2020 г. превысит 1,4 млрд, а к 2030 г. — 1,8 млрд. Туристы истратят на свои путешествия более 2 трлн долл. США [28, с.15].

Наиболее динамично развивающимся сектором туризма, приносящим многомиллионную прибыль в масштабах национальных экономик, является гостиничный бизнес. Именно в нем наблюдается сложный комплекс финансово-хозяйственных отношений между хозяйствующими субъектами различной направленности.

Сегодня в мире насчитывается более 350 тыс. комфортабельных гостиниц разного уровня с номерным фондом более 14 млн единиц. Публикуемые ЮНВТО статистические данные свидетельствуют о том, что ежегодный прирост гостиничных мест в мире за последние 20 лет ежегодно возрастает в среднем на 3–4 %, что свидетельствует о динамике роста средств размещения туристов [4]. Однако развитие гостиничной базы по регионам идет крайне неравномерно.

Значительная доля мирового гостиничного фонда приходится на Европейский регион (более 40 %) с общей вместимостью около 20 млн мест. В 2012 г. на территории 28 стран ЕС расположено около 545 тыс. средств размещения. Более половины мест размещения (57,4 %) приходится на четыре европейских государства: Италия (2,3 млн мест), Испания (1,9 млн мест), Германия (1,8 млн мест) и Великобритания (1,6 млн мест). В 2013 г. было зафиксировано

Мировые экономические процессы

Международный туризм с разбивкой по регионам

Регионы Экономика	Доходы от международного туризма (долл. США)			Международные туристские прибытия (млн)		
	млрд		на одно прибытие	Доля (%)	2012 г.	2013 г.
	2012 г.	2013 г.	2013 г.			
В мире	1078	1159	1070	100	1035	1087
Развитые экономики*	688	745	1280	64,3	551	581
Растущие экономики*	390	413	820	35,7	484	506
Европа	454,0	489,3	870	42,2	534,4	563,4
Северная Европа	67,6	74,2	1080	6,4	65,1	68,9
Западная Европа	157,9	167,9	960	14,5	167,2	174,3
Центр./Вост. Европа	56,3	59,9	500	5,2	111,7	118,9
Южная Европа	172,2	187,3	930	16,2	190,4	201,4
из которых ЕС-28	374,2	402,9	930	34,8	412,2	432,7
Азия и Тихоок. регион	329,1	358,9	1450	31,0	233,5	248,1
Америка	212,9	229,2	1360	19,8	162,7	167,9
Африка	34,3	34,2	610	3,0	52,9	55,8
Ближний Восток	47,5	47,3	920	4,1	51,7	51,6

И с т о ч н и к: составлено по данным [27, с. 4–5].

*Классификация Международного валютного фонда [20, с. 177].

более 2,6 млрд ночевков в отелях Европейского союза (ЕС), что на 1,6 % больше, чем в 2012 г. [31].

Наибольшее количество ночевков среди стран ЕС в 2013 г. было отмечено во Франции (405 млн ночей, +1,1 % по отношению к 2012 г.), Испании (387 млн ночей, +1,0 %), Италии (363 млн ночей, –4,6%), Германии (355 млн ночей, +1,3 %) и Великобритании (320 млн, +6,5 %). На эти пять стран приходится 70 % всех ночевков стран ЕС. В 2013 г. рост данного показателя наблюдался практически во всех странах ЕС, за исключением Италии (–4,6 %), Кипра (–3,7 %), Чешской Республики (–1,2 %), Финляндии (–0,7 %) и Бельгии (–0,5 %). Значительный рост отмечен в Греции (+11,7 %), Мальте (+7,8 %), Латвии (+7,3 %), Великобритании (+6,5 %), Болгарии (+6,2 %), Словакии (+5,5 %) и Венгрии (+5,0 %) [31].

Гостиничный бизнес, как один из элементов бизнес-сектора HoReCa, относится к категории быстро развивающихся отраслей. Данная сфера очень привлекательна для инвестирования средств: экономика гостиничного бизнеса такова, что в данной индустрии существуют широкие возможности для приумножения капитала. (HoReCa (от **H**otel, **R**Estaurant, **C**atering/**CA**zino/**CA**f ) – это бизнес-сектор, особый рынок услуг со своими традициями, индивидуальным стилем заведений, набором POS-материалов и особенностями проведения маркетинговых мероприятий, образованный предприятиями гостиничного и ресторанного бизнеса).

Кроме того, гостиничный бизнес стимулирует развитие и других отраслей экономики: торговли, транспорта, сервисного обслуживания, строительства, производства товаров народного потребления. Несмотря на существующие проблемы гостиничного бизнеса (сезонность, качество сервиса, несовершенство системы бронирования), его рентабельность остается достаточно высокой.

Согласно отчету Hotel Investment Outlook компании Jones Lang LaSalle в 2013 г. в гостиничную недвижимость по всему миру было инвестировано 46,7 млрд долл. США, рост показателя к предыдущему году составил 35 %. В том числе объем вложений в гостиницы в регионе стран Европы, Ближнего Востока и Африки (ЕМЕА) вырос на 17 % и достиг 13,2 млрд дол. США [3].

Согласно предварительным прогнозам экспертов Jones Lang LaSalle, в 2014 г. объем инвестиций в глобальный рынок гостиниц может достигнуть пятилетнего рекорда – 50 млрд долл. (рост на 10 % по отношению к прошлому году). Вложения в отели Европы, Ближнего Востока и Африки могут увеличиться более чем на 20 % и составить около 16 млрд долл. США [3].

Такие современные тенденции, как глобализация и концентрация гостиничного бизнеса, приобретают все более широкий размах. Сегодня в мире насчитывается более 300 гостиничных цепей. Анализ их функционирования свидетельствует, что гостиницы, которые входят в сеть, имеют на 60 % больше прибыли, чем независимые гостиницы [4].

Однако по-прежнему существует путаница в терминах «гостиничная цепь» и «группа гостиниц (бренд)». В литературе чаще всего в списке гостиничных цепей одновременно можно встретить как собственно цепи, так и группы, в то время как под

«группой отелей» может пониматься определенный бренд, возможно, один из нескольких, принадлежащий определенной гостиничной цепи. Крупнейшие гостиничные цепи и бренды представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2

10 крупнейших международных гостиничных цепей (январь 2013 г.)

№	Гостиничная цепь	Страна	Количество гостиниц		Количество номеров		Рост, %
			2013 г.	2012 г.	2013 г.	2012 г.	
1	InterContinental Hotels Group (IHG)	Великобритания	4602	4480	675 982	658 348	17,6
2	Hilton Hotels Corp.	США	3992	3861	652 378	631 131	21,2
3	Marriott International	США	3672	3595	638 793	622 279	16,5
4	Wyndham Worldwide	США	7342	7205	627 437	613 126	14,3
5	Choice Hotels International	США	6198	6203	497 023	502 460	–5,4
6	Accor	Франция	3515	4426	450 199	531 714	–81,5
7	Starwood Hotels & Resorts Worldwide	США	1121	1076	328 055	315 346	12,7
8	Best Western International	США	4024	4018	311 611	295 254	16,3
9	Home Inns	Китай	1772	1426	214 070	176 562	37,5
10	Carlson Hospitality Worldwide	США	1077	1077	166 245	165 802	4

И с т о ч н и к: [35].

Таблица 3

15 крупнейших международных гостиничных групп (брендов) (январь 2013 г.)

Позиция		Гостиничная группа	Гостиничная цепь	Количество гостиниц		Количество номеров	
				2013 г.	2012 г.	2013 г.	2012 г.
1	2	Holiday Inn +HI Express	IHG	3392	3347	424 612	421 944
2	1	Best Western	Best Western International	4024	4018	311 611	295 254
3	6	Marriott Hotel Resort	Marriott International	558	555	204 917	205 595
4	3	Comfort Inn & Suites	Choice Hotels Int.	2509	2590	194 262	199 875
5	5	Hilton Hotels & Resorts	Hilton Worldwide	551	562	191 199	197 311
6	4	Hamptom Inn by Hilton	Hilton Worldwide	1880	1847	184 765	181 087
7	7	Ibis (Megabrand**)	Accor	1667	1519	182 496	163 484
8	15	Home Inns	Home Inns	1438	1119	164 325	128 621
9	8	Sheraton Hotels & Resorts	Starwood Hotels	427	415	149 784	144 648
10	10	Days Inn of America	Wyndham Hotel Group	1826	1864	147 808	150 436
11	9	Super 8 Motels	Wyndham Hotel Group	2314	2249	147 512	142 254
12	11	Courtyard by Marriott	Marriott International	929	911	136 553	134 428
13	12	Quality Inns Hotels	Choice Hotels Int.	1479	1410	133 515	128 753
14	13	Ramada Worldwide	Wyndham Hotel Group	850	845	115 811	114 306
15	16	Crowne Plaza	IHG	392	387	108 307	105 104

И с т о ч н и к: [35]

По количеству отелей, объединенных в бизнес-группы, в Европе лидирует Великобритания и Франция. Вхождение китайской гостиничной цепи Home Inns в десятку крупнейших гостиничных цепей в мире характеризуется показательным ростом номерного фонда, что позволяет ей претендовать на более высокое место в рейтинге в будущем.

Лидером по количеству номерного фонда в мировой гостиничной индустрии является компания Inter Continental Hotel Group (IHG) – Holiday Inn и Crowne Plaza. Сейчас к гостиничной сети IHG относится свыше 670 тыс. номеров в отелях мира. Ежегодно их количество увеличивается на 6 %, в основном благодаря росту числа отелей Crowne Plaza,

Staybridge Suites и Indigo boutique и расширению марки Holiday Inn Express.

В 2013 г. доход трех ведущих мировых гостиничных цепей (InterContinental Hotels Group, Marriott International и Hilton Worldwide) составил более 65 млрд долл. США, подтверждая тем самым высокую доходность международной гостиничной индустрии [31].

Бренд Holiday Inn и Holiday Inn Express в настоящий момент занимает лидирующую позицию

в рейтинге 15 крупнейших международных гостиничных брендов по количеству номеров, сместив на второе место лидирующий до этого бренд Best Western.

Одним из важнейших показателей эффективности работы гостиничных предприятий является процент использования гостиничных номеров клиентами (степень загрузки номерного фонда). Этот показатель по регионам мира представлен в табл. 4.

Таблица 4

Загрузка номерного фонда по регионам в 2012–2014 гг., %

Регион Месяц	Европа	Америка	Азия и Тихоокеанский регион	Северная Африка и Ближний Восток
2012 год				
январь	51,00	49,70	60,50	55,30
февраль	57,70	57,70	68,00	62,40
март	63,40	63,50	70,70	64,70
апрель	65,50	61,70	68,90	63,50
май	70,20	63,30	66,70	60,20
июнь	73,10	69,80	67,30	58,30
июль	71,80	69,80	69,40	56,60
август	71,10	67,80	69,80	54,10
сентябрь	76,30	63,30	68,00	60,70
октябрь	71,10	64,10	70,30	65,40
ноябрь	64,80	56,90	71,60	65,70
декабрь	54,50	49,20	66,30	57,70
2013 год				
январь	51,20	51,30	64,40	60,00
февраль	59,20	58,80	62,50	66,40
март	63,80	63,70	70,00	67,10
апрель	67,30	63,80	68,60	65,70
май	72,00	64,00	65,90	62,70
июнь	75,30	69,60	67,10	61,80
июль	73,50	71,00	69,60	49,00
август	74,20	69,30	71,80	56,10
сентябрь	77,10	63,50	68,50	58,10
октябрь	73,20	64,70	72,50	63,10
ноябрь	67,30	58,00	72,40	64,60
декабрь	56,50	50,50	66,30	40,9/66,6
2014 год				
январь	52,80	52,50	62,10	62,00
февраль	60,80	60,60	67,10	67,40
март	64,90	65,20	69,20	66,90
апрель	68,30	65,40	68,80	67,00

Источники: по [27].

В декабре 2013 г. самая высокая загрузка номерного фонда наблюдалась в регионе Ближнего Востока (66,6 %), наименьшая – в Северной Африке (40,9 %).

С января 2012 г. по апрель 2014 г. наиболее высокий показатель загрузки наблюдался в Европе (в сентябре 2013 г. 77,1 %). Лидирующие позиции по данному показателю в среднем с января 2012 г. по апрель 2014 г. занимает Азиатско-Тихоокеанский регион (68 %).

Показатель средней цены номера в гостинице на Ближнем Востоке также выше, чем в других регионах, и составляет 206,68 долл. США. Второе место по данному показателю принадлежит Европе – 134,14 долл. США. То же касается и среднего дохода на номер: Ближний Восток лидирует по данному показателю (137,76 долл. США), где данный показатель гораздо выше, чем в других регионах мира. Гостиничная индустрия в США принесла доход в 2012 г. 155,5 млрд долл. США [31].

В 2014 г. прогноз среднегодовой загрузки номерного фонда в мире ожидается на уровне 62,9 %, средней цены на номер – 115,68 долл. США. В 2013 г. самым дорогим городом в США стал Гонолулу (Гавайи) со средней стоимостью за номер в 230 долл. США. После него следует Нью-Йорк (211 долл. США).

Statista.com провела исследование по стоимости самых лучших номеров за ночь в отелях мира. Первые три отеля, лидирующие в этом списке: President Wilson Hotel в г. Женеве (42 000 евро), Four Seasons Hotel в Нью-Йорке (26 862 евро), отель Cala di Volpe на Сардинии (17 000 евро) [30].

Основные печатные и электронные источники выделяют следующие современные тенденции развития мировой индустрии гостеприимства:

- наблюдается растущая демократизация индустрии гостеприимства, которая в значительной степени способствует повышению доступности гостиничных услуг для массового потребителя;

- усиливается специализация гостиничного бизнеса, которая позволяет более четко ориентироваться на определенные сегменты потребителей с учетом различных признаков; отмечается клиентоориентированный подход в принятии решений и стратегии развития бизнеса;

- происходит развитие новых видов туризма (экологический, приключенческий, экстремальный, некоторые тематические направления), что позволяет учесть интересы практически любых категорий потребителей и сделать туристический продукт более индивидуализированным;

- глобализация и концентрация гостиничного бизнеса стимулирует создание туристических корпораций и гостиничных цепей, гостиничных ассоциаций, союзов, международных правительственных и неправительственных организаций;

- широкое внедрение новых средств коммуникации и информационных технологий позволяет проводить глубокую и системную экономическую диагностику деятельности отелей;

- осуществляется широкое внедрение новых технологий (использование интернета, систем бронирования и резервирования) в деловую стратегию предприятий индустрии гостеприимства;

- происходит стремительное развитие системы экологических проектов в сфере гостеприимства [4; 9].

В последние годы мы наблюдаем достаточно активное развитие туристического бизнеса и в Республике Беларусь. В 2012 г. Беларусь вошла в десятку стран в рейтинге Всемирного совета по туризму и путешествиям по показателю прироста доходов от туризма, который составил 39,7 % к уровню 2011 г. [21]. Общее число иностранных граждан, посетивших Республику Беларусь в 2013 г., составило 6,24 млн человек, что на 2 % больше, чем в 2012 г. Из них 136,8 тыс. человек – организованные туристы [22].

Среди факторов, которые благоприятствуют развитию туристической сферы в Республике Беларусь, можно выделить следующие: транзитное географическое положение страны; активное развитие деловых поездок в связи с привлечением зарубежного капитала; наличие интересных для посещения исторических и природных туристических объектов, государственная поддержка развития туризма и гостиничного бизнеса, довольно стабильное социально-экономическое положение страны.

В настоящее время в республике реализуется ряд государственных программ, предусматривающих создание современной инфраструктуры туризма как в городе Минске, так и в других регионах страны. Развитие гостиничного бизнеса является одной из самых важных проблем в развитии туризма в Беларуси в целом.

В Государственной программе развития туризма на 2011–2015 гг. важное внимание уделялось строительству новых гостиниц и гостиничных комплексов в условиях подготовки к чемпионату мира по хоккею [5]. Проведение чемпионата мира по хоккею в мае 2014 г. явилось определенным стимулом в деле улучшения состояния гостиничного бизнеса в Республике Беларусь и, в частности, в городе Минске.

Согласно данным Национального статистического комитета, по состоянию на конец 2013 г. в Республике Беларусь функционировали 315 гостиниц, 33 гостиничных комплекса, 8 туристско-гостиничных комплексов, 2 мотеля и 123 средства размещения иных видов. Гостиницы имеют разные формы собственности, подчинены различным ведомствам, существенно разнятся по уровню и ценам [21].

В 2013 г. доля гостиниц и гостиничных комплексов в общем количестве коллективных средств размещения составила 8,9 % с единовременной вместимостью 29,9 тыс. мест [21].

Сегодня по количеству гостиниц и гостиничных комплексов Беларусь заметно отстает от европейских стран. На 1000 жителей в Беларуси приходится 3 гостиничных места (численность населения Республики Беларусь на 1 апреля 2014 г. составила 9467 тыс. человек) [23]. Этот показатель считается довольно низким, поскольку в Европе в среднем он составляет 30 гостиничных мест на 1000 жителей [26]. В соседних государствах ситуация по количеству гостиниц на 1000 жителей лучше: Литва (8,6), Латвия (13,1), Польша (6,7) [29].

Вместе с тем показатель обеспеченности гостиничными номерами в городе Минске несколько

выше, чем средний показатель по Беларуси. На тысячу жителей в столице приходится 4 гостиничных места [1].

Средняя загрузка средств размещения в 2013 г. составила 41 % и по сравнению с 2012 г. снизилась на 2 % [23]. Необходимо отметить, что по данному показателю Беларусь опережает соседние страны: Литву (28,1 %), Латвию (24,6 %), Польшу (33 %), что объясняется невысоким предложением гостиниц при высоком спросе [29].

Проанализировав процентное соотношение гостиничного фонда по областям республики, можно сделать следующий вывод. Наибольший процент гостиничного фонда находится в Минской области — 39,5 %, затем следуют Брестская, Витебская и Могилевская области — по 14 %, Гомельская и Гродненская — по 9,3 % [22].

В 2013 г. в гостиницах и аналогичных средствах размещения проживало 1805,1 тыс. человек, что на 1,1 % меньше, чем в 2012 г. [4].

Из общего числа проживающих граждане Республики Беларусь составили 1065,3 тыс. человек (на 2,9 % меньше, чем в 2012 г.), граждане из других государств — 739,9 тыс. человек (на 1,7 % больше), в том числе из стран СНГ — 570,7 тыс. человек (на 1,4 % больше) [4].

Среди граждан из стран СНГ, пользовавшихся услугами гостиниц и аналогичных средств размещения, преобладали граждане России и Украины. Их доля в общей численности размещенных иностранных граждан составила 73,9 % [4].

Среди размещенных жителей стран вне СНГ 55,7 % составляли граждане из Германии, Грузии, Италии, Китая, Латвии, Литвы, Польши [4].

В Республике Беларусь в последние годы произошли значительные изменения в области туристической инфраструктуры. Особенно в преддверии чемпионата мира по хоккею 2014 г. возросло число новых комфортабельных гостиничных комплексов. Была проведена большая работа по реконструкции и обновлению существующего гостиничного фонда республики, по приведению его к общепризнанным мировым стандартам. К началу чемпионата мира 2014 г. гостиничная сеть г. Минска насчитывала 43 гостиницы на 9250 мест и увеличилась в 2 раза по сравнению с 2012 г. (с 4405 мест до 9250 мест). С 8 по 26 мая 2014 г. гостиницами предоставлено 94 368 койко-суток. Средняя загрузка номерного фонда г. Минска составила 82 %. Пиковый уровень загрузки приходился на период с 8 по 11 мая — 96 % и с 23 по 26 мая — 86,6 % [16].

По предварительным данным Министерства спорта и туризма, в Республику Беларусь в период с 25 апреля по 25 мая прибыло до 100 тыс. туристов и экскурсантов, из них более 60 тыс. из стран ближнего и дальнего зарубежья. В Беларусь въехали 31 400 иностранных граждан по билету на чемпионат (без учета России и Казахстана, стран СНГ) [16].

Однако уровень развития гостиничного бизнеса в Беларуси все еще остается невысоким. Несмотря на строительство и модернизацию ряда объектов размещения накануне чемпионата мира по хоккею 2014 г. и достаточно высокий показатель загрузки номерного фонда, Республику Беларусь трудно на-

звать конкурентоспособной на рынке гостиничных услуг Европы.

Одной из отличительных особенностей рынка гостиничных услуг Беларуси является несоответствие требованиям как по стоимости проживания, так и по качеству предоставляемых услуг. Ситуация на рынке гостиничных услуг постепенно улучшается, что связано главным образом со строительством новых гостиниц и гостиничных комплексов, а также с приходом международных гостиничных операторов на белорусский рынок. Усиление конкуренции в ближайшем будущем заставит все действующие гостиницы пересмотреть политику ценообразования и улучшить качество работы персонала.

В 2013 г. в Республике Беларусь международную гостиничную цепь представлял только отель «Краун Плаза Минск», находящийся в столице. В первом полугодии 2014 г. в Минске был открыт четырехзвездочный отель международной цепи Marriott International — «Ренессанс» [15]. В последующем запланировано открытие пятизвездочных отелей, принадлежащих таким международным гостиничным цепям, как Kempinski, Hilton, IHG и Accor.

Важно отметить, что с открытием каждого нового отеля конкуренция на рынке гостиничных услуг увеличивается. И стремление иметь высокий уровень заполняемости отеля не будет являться единственной целью управляющего звена. Не менее важная роль принадлежит показателям доходности, так как именно эти параметры лежат в основе деятельности любого предприятия и определяют цель его функционирования — получение прибыли.

Кадровое обеспечение предприятий гостиничного хозяйства является одной из самых актуальных проблем. Одна из основных причин сложившейся ситуации связана с уровнем подготовки молодых специалистов. Вузы не всегда обладают возможностью обеспечить студентам практику в отеле или ресторане, имеющем корпоративную систему ценностей и высококвалифицированный персонал. В результате выпускники, устраивающиеся на работу, отличаются недостаточным уровнем практической подготовки и отсутствием ориентированности на клиента.

Следует отметить актуальность взаимодействия предприятий индустрии гостеприимства и профильных учебных заведений. Взаимовыгодное сотрудничество бизнеса и учебных центров, которое уже стало привычным делом на Западе, пока не получило должного развития в республике. В настоящее время сотрудничество гостиниц и учебных заведений, осуществляющих подготовку кадров для гостиничной отрасли, сводится в лучшем случае к прохождению студентами учебной и преддипломной практик на базе белорусских гостиниц.

Сегодня гостиницы больше заинтересованы в трудоустройстве уже подготовленных специалистов, нежели в участии в процессе их подготовки и совместной разработке стандартов в области подготовки квалифицированных специалистов для гостиничной отрасли.

По причине ограниченности финансовых ресурсов в учебных заведениях республики отсутствует системная переподготовка и повышение квали-

фикации преподавательского состава на объектах гостеприимства. Отсюда явная нехватка специалистов-практиков, способных вести занятия со студентами на высоком профессиональном уровне.

Подводя итог, необходимо отметить, что уровень развития гостиничного бизнеса в Беларуси все

еще остается невысоким, несмотря на проводимую работу по строительству и модернизации ряда объектов. Мы сделали лишь первые шаги в этом направлении, что требует от органов государственного управления и представителей гостиничного бизнеса кропотливой повседневной работы.

Библиографические ссылки

1. Андреева О. Гостиничный бум в Минске: за и против / [Электронный ресурс] // Бизнес-школа ИПМ. URL: <<http://www.ipm.by/publications/presa/bum/>> (дата обращения: 03.03.2014).
2. Балашова Е. А. Гостиничный бизнес. Как достичь безупречного сервиса. М. : Вершина, 2007.
3. В 2014 году объем инвестиций в гостиничную недвижимость может достигнуть 50 млрд долл. США [Электронный ресурс] // ProHotelia: гостиничный бизнес online. (10.02.2014). URL: <<http://prohotelia.com.ua/2014/02/hotel-investment-outlook-2013/>> (дата обращения: 15.06.2014).
4. Гарбер А. Е. Современные тенденции развития мировой гостиничной индустрии [Электронный ресурс] // Гостиница «Одесса». URL: <<http://hotelodessa.info/industriya-gostepriimstva/23-sovremennye-tendentsii-razvitiya-mirovoj-gostinichnoj-industrii.html>> (дата обращения: 17.06.2014).
5. Государственная программа развития туризма 2011–2015 гг. : утв. Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 24 марта 2011 г. № 373 [Электронный ресурс] // М-во спорта и туризма Респ. Беларусь. URL: <<http://mst.gov.by/ru/programma-razvitiya-turizma>> (дата обращения: 10.06.2014).
6. Ефимова О. П., Ефимова Н. А., Олещук Т. А. Экономика гостиниц и ресторанов: учеб. пособие. Минск : Новое знание, 2008.
7. Ефимова О. П. Экономика общественного питания : учеб. пособие. Минск : Новое знание, 2008.
8. Кабушкин Н. И. Менеджмент гостиниц и ресторанов : учеб. пособие. Минск : Новое знание, 2007.
9. Как изменится сфера HoReCa в 2014 г.: топ-5 трендов от P&G Professionals // Гостиничное дело. 2014. № 4. С. 4–5.
10. Короленко Л. А. Анализ проблем в сфере подготовки кадров для индустрии туризма // Человек и образование. 2011. № 1. С. 158–162.
11. Кнышова Е. Н. Маркетинг туризма : учеб. пособие. М. : ИД «Форум» : ИНФРА-М, 2014.
12. Лесник А. Л. Гостиничный менеджмент: политика ценообразования и управления доходом. СПб. : Интермедия, 2013.
13. Лесник А. Л., Смирнова М. Н. Международные системы классификации отелей. М. : АС Плюс, 2003.
14. Лесник А. Л., Чернышев М. А. Практика маркетинга в гостиничном и ресторанном бизнесе. М. : Агентство рекламы «Товарищ», 2000.
15. Лукашенко принял участие в церемонии открытия отеля «Ренессанс Минск» [Электронный ресурс] // Белорус. новости (14.04.2014). URL: <http://naviny.by/rubrics/tourism/2014/04/14/ic_news_126_434668> (дата обращения: 15.04.2014).
16. Международный туризм принес 1,4 триллиона долл. США в экспортных поступлениях [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЮНВТО. (14.05.2014). URL: <<http://media.unwto.org/ru/press-release/2014-05-14/mezhdunarodnyi-turizm-prines-us14-trilliona-v-eksportnykh-postupleniyakh>> (дата обращения: 16.06.2014).
17. Мировой гостиничный рынок преодолел кризисный спад [Электронный ресурс] // Российская ассоциация бизнес туризма. URL: <http://businessstravelrussia.ru/news/news-abt/mirovoy_gostinichnyy_rynok_preodolel_krizisnuu_spad_208/> (дата обращения: 07.06.2014).
18. Отчет о выполнении Республиканского плана мероприятий по проведению в 2014 г. Года гостеприимства // Текущий архив М-ва спорта и туризма Респ. Беларусь.
19. Скобкин С. С. Маркетинг и продажи в гостиничном бизнесе. М. : Юристъ, 2001.
20. Статистическое приложение к обзору МВФ: Перспективы развития мировой экономики за апрель 2012 г. [Электронный ресурс] // Классификация международного валютного фонда. URL: <<http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/weo/2012/01/pdf/texttr.pdf>> (дата обращения: 11.06.2014).
21. Туризм в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. URL: <<http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/pressrel/tourism.php>> (дата обращения: 03.02.2014).
22. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь : стат. сб. Минск, 2014.
23. Численность населения Беларуси на 1 апреля составила 9 млн 467 тыс. человек [Электронный ресурс] // БЕЛТА — Новости Беларуси. URL: <http://www.belta.by/ru/all_news/society/Chislennost-naselenija-Belarusi-na-1-aprelja-sostavila-9-mln-467-tys-chelovek_i_667269.html>. (25.04.2014) (дата обращения: 29.04.2014).
24. Экологические технологии в сфере гостеприимства [Электронный ресурс] // Журн. «Линия Вкуса». URL: <<http://e.vkusov.net/k2-showcase/cleaning/item/57-экологические-технологии-в-сфере-гостеприимства>> (дата обращения: 16.06.2014).
25. Barrow Clayton W., Reynolds D., Power T. Introduction to the Hospitality Industry. 8th ed. New York : John Wiley & Sons, Inc., 2011.
26. Colliers International: из 34 проектов по строительству отелей в Минске только 12–15 будут реализованы к началу ЧМ по хоккею 2014 года [Электронный ресурс] // Информ.-аналит. агентство «Бизнес-новости». URL: <<http://doingbusiness.by/ekspert-iz-34-proektov-po-stroitelstvu-otelei-v-minske-tolko-12-15-budut-realizovani-k-nachalu-chempionata-mira-po-hockeyu-2014-goda>> (11.04.2014) (дата обращения: 06.05.2014).

27. Hotel occupancy rate worldwide from 2008 to 2013, by region [Electronic resource] // Statista Inc. URL: <<http://www.statista.com/statistics/266741/occupancy-rate-of-hotels-worldwide-by-region/>> (date of access: 16.06.2014).
28. International Tourist Arrivals. International Tourist Receipts: UNWTO Tourism Highlights. Madrid, 2014.
29. OECD Tourism Trends and Policies 2014. Paris : OECD Publishing, 2014.
30. Ranking of the worlds 10 most expensive hotels, by single night price of their best room [Electronic resource] // Statista Inc. URL: <<http://www.statista.com/search/?q=accommodation>> (date of access: 16.06.2014).
31. Tourism trends (December 2013) [Electronic resource] // Eurostat. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Tourism_trends> (date of access: 16.06.2014).
32. Tourism statistics – nights spent at tourist accommodation establishments (March 2014) [Electronic resource] // Eurostat. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Tourism_statistics_-_nights_spent_at_tourist_accommodation_establishments> (date of access: 16.06.2014).
33. *Vallen Gary K., Vallen Jerome J.* Check-in Check-out: Managing Hotel Operations. 8th ed. Upper Saddle River. New Jersey : Prentice Hall, 2009.
34. *Walker John R.* Exploring the Hospitality Industry. 2nd ed. Upper Saddle River. New Jersey : Prentice Hall, 2011.
35. World Ranking 2013 of Hotel Groups And Brands [Electronic resource] // Hospitality Net BV. URL: <<http://www.hospitalitynet.org/news/4060119.html>> (03.04.2013) (date of access: 09.06.2014).

Статья поступила в редакцию 30 июня 2014 г.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СТРАН ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОЦЕНОК

О. Ф. Малашенкова, Э. А. Семиградская

В статье представлен обзор важнейших методик оценки эффективности инновационного развития экономик. На примере стран Единого экономического пространства — Беларуси, России и Казахстана — продемонстрировано наличие существенных расхождений в международных оценках, а также показаны реальные разбежки в уровнях развития инновационных инфраструктур стран ЕЭП.

Review of the most important assessment methodologies of the innovation development of economies is given in the article. By the example of the countries of the Single Economic Space — Belarus, Russia and Kazakhstan — presence of significant differences in the international assessments are demonstrated as well as real differences in the levels of innovation infrastructure of the CIS countries' development are revealed.

Ключевые слова: Инновационная инфраструктура, международные оценки инновационного развития, Глобальный инновационный индекс, Табло инновационного союза, Единое экономическое пространство.

Keywords: Innovative infrastructure, international evaluation of innovative development, the Global Innovation Index, Innovation Union scoreboard, the Common Economic Space.

Среди вопросов инновационного развития современной экономики особое место занимают вопросы исследования инновационной инфраструктуры. Инновационная инфраструктура является основным механизмом инновационной деятельности, именно от ее развития зависит экономический уровень страны. Она не только обеспечивает доступ к различным ресурсам, но и сама является потенциалом развития экономики.

Цель данного исследования — анализ эффективности инновационной инфраструктуры стран Единого экономического пространства Беларуси, России и Казахстана в контексте международных оценок.

Проблемами оценки эффективности инновационных систем занимаются такие исследователи, как Е. Н. Александрова, О. А. Салмина [1], Н. И. Богдан [2], Р. А. Косенков, В. Н. Цыганкова [7], В. Г. Садков, Т. Н. Карпухина [10] и др. Международные организации разрабатывают свои системы, оценивающие уровень развития национальной инновационной системы. Ниже приведены некоторые из них:

1) индекс глобальной конкурентоспособности или индекс научно-технического потенциала (Всемирный экономический форум) [16];

2) европейское инновационное табло (Директорат по предпринимательству Комиссии Европейских сообществ) [12];

3) технологическая конкурентоспособность стран (американский Национальный научный фонд) [14];

4) индекс экономики знаний (методика Всемирного банка — Knowledge for Development — K4D) [13];

5) глобальный инновационный индекс (Global Innovation Index), разрабатываемый международной бизнес-школой INSEAD (Франция) и Всемирной организацией интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization, WIPO) [17].

Как видно, единой методики для оценки эффективности инновационной инфраструктуры, а также инновационной системы страны нет. Предлагаемые отечественными и российскими авторами методы оценки инновационной инфраструктуры ориентированы на региональный уровень, а не уровень страны, поэтому для оценки Беларуси, России и Казахстана были выбраны два международных рейтинга оценки инновационной деятельности и активности: Табло инновационного союза (IUS, преемник европейского инновационного табло) и Глобального инновационного индекса (ГИИ). Поскольку система показателей стран ЕЭП не гармонизирована с системой показателей табло инновационного союза, в некоторых случаях брались показатели, косвенно затрагивающие необходимый пункт в табло.

СТРАНЫ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ТАБЛО ИННОВАЦИОННОГО СОЮЗА

Инновационное табло ЕС служит инструментарием для информирования политиков и обсуждения проблем развития на национальном уровне и уровне ЕС, позволяет отслеживать уровень инновационной деятельности в глобальном мире. Методика расчета агрегированного показателя Summary Innovation Index (SII), который является структурным элементом для табло, такова: он составляется из трех групп показателей. Всего учитывается 25 показателей, которые относятся к в следующим группам:

1) ресурсы (ресурсы инновационного развития, измерения: образовательный уровень населения, уровень развития науки, финансирование науки и инноваций);

2) инновационная активность фирм (деятельность предприятий, измерения: частные инвестиции в НИОКР и инновации, предпринимательство и связи, интеллектуальные активы);

3) результаты (результаты, измерения: организации-инноваторы, экономические результаты).

Мировые экономические процессы

В зависимости от значения SII каждая страна относится к одной из четырех категорий:

1) Innovation leaders – инновационные лидеры, SII которых превосходит средний показатель для ЕС более чем на 20%. Согласно докладу Innovation Union Scoreboard 2014, к этой группе отнесены четыре страны: Швеция, Германия, Дания и Финляндия.

2) Innovation followers – инновационные последователи, SII которых лежит в пределах $90\% < SII < 120\%$ от среднего по ЕС. К этой группе отнесены Нидерланды, Люксембург, Бельгия, Великобритания, Австрия, Ирландия, Франция, Словения, Кипр и Эстония.

3) Moderate innovators – умеренные инноваторы, SII которых укладывается в интервал от 50 до

90% среднего по ЕС. К этой группе отнесены Италия, Испания, Португалия, Чехия, Греция, Словакия, Венгрия, Мальта, Польша и Литва.

4) Modestinnovators – «скромные инноваторы», SII которых менее 50% среднего по ЕС. В группу «скромных» попали Латвия, Румыния и Болгария.

Страны ЕЭП не участвуют в оценке данных показателей, но исследователи из БГЭУ внесли свой вклад в статистику белорусской науки и инноваций [2]: теперь публикуются отдельные показатели IUS (табл. 1).

По России, как и по некоторым странам, не входящим в ЕС, из-за ограниченности доступных статистических данных публикуется усеченная таблица (табл. 2).

Таблица 1

Некоторые показатели IUS по Республике Беларусь в сравнении со средними показателями по ЕС

Человеческие ресурсы	ЕС, средний показатель за 2013 г.	Беларусь, за 2012 г.
Выпуск аспирантов и докторантов (МСКО 6) на 1000 человек в возрасте 25—34	1,7	0,8
Доля населения в возрасте 30—34 года, имеющего законченное высшее образование, %	35,8	28,4
Доля молодежи в возрасте 20—24 года с законченным общим средним образованием, %	80,2	92,6
Открытость, привлекательность, совершенство научно-исследовательских систем		
Международные научные совместные публикации, на млн. чел.	343,2	84
Научные публикации среди 10% наиболее цитируемых в мире, % от числа публикаций	11,0	—
Доля студентов-иностранцев докторантуры, %	24,2	4,62
Финансы и поддержка		
Государственные расходы на НИОКР в % от ВВП	0,75	0,21
Доля венчурного капитала в % от ВВП	0,277	—

И с т о ч н и к: составлено по: [5; 11].

Таблица 2

Некоторые показатели IUS из первой группы по странам ЕЭП в сравнении со средними показателями по ЕС

Человеческие ресурсы	ЕС, средний показатель за 2013 г.	Россия	Беларусь	Казахстан
Выпуск аспирантов и докторантов (МСКО 6) на 1000 человек в возрасте 25—34 года	1,7	0,408	0,8	—
Доля населения в возрасте 30—34 года, имеющего законченное высшее образование, %	35,8	66,946	28,4	23,3
Международные научные совместные публикации, на млн. чел.	343,2	75,504	84	—
Самые цитируемые источники, %	11	1,98	—	—
Государственные расходы на НИОКР в % от ВВП	0,75	0,4275	0,21	0,0425
Доля венчурного капитала в % от ВВП	0,277	0,01	—	0,01—0,068

И с т о ч н и к: составлено по: [11; 12].

Первая группа показателей (см. табл. 1, 2) характеризует возможности инновационного развития; открытость, совершенство и привлекательность национальных исследовательских систем; финансы и государственную поддержку. Исходя из сравнения количества образовательных кадров для инновационного развития у России и Беларуси хорошие, у Казахстана несколько хуже.

В то же время анализ показывает несовершенство научно-исследовательских систем в Беларуси и России: по международным публикациям показатели ниже среднеевропейских примерно в 4 раза, однако в Беларуси ситуация несколько лучше, чем в России. Зато по самым цитируемым источникам в Беларуси не ведется учет вообще, российские же

показатели отстают от среднеевропейских примерно в 5 раз. Исходя из таких данных можно сказать, что научные системы России и Беларуси слабо интегрированы в мировое научное пространство.

Что касается государственного финансирования НИОКР, то из стран ЕЭП худший показатель у Казахстана, лучший у России — составил 0,4275 % ВВП, что в то же время ниже среднеевропейского в 1,75 раз. Также стоит отметить у стран ЕЭП чрезвычайно низкий уровень венчурного финансирования.

Следующая группа показателей (табл. 3) характеризует инновационную активность фирм. С помощью этой группы можно оценить вовлеченность частного сектора в инновационную деятельность и патентную активность стран.

Таблица 3

Некоторые показатели IUS из второй группы по России и Беларуси в сравнении со средними показателями по ЕС

Инновационная деятельность фирм	Средний показатель по ЕС, 2013 г.	Россия	Беларусь
Доля коммерческих расходов на НИОКР в ВВП, %	1,31	0,6681	0,46
Доля расходов на инновации, не связанные с НИОКР, в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг)	0,56	2,1	1,55
Доля МСП, осуществляющих внутренние инновации от общего числа МСП	31,8	—	4,7
Доля МСП, участвующих в совместных инновационных проектах, в общем числе обследованных организаций, %	11,7	8,2	0,69
Совместные научные публикации в партнерстве государства и частного бизнеса на 1 млн. населения	7,3	0,438	—
Число заявок на патенты по процедуре Договора о патентной кооперации на 1 млрд ВВП, евро	1,98	0,1386	0,13
Число заявок на патенты по процедуре Договора о патентной кооперации в области охраны окружающей среды и здоровья на 1 млрд ВВП, евро	0,92	0,0828	—

И с т о ч н и к: составлено по: [2; 5; 11; 12].

Исходя из показателей малые и средние предприятия в Беларуси и России в два раза слабее вовлечены в инновационную деятельность, чем малые и средние предприятия стран ЕС, поскольку уровень их затрат на НИОКР ниже. Ситуация в Казахстане будет еще хуже, поскольку там затраты на НИОКР еще ниже, чем в России и в Беларуси (рис. 1). Для того чтобы оценить финансирование НИОКР Казахстана в сравнении с Россией и Беларусью, были взяты данные по затратам на НИОКР в процентном соотношении к ВВП.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что Казахстан будет отставать от Беларуси и России по всем позициям табл. 3, связанными с расходами на НИОКР.

Слабыми остаются позиции Беларуси и России в инновационной активности малого и среднего бизнеса: сотрудничество между предприятиями по осуществлению совместных инновационных проектов отстает от европейских позиций (по России на 40 %, а по Беларуси почти в 17 раз). Эти данные сигнализируют об острой потребности в регу-

лировании механизмов сотрудничества государства и бизнеса, правовом обеспечении государственно-частного партнерства, в котором инновационная деятельность должна быть одной из ведущих.

Заметно и отставание Беларуси и России в патентной активности на международных рынках: по числу заявок Договора о патентной кооперации отставание в 15 раз. Патентная активность характеризует результативность научных исследований и разработок. На евразийском рынке (табл. 5, 6) Россия, Беларусь и Казахстан также не очень активны: по данным за 2013 г. на них в общей сумме пришлось чуть больше 12 % патентов, выданных Евразийской патентной организацией.

Можно предположить, что Казахстан будет находиться на одном уровне с Беларусью по патентным позициям в табл. 3 IUS.

Следующий блок оценок (табл. 7) показывает результативность реализации инновационной политики через развитие экспорта наукоемких услуг, высоких и средневысоких технологий, через эффективную занятость.

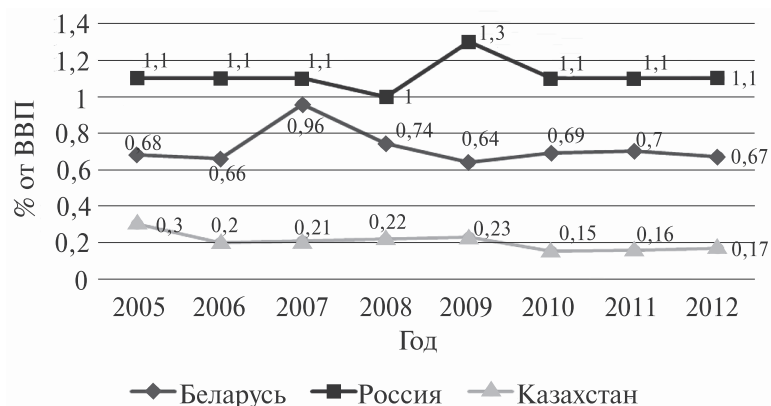

Рис. 1. Динамика расходов на НИОКР в % от ВВП за 2005—2012 гг.

И с т о ч н и к: составлено на основе табл. 4.

Таблица 4

Динамика расходов на НИОКР в % от ВВП 2005—2012 гг.

Страна	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Беларусь	0,68	0,66	0,96	0,74	0,64	0,69	0,7	0,67
Россия	1,1	1,1	1,1	1	1,3	1,1	1,1	1,1
Казахстан	0,3	0,2	0,21	0,22	0,23	0,15	0,16	0,17

И с т о ч н и к: составлено по: [4; 8; 11].

Таблица 5

Распределение количества евразийских патентов, выданных в 2013 г., по государствам

Страна	Количество заявок	Процент от общего числа выданных патентов
Россия	142	8,98
Казахстан	16	1,01
Беларусь	41	2,59

И с т о ч н и к: составлено по данным Евразийской патентной организации [3].

Таблица 6

Распределение количества евразийских патентов, выданных в 2013 г. на основе международных заявок, по государственной принадлежности патентовладельцев.

Страна	Количество заявок	Процент от общего числа выданных патентов
Россия	51	3,88
Казахстан	3	0,23
Беларусь	1	0,08

И с т о ч н и к: составлено по данным Евразийской патентной организации [3].

Таблица 7

Некоторые показатели IUS из третьей группы по России и Беларуси в сравнении со средними показателями по ЕС

Результативные показатели	Средний показатель по ЕС, 2013 г.	Россия	Беларусь
Доля МСП, внедряющих продуктовые или процессные инновации от общего числа МСП, %	38,4	11,3	4,21
Доля МСП, внедряющих маркетинговые или организационные инновации, в общем числе МСП, %	40,3	7,4	0,99
Доля занятости в наукоемких видах деятельности (производство и услуги) в общей занятости, %	13,9		27,36

Результативные показатели	Средний показатель по ЕС, 2013 г.	Россия	Беларусь
Вклад экспорта средневысокотехнологичной продукции, торговый баланс	1,27	0,9398	37,2
Доля экспорта наукоемких услуг в общем объеме экспорта услуг	45,3	45,753	26,57
Продажи новых для рынка и новых для фирмы продуктов в общем объеме отгруженной продукции, %	14,4	1,1	17,45
Доходы от продажи лицензий и патентов за рубеж, % от ВВП	0,77	0,0462	0,036

И с т о ч н и к: составлено по: [5; 11; 12].

Можно отметить явное различие методологии оценки белорусской и европейской статистики: по некоторым позициям показатели Беларуси (данные Белстата) превышают среднеевропейские и существенно превышают российские (данные ВШЭ и европейские), хотя, судя по следующим данным (см. табл. 7, 8, рис. 2), Беларусь не может так сильно опережать Россию.

Это значит, что по европейским и белорусским стандартам понятие новой продукции существенно различается, также нет единого понимания наукоемкой продукции и наукоемкости.

На основании вышеизложенных данных можно предположить, что Казахстан не будет отставать, а даже, возможно, опередит Россию и Беларусь в позициях «Продажи новых для рынка и новых для фирмы продуктов в общем объеме отгруженной

продукции» и «Вклад экспорта средневысокотехнологичной продукции, торговый баланс».

Показатель по продажам лицензий и патентов за рубеж показывает участие страны в международном обмене знаниями. Россия и Беларусь слабо участвуют в международном трансфере технологий, они являются покупателями научно-технических знаний, не получают много прибыли за торговлю объектами интеллектуальной собственности: их показатели выручки по соотношению с ВВП отстают от среднеевропейских как минимум в 10 раз (см. табл. 7). Для того чтобы определить место Казахстана в сравнении с Беларусью и Россией и общеевропейской практикой, были взяты данные по лицензионным платежам и роялти в экспорте услуг (табл. 9, рис. 3). Казахстан не получал таких платежей до третьего квартала 2013 г. [9].

Таблица 8

Динамика экспорта высокотехнологичной продукции в процентах от экспорта продукции, 2005—2012 гг.

страна \ Год	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Россия	8,4	7,8	6,9	6,5	9,2	9,1	8,0	8,4
Беларусь	2,7	2,8	2,8	2,4	3,1	3,0	2,6	2,9
Казахстан	11,3	20,9	21,4	21,9	29,9	34,2	24,7	30,0

И с т о ч н и к: составлено по данным Всемирного банка [15].

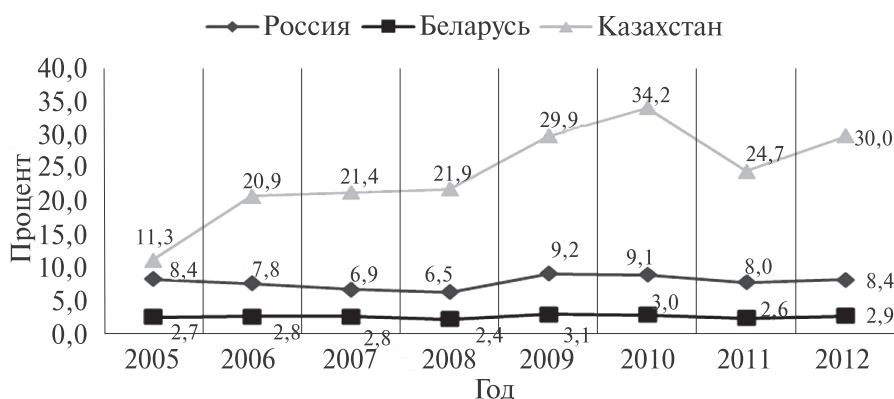

Рис. 2. Динамика экспорта высокотехнологичной продукции в процентах от экспорта продукции, 2005—2012 гг.

И с т о ч н и к: составлено на основе табл. 8.

После анализа данных можно с точностью сказать, что Казахстан не может опережать Россию и Беларусь по позиции «Доходы от продажи лицензий и патентов за рубеж, % от ВВП», скорее, он будет отставать.

Теперь, исходя из методологии отнесения страны к категории инновационного развития (в за-

висимости от соотношения показателя страны со среднеевропейским показателем) рассмотрим общую картину по известным данным. В случае если не было необходимых данных, страна относилась в группе в зависимости от ее отношения к другим странам, данные по которым были известны (табл. 10).

Таблица 9

Роялти и лицензионные платежи в экспорте услуг России, Казахстана и Беларуси за 2009—2013 гг.

Показатель \ Год	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Роялти и лицензионные платежи, тыс. долл. США, экспортировано Беларусью, тыс. долл. США	9500	8500	22 800	22 700	26 674
Роялти и лицензионные платежи, тыс. долл. США, экспортировано Россией, тыс. долл. США	380 760	386 220	555 780	664 200	675 850
Роялти и лицензионные платежи, экспортировано Казахстаном, тыс. долл. США	0	0	0	0	3400
Доля роялти и лицензионных платежей в объеме экспорта услуг, Беларусь, %	0,002738	0,00189	0,0043	0,0038	0,003872
Доля роялти и лицензионных платежей в объеме экспорта услуг, Россия, %	0,008978	0,00857	0,0100	0,0112	0,010130
Доля роялти и лицензионных платежей в объеме экспорта услуг, Казахстан, %	0	0	0	0	0,000678

И с т о ч н и к: составлено по данным [9; 18].

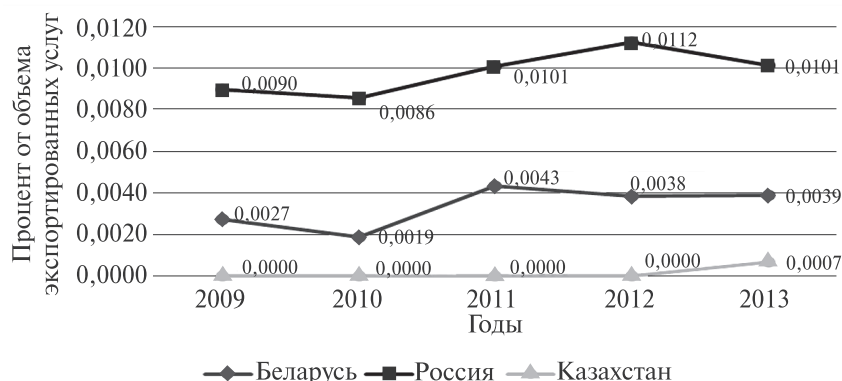

Рис. 3. Доля роялти и лицензионных платежей в экспорте услуг России, Казахстана и Беларуси за 2009—2013 гг.

И с т о ч н и к: составлено на основе табл. 9.

Таблица 10

Определение группы инноваторов IUS для Беларуси, России и Казахстана (начало)

Показатель	Беларусь	Россия	Казахстан
1. Человеческие ресурсы			
Выпуск аспирантов и докторантов (МСКО 6) на 1000 человек в возрасте 25—34 года	Скромный	Скромный	Скромный
Доля населения в возрасте 30—34 года, имеющего законченное высшее образование, %	Умеренный	Лидер	—
Доля молодежи в возрасте 20—24 года с законченным общим средним образованием	Последователь	Последователь	—
<i>Открытость, привлекательность, совершенство научно-исследовательских систем</i>			
Международные научные совместные публикации, на млн чел.	Скромный	Скромный	Скромный

Показатель	Беларусь	Россия	Казахстан
Научные публикации среди 10 % наиболее цитируемых в мире, % от числа публикаций	Скромный	Скромный	Скромный
Доля студентов-иностранцев докторантуры, %	Скромный	Скромный	Скромный
<i>Финансы и поддержка</i>			
Государственные расходы на НИОКР в % от ВВП	Скромный	Умеренный	Скромный
Доля венчурного капитала в % от ВВП	Скромный	Скромный	Скромный
2. Инновационная активность фирм			
<i>Инвестиции фирм</i>			
Доля коммерческих расходов на НИОКР в ВВП, %	Скромный	Скромный	Скромный
Доля расходов на инновации, не связанные с НИОКР, в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг)	Лидер	Лидер	—
<i>Взаимное сотрудничество и предпринимательская деятельность</i>			
Доля МСП, осуществляющих внутренние инновации от общего числа МСП	Скромный	—	—
Доля МСП, участвующих в совместных инновационных проектах, в общем числе обследованных организаций, %	Скромный	Умеренный	—
Совместные научные публикации в партнерстве государства и частного бизнеса на 1 млн населения	Скромный	Скромный	Скромный
<i>Интеллектуальная собственность</i>			
Число заявок на патенты по процедуре Договора о патентной кооперации на 1 млрд ВВП, евро	Скромный	Скромный	Скромный
Число заявок на патенты по процедуре Договора о патентной кооперации в области охраны окружающей среды и здоровья на 1 млрд ВВП, евро	Скромный	Скромный	Скромный
3. Результативные показатели			
<i>Инноваторы</i>			
Доля МСП, внедряющих продуктовые или процессные инновации от общего числа МСП, %	Скромный	Скромный	—
Доля МСП, внедряющих маркетинговые или организационные инновации, в общем числе МСП, %	Скромный	Скромный	—
<i>Экономические эффекты</i>			
Доля занятости в наукоемких видах деятельности (производство и услуги) в общей занятости, %	Лидер	—	—
Вклад экспорта средневысокотехнологичной продукции, торговый баланс	Лидер	Умеренный	Умеренный
Доля экспорта наукоемких услуг в общем объеме экспорта услуг	Умеренный	Последователь	Умеренный
Продажи новых для рынка и новых для фирмы продуктов в общем объеме отгруженной продукции, %	Последователь	Скромный	Умеренный
Доходы от продажи лицензий и патентов за рубеж, % от ВВП	Скромный	Скромный	Скромный

И с т о ч н и к: составлено на основе табл. 1—3, 7.

Россия, Беларусь и Казахстан по методологии UIS будут относиться к четвертой группе — скромные инноваторы. Наиболее сильные позиции стран ЕЭП в блоках «человеческие ресурсы» и «экономические эффекты»: хорошо образованная молодежь — это хороший задел для построения экономики знаний.

Наиболее серьезные проблемы, в которых необходима работа — это вопросы интеллектуальной собственности, слабая инновационная активность, закрытость научно-исследовательских систем, слабое сотрудничество между государством и бизнесом, недостаточное финансирование НИОКР.

СТРАНЫ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ИННОВАЦИОННОГО ИНДЕКСА (GII)

Одним из наиболее широко используемых индексов инноваций является Глобальный индекс инноваций (Global Innovation Index – GII), разработанный в сотрудничестве специалистами швейцарской бизнес-школы (Business School for the World – INSEAD), Всемирной организации интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization – WIPO), Корнельским университетом (Cornell University). Авторы исследования считают, что успешность экономики связана как с наличием инновационного потенциала, так и с условиями для его воплощения. Поэтому Индекс рассчитывается как взвешенная сумма оценок двух групп показателей:

1) располагаемые ресурсы и условия для проведения инноваций (Innovation Input):

- институты,
- человеческий капитал и исследования,

- инфраструктура,
- развитие внутреннего рынка,
- развитие бизнеса;

2) достигнутые практические результаты осуществления инноваций (Innovation Output):

- развитие технологий и экономики знаний,
- результаты креативной деятельности.

Таким образом, итоговый Индекс представляет собой соотношение затрат и эффекта, что позволяет объективно оценить эффективность усилий по развитию инноваций в той или иной стране.

В Приложении Б вынесены по России, Беларуси и Казахстану их сильные и слабые стороны в контексте Глобального инновационного индекса 2014 г. [17].

На основе анализа табл. 11–13 можно отметить, что у стран ЕЭП есть общие и индивидуальные слабые и сильные стороны.

Таблица 11

Анализ слабых и сильных сторон Беларуси по Глобальному инновационному индексу, 2013 г.

Сильные стороны (лучшие экономические рейтинги)		Слабые стороны (худшие экономические рейтинги)	
Позиция	Процент от лучшего мирового показателя	Позиция	Процент от лучшего мирового показателя
1. Институты инноваций			
Легкость начала бизнеса	85,8	Политическая среда	12,7
		Эффективность правительства	6,3
		Свобода печати	10,0
		Среда регулирования	14,1
		Качество регулирования	3,5
		Верховенство права	8,5
		Издержки сокращений рабочих мест и увольнений	29,0
2. Человеческие ресурсы			
Процент поступаемости школьников в ВУЗы	88,5		
Доступность высшего образования	96,2		
Выпускники в области науки и техники	84,8		
Совокупная доля получающих высшее образование	86,3		
3. Инфраструктура			
Валовое формирование капитала	90,0	Использование интернета и электронных связей в управлении	22,1
		ВВП на единицу потребления энергии	24,1
4. Рыночная среда			
Торговля и конкуренция	99,2	Легкость получения кредита	23,4
		Венчурный капитал, % от ВВП	0,0
5. Бизнес-среда			
Чистый приток прямых иностранных инвестиций	84,3	Высокоразвитость организации бизнеса	29,7

Сильные стороны (лучшие экономические рейтинги)		Слабые стороны (худшие экономические рейтинги)	
Позиция	Процент от лучшего мирового показателя	Позиция	Процент от лучшего мирового показателя
		Связи в инновационной системе	2,1
		Связи совместных предприятий, стратегических альянсов	30,4
		Импорт высоких технологий	1,6
6. Создание знаний и технологий			
Создание знаний	8,5	Сертификация по ISO 9001	18,4
Заявки на патенты, поданные резидентами (национальный уровень)	92,0		
Заявки на полезные модели, поданные резидентами (национальный уровень)	90,0		
Темп роста ВВП в расчете на одного занятого	88,0		
7. Креативность экономики			
Регистрация товарных знаков по Мадридской системе по стране происхождения	80,5	Креативность экономики	28,3
Ежедневный тираж газет	89,7	Нематериальные активы	27,5
		Экспорт аудиовизуальных услуг	28,0
		Производство национальных художественных фильмов	4,8
		Национальные домены верхнего уровня	20,0

И с т о ч н и к: составлено по данным Глобального инновационного индекса [17].

Таблица 12

Анализ слабых и сильных сторон Казахстана по Глобальному инновационному индексу

Сильные стороны (лучшие экономические рейтинги)		Слабые стороны (худшие экономические рейтинги)	
Позиция	Процент от лучшего мирового показателя	Позиция	Процент от лучшего мирового показателя
1. Институты инноваций			
Издержки сокращений рабочих мест и увольнений	78,7	Свобода печати	7,9
Бизнес-сфера	77,3		
Простота в уплате налогов	90,7		
2. Человеческие ресурсы			
Ожидаемая продолжительность школьного образования	73,8	Государственные затраты на обучение в расчете на одного ученика	13,6
Соотношение учеников и учителей в школе	89,0	Потенциал в области оценки математического и естественно-научного образования	15,9
3. Инфраструктура			
Информация и коммуникации	84,3	Экологическая устойчивость	10,9
Правительственные сервисы онлайн	85,0	ВВП на единицу потребления энергии	7,2
Использование интернета и электронных связей в управлении	97,8	Экологические показатели	0,8

Сильные стороны (лучшие экономические рейтинги)		Слабые стороны (худшие экономические рейтинги)	
Позиция	Процент от лучшего мирового показателя	Позиция	Процент от лучшего мирового показателя
4. Рыночная среда			
Простота защиты инвесторов	92,1		
5. Бизнес-среда			
Валовые внутренние расходы на НИОКР, профинансированные бизнесом	77,6	Связи в инновационной системе	12,7
Чистый приток прямых иностранных инвестиций	82,9	НИОКР, финансируемые из-за границы	11,4
		Международные патентные заявки	0,0
6. Создание знаний и технологий			
Заявки на патенты, поданные резидентами	78,7	Научно-технические публикации	5,0
Темп роста ВВП в расчете на одного занятого	87,1	Выпуск высокотехнологичной и средне-высокотехнологичной продукции	16,6
Прямые иностранные инвестиции, чистый отток	78,8	Роялти и лицензионные платежи в процентах от экспортированных услуг	3,5
7. Креативность экономики			
		Экспорт аудиовизуальных услуг	14,6

И с т о ч н и к: составлено по данным Глобального инновационного индекса [17].

Таблица 13

Анализ слабых и сильных сторон России по Глобальному инновационному индексу

Сильные стороны (лучшие экономические рейтинги)		Слабые стороны (худшие экономические рейтинги)	
Позиция	Процент от лучшего мирового показателя	Позиция	Процент от лучшего мирового показателя
1. Институты инноваций			
		Политическая среда	17,7
		Политическая стабильность	20,5
		Свобода печати	15,1
		Верховенство права	20,5
2. Человеческие ресурсы			
Соотношение учеников и учителей в школе	92,1	Валовой коэффициент зачисления в вузы иностранцев	23,0
Поступаемость в вузы	90,9		
Выпускники в области науки и техники	86,8		
3. Инфраструктура			
Использование интернета и электронных связей в управлении	85,7	Экологическая устойчивость	16,7
Занятость в наукоемких услугах	91,3	ВВП на единицу потребления энергии	9,6
Роялти и лицензионные платежи в % от импорта услуг	86,4	Экологические показатели	17,3
		Кредит	18,4
		Легкость в получении кредита	23,4
		Кредитный портфель МФО	10,0
		Интенсивность местной конкуренции	11,1

Сильные стороны (лучшие экономические рейтинги)		Слабые стороны (худшие экономические рейтинги)	
Позиция	Процент от лучшего мирового показателя	Позиция	Процент от лучшего мирового показателя
5. Бизнес-среда			
		Связи в инновационной системе	23,4
6. Создание знаний и технологий			
Заявки на патенты, поданные резидентами (национальный уровень)	89,3		
Заявки на полезные модели, поданные резидентами (национальный уровень)	86,6		
Наиболее цитируемые документы	85,8		
Чистый отток прямых иностранных инвестиций	85,3		
7. Креативность экономики			
		Нематериальные активы	10,1
		ИКТ и бизнес-модели	11,1
		ИКТ и организационные модели	24,4
		Экспорт креативных товаров	25,2

И с т о ч н и к: составлено по данным Глобального инновационного индекса [17].

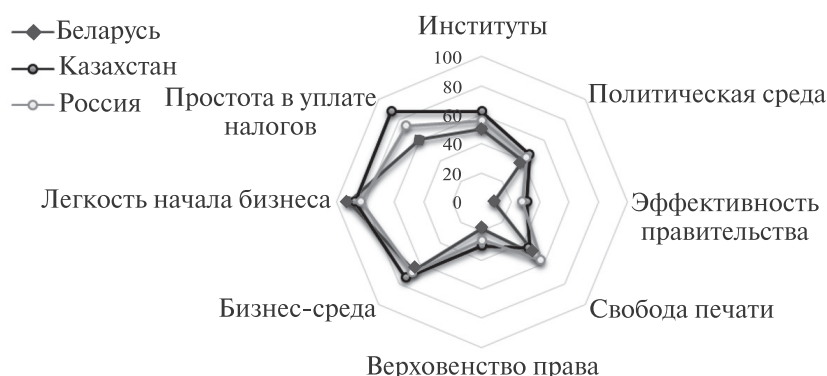

Рис. 4. Беларусь, Россия и Казахстан в аспектах элементов субиндекса «институты» Глобального инновационного индекса, 2013 г.

И с т о ч н и к: составлено по [17].

Рис. 5. Беларусь, Россия и Казахстан в аспектах элементов субиндекса «человеческий капитал» Глобального инновационного индекса, 2013 г.

И с т о ч н и к: составлено по [17].

Рис. 6. Беларусь, Россия и Казахстан в аспектах элементов субиндекса «бизнес-среда» Глобального инновационного индекса, 2013 г.

И с т о ч н и к: составлено по [17].

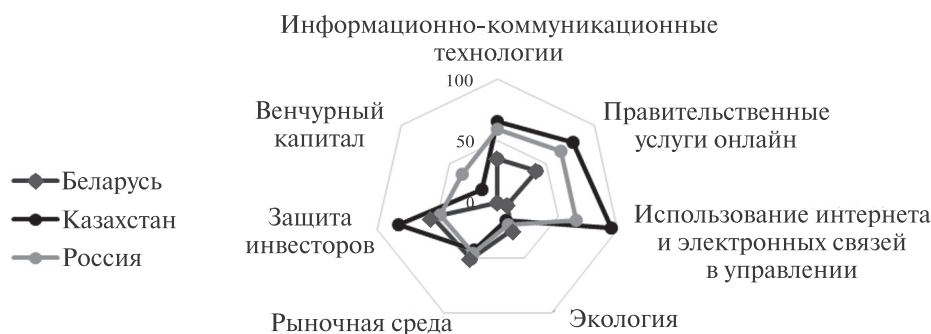

Рис. 7. Беларусь, Россия и Казахстан в аспектах элементов субиндексов «Рыночная среда» и «инфраструктура» Глобального инновационного индекса, 2013 г.

И с т о ч н и к: составлено по [17].

Рис. 8. Беларусь, Россия и Казахстан в аспектах элементов субиндекса «создание знаний и технологий» Глобального инновационного индекса, 2013 г.

И с т о ч н и к: составлено по [17].

Согласно данным Глобального инновационного индекса (рис. 4) Беларусь и Россия могут позавидовать у Казахстана простоту налогов. Во всех трех странах проблематичны позиции эффективности правительства, политической среды. По субиндексу «Институты» в целом лидирует Казахстан.

В субиндексе «человеческий капитал» (рис. 5) Беларусь лидирует по показателям высшего образования, отстает вместе с Казахстаном от России по развитию НИОКР и валовым затратам на НИОКР.

По субиндексу «бизнес-среда» (рис. 6.) лидирует Россия. У Казахстана самые лучшие позиции по привлечению частных структур в финансировании НИОКР, что, безусловно является одним из важнейших факторов для развития инноваций.

По субиндексу «инфраструктура» (рис. 7.) все три страны имеют слабые показатели по экологии. Казахстан опередил Россию и Беларусь по виртуальному взаимодействию: правительственные услуги онлайн и использование электронных связей.

Беларусь отстает от других стран ЕЭП по венчурному капиталу.

По показателям создания знаний и технологий у Казахстана наиболее слабые позиции (рис. 8.). Беларусь лидирует по экспорту компьютерных и информационных технологий, Россия — по экспорту объектов ИС, Казахстан — по экспорту высокотехнологичных товаров, что удивляет. Самая сильная сторона у стран ЕЭП — это человеческие ресурсы. Также наблюдается высокая патентная активность на национальном уровне. Все три страны имеют не лучшие показатели по связям в инновационной системе, причем у Беларуси наихудший результат: 2,1 % от максимального в мире, в то время как у Казахстана 12,7 %, у России 23,4 %. Также все три страны неэффективно потребляют энергию: показатели ВВП на единицу потребления у Беларуси 24,1 %, у Казахстана 7,2 %, у России 9,6 % от максимального мирового результата.

Таким образом, важно отметить следующие выводы исследования. Примечательно различие оценок и данных между ГП и Всемирного банка. Так,

например, по данным Всемирного Банка по сравнению с Россией и Беларусью Казахстан за 2013 г. имеет достаточно высокую долю экспорта высокотехнологичной продукции — около 30% [15], в то время как согласно данным Глобального инновационного индекса [17] у него недостаточно развито производство высокотехнологичной и средневысокотехнологичной продукции. Также по данным ГП у Беларуси относительно высокие показатели по регистрации товарных знаков по Мадридской системе, что несколько неожиданно после выявленной в предыдущем подпункте невысокой международной патентной активности.

Анализ показывает, что Беларуси необходимо догонять своих соседей по венчурному капиталу. Белорусский инновационный фонд не занимается практикой венчурного инвестирования. Также по сравнению с соседями она слабо задействует интернет в качестве связи и инфраструктуры: 22,1 % от лучшего мирового результата, в то время как у России 85,7 %, а у Казахстана 97,8 %.

Библиографические ссылки

1. *Александрова, Е. Н., Салмина О. А.* Методические подходы к оценке эффективности функционирования инновационной сферы на макроуровне // *Фундаментальные исследования*. 2008. № 6. С. 120–123.
2. *Богдан Н. И.* Международные индикаторы инноваций: оценка сильных и слабых сторон национальной инновационной системы Беларуси // *Белорус. экон. журн.* 2013. № 4. С. 31–48.
3. Годовой отчет 2013 год [Электронный ресурс] // Евразийская патентная организация. URL: <http://www.eapo.org/pdf/home/report/eapo_2013.pdf> (дата обращения: 05.09.2014).
4. Дорожная карта бизнеса-2020 [Электронный ресурс] // Фонд развития предпринимательства «ДАМУ». URL: <<http://www.damu.kz/2371>> (дата обращения: 25.09.2014).
5. Индикаторы инновационной деятельности: 2014 [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. URL: <<http://www.hse.ru/primarydata/ii2014>> (дата обращения: 19.09.2014).
6. Исследование INSEAD: Глобальный индекс инноваций 2012 года [Электронный ресурс] // Центр гуманитар. технологий. Экспертно-аналитический портал. URL: <<http://gtmarket.ru/news/2012/07/06/4531>> (дата обращения: 01.09.2014).
7. *Косенков Р. А.* Анализ инновационных факторов развития региона // *Инновации*. 2002. № 9. С. 81–85.
8. Наука и инновации [Электронный ресурс] // Комитет по статистике М-ва нац. экономики Респ. Казахстан. URL: <http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersScience> (дата обращения: 19.09.2014).
9. Основные показатели деятельности организаций, выполнявших научные исследования и разработки [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Респ. Беларусь. URL: <http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/nauka-i-innovatsii/osnovnye-pokazateli-za-period-s-___-po-___gody/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti-organizatsii-vypolnyavshih-nauchnye-issledovaniya-i-razrabotki/> (дата обращения: 25.09.2014).
10. Уровень инновационности общественного развития (методологические аспекты) / В. Г. Садков [и др.] // *Инновации*. 2002. № 9. С. 101–102.
11. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь: статистические сборники [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <<http://belstat.gov.by/>> (дата обращения: 19.09.2014).
12. Innovation Union Scoreboard 2014 [Electronic resource] // European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/files/ius/ius-2014_en.pdf> (date of access: 17.08.2014).
13. Knowledge Assessment Methodology 2012. [Electronic resource] // The World Bank. URL: <<http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/WBI/WBIPROGRAMS/KFDLP/EXTUNIKAM/0,,menuPK:1414738~pagePK:64168427~piPK:64168435~theSitePK:1414721,00.html>> (date of access: 01.09.2014).
14. National Patterns of R&D Resources: 2011–12 Data Update [Electronic resource] // National Science Foundation. URL: <<http://www.nsf.gov/statistics/nsf14304/pdf/nsf14304.pdf>> (date of access: 12.08.2014).
15. Science & Technology [Electronic resource] // The World Bank. URL: <<http://data.worldbank.org/topic/science-and-technology>> (date of access: 12.07.2014).
16. The Global Competitiveness Report 2013–2014 / ed. by K. Shwab [Electronic resource] // World Economic Forum. URL: <http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf> (date of access: 17.08.2014).
17. The Global Innovation Index 2013. Country Ranking [Electronic resource] // The Global Innovation Index. URL: <<http://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=data-analysis>> (date of access: 12.07.2014).
18. Trade statistics for international business development [Electronic resource] // International Trade Centre. URL: <<http://www.trademap.org/index.aspx?ReturnUrl=%2fSelectionMenu.aspx>> (date of access: 17.09.2014).

ФОРМИРОВАНИЕ ПОДДЕРЖКИ МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА: МЕТОДИКА И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ

О. С. Мозговая

В статье рассматриваются научно-теоретические аспекты оценки степени поддержки местным населением развития экотуризма в особо охраняемых природных территориях. Анализируется исследование, проведенное на базе эмпирической анкетной оценки отношения местного населения к развитию экотуризма в государственных природоохранных учреждениях Республики Беларусь. Предложены методические рекомендации по формированию поддержки местным населением развития экологического туризма.

The article reveals the scientific and theoretical concepts of measuring the local community support of ecotourism development in specially protected natural areas. It analyzes the research based on the empirical questionnaire measure of the local community's support of ecotourism development in the state nature protection institutions of the Republic of Belarus. The author suggests methodological recommendations for promoting positive attitude towards ecotourism development among the local community.

Ключевые слова: экотуризм; экономические, экологические, социальные и культурные факторы воздействия экотуризма; особо охраняемые природные территории; местное население; структурная модель.

Keywords: ecotourism; economic, ecological, social and cultural impact of ecotourism; specially protected natural areas; local community; structural model.

Поддержка местных жителей является одним из важных факторов, предопределяющих эффективное развитие экотуризма на той или иной территории. Отношение к туристам со стороны местных жителей может варьироваться в широких пределах — от открытого и дружелюбного до резко негативного в силу различного рода факторов. Нельзя не отметить и тот факт, что развитие экотуризма часто приносит новые тенденции в социальную сферу общества, в том числе способно спровоцировать конфликтные ситуации в местном сообществе из-за ухудшения криминогенной ситуации, девальвации традиционных духовных ценностей и т. д.

Для предотвращения негативных последствий развития экотуризма очень важно выявить факторы, которые оказывают влияние на этот процесс и помогут спрогнозировать реакцию местных жителей. Наиболее полно эти проблемы исследованы в работах зарубежных авторов S. Akis, N. Peristianis, J. Warner [1]; J. Ap [2]; J. S. Chen [3]; D. Getz [5]; C. Jurowski, M. Uysal, D. R. Williams [6]; R. R. Perdue, P. T. Long, L. Allen [9]; C. A. Young, D. L. Corsun, S. Baloglu [12]. В частности, многие исследователи (S. Akis, N. Peristianis, J. Warner [1]; D. Davis, J. Allen, R. M. Consenza [4]; J. C. Liu, P. Sheldon, T. Var [7]; J. C. Liu, T. Var [8]) утверждают, что экономическая прибыль — это основная выгода, ожидаемая местным населением от развития экотуризма. Восприятие местным населением социальных и культурных воздействий развития экотуризма менее изучено, кроме того, полученные данные по указанным вопросам имеют противоречивые результаты. Некоторые исследователи (C. Jurowski, M. Uysal, D. R. Williams [6]; J. C. Liu, T. Var [8]; R. R. Perdue, P. T. Long, L. Allen [9]) утверждают, что население чаще положительно относится к экономическому воздействию туризма и отрицательно — к социальному, культурному и экологическому. Другие (G. Wall, A. Mathieson [10]) считают, что местное население рассматривает туризм как явление, приносящее обществу различные социальные, культурные

и экологические выгоды (возможность культурного обмена, сохранения природных территорий, археологических объектов и исторических памятников).

Несмотря на то что вышеперечисленные исследователи соглашались в той части, что развитие экотуризма связано с экономическим, экологическим, социальным и культурным воздействием, суммарное воздействие на поддержку местными жителями развития экотуризма не было до конца изучено. Y. Yoon, D. Gursoy, J. S. Chen [11] предложили использовать интегрированный подход в исследовании степени такого влияния, основанный на том, что воспринимаемое суммарное воздействие экотуризма имеет четыре основных фактора (экономический, экологический, социальный и культурный), взаимодействующих между собой и влияющих на цельное восприятие. Такой подход к экотуристской деятельности позволяет рассматривать ее не только с экономической точки зрения, но и оценить ее влияние на социальную сферу, в частности занятость населения, его профессиональную трансформацию и т. п. В последние годы фокус внимания все больше смещается на социокультурные эффекты, например на провоцирование расовых, политических, религиозных конфликтов и т. д. Жителям Беларуси традиционно присущи гостеприимство, дружелюбие, чуткость и отзывчивость, что отмечают отечественные и иностранные туристы. Однако в силу разнородного социально-экономического развития сельской местности туристы могут столкнуться с отдельными проявлениями негативного отношения со стороны местного населения. С этих позиций проблематика, затронутая в статье, весьма актуальна.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы оценить поддержку местными жителями развития экотуризма согласно факторам, оказывающим наибольшее влияние.

В рамках анализа представляется приемлемым провести количественную оценку влияния различных факторов с помощью интегрированного под-

хода, в основе которого лежит принцип, определяющий, что каждый фактор влияет на восприятие как других факторов, так и всей группы факторов в целом. Цель такой оценки и ее методологическое значение — выявить региональные резервы для развития экотуризма на территории охраняемых природных территорий (ООПТ). Немаловажное значение при этом имеет и такое явление, как вероятностный характер анализируемых процессов.

В целях разработки последующего механизма управления этим процессом необходимо прежде всего принять во внимание суммарное воздействие экзогенных и эндогенных факторов на экотуризм и поддержку его развития на уровне страны, ее регионов или конкретных ООПТ. Не менее важны и причинно-следственные связи между поддержкой развития экотуризма жителями определенной территории и уровнем развития экотуризма на данной территории.

Количественное и качественное обнаружение зависимости рассматриваемого явления возможно исследовать посредством соответствующих индикаторов с учетом идентифицирующих факторов и использования различных методов диагностики и оценки. В частности, в работе «Подтверждение теории развития туризма с помощью построения структурного уравнения» Y. Yoon, D. Gursoy, J. S. Chen [11] предлагается проводить такое исследование на базе эмпирической анкетной оценки конкретного региона (ООПТ), отражающей как выгоды, так и затраты на экотуризм. Оценка осуществляется по экономическим, экологическим, социальным и культурным группам факторов, а также учитывается суммарное воздействие этих факторов.

Экономическое воздействие предлагается оценивать по факторам:

- экотуризм создал новые рабочие места;
- экотуризм привлек больше инвестиций;
- уровень жизни значительно улучшился благодаря экотуризму;
- из-за экотуризма выросли цены на товары и услуги;
- экотуризм принес экономические выгоды местным жителям и малому бизнесу;
- доходы от экотуризма могут быть более важны для местного бюджета, чем доходы от других видов деятельности;
- улучшение сферы обслуживания экотуристов — пустая трата денег налогоплательщиков.

Экологическое воздействие:

- экотуризм привел к увеличению транспортного потока, шуму и загрязнению;
- строительство гостиниц и других средств обслуживания экотуристов разрушило окружающую среду;
- экотуризм привел к переполнению национальных парков;
- благодаря экотуризму увеличилось количество национальных парков и других территорий для отдыха местного населения.

Социальное воздействие:

- высокие расходы экотуристов отрицательно отразились на вашем образе жизни;

- экотуризм изменил традиционную культуру;
- местные жители пострадали от проживания в туристском центре;

- экотуризм привел к росту вандализма;
- экотуризм повысил уровень преступности.

Культурное воздействие:

- экотуризм стимулирует местное население к проведению различных культурных мероприятий;
- экотуризм привел к активному культурному обмену между экотуристами и местными жителями;
- встреча экотуристов из других стран — возможность лучше понять их культуру и общество;
- экотуризм привел к положительному воздействию на культурное самоопределение.

Суммарное воздействие:

- как Вы ощущаете суммарное влияние развития экотуризма в вашей местности?
- Вы согласны или не согласны с тем, что выгоды от развития экотуризма больше, чем затраты жителей вашей местности?

Для оценки этих 22 пунктов может быть использована пятибалльная шкала, где 1 = полностью не согласен, 5 = полностью согласен. Суммарное воздействие туризма, одна из зависимых переменных, должно отражать два индикатора: (1) выгоды от туризма больше, чем затраты (1 = полностью не согласен, 5 = полностью согласен); (2) суммарное влияние туризма (1 = только негативное, 5 = только положительное).

Оценка проводится в четыре этапа. На первом этапе выделяется объект анализа (ООПТ или регион) и определяются основные показатели для проведения экспертной оценки. Определяется площадь территории, численность проживающего населения, динамика и объем оказанных туристических услуг в предшествующий период, уровень обеспеченности природными ресурсами, основными видами транспортной инфраструктуры, объектами, вовлеченными в обслуживание экотуристов.

На основе всесторонней оценки информации, полученной на первом этапе, на втором этапе определяется объем выборочного исследования (опросов) для описания анализируемого явления.

При оценке полученных данных предлагается руководствоваться следующей шкалой: 0,06–1,0 — высокий уровень значимости; 0,02–0,059 — средний уровень значимости; менее 0,019 — низкий уровень значимости.

Предварительная обработка собранных данных осуществляется с помощью итоговой структурной модели, представленной на рис. 1.

Третий этап включает сбор информации (проведение опроса) и первичную верификацию выдвинутой идеи. Инструментом опроса является анкета, включающая 22 пункта, и пятибалльная шкала для ее оценки. В анкете каждый опрошиваемый отмечает свое отношение к каждому компоненту, в том числе и к суммарному воздействию. Так как экотуризм — это многогранное явление, состоящее из различных факторов воздействия и зависящее от сложных процессов социального обмена между туристами и принимающей стороной, то восприятие жителями этого вида туризма может иметь как отрицательные, так и положительные аспекты.

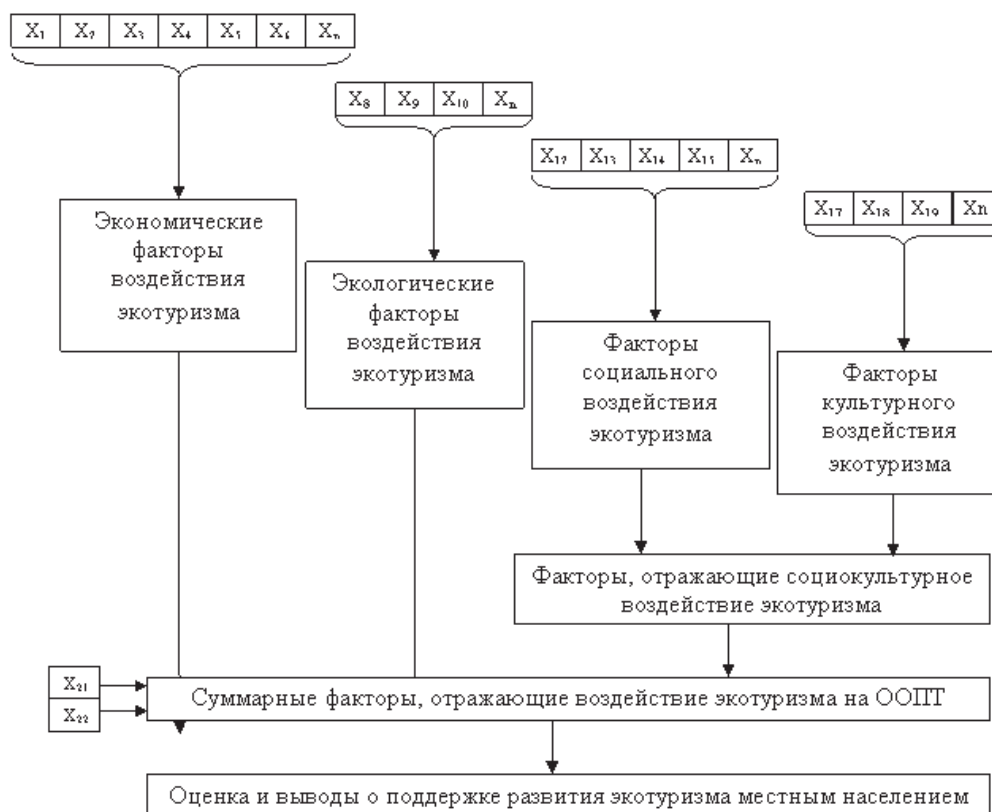

Рис. 1. Структурная модель оценки поддержки местным населением развития экотуризма на ООПТ

И с т о ч н и к: составлено по: [11, с. 369].

Вместе с тем туристы могут отказываться от посещения мест, где им не рады. Поэтому важно учитывать суммарное воздействие развития экотуризма принимающей стороной.

В нашем исследовании сбор информации был произведен по ООПТ Беларуси. Было опрошено 600 местных жителей. Обработка анкет была осуществлена путем перехода от балльной оценки к коэффициентам весомости. При расчетах последних использовались формулы:

$$q_i = \frac{a_i}{\sum_{i=1}^n a_i}, \quad (1)$$

где q_i — коэффициент весомости i -го показателя, a_i — балльная оценка i -го показателя, n — количество показателей, которые могут быть учтены при оценке услуги.

В этом случае сумма числовых значений всех показателей должна быть равна единице:

$$\sum_{i=1}^n q_i = 1. \quad (2)$$

Четвертый этап предполагает обработку данных и отбор наиболее объективных из них. Предполагаемые зависимости могут быть проверены с помощью двухэтапного подхода построения структурных зависимостей. Такой подход позволяет исключить

из рассмотрения взаимозависимые факторы, а также обосновать модель структурного уравнения для измерения изучаемого явления. Новое структурное уравнение может быть получено путем исключения попарно зависимых факторов, имеющих значимость на уровне менее 0,05.

В соответствии с принятой градацией большинство показателей, используемых при определении коэффициента значимости развития экотуризма, имеют средний уровень. Высоким уровнем были определены такие характеристики, как:

- 1) экотуризм стимулирует местное население к проведению различных культурных мероприятий;
- 2) встреча экотуристов из других стран — возможность лучше понять их культуру и общество.

К низкому уровню значимости в результате проведенного исследования не был отнесен ни один показатель. Это относится к заключительной стадии оценки и подготовке выводов.

Анализ ответов респондентов позволяет сделать следующие выводы. Полученные в ходе исследования данные подтверждают существование четырех составляющих воздействия туризма, а именно: экономической, социальной, культурной и экологической. Экономическое и культурное воздействие положительно влияет на суммарное воздействие экотуризма, в то время как социальное и экологическое воздействие — отрицательно. Кроме того, установлено, что воспринимаемое экологическое воздействие напрямую связано с поддержкой мест-

ными жителями развития экотуризма. Прямое отрицательное влияние экологического воздействия на поддержку экотуризма указывает, что местные жители глубоко озабочены разрушительным воздействием экотуризма на окружающую среду, что уменьшает степень поддержки местными жителями развития экотуризма.

Выявлена прямая зависимость между воспринимаемым населением экономическим воздействием и суммарным воздействием. Это означает, что население полагает, что экотуризм приносит экономическую выгоду местным жителям и предпринимателям.

Выявлена прямая зависимость между воспринимаемым населением экономическим воздействием и суммарным воздействием. Это означает, что население полагает, что экотуризм приносит экономическую выгоду местным жителям и предпринимателям. Прибыль — это основная выгода, ожидаемая местным населением от развития экотуризма. В развитии экотуризма местные жители видят расширение возможностей занятости и роста доходов от занятия туристической деятельностью, что увеличивает степень поддержки местными жителями развития экотуризма (экономическое воздействие воспринимается положительно и так же положительно влияет на суммарное воздействие).

Подтверждена и гипотеза о том, что существует косвенная зависимость между культурным воздействием и поддержкой местными жителями развития туризма, и эта зависимость опосредована суммарным воздействием. Местные жители считают, что общение с туристами способствует развитию культурного обмена.

Также была доказана гипотеза о косвенной зависимости между экологическим воздействием и поддержкой местными жителями развития экотуризма. «Экологическое воздействие» предполагает следующую позицию местных жителей: развитие экотуризма создает излишние скопления, шум, загрязнение и разрушение естественной окружающей среды. Данная зависимость указывает, что местные жители придают большое значение этому вопросу и воспринимают экотуризм как явление, оказывающее отрицательное влияние на окружающую среду.

Однако, несмотря на то что местные жители отмечают отрицательные экологические и социальные эффекты от развития экотуризма, структурная зависимость между суммарным воздействием и поддержкой развития экотуризма положительна и существенна при уровне значимости 0,05. Такая зависимость показывает, что восприятие местными жителями суммарного воздействия развития экотуризма является положительным. Население считает, что развитие экотуризма приносит больше выгод, чем затрат, что дает возможность предполагать, что местные жители, вероятно, поддержали бы дальнейшее развитие экотуризма.

Проведенное исследование демонстрирует, что воспринимаемые экономические и культурные выгоды были важными определяющими в поддержке экотуризма. Это означает, что маркетинговые мероприятия, с помощью которых местные жители узнают об экономических и культурных выгодах,

получаемых от экотуризма, полезны для населения принимающей стороны.

Такая поддержка необходима для развития, успешной деятельности и устойчивости экотуризма. Повышение уровня благосостояния местного населения зависит от непосредственного их участия в туристском обслуживании. Для повышения уровня доходов местного населения необходимо в первую очередь разнообразить ассортимент дополнительных услуг: проживание и питание в агроусадьбах, прокат лодок, велосипедов, услуги эколога-проводника, продажа сувениров, обучение ремеслам и промыслам и др.

Руководство ООПТ, местные власти, менеджеры туристских организаций, лидеры местного сообщества должны заинтересовать местное население бизнесом, к которому до сих пор оно не имело прямого отношения. Помимо доходов, которые могут получить местные жители, предоставляя разнообразные услуги туристам, следует учитывать и моральные стимулы, включая возможность коммуникации с новыми и интересными людьми (в том числе иностранцами), практику иностранного языка. В процессе общения с туристами у местных жителей развиваются чувства сопричастности и собственной значимости, гордости за свою «малую родину».

Результаты исследования свидетельствуют, что противостояние населения развитию экотуризма основано на восприятии им отрицательных экологических и социальных его воздействий. Сохранение природных экосистем является важнейшим условием устойчивого развития экотуризма. Минимизировать отрицательное воздействие на природные комплексы возможно путем соблюдения норм экологически допустимых рекреационных нагрузок, проведения разъяснительной природоохранной работы среди туристов, своевременного устранения и профилактики неблагоприятных для природы последствий «дикого» туризма (замусоренность, браконьерство, несанкционированная рубка леса). Проведение мероприятий охраны окружающей среды способно уменьшить обеспокоенность населения. Минимизация отрицательного социального воздействия предполагает развитие таких форм туристско-рекреационной деятельности, которые не требуют трансформации среды и традиционного уклада жизни местных сообществ, а, напротив, нуждаются в возрождении элементов народной культуры (промыслов, ремесел, обрядов).

Рассмотренная структурная модель представляет собой новый практический подход к оценке поддержки местным населением развития экологического туризма, поскольку она имеет гибкую форму (подразумевает варианты включения/исключения любых новых переменных), учитывает суммарное воздействие экологического туризма, позволяя при этом оценить степень влияния каждого составляющего элемента (экономического, социального, экологического, культурного воздействия экологического туризма). В структурной модели используется гибкая структура моделирования краткосрочной динамики и долгосрочных эффектов ряда переменных.

Библиографические ссылки

1. *Akis S., Peristianis N., Warner J.* Residents' attitudes to tourism development: The case of Cyprus // *Tourism Management*. 1996. Vol.17, № 7. P. 481–494.
2. *Ap J.* Residents' perceptions on tourism impacts // *Annals of Tourism Research*. 1992. Vol. 19, № 4. P. 665–690.
3. *Chen J. S.* An investigation of urban residents' loyalty to tourism // *J. of Hospitality and Tourism Research*. 2000. Vol. 24, № 1. P. 21–35.
4. *Davis D., Allen J., Consenza R. M.* Segmenting local residents by their attitudes, interests and opinions toward tourism // *J. of Travel Research*. 1988. Vol. 27, № 2. P. 2–8.
5. *Getz D.* Residents' attitudes toward tourism: A longitudinal study in Spey Valley, Scotland // *Tourism Management*. 1994. Vol. 15, № 4. P. 247–258.
6. *Jurowski C., Uysal M., Williams D. R.* A theoretical analysis of host community resident reactions to tourism // *J. of Travel Research*. 1997. Vol. 36, № 2. P. 3–11.
7. *Liu J. C., Sheldon P., Var T.* Resident perceptions of the environmental impact of tourism // *Annals of Tourism Research*. 1987. Vol. 14. P. 17–37.
8. *Liu J. C., Var T.* Residents attitudes toward tourism impacts in Hawaii // *Annals of Tourism Research*. 1986. Vol. 13. P. 193–214.
9. *Perdue R. R., Long P. T., Allen L.* Resident support for tourism development // *Annals of Tourism Research*. 1990. Vol. 17. P. 586–599.
10. *Wall G., Mathieson A.* Tourism: change, impacts and opportunities. London : Pearson Education Limited, 2006.
11. *Yoon Y, Gursoy D., Chen J. S.* Validating a tourism development theory with structural equation modeling // *Tourism Management*. 2001. Vol. 22. P. 363–372.
12. *Young C. A., Corsun D. L., Baloglu S.* A taxonomy of hosts Visiting Friends and Relatives // *Annals of Tourism Research*. 2007. Vol. 34, №2. P. 497–516.

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2014 г.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

*Кожарина Т. В., Старовойтова А. В. Общественно-политический дискурс:
возможно ли избежать коммуникативных неудач?*

АВТОРЫ

Кожарина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Старовойтова Анастасия Владимировна – студент специальности «Международные отношения» факультета международных отношений Белорусского государственного университета

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ВОЗМОЖНО ЛИ ИЗБЕЖАТЬ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ?

Т. В. Кожарина, А. В. Старовойтова

Анализируется влияние лингвистического аспекта на успешность как бизнес-переговоров, так и его влияние в сфере массмедиа. Коммуникативные неудачи рассматриваются как один из элементов общественно-политического дискурса. Устанавливаются факторы, влияющие на эффективность межкультурной коммуникации, среди которых особо выделяется феномен доверия. Предлагается конкретная схема установления партнерского доверия. Описываются возникающие при этом трудности.

The impact of linguistic aspect on success in business negotiations as well as its influence on mass-media is analyzed in the article. Communication failures are considered as one the elements of social and political discourse. Factors influencing the effectiveness of cross-cultural communication including particularly standing out phenomenon of trust are defined. The specific scheme of partner trust maintenance is proposed. Difficulties arising in this process are described.

Ключевые слова: коммуникативная неудача, общественно-политический дискурс, партнерское доверие, межкультурная коммуникация, языковые барьеры.

Keywords: communication failures, social and political discourse, trust in partnership, cross-cultural communication, linguistic barriers.

И для кого не секрет, что бизнес-среда, являющаяся одной из составляющих политической среды в целом, находится в непрерывном движении. Предприятия от мала до велика заняты освоением зарубежных рынков, что зачастую открывает колоссальные возможности для развития, несмотря на жесткую конкуренцию на международном уровне, сопряженную с определенным риском ведения бизнеса с представителями других национальностей. Деятельность крупных транснациональных корпораций постоянно находится под пристальным вниманием мировых СМИ, и любое неосторожное высказывание их представителей может стать причиной крупного международного скандала, срыва установленных ранее договоренностей и в конечном счете потери прибыли.

В качестве яркой иллюстрации вышесказанного обратимся к результатам исследования «Конкуренция без границ: как культурные и языковые барьеры влияют на ведение бизнеса», проведенного специалистами международной исследовательской группы *Economist Intelligence Unit* среди 572 руководителей компаний. Более половины опрошенных руководителей замечают, что неэффективное общение или ошибки при сотрудничестве помешали многим крупным сделкам и стали причиной финансовых потерь. Около 90 % полагают, что если повысить качество межнационального общения в их компании, то прибыль, доход и доля рынка должны увеличиться. Тем не менее почти две трети респондентов заявляют, что языковые и культурные барьеры усложняют процесс завоевания устойчивого положения на незнакомых рынках [2].

Проблеме изучения феномена коммуникативных неудач посвящены работы как зарубежных, так и российских исследователей. Так, к примеру, Н. Оцепкова в рамках своего исследования аргументативного дискурса политических дебатов рассматривала особенности и способы построения убеждающей речи в сфере политики. Убедительность аргументации Н. Оцепкова трактовала не как ис-

пользование лишь уместных и ловких риторических приемов построения речи, а как правильность, безошибочность рассуждения, соблюдение правил ведения критической дискуссии, социальных норм и конвенций. Особое внимание Н. Оцепкова уделила коммуникативным неудачам, рассмотрев их в рамках своего исследования в более узком смысле, а именно как явление интерактивного порядка в процессе диалогического общения между партнерами [5, с. 202].

Фактор доверия в бизнесе рассматривался в работах Р. Ивановой, которая выделила основные факторы, способные либо укрепить доверие, либо подорвать его, а также предложила модель построения доверия [3].

Этой же проблеме посвящены работы белорусской исследовательницы Л. Маркиной. В частности, в работе «Барьеры и трудности межкультурной коммуникации» она рассматривает основные типы барьеров и трудностей, усложняющих процесс эффективной коммуникации [4].

Д. Харрисон, известный зарубежный специалист в области менеджмента и межкультурной коммуникации, дал определение феномена доверия, выделил два его вида, а также предложил схему построения доверительных отношений между партнерами [11].

Цель настоящей статьи, таким образом, заключается в выявлении роли коммуникативных неудач в общественно-политическом дискурсе и установлении эффективных способов достижения результата в сфере бизнес-коммуникации.

Основными источниками материала послужили новостные ленты всемирно известных интернет-порталов, среди которых РИА «Новости» [6], Openpace [7], Grasshopper [10].

Общественно-политическая коммуникация, или дискурс, — это не просто разговор или публичное выступление. Это создание связи между двумя людьми или группами лиц с потенциально разным восприятием мира [9]. Обучение навыкам общения

на уровне международного этикета — одна из основных составляющих успеха и роста бизнеса. Напротив, неспособность понять и адаптироваться к иностранному типу мышления, а также некомпетентное поведение способствуют лишь неудачам.

Актуальным видится изучение способов установления доверия между партнерами. Партнерство представляет собой объединение лиц, а не капиталов. Исходя из этого человеческий фактор в партнерстве является определяющим, следовательно, можно утверждать, что ключевым фактором успешности такого объединения партнеров является их взаимное доверие. По справедливому замечанию польского социолога П. Штомпки, на работы которого в своем исследовании опирается Р. Иванова, доверие в целом выполняет положительную функцию и становится необходимым условием общественного развития в силу нарастания неуверенности людей в будущем. В качестве примера польский исследователь указывает на феномен процветания «азиатских стран», обусловленного высоким «радиусом доверия». По-видимому, называется национальный менталитет, отличительной чертой которого является честность, преклонение перед старшим поколением. В этих странах укоренилась «культура доверия» как ценностно-нормативная система. Она оказывает давление, поощряя доверять другим и требуя быть заслуживающим доверия [3].

Однако доверие — это понятие прежде всего эмоционально-психологическое, одновременно играющее важную роль в экономических взаимоотношениях. Поэтому определение Ф. Фукуямы доверия как количественной динамической характеристики взаимоотношений различных экономических субъектов, которая основана на выгоды экономических результатов взаимодействия и на уверенности в их добросовестности при выполнении своих обязательств, может служить подтверждением того, что доверие — это также и экономическая категория. В связи с этим П. Штомпки выделяет три уровня доверия: реляционный, психологический, культурный, на котором доверие рассматривается с учетом культурного контекста [8, с. 21].

Взаимное доверие является основой долгосрочных взаимовыгодных отношений. Подписывая соглашения, партнеры должны доверять друг другу. Тем не менее большинство руководителей испытывают дискомфорт, связанный с риском неблагоприятных последствий. Всякого рода отношения несут в себе риск, а в деловой сфере — особенно. Отношения между риском и доверием можно охарактеризовать как взаимодополняемые: высокий риск ставит под сомнение или снижает доверие к партнеру, и наоборот, высокий уровень доверия повышает риск, на который партнеры готовы вместе идти.

Представляется важным остановиться на этапах установления партнерского доверия, предложенных Д. Харрисоном [11]. В соответствии с его схемой процесс установления партнерского доверия подразделяется на четыре основных этапа:

1. Выравнивание целей и интересов партнеров. На этом этапе высшим руководством сторон согласуются основные цели партнерства.

2. Выяснение спорных вопросов. На данном этапе партнеры описывают возможные проблемы и риски, которые могут возникнуть в ходе сотрудничества. Здесь крайне важно, чтобы обсуждение между руководителями проходило в спокойной обстановке, а стороны владели достаточной информацией.

3. Разрешение споров и принятие решений. Определяя основные этапы нарастания и урегулирования конфликтных ситуаций, партнерское доверие возрастает благодаря совместным действиям в этой области.

4. Постоянный мониторинг взаимоотношений. В качестве последнего шага на пути построения партнерского доверия стороны должны установить график постоянных встреч. Их основной целью является взаимные пересмотр целей и ресурсов компаний, празднование совместных успехов.

Таким образом, для укрепления доверия необходимо контролировать, поддерживать и развивать отношения с бизнес-партнерами, разрабатывать новые совместные проекты, периодически пересматривать и совершенствовать структуру отношений [3].

Вместе с тем, говоря о межкультурной коммуникации, не следует забывать и о таком параметре, как эффективность. Под эффективным общением понимается ситуация, когда коммуникативное намерение говорящего осуществлено, т. е. «высказывание услышано полностью и понято адресатом, а в случае побуждения адресата к совершению действия или изменению состояния провоцируемое слушающим выполнено» [5, с. 26].

Степень успешности процесса установления доверия между партнерами напрямую зависит от эффективности их коммуникативного взаимодействия. Ведь случись между партнерами недоразумение, причиной которого стала, скажем, оговорка, перспективу подписания крупного соглашения придется отложить надолго или вовсе отказаться от дальнейшего сотрудничества.

При кажущейся простоте определения коммуникации как процесса установления связи между людьми с потенциально разным восприятием мира очевидно, что реальное общение не всегда соответствует идеальной модели. Причиной неэффективности речевого взаимодействия является коммуникативная неудача, а следствием — конфликтные ситуации. Б. Ю. Городецкий определяет коммуникативную неудачу как «сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения» [1].

В условиях межкультурного диалога, будь то бизнес-переговоры между иностранными партнерами или интервью для иностранных СМИ, коммуникативные неудачи неизбежны. Их основными причинами являются барьеры и трудности, возникающие вследствие различия культур.

Среди них стоит выделить культурные барьеры, в основе которых лежат различные правила поведения, определяемые ценностными ориентациями, убеждениями и нормами. Так, принадлежность к одной культуре облегчает процесс коммуникации, а принадлежность к разным культурам, наоборот, усложняет ее. Культурные различия в стилях комму-

никации в значительной степени осложняют процесс обмена информацией.

Социокультурные барьеры, возникающие из-за различных культурных идентичностей коммуникантов — представителей разных культур, их различных статусных и ситуативных ролей, различий в возрасте, социальной принадлежности, также имеют немалое значение.

Значительную роль играют психологические барьеры, основанные на различиях в восприятии, определяемых ожиданием того, как должен строиться процесс коммуникации; стереотипами, которыми люди руководствуются; этноцентризмом, который имеет место, когда человек рассматривает свою культуру как некий эталон; этническими предрассудками, как антипатия к той или иной нации, основывающаяся на ошибочных суждениях.

Существуют коммуникативные барьеры, связанные с особенностями самого процесса коммуникации, который предполагает одновременное кодирование и декодирование сообщений, которыми обмениваются коммуниканты, контекстуальность процесса коммуникации, символически неосознанный характер коммуникации.

Естественно, эффективной коммуникации препятствуют и языковые барьеры, связанные с различиями языковых систем — в словаре, грамматических структурах, фонетическом строе языка, в правилах построения диалога, наличии диалектов. Последнюю группу барьеров составляют барьеры невербального общения, которые связаны с различиями в выражении эмоций, в тех знаках, сигналах и символах, которые несут определенное культурой значение, в их интерпретации, в том, как осуществляется контакт собеседников в процессе общения [4, с. 22].

Последствия коммуникативных неудач могут быть самыми разнообразными: от финансовых потерь до международных скандалов. В силу того что подробности переговорного процесса между крупными промышленными и финансовыми корпорациями остаются тайной за семью печатями, примерами коммуникативных неудач могут служить таковые в сфере общественно-политического дискурса — той сферы, где любое сказанное слово либо улучшит имидж его обладателя, либо заставит и вовсе покинуть сферу массмедиа.

Серьезным международным скандалом запомнился футбольный матч в феврале 2005 г. между командами Венгрии и Саудовской Аравии, а точнее, комментариев к нему премьер-министра Венгрии Ференца Дьюрчяня. Глава правительства охарактеризовал сыгранный вничью матч следующим образом: «Наши футболисты самоотверженно сражались против команды, в которой было много террористов». Последствия: послы и консулы арабских стран собрались на экстренное совещание в Будапеште, после чего посол Саудовской Аравии покинул Венгрию и дипломатические отношения между странами прервались [7].

Кому-то неудачная шутка стоила президентского мандата. Так произошло в июле 2008 г. с сенатором Джоном Маккейном, кандидатом в президенты США от Республиканской партии. В ответ

на вопрос об увеличении объемов экспорта американских сигарет в Иран за время пребывания Д. Буша в Белом доме сенатор Маккейн ответил: «Может быть, это способ убить их?» Последствия: Иран осудил высказывание Маккейна и заявил, что оно свидетельствует о политике «разжигания войны» [7]. Маккейн пояснил, что его реплика была не более чем шуткой. Но выборы республиканец проиграл.

Всего одна фраза, сказанная главой «Бритиш Петролеум» (British Petroleum, BP) Тони Хайвордом, стоила ему 30-летней карьеры в одной из крупнейших в мире нефтегазовых компаний. 22 апреля 2010 г. управляемая «Бритиш Петролеум» платформа Deepwater Horizon затонула у побережья штата Луизиана после 36-часового пожара. Следом началась утечка нефти. В результате аварии погибли 11 человек [6]. Впоследствии в интервью Т. Хайворд заявил, что хотел бы вернуть себе свою спокойную жизнь [10]. Эта ошибка, явившаяся свидетельством вопиющего неуважения к погибшим на платформе, стала поводом для отставки Тони Хайворда. В США заявление главы «Бритиш Петролеум» восприняли с непробиваемым скептицизмом. Так, сенатор-республиканец Эдвард Джей Марки заявил: «Хейворду стоит меньше думать о собственной защите, а больше — о том, что BP (Бритиш Петролеум) может сделать для того, чтобы прекратить мучения отдельных семей и малого бизнеса на побережье» [10].

На основании приведенных выше примеров можно заключить, что общественно-политический дискурс, особенно в рамках межкультурного диалога, — это сложная многогранная система, в которой лингвистический аспект, без сомнений, занимает доминирующую позицию. Особенно важной характеристикой межкультурной коммуникации является ее эффективность. А одним из залогов эффективного общения является знание собеседниками основных барьеров и трудностей, способных привести к противоположному результату, а также умение эти трудности преодолевать. Очевидно, что в условиях современной бизнес-среды доверительные отношения становятся важной предпосылкой долгосрочных деловых связей, и не последнюю роль в этом процессе играет лингвистический компонент. Ведь процесс установления доверия — это прежде всего процесс коммуникации. Однако не всегда этот процесс успешен. Зачастую в силу социокультурных, психологических, языковых барьеров эффективность коммуникативного процесса либо находится под угрозой, либо вовсе перестает быть актуальной. В последнем случае речь идет о коммуникативной неудаче как о результате неэффективного общения. Безусловно, различного рода коммуникативные неудачи отнюдь не повышают уровень доверия партнеров друг к другу, а лишь способствуют повышению риска возникновения неблагоприятных последствий их взаимодействия.

Таким образом, утвердительно отвечая на вопрос, поставленный в названии настоящей статьи, подчеркнем, что коммуникативных неудач можно избежать только при условии принятия во внимание вышеперечисленных факторов.

Библиографические ссылки

1. Виды коммуникативных неудач в ситуациях межкультурного общения [Электронный ресурс] // Библиотека РГУ имени С. А. Есенина. URL: <<http://library.rsu.edu.ru/archives/7003>> (дата обращения: 17.02.2014).
2. *Динар Шон*. Влияние культурных различий на ведение бизнеса [Электронный ресурс] // Междунар. деловой журн. «Image.ua». URL: <<http://image.ua/vlyanye-kul-turny-h-razlychyj-na-veden>> (дата обращения: 18.02.2014).
3. *Иванова Р.* Доверие как ключевой фактор партнерства в бизнесе [Электронный ресурс] // Проблемы экономики. 2010. № 1 (Научная электронная библиотека «Киберленинка»). URL: <<http://cyberleninka.ru/article/n/doverie-kak-klyuchevoy-faktor-partnerstva-v-biznese#ixzz2vm4tdWEB>> (дата обращения: 11.03.2014).
4. *Маркина Л. В.* Барьеры и трудности межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 89-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2010 г. / редкол. : В. Г. Шадурский [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2010. С. 22–23.
5. *Оценкова Н.* Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагматический анализ убедительности рассуждения [Электронный ресурс] // Библиотека амурского гос. ун-та. URL: <<http://irbis.amursu.ru/DigitalLibrary/EBD/10.02.00/031083027.pdf>> (дата обращения: 18.02.2014).
6. Разлив нефти в Мексиканском заливе 22 апреля 2010 г. Справка [Электронный ресурс] // Сетевое издание РИА «Новости». URL: <<http://ria.ru/documents/20110422/366498565.html#ixzz2v55j4L6w>> (дата обращения: 03.03.2014).
7. Топ-10 неудачных шуток политиков [Электронный ресурс] // Общественно-политический портал Openspace. URL: <<http://www.openspace.ru/article/594>> (дата обращения: 18.02.2014).
8. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ ; Ермак, 2014.
9. *Bradley J.* Communication Failure in Business [Electronic resource] // Huston Chronical. URL: <<http://smallbusiness.chron.com/communication-failure-business-76650.html>> (date of access: 18.02.2014).
10. Eight Epic Failures of Communication [Electronic resource] // Grasshopper.blog. URL: <<http://grasshopper.com/blog/8-epic-failures-of-communication/>> (date of access: 03.03.2014).
11. *Harrison J.* Building Trust in Business Partnerships [Electronic resource] // Internet Portal Agree. URL: <<http://www.agreeinc.com/articles/QueensIRCeNewsarticleonTrust-Dec2012.html>> (date of access: 12.03.2014).

Статья поступила в редакцию 28 июня 2014 г.

Научное издание

**ТРУДЫ ФАКУЛЬТЕТА
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Научный сборник

Выпуск V

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Т. М. Турчиняк*

Дизайн обложки *С. Н. Егоровой*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Компьютерная верстка *Н. И. Бондарчик*

Корректоры *Е. И. Бондаренко, Е. В. Гордейко*

Подписано в печать 30.12.2014. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 19,1. Тираж 100 экз. Заказ 46.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Памятка автору

«Труды факультета международных отношений» — ежегодное научное издание.

Автор, желающий опубликовать статью в сборнике, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы или библиографического списка) (формат страницы — А4, шрифт — 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации.

Каждую статью следует предварять аннотациями на русском и английском языках, ключевыми словами на русском и английском языках.

Автор представляет выписку из протокола заседания кафедры или совета научного подразделения с рекомендацией статьи к печати; авторскую карточку (полные ФИО на русском и английском языках, научная степень, звание, место работы, должность, контактные телефоны).

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за представление в Труды ранее уже опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в Трудах предоставляется возможность первоочередного опубликования лицам, осуществляющим послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В Трудах не взимается оплата за опубликование научных статей.